

3

ШКОЛЬ

ДИПЛОМАЛЬНИЙ БУК

Б.
К.О.
1111

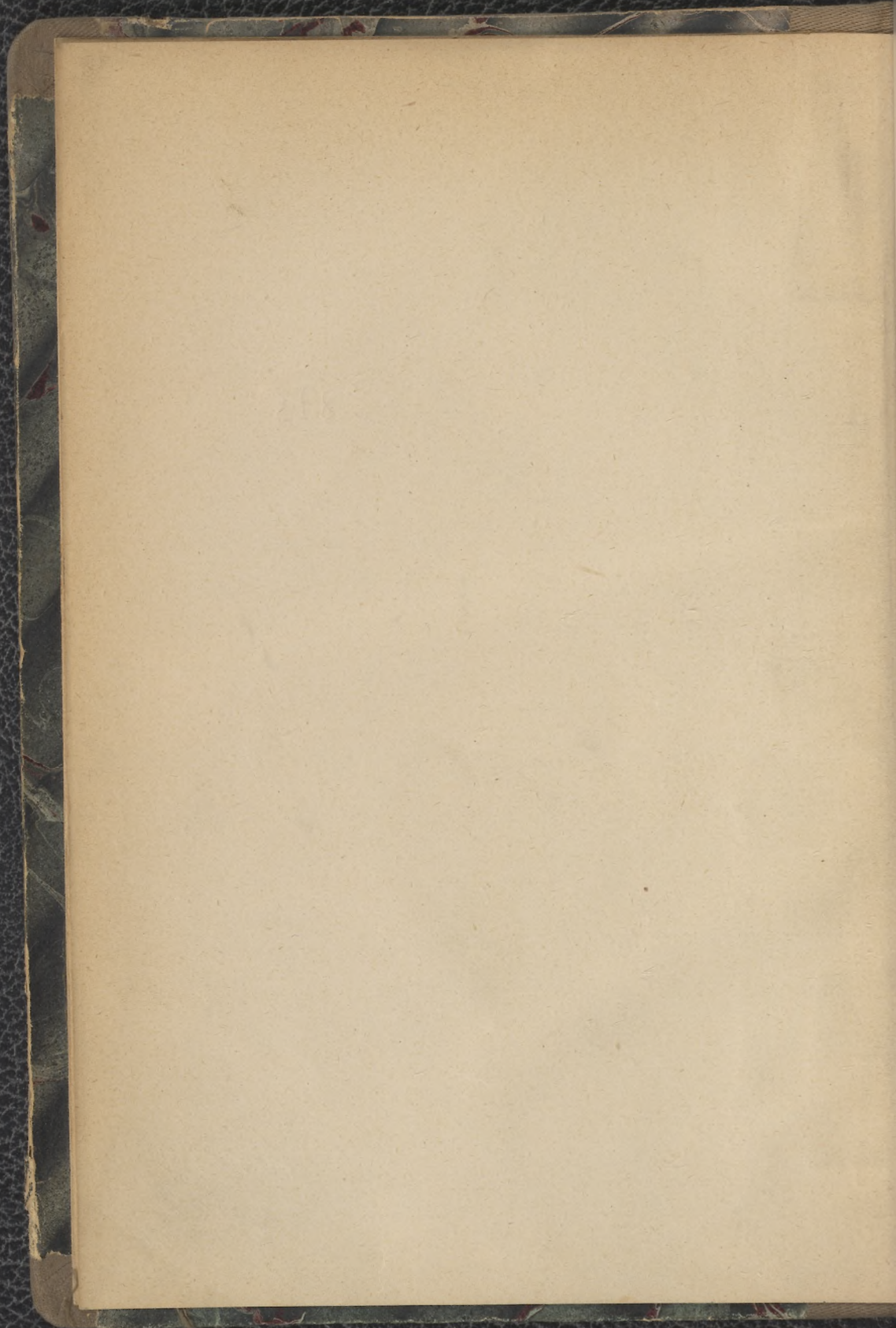
БИБЛИОТЕКА № 423
Русскаго
КОММЕРЧЕС. ОБЩЕСТВА
въ Варшавѣ.

Июль 21 д. 1910 г.

Цѣна р. к.

Корешок 25

31875

С Hruscowa Sokolnikow
Г. А. Хрущовъ-Сокольниковъ.

Gavriil Alexandrowitch

ГРЮНВАЛЬДСКІЙ БОЙ

ИЛИ

СЛАВЯНЕ И НѢМЦЫ.

Историческій романъ-хроника.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Типо-литографія
СПБ Невскій

Т-ва „СВѢТЬ“
просп., д 186.

1910.

Т. Н. Хрущев-Соколовский

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

М. М.

СЛАВЯНСКИЙ ИЛИ

II. 91.106

Исторический роман-хроника

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Издательство

Е. К. Минин

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПРИТЪСНИТЕЛИ.

I.

Курбанъ-Байрамъ.

РЕДИ расчищенной, огромной, лѣсной поляны, окаймленной со всѣхъ сторонъ крутыми обрывистыми холмами, поросшими вѣковымъ лѣсомъ, стояло нѣчто похожее и на бѣдную литовскую деревушку, и на кочевой улусъ, словно волшебствомъ перенесенный сюда, съ низовьевъ Волги, прямо изъ Золотой Орды.

Среди бревенчатыхъ и плетневыхъ построекъ, крытыхъ лубкомъ или соломой, видѣлялись характерныя круглыя войлочные юрты, съ куполообразными крышами, и большія красныя переносныя палатки, привязанныя къ рядамъ кольевъ. Немного поодаль, ближе къ темному бору, стояло рядомъ до 20 юртъ изъ лучшаго бѣлаго войлока; многія изъ нихъ были изукрашены шитьемъ и цвѣтными вставками, а передъ самой большой изъ нихъ, сплошь покрытой черно-красной вышивкой, торчало врытое въ землю зеленое знамя, увѣчанное полумѣсяцемъ, и предъ входомъ стояли два смуглыхъ, высокихъ татарина, въ парадныхъ кафтанахъ, съ большими кривыми саблями на-голо.

Очевидно, это была ставка какого-нибудь высокопоставленнаго лица.

Почти насупротивъ группы юртъ, виднѣлась рубленая изъ толстыхъ сосновыхъ бревень, довольно большая горница съ

узкими окнами, съ высоко поднятой лубковой крышей и высокимъ минаретомъ, поднятымъ гораздо выше крыши зданія.

Крыша минарета вѣнчалась длиннымъ шпирцемъ, на которомъ видѣлось грубо сдѣланное изображеніе пѣтуха.

Быль еще очень ранній часъ утра, востокъ чуть алѣлъ, но всѣ обитатели этого поселка были уже на ногахъ, и съ нетерпѣніемъ поглядывали то на небо, то на минаретъ, откуда должно было раздаться пѣніе муэдзина, призывающаго къ молитвѣ.

Сегодняшняя ночь была самой знаменательной въ году: вмѣстѣ съ нею кончался сорокодневный ежегодный постъ «Ураза» и начинался торжественный праздникъ Курбань-Байрама, такъ задушевно празднуемый всѣми правобѣрными.

Прежде чѣмъ продолжать рассказъ, мы должны указать время и мѣсто дѣйствія. Это происходило лѣта отъ Рождества Христова въ 1409, а мѣстомъ дѣйствія былъ нынѣшній Трокскій уѣздъ, Виленской губерніи.

Уже при славномъ Ольгердѣ, сынѣ Гедемина, татары выселились въ Литву цѣлыми родами и были обласканы великимъ княземъ, но это переселеніе приняло гораздо большее развитіе при теперешнемъ властителѣ Литвы, знаменитомъ Витольдѣ Кейстутовичѣ, давшемъ въ Литвѣ пріютъ татарскому царю Тохтамышу, съ его народомъ, бѣжавшему изъ Золотой Орды отъ преслѣдованія Эдигея,—побѣдителя при Ворсклѣ.

Витольдъ Кейстутовичъ видѣлъ въ татарахъ вѣрныхъ слугъ, добрыхъ воиновъ, безпрекословно поднимавшихся на войну, по первому слову вождей,—а воины ему были такъ нужны! Безконечныя войны съ братомъ Скиригайллою, двоюроднымъ братомъ Ягайллою, теперь королемъ польскимъ, а въ особенности съ страшнымъ тевтонскимъ орденомъ меченосцевъ, совсѣмъ обезлюдили его страну—татары были желанными гостями въ Литвѣ.

Мѣстечко или вѣрнѣе поселокъ, который мы описывали, назывался Акъ-Ташъ и былъ данъ въ удѣлъ Витольдомъ одному изъ предводителей татаръ, Джелядинъ-Туганъ мирзѣ, почти 80-ти лѣтнему слѣпцу, приведшему цѣлое племя.

Самъ великій князь Витольдъ очень полюбилъ стараго слѣпца за его открытый, прямой характеръ и за острый, умудренный долгою опытностью разумъ. Сколько разъ, бывало, проѣзжая въ свои родныя Троки, онъ заѣзжалъ поговорить съ разумнымъ старцемъ, часто бесѣда ихъ затягивалась на долгіе часы, и оба не видали какъ летитъ время.

Придворные и приближенные къ князю тоже старались выказывать старому татарину свое уваженіе и нерѣдко заѣзжали къ нему въ становище. Но старый мудрецъ рѣдко кого удостоивалъ пріемомъ—болѣзнь была лучшей отговоркой, чтобы отдѣлаться отъ навязчивыхъ, а когда подросъ его сынъ, Туганъ-мирза, писанный портретъ матери, кровной ногой, онъ предоставилъ ему заниматься пріемами, а самъ всѣмъ существомъ погрузился въ созерцаніе невидимаго и недоступнаго, цѣлыми днями перебиралъ четки и чуть слышно шепталъ великое имя Аллаха!

На это утро ему, однако, предстояло выйти из своей неподвижности и первому подать сигнал ликования по поводу великаго праздника.

Уже съ вечера великій муэдзинъ, испросивъ разрѣшеніе, явился къ нему, чтобы условиться о церемоніалѣ торжества, и старый Джелядинъ-мирза выказалъ особую настойчивость, чтобы всѣ обряды, предписанные кораномъ, были исполнены въ точности.

— Помни, хаджи Мустафа,—говорилъ онъ строго муэдзину:—мы здѣсь заброшены среди чужихъ людей, словно песчаный островъ среди моря. Если мы не укрѣпимъ береговъ—море размоетъ песокъ и островъ исчезнетъ... Только упорнымъ соблюденіемъ всѣхъ правилъ нашей вѣры мы останемся тѣми, чѣмъ мы были и есть—правовѣрными... Погляди, что творится кругомъ. Поклонники Исы, великаго пророка, раздѣлились на секты, одна проклинаетъ другую, считаетъ другую еретичной... А Господь, да будетъ свято Его имя и Магомета пророка его! все одинъ и предвѣчный... Помни, Мустафа, не упусти ни одной точки закона, блюди за его исполненіемъ и, если найдешь нерадивцевъ, или отступниковъ,—дONESИ мнѣ, я не пощажу и роднаго сына.

Мустафа упалъ на колѣни передъ старикомъ.

— Великъ Аллахъ въ небѣ и святъ пророкъ его, но на землѣ нѣтъ мудрѣе тебя, о солнце истины! ты подобно дождю въ пустынѣ освѣжилъ мое сердце... Хвала разуму твоему!.. Клянусь тебѣ прахомъ отца великаго пророка, какъ заповѣдь «святой книги» исполнить приказаніе твое, и горе отступникамъ!!

— Надѣюсь ихъ пока еще нѣтъ?—съ нѣкоторымъ опасеніемъ спросилъ старикъ.

— Явныхъ пока еще нѣтъ... Но боюсь, красота здѣшнихъ блѣднолицыхъ женщинъ можетъ совратить съ пути всѣхъ пылкихъ молодыхъ людей... Латинскіе ксендзы не хотятъ допускать браковъ безъ крещенія, а примѣръ заразителенъ!

— Да, объ этомъ надо подумать... Великій князь далъ мнѣ знать, что будетъ у меня проѣздомъ на-дняхъ, я поговорю съ нимъ... Онъ самъ не очень любитъ этихъ латинскихъ ксендзовъ... да говорятъ ему ихъ насильно поляки навязали...

— Больше того еще, говорятъ, свѣтъ мудрости, говорятъ, что въ тайнѣ-то великій князь старымъ истуканамъ Перкунасу и другимъ молится.

Старый слѣпецъ улыбнулся.

— Не всякому слуху вѣрь, хаджи Мустафа... и помни одно, что того, что дѣлаетъ князь, простымъ людямъ ни понять, ни судить нельзя... Понялъ ты?

Муэдзинъ опять ударилъ челомъ.

— О, не суди по себѣ, солнце истины, я темный рабъ, горсть грязи, какъ мнѣ безъ твоего разъясненія понять великую тайну... Блесни въ мозгу моемъ звѣздой—и пойму...

— Такъ слушай-же, Мустафа... Великій владыка Витольдъ

прежде всего великій свѣточъ ума, да ниспошлетъ ему Аллахъ долгую жизнь! Народовъ подвластныхъ ему четыре—и всѣ разной вѣры. Литовцы и русскіе—греческой, поляки—латинской, жмудь—языческой, и мы татары—правовѣрные.. Пойми ты, не трудно управить народомъ, у котораго языкъ и вѣра одна, но царствовать надъ страню, гдѣ четыре вѣры и пять языковъ, царствовать такъ, какъ онъ, не возвышая никого, не унижая никого, царствовать такъ, чтобы каждый подданный считалъ за счастье умереть за него... это высшее блаженство, которое можетъ дать Аллахъ своимъ избраннымъ на землѣ!

Отвлеченный разговоръ кончился. Старикъ отдалъ послѣднія распоряженія относительно завтрашняго церемоніала и отпустилъ муэдзина.

Никто не спалъ эту ночь въ становищѣ, всѣ готовились къ празднику и ждали только сигнала съ минарета о томъ, что солнце показалось изъ-за горизонта, чтобы начать празднество.

— Алла! или Алла! Алла экберъ!—понеслась съ минарета гнущивая пѣснь муэдзина и весь станъ пришелъ въ движеніе.

Старики, въ новыхъ чистыхъ халатахъ и красныхъ туфляхъ, дружно двинулись къ мечети. Молодежь бросилась рѣзать приготовленныхъ барановъ и кропить ихъ кровью двери своего дома или занавѣси юрты, женщины хлопотали надъ очагами, всюду по долинѣ повились струйки бѣловатаго дыма...

Но вотъ первая молитва въ мечети кончилась и одинъ изъ тѣлохранителей нѣсколько разъ ударилъ въ литавры, стоявшіе у входа въ юрту Джеладивъ Туганъ мирзы.

Тогда на порогѣ юрты, ведомый подъ руки двумя сѣдовласыми стариками, показался самъ властитель. На немъ былъ длинный, зеленый шелковый халатъ, обшитый по борту въ три раза широкими золотыми галунами. Короткая кривая шапка висѣла у пояса, большая чалма изъ бѣлой индійской матеріи укутывала его голову.

Остановившись на порогѣ, старикъ поднялъ руки къверху и громко произнесъ:

— Нѣтъ Бога кромѣ Бога, и Магомета пророка его!

— Аминь!—подхватили духовныя лица, бывшія въ свитѣ и вся процессія двинулась въ мечеть.

Молитва продолжалась недолго; вся группа, окружавшихъ старика-мирзу, снова показалась въ дверяхъ мечети. Старшина поселка, высокій, почтеннаго вида татаринъ, приблизился тогда къ старому слѣпцу и съ низкимъ поклономъ вручилъ ему ножъ, а его прислужники подвели молодого жирнаго барана. По обычаю татаръ, самъ мирза долженъ былъ зарѣзать этого барана и раздавать его части высшимъ гражданамъ улуса.

— Великъ Господь!.. миръ тебѣ Юсупъ!—сказалъ въ отвѣтъ на привѣтствіе Туганъ-мирза:—вотъ уже десять лѣтъ, какъ великій Аллахъ не допускаетъ меня совершить святой обрядъ... но на этотъ разъ я счастливъ, мой сынъ Туганъ-мирза достигъ со-

вершеннолѣтія, и я, съ благословенія Аллаха, вручаю ему ножъ и говорю: сынъ мой, иди и принеси жертву!

При этихъ словахъ окружающіе разступились и молодой мирза Туганъ вышелъ впередъ, низко поклонился отцу, принялъ изъ его рукъ жертвенный ножъ и, сопровождаемый свитой, направился къ барану, котораго держали слуги.

Быстро, привычной рукою, зарѣзаль онъ животное, свита бросилась сдирать шкуру съ трепещущаго еще барана, и черезъ нѣсколько минутъ, изрѣзанный на части, онъ былъ розданъ старѣйшинамъ поселковъ, ожидавшихъ съ нетерпѣніемъ и какимъ-то священнымъ трепетомъ своихъ долей.

Только съ этой минуты праздникъ считался официально открытымъ и сорокадневный постъ оконченнымъ.

Старый мирза Джелидинъ сидѣлъ на высокихъ подушкахъ у входа въ свою юрту и принималъ поздравленія отъ своихъ подданныхъ. Старъ и младъ толпились теперь на площадкѣ между мечетью и его юртами. Готовилось необыкновенное зрѣлище: большая байга или джигитовка, слухъ о которой распространился далеко за предѣлы татарскихъ поселковъ.

На это рѣдкое и почти невиданное въ Литвѣ зрѣлище изъ окрестности съѣхалось не мало литовскихъ и польскихъ шляхтичей и клоновъ. Но они, по возможности, старались держаться подалеже отъ некрещеныхъ, „поганных“ татаръ и расположились цѣлымъ становищемъ вдоль всей опушки лѣса, которымъ была покрыта вершина господствующаго надъ долиной холма. Пунктъ былъ выбранъ отлично: ни одно движеніе татарскихъ удалцовъ не могло укрыться отъ взоровъ наблюдавшихъ, оставшихся въ свою очередь почти невидимыми.

Но татарскіе острые глаза давно уже разсмотрѣли непрошенныхъ свидѣтелей. О нихъ донесли молодому Туганъ-мирзѣ.

— А, пусть ихъ смотрять, да завидуютъ! Клянусь Аллахомъ, во всей Польшѣ и Литвѣ не найти и десятка такихъ джигитовъ, которыхъ у насъ въ Акъ-Ташѣ три сотни... а ужъ коней ни одного! Пусть смотрять да завидуютъ!...

II

Турниръ.

Въ группѣ польскихъ шляхтичей, пріѣзжавшихъ посмотреть на джигитовку, особенно выдѣлялся красивый молодой человекъ, съ длинными бѣлокурыми усами и слегка задернутымъ носомъ. Это былъ господарь, властный панъ, ближайшаго къ мѣсту татарскаго поселка, фольварка Замбржинова, Юсифъ Сѣдлецкій, герба Ястжембца, получившій этотъ хуторъ по наслѣдству отъ матери, кровной литвинки, вышедшей замужъ еще при Скоригеллѣ, за

одного изъ офицеровъ его отборной польской дружины, пана Мечеслава Сѣдлецкаго.

Молодой панъ Іосифъ переселился въ Литву, но считалъ себя здѣсь не болѣе какъ гостемъ, всѣ мысли и желанія его вертѣлись только на одномъ—на уютномъ уголкѣ гдѣ—нибудь въ малой Польшѣ, поближе къ Кракову. Здѣсь, среди сумрачнаго, суроваго народа, среди мстительныхъ и несговорчивыхъ литвиновъ, или необщительныхъ съ чужаками русскихъ, онъ считалъ себя словно въ непріятельской землѣ и давно бы продалъ и фольваркъ, и домашній скарбъ, и рощу заповѣдныхъ дубовъ, если бы... Если бы не Зося, дочь одного изъ его сосѣдей, родовитаго шляхтича Здислава Бѣльскаго, герба Козерога, владѣльца большого фольварка Отрѣшно, переселившагося въ Литву изъ разграбленныхъ меченосцами земель Новой Мархіи, и сугубо вознагражденнаго Витольдомъ Кейстutowичемъ. Великій князь Литвы глубоко уважалъ этого родовитаго шляхтича, храбрость, неустрашимость и самообладаніе котораго много разъ могъ самъ опѣнить и въ несчастномъ боѣ подъ Ворсклой, и въ великой побѣдѣ подъ Стравой.

Подъ Ворсклой, Бѣльскій не задумался предложить бѣгущему Витольду своего свѣжаго коня... и самъ спасся какимъ то чудомъ отъ преслѣдованія татаръ Эдигея...

Бѣльскій послѣ войны, по врожденной гордости, старался не попадаться на глаза Витольду, а тѣмъ болѣе напоминать объ услугѣ, но тѣмъ то и былъ великъ этотъ могучій сынъ героя Кейстута, что онъ никогда не забывалъ услуги—и очень часто забывалъ про козни враговъ... и прощаль имъ!

Здиславъ Бѣльскій, ограбленный нѣмецкими рыцарями, путемъ безчестнаго подложнаго документа отъ имени братьевъ Креста*), забравшими въ свою власть земли „Новой Мархіи“, не зналъ куда ему дѣваться... Онъ просилъ защиты у короны польской, ему даже не отвѣтили, такъ боялись разрыва съ Тевтонскимъ орденомъ. Въ Краковъ, ко двору, онъ возвращаться не хотѣлъ, такъ какъ былъ однимъ изъ противниковъ союза Ядвиги съ Ягайлой, къ князьямъ Мазовецкимъ Янышу и Монтвиду, послѣднимъ потомкамъ Пяста, успѣвшимъ сохранить въ своихъ областяхъ призрачный видъ самостоятельности, не лежало сердце, и тутъ-то письмо самого Витольда, звавшаго его въ свои предѣлы, въ свою обновляемую, оживляемую, дорогую Литву, рѣшило его участь.

„Пріѣзжай къ намъ въ Литву, собрать по оружію,—писалъ сынъ Кейстута,—поживи съ нами и ты самъ полюбишь нашъ край какъ родину“.

Призывъ товарища по оружію рѣшилъ дѣло. Съ двумя

*) Извѣстно, что Тевтонскіе рыцари неоднократно прибѣгали къ фальшивымъ документамъ, чтобы оттягать облюбованныя земли. Суды были въ ихъ рукахъ.

сыновьями Яномъ и Степаномъ и малолѣтней дочерью Зосею (Софьею) тронулся въ путь родовитый панъ. Покидая на жертву нѣмцамъ свой старинный прадѣдовскій замокъ, онъ на порогъ отрясъ прахъ отъ своихъ сапоговъ и поклялся великой клятвой:

— Боже всемогущій!—воскликнулъ онъ:—клянусь, до тѣхъ поръ не переступить порога этого замка, пока порогъ этотъ не будетъ омытъ кровью двѣнадцати рыцарей въ бѣлыхъ плащахъ... а трупы ихъ не брошены въ подземелья замка. Аминь!

Такая рѣчь показалаь до того забавной нѣмецкимъ князьямъ и чиновникамъ ордена, слѣдившимъ за выселеніемъ непокорнаго шляхтича, что громкій смѣхъ прокатился по ихъ толпѣ, и всѣ они, словно сговорившись, крикнули—Аминь!

Сверкнувъ глазами въ сторону злодѣевъ, лишившихъ его дѣдовскаго крова, вышелъ Бѣльскій съ дѣтьми изъ ограды замка. Жену его, больную и слабую женщину, несли на рукахъ. Прислуга, хлопы, забитые крестьяне, все рыдало вокругъ. Какъ ни тяжело было жить подъ гнетомъ панской власти въ Польшѣ, она была раемъ въ сравненіи съ подневольной жизнью хлоповъ въ рукахъ у рыцарей...

Не оглядываясь, сѣлъ старый воинъ на коня, сыновья послѣдовали его примѣру, и только старая пани съ молоденькой дочкой помѣстилась въ громадной, запряженной шестеркой колымагѣ.

Бѣльскій даже и не ждалъ такого приѣма, который готовилъ ему Витольдъ. Фольваркъ Отрѣшно, пожалованный ему изъ великокняжескихъ земель въ вотчину, щедро вознаграждалъ его за всѣ утраты, и родовитый панъ скоро, какъ и предсказывалъ великій князь, сжился со своимъ новымъ отечествомъ и полюбилъ его.

Воинъ въ душѣ, онъ плохо понималъ политику и считалъ образцомъ правителя князя Витольда. Уваженіе къ этому великому наслѣднику Гедимина переходило у него въ обожаніе!.. Онъ не былъ фантикомъ въ дѣлѣ религіи и его особенно умиляла та равноправность, которая царствовала въ Литвѣ для представителей всѣхъ религій!.. Литвинъ-язычникъ, католикъ, православный и мусульманинъ равны были передъ лицомъ великаго князя!.. Только знатность рода, да личная доблесть имѣли цѣну въ глазахъ героя вождя!.. Онъ зналъ по опыту, что сынъ, внукъ и правнукъ героев—не можетъ быть трусомъ и высоко цѣнилъ семейныя традиціи и родовыя преданія своихъ сподвижниковъ. Богатый и знатный, осыпанный милостями великаго князя, панъ Бѣльскій жилъ себѣ царькомъ въ своихъ владѣніяхъ и давно уже подумывалъ о подходящемъ женихѣ для своей Зоси, которой шелъ семнадцатый годъ.

Въ числѣ другихъ гостей-шляхтичей и молодому Замбриновскому пану Іосифу Сѣдлецкому подчасъ приходилось, на балахъ у ясновельможнаго пана, танцовать мазурку съ паней Зосей или вести ее къ ужину, но чтобы у отца ея когда бы то ни

было мелькнула мысль счесть этого мелкопомѣстнаго шляхтича за возможнаго жениха своей дочери—о, нѣтъ, и нѣтъ... Панъ Бѣльскій слишкомъ гордился своими предками! Вотъ уже три вѣка, Бѣльскіе наполняли хроники войнъ своими геройскими подвигами—могъ ли онъ допустить, чтобы какой-то Сѣдлецкій смѣлъ поднять глаза на его дочь.

Но любовь не справляется съ генеологическими и герольдическими таблицами, короче сказать, Зосѣ, въ свою очередь, очень нравился молодой красивый шляхтичъ, уже цѣлый годъ безнадежно, при каждой встрѣчѣ, шептавшій ей всюду ту-же вѣчно юную сказку любви!..

Старый Бѣльскій не подозрѣвалъ ничего. Оба сына его давно уже были въ ближней свитѣ великаго князя и только изрѣдка наѣзжали къ отцу. Старшій Степанъ командовалъ первой ротой головного знамени, а Янъ отрядомъ псковскихъ лучниковъ, лучшихъ стрѣлковъ того времени.

За нѣсколько дней до татарскаго праздника, панъ Сѣдлецкій, узнавъ, что въ поселкѣ Акъ-Ташъ у стараго Джелядина Туганъ мирзы готовится большая джигитовка, поспѣшилъ къ Бѣльскому, предлагая проводить и его и его семейство на мѣсто, откуда превосходно будетъ видно невиданное еще въ Литвѣ празднваніе.

Старый Бѣльскій было заупрямился, но дочь сумѣла изменить его рѣшеніе, и рано утромъ дня татарскаго праздника, тяжелый рыдванъ, въ которомъ помѣщалась красавица Зося съ подругами—шляхтянками, няньками и мамками, подъ эскортомъ десяти человекъ вершниковъ, остановился у самой просѣки лѣса, какъ разъ противъ татарскаго поселка.

Старый Бѣльскій пріѣхалъ верхомъ. Лихой аргмакъ такъ и вился подъ нимъ, кусая удила и копая землю копытомъ. Панъ Сѣдлецкій, тоже верхомъ на прекрасной караковой лошади, помѣстился нѣсколько позади, отчасти изъ уваженія къ старому пану, а отчасти, чтобы имѣть возможность перекинуться взглядомъ со своей возлюбленной.

Татары словно ожидали прибытія такихъ ясновельможныхъ зрителей, и въ ту же секунду, какъ поѣздъ остановился на горѣ, началась джигитовка.

Сначала удалцы татары, одѣтые въ одинаковый костюмъ, скакали цѣлыми рядами, съ пиками на перевѣсь, то разсыпаясь вѣеромъ, во всю ширину полянки, то по одному слову предводителя слетаясь для удара въ одну точку.

— Тысяча копій!—ворчалъ себѣ подъ носъ старый Бѣльскій:— вотъ такъ маневръ... Теперь я понимаю, почему они насъ поколотили подъ Ворсклой! Всѣ врознь, одна минута—налетѣли какъ молнія... Досконально! Досконально!..—Твердилъ онъ, видя какъ тотъ же маневръ, но повторенный удвоеннымъ и утроеннымъ числомъ людей, производился съ тѣмъ же успѣхомъ... Надо сказать объ этомъ новомъ стрѣ старому Витовту... Пусть-ка онъ самъ посмотритъ...

Маневры массаами кончились; на средину площадки вылетѣли вѣскольکو человекъ джигитовъ и державшій козленка понесся во всю прыть мимо ставки мирзы Тугана.

Остальные бросились его преслѣдовать и началась бѣшенная скачка, на небольшой, относительно, площадкѣ, оцѣпленной зрителями. Много удалства и ловкости выказалъ джигитъ, уносившій козленка, отбиваясь отъ пятерыхъ противниковъ; онъ то падалъ съ сѣдла почти на землю, то снова взбирался на лошадь, но все-таки козленокъ былъ отбитъ, и снова началось преслѣдованіе новаго владѣльца.

Эта чисто татарская забава не понравилась старому воину. Онъ хмурился и бормоталъ себѣ подъ носъ.

— Глупство!.. Глупство!..

Но вотъ изъ-за шатровъ мирзы Джеядина выѣхалъ всадникъ въ полномъ рыцарскомъ вооруженіи меченосца. Недоставало только большаго бѣлаго плаща съ вышитымъ на немъ чернымъ крестомъ, зато все вооруженіе было безусловно подлинное рыцарское. Огромный шлемъ, украшенный павлиньими перьями, тяжелый длинный мечъ безъ ноженъ у сѣдла, огромное копье, и вороненные доспѣхи съ золотыми девизами на обѣихъ сторонахъ панцыря, доказывали, что это рыцарское вооруженіе одно изъ тѣхъ, которое было отбито татарами, при огромномъ пораженіи на Ворсклѣ, гдѣ среди поляковъ и литвиновъ, легло болѣе 10 рыцарей, присланныхъ орденомъ на помощь противъ невѣрныхъ.

Рыцарь выѣхалъ на средину площади, поднялъ забрало и затрубилъ въ рогъ, словно вызывая соперника на бой.

— Какъ, и у татаръ, тоже турниры устраиваются?—засмѣялся себѣ въ усъ старый Бѣльскій:—не ожидалъ!

Рыцарь протрубилъ три раза и потомъ поднявъ копье къ верху, какъ и слѣдовало по правиламъ рыцарства.

Нѣскольکو минутъ никто не рѣшался, казалось, принять вызовъ закованнаго въ латы великана; вдругъ отъ юрты мирзы, на небольшой лошади, словно мячъ, вылетѣлъ молодой татаринъ, почти мальчикъ, и во всю прыть поскакалъ къ рыцарю.

— Охъ! Матка Божска!.. смотри, Зося, каковъ удалецъ!—крикнулъ Бѣльскій дочери, которая за спиной отца меньше занималась зрѣлищемъ джигитовки, чѣмъ нѣмымъ разговоромъ съ паномъ Сѣдлецкимъ.

— Смотри, папа, смотри!.. Сдается мнѣ, что силы неравны!.. Смотри, смотри, какъ онъ ловко увернулся отъ удара копьемъ, словно кошка! Смотри, смотри...

Дѣйствительно, молодой татарченокъ, налетѣвъ съ размаха на рыцаря, вдругъ въ пяти шагахъ передъ нимъ осадилъ лошадь на мѣстѣ и бросился въ сторону; рыцарь промахнулся копьемъ и чуть удержался на сѣдлѣ, но справился и полетѣлъ преслѣдовать врага.

Лошадь его, хотя превосходная и сильная, но закованная сама въ латы, да еще подъ такимъ же желѣзнымъ всадникомъ, разу-

мѣется, не могла быть такъ легка и поворотлива, какъ легкая лошадка татарченка, который снова налетѣлъ на рыцаря и вновь повторилъ тотъ же маневръ; рыцарь опять промахнулся. Татарченокъ же, въ свою очередь, ловко поднялся на стременахъ, махнулъ чѣмъ то надъ головой и съ мѣста бросился во весь карьеръ назадъ. Съ визгомъ мелькнулъ брошенный имъ арканъ и охватилъ рыцаря за плечо и руку. Латникъ хотѣлъ перерубить захлестнувшую его петлю, но было уже поздно: арканъ натянулся какъ струна, и рыцарь былъ моментально сброшенъ съ лошади, а еще черезъ секунду татарченокъ сидѣлъ уже верхомъ на поверженномъ рыцарѣ и занесъ надъ нимъ ножъ...

— Bravo! Bravo! вотъ гдѣ погибель треклятыхъ крыжаконъ!.. Молодецъ, джигитъ, молодецъ!—воскликнулъ старый Бѣльскій, совершенно переродившійся при видѣ этой примѣрной битвы. Онъ теперь ясно видѣлъ, что и противъ непобѣдимыхъ въ бояхъ рыцарей есть оружіе—арканъ, оружіе забытое, презрѣнное, но вмѣстѣ съ тѣмъ неотразимое!

Не одинъ старый панъ былъ увлеченъ исходомъ примѣрнаго боя между рыцаремъ и татаринномъ, тысячи глазъ пожирали, казалось, это зрѣлище, и едва закованный въ латы рыцарь былъ поверженъ на землю, какъ дружный, побѣдный крикъ пролетѣлъ одновременно и среди татаръ, окружавшихъ ставку своего властителя, и въ толпѣ литвиновъ, русскихъ и поляковъ, собравшихся полюбоваться на невиданное зрѣлище.

Джигитовка продолжалась. Молодые татары показали свое искусство въ стрѣльбѣ изъ луковъ, въ бросаніи дротиковъ, въ примѣрныхъ бояхъ кавалеріи съ пѣхотой, но ни одно изъ этихъ упражненій не произвело такого впечатлѣнія, какъ бой рыцаря противъ аркана.

Старый Бѣльскій, вояка прежде всего, не выдержалъ и тотчасъ послѣ окончанія джигитовки рѣшилъ, не смотря на свою шляхетскую гордость, съѣздить къ старому мирзѣ Джелядину и спросить его объ этомъ новомъ невиданномъ маневрѣ.

Сказавъ нѣсколько словъ дочери и отправивъ ее съ большею частью челяди домой, онъ обратился къ нѣсколькимъ шляхтичамъ, окружавшимъ его и предложилъ ѣхать въ гости къ татарамъ.

— А не слишкомъ ли много будетъ чести для этихъ нехристей—зазнаются,—рискнулъ возразить молодой Сѣдлецкій, которому очень хотѣлось конвоировать до замка пану Зосю и выказать свое удалство и искусство управлять конемъ.

Старый Бѣльскій чуть усмѣхнулся.

— Если панъ Юсифъ считаетъ себя родовитѣе яснаго пана Кейстутовича *), кто же ему мѣшаетъ ѣхать домой и не жаловать честию своего посѣщенія худароднаго татарина!..

Ударъ попалъ мѣтко. Сѣдлецкій ничего не возразилъ и смиренно присоединился къ группѣ шляхтичей, направлявшейся

*) т. е. Витовта.

вслѣдъ за паномъ Бѣльскимъ къ татарскому поселку. Сѣдлецкій прекрасно зналъ крутой нравъ строгаго воеводы и хорошо понималъ, что отстать отъ него теперь—значило на вѣки закрыть для себя дверь въ его замокъ.

Слуга, посланный впередъ къ шатрамъ мирзы Джелиядина, вернулся въ сопровожденіи двухъ старыхъ татаръ, въ расшитыхъ золотомъ халатахъ, что указывало на ихъ знатность.

— Рабъ Божій, мирза Джелиядинъ Туганъ бегъ, шлетъ ясному пану поклонъ и привѣтъ. Онъ ждетъ вашего посѣщенія и опечаленъ, что Аллахъ, отнявшій свѣтъ у его глазъ, мѣшаетъ ему встрѣтить дорогихъ гостей у вѣзда въ улусъ.

Проговоривъ это длинное привѣтствіе, послы низко поклонились и поѣхали впередъ, прибывшихъ шляхтичей, показывая дорогу.

На порогѣ главной юрты стоялъ молодой мирза Туганъ. Онъ былъ въ великолѣпномъ кафтанѣ изъ серебряной парчи, еще больше выдѣлявшей его смуглое лицо и узкіе черные глаза.

— Добро пожаловать—во имя Аллаха!—сказалъ онъ, складывая руки на груди и кланяясь въ поясъ:—У насъ сегодня великій день, праздникъ Байрама, онъ намъ сталъ еще радостнѣе отъ пріѣзда такихъ сіятельныхъ пановъ.

Татарченкокъ говорилъ полупольскимъ полурусскимъ языкомъ, но жестоко коверкая слова на восточный манеръ.

Старый Бѣльскій пристально взглянулъ на молодаго татарченка, онъ узналъ въ немъ побѣдителя въ бою противъ рыцаря!

Онъ обнялъ его и проговорилъ:

— Я видѣлъ твою ловкость и твое удалство... Славный сынъ знаменитаго отца... Ты настоящій джигитъ!

— Похвала великаго воеводы лучшая награда молодому воину...—вспыхнувъ отъ удовольствія, отвѣчалъ татарченкокъ:—Если бы мнѣ услышать отъ тебя то-же и въ день битвы!..

— Услышишь!—какъ-то опредѣленно-торжественно проговорилъ Бѣльскій...—Услышишь и скоро!

— Пошли Аллахъ, чтобы предсказаніе твое исполнилось, храбрый воевода!—послышался голосъ стараго, слѣпаго мирзы Джелиядина, котораго двое служителей вывели изъ ставки...—Мы татары давно горимъ желаніемъ заплатить Литвѣ и великому Витольду за хлѣбъ и землю!.. Да будетъ благословенъ приходъ твой во имя Аллаха! храбрый панъ Здиславъ!

— Развѣ ты меня знаешь?—съ удивленіемъ переспросилъ старикъ.

— Со словъ великаго князя Витольда Кейстутовича давно знаю, знаю и то, какъ ограбили тебя рыцари, знаю и клятву, что ты далъ, уходя изъ отцовскаго замка.

Бѣльскій удивлялся все больше и больше. Онъ и не предполагалъ никогда встрѣтить въ слѣпомъ татаринѣ такое знаніе, такую свѣтлую память.

Онъ не могъ отказать хозяину въ просьбѣ войти въ его ставку и принять угощеніе, между тѣмъ, какъ сынъ его дѣлалъ тоже

приглашеніе, но уже отъ своего имени, остальнымъ шляхтичамъ и повелъ ихъ въ свой шатеръ, стоявшій рядомъ.

Хитрые татары распорядились ловко. Въ ставку къ мирзѣ Джелидину былъ допущенъ только одинъ воевода Бѣльскій, а остальные должны были довольствоваться приѣмомъ у молодаго мирзы Тугана.

Молодой татарченокъ хотѣлъ, казалось, заставить забыть этотъ чувствительный щелчокъ шляхтинской гордости изысканнымъ вниманіемъ и предупредительностью. Онъ показывалъ молодымъ шляхтичамъ свое оружіе, своихъ лошадей, своихъ охотничьихъ беркутовъ и ястребовъ.

Чуть онъ замѣчалъ, что какая-нибудь сабля или лукъ съ колчаномъ нравятся посѣтителю, онъ тотчасъ спѣшилъ подарить ихъ гостю и тѣмъ немного разогналъ мрачное настроеніе большинства. Только одинъ панъ Сѣдлецкій былъ крайне не въ духѣ. Недавнее замѣчаніе стараго Бѣльскаго, эта невѣжливость татарскаго мирзы бѣсили его, онъ старался придираться къ каждому слову, къ каждому движенію молодаго татарченка и дѣлалъ свои, подчасъ, ядовитыя замѣчанія. Недостаточно хорошо понимая по-польски, Туганъ мирза не обижался, хотя порой, замѣтивъ улыбку или даже смѣхъ шляхтичей, вызванный замѣчаніемъ Сѣдлецкаго, вопросительно взглядывалъ на него.

Въ простомъ, нецивилизованномъ умѣ татарченка никакъ не могло уложиться понятіе, чтобы гость, обласканный и угощенный, какъ только можно, хозяиномъ дома, позволилъ бы себѣ шутки или даже дерзости на его счетъ.

Показывая рыцарскія латы, которыхъ у него было нѣсколько, татаринъ съ улыбкой замѣтилъ...

— Желѣза много—толку мало!

— Нѣтъ не такъ,—поправилъ Сѣдлецкій:—задору много—силы мало! Куда тебѣ поднять эти доспѣхи.

— Зачѣмъ поднять?...—засмѣялся татаринъ:—пусть глупъ чело-вѣкъ поднимай... я на землю бросать буду... Бралъ арканъ, айда!... готовъ!...

— Это ты такъ со своими рабами, татарами тѣшился... Попробуй-ка съ настоящимъ рыцаремъ или полякомъ потягаться... Онъ же тебя на твоёмъ арканѣ и повѣситъ!...

На этотъ разъ татарченокъ понялъ... Глаза его сверкнули гнѣвомъ, губы поблѣднѣли.

— Слушай, ясновельможный панъ!—рѣзко крикнулъ онъ:—я никогда не забывай, что ты мой гость, а я твой хозяй!... Только у другога мѣста такихъ словъ не говори... Мирза Туганъ самъ князь, сами сеиды!... Самъ бѣлая кость!...

— Да черная харя!..—сквозь зубы пробурчалъ Сѣдлецкій, который дѣйствительно испугался возможности скандала и отошелъ въ сторону. Бесѣда снова оживилась и закончилась тѣмъ, что молодой татаринъ, вѣроятно, еще раньше получившій разрѣшеніе отца, предложилъ всѣмъ гостямъ участвовать на слѣдующій день въ охотѣ на зубровъ.

Между тѣмъ мирза Джелядинъ бесѣдовалъ съ паномъ Бѣльскимъ и такъ увлекъ его глубиной своихъ политическихъ и государственныхъ идей, что старый воевода просто диву давался, откуда могъ старый татаринъ почерпнуть столько знаній. Теперь только онъ понималъ, почему великій князь Витовтъ такъ любилъ бесѣды съ этимъ мудрымъ слѣпцомъ.

Часы летѣли. Тихо ложился сумракъ яснаго лѣтняго дня на долину. Тѣни становились длиннѣе и наконецъ пламенное солнце совсѣмъ скрылось за темною зубчатой стѣной сосноваго бора, а старый воевода все еще бесѣдовалъ съ мирзой Джелядиномъ.

III.

Неожиданная встрѣча.

Тихо, какъ тѣни, скользили загонщики по лѣснымъ тропинкамъ, еще увлажненнымъ утренней росой. Любимый ловчій молодой Тугана мирзы, Али, въ сопровожденіи двухъ подручныхъ, вель цѣлую стаю пестрыхъ длинноухихъ гончихъ. Одинъ Али былъ на ковѣ, въ рукахъ у него былъ длинный арапникъ, а за спиною болтался большой турій рогъ, отдѣланный мѣдью.

Въ загонѣ должны были участвовать болѣе 200 человекъ, и они шли такъ молчаливо, такъ легко, что несмотря на нихъ, врядъ-ли бы кто-нибудь могъ предполагать, что мимо проходитъ столько людей.

Сагайдаки были не у всѣхъ, но зато каждый несъ довольно длинное копье, съ острымъ желѣзнымъ наконечникомъ, вполне достаточное, чтобы защищаться отъ тура, но недостаточно сильное, чтобы поразить его на смерть.

Убить тура, этого царя литовскихъ лѣсовъ, предоставлялось только избраннымъ, — да приглашеннымъ на охоту, а загонщикамъ было приказано гнать тура по возможности на стараго воеводу Бѣльскаго, также принимавшаго участіе въ охотѣ.

Дойдя до небольшой прогалины въ вѣковѣчномъ бору, охотники остановились и стали занимать мѣста. Мѣсто это, по словамъ ловчихъ, было излюбленной тропой зубровъ, и потому Туганъ мирза поставилъ на самой прогалинѣ стараго воеводу, а самъ помѣстился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, около громадной сосны.

Панъ Сѣдлецкій, случайно поставленный нѣсколько лѣвѣе, начиналъ собою цѣпь охотниковъ, на которую должны были гнать загонщики. Правѣ Бѣльскаго татары ловко ставили тенета, словомъ, звѣрю нельзя было миновать охотниковъ.

Туганъ мирза хотѣлъ было поставить позади своего почетнаго гостя двухъ лучшихъ лучниковъ, но Бѣльскій воспротивился этому и съ усмѣшкой замѣтилъ, что онъ еще не такъ

старь, чтобы не сумѣть пустить стрѣлу въ звѣря или принять его на копьѣ.

Сѣдлецкій, страшный охотникъ въ душѣ, съ нетерпѣніемъ поглядывалъ въ темную чащу лѣса, ожидая сигнала и вно потрогивалъ тетиву тугаго татарскаго лука. Колчанъ съ пернатыми стрѣлами былъ у него за плечами, широкій ножъ у пояса, а плотное копьѣ-рогатина стояло возлѣ, прислоненное къ дереву. Почти также былъ вооруженъ и Бѣльскій, только вмѣсто лука въ его рукахъ былъ превосходный самострѣлъ нѣмецкой работы, въ которомъ тетива натягивалась цѣлымъ приборомъ шестерень и блоковъ. Выстрѣлъ изъ подобнаго самострѣла на близкомъ разстояніи могъ пробить желѣзныя латы, разумѣется, кромѣ венеціанскихъ панцырей, для которыхъ стрѣлы были безвредны!

Остальные шляхтичи-охотники и молодые татарскіе князьки были вооружены луками, стрѣлами и копьями...

Вотъ гдѣ-то далеко-далеко раздался звукъ рога, и охотники пріосанились. Каждый осмотрѣлъ оружіе и еще пристальнѣе сталъ всматриваться въ темную чащу вѣковѣчнаго бора.

Прошло нѣсколько мгновеній нетерпѣливаго ожиданія, сигналъ повторился снова, но съ измѣненіемъ. Мирза Туганъ вздрогнулъ и быстро подошелъ къ Бѣльскому.

— Ясный пань,—сказалъ онъ съ поклономъ:—я слышу сигналъ—гонять не тура, а медвѣдя... Не лучше-ли сойти съ тропы!.. Лѣтомъ медвѣди опасны!

— Кто тебѣ мѣшаетъ, сходи, коли хочешь... Я еще ни разу не сходилъ съ мѣста, не встрѣтивъ врага!

— Позволь мнѣ хотя бы созвать сюда моихъ нукеровъ.

— Ни съ мѣста!.. Мы и одни управимся—неправда-ли, пань Іозефъ?

— Два родовитыхъ поляка на одного медвѣдя—не слишкомъ-ли это будетъ много!—гордо сверкнувъ глазами, отвѣчалъ Сѣдлецкій...—Съ вашей ясной мостью, я бы безъ трепета и на льва и грифона пошелъ!

— Тысяча копій! я ждалъ такого отвѣта! пань Іозефъ храбрый рыцарь!..—съ улыдкой удовольствія проговорилъ Бѣльскій и взялся за самопаль.

Сигналъ ловчаго повторился гораздо ближе, длинными протяжными перекатами.

— Ясный пань!—снова взмолился татаринъ:—звѣрь большой, очень большой... Все можетъ случиться...

— Молчи, трусишка!—крикнулъ ему въ отвѣтъ старый воевода:—или ты никогда не видалъ медвѣдя!

— Мирза Туганъ не трусь!..—вспыхнувъ весь, проговорилъ татарченокъ:—но ясный пань гость моего отца, и я долженъ оберегать его отъ опасности.

— Оберегай себя!..—крикнулъ ему въ свою очередь Сѣдлецкій:—мы и безъ тебя уберемъ яснаго пана!

Молодой татаринъ ничего не отвѣтилъ и только сверкнулъ глазами на обидчика.

Въ лѣсу слышался какой-то неясный шумъ и трескъ, словно по кустамъ и влажнику пробиралось огромное стадо. Трескъ сломанныхъ сучьевъ слышался очень близко, какой-то громадный звѣрь прокладывалъ себѣ дорогу цѣлиной.

Бѣльскій насторожился. Ярый охотникъ въ душѣ, онъ много разъ бывалъ на охотѣ на медвѣдей, но эта охота была зимняя, на берлогу, съ рогатиной и ножомъ; ему еще ни разу не приходилось встрѣчаться со звѣремъ лѣтомъ въ лѣсу, и онъ не подозрѣвалъ всѣхъ опасностей встрѣчи.

Поднятый облавщиками, медвѣдь бросился въ противоположную сторону и быстро шелъ на четырехъ лапахъ по давно излюбленной тропѣ. Это былъ громадный звѣрь, съ вылѣзшей мѣстами темнубурой шерстью. Раненый стрѣлою однимъ изъ облавщиковъ, въ то время, когда онъ старался прорваться сквозь цѣпь, онъ освирипѣлъ отъ боли и шелъ напроломъ, ломая тонкіе сосенки и елочки, какъ тростникъ, глаза его были налиты кровью, на губахъ пѣна.

Старый воевода стоялъ на самомъ лазу, звѣрь давно уже видѣлъ его и съ удвоенною яростью и быстротою бросился на это новое препятствіе. Онъ не поднялся, какъ большей частью дѣлаютъ медвѣди, на заднія лапы, но съ ревомъ, подпрыгивая какъ-то бокомъ, шаромъ выкатился на прогалинку и въ одну секунду очутился уже въ двухъ шагахъ отъ Бѣльскаго.

Тотъ не ожидалъ такого нападенія. Всѣ медвѣди, которыхъ ему случалось бить, поднятые изъ берлоги, или поднимались на заднія лапы и шли грудью на рогатину, или позорно бѣжали.

Старый воевода едва успѣлъ прицѣлиться и спустить стрѣлу, стрѣла угодила звѣрю въ ущербъ лѣваго плеча и глубоко впиалась въ тѣло. Звѣрь заревѣлъ и однимъ прыжкомъ бросился на Бѣльскаго, тотъ успѣлъ отскочить и схватиться за рогатину, но разъяренный звѣрь снова бросился на него, однимъ ударомъ лапы расщепилъ въ дребезги его копые-рогатину и всею массою навалился на охотника.

Минута была критическая. Все это совершилось такъ быстро, что Сѣдлецкій, бывшій ближе всѣхъ отъ мѣста дѣйствія, не успѣлъ еще опомниться и броситься на помощь, какъ молодой Туганъ мирза былъ уже возлѣ своего гостя. Лукъ звякнулъ и стрѣла, шипя, вонзилась въ самый глазъ звѣря.

Медвѣдь дико рывкнулъ отъ страшной боли, бросилъ поверженнаго охотника и, въ одно мгновеніе поднявшись на заднія лапы, кинулся на татарченка. Тотъ казалось, только и ждалъ этого. Нагнувъ голову, онъ самъ бросился подъ грудь страшнаго звѣря и вонзилъ ему въ животъ короткій и широкій ножъ.

Звѣрь захрапѣлъ и, какъ подрубленный дубъ, медленно повалился на землю, яростно махая лапами. Онъ чуть не задавилъ въ своемъ паденіи молодаго татарченка, но тотъ, съ быстротою кошки, высвободился изъ-подъ поверженнаго противника.

Только въ это мгновеніе пришелъ въ себя панъ Сѣдлецкій и пустилъ стрѣлу въ околѣвающаго звѣря.

— Опоздали, панъ ясный!...— Съ усмѣшкой проговорилъ Туганъ мирза...— Слава Аллаху, опасность миновала.

Съ этими словами онъ бросился къ старому Бѣльскому и помогъ ему подняться на ноги. Кромѣ легкихъ царапинъ, онъ не успѣлъ получить другихъ поврежденій, но нервное потрясеніе было велико, и старикъ еле держался на ногахъ.

— Кто убилъ звѣря?... были первыя его слова.

— Послѣдній выстрѣлъ былъ мой!—развязно замѣтилъ Сѣдлецкій.

— По мертвому звѣрю—это правда!—вмѣшался въ разговоръ панъ Дороновичъ, одинъ изъ близъ стоявшихъ пановъ, чело-вѣкъ лѣтъ за сорокъ, видѣвшихъ всю сцену битвы, но не успѣвшихъ на выручку.

— Значить я лгу?...—воскликнулъ съ гнѣвомъ Сѣдлецкій.

— Пусть самъ панъ ясный воевода рѣшить, стоило ли стрѣлять по звѣрю съ пропоротымъ брюхомъ,—съ улыбкой отвѣчала Дороновичъ...

— Но кто же убилъ звѣря?... Кому же я обязанъ спасеніемъ?— все еще допытывался Бѣльскій.

— По чести и справедливости говорю и подтверждаю,—произнесъ торжественно Дороновичъ:—честь охоты принадлежитъ нашему молодому хозяину, онъ сначала стрѣлой поднялъ звѣря, а потомъ поразилъ его ножомъ... Я это видѣлъ своими глазами!

— И я! и я!—подтвердило нѣсколько голосовъ.

Молодой татаринъ стоялъ нѣсколько поодаль, словно дѣло не его касалось.

Старый Бѣльскій подошелъ къ нему.

— Прости меня, молодой витязь,—началь онъ торжественно,— что я усумнился въ твоей храбрости,—кланяюсь тебѣ и первый говорю: вивать!...

— Вивать!! вивать!!—подхватили нѣсколько голосовъ.

— Я еще не кончилъ,—заявилъ старый воевода,—ты кромѣ храбрости обладаешь еще однимъ великимъ качествомъ, ты скромнень... въ этомъ твоя сила и слава, ты достойный сынъ своего отца... Помни, мирза Туганъ, мой домъ всегда открытъ для тебя—я тебя готовъ счесть за сына!—Съ этими словами старый воинъ открылъ объятія и горячо обнялъ молодого татарина, который окончательно сконфуженный, едва нашелся, чтобы поцѣловать воеводу въ плечо.

— Ну, панове!—возгласилъ Бѣльскій,—надѣюсь, теперь охота кончена, ѣдемъ же обратно къ старому князю, поблагодаримъ его за гостепріимство, да и по домамъ!

Тронулись въ обратный путь. Съ десятокъ татаръ загонщиковъ, привязавъ громадную тушу медвѣдя на большую жердь, съ усиленіемъ тащили ее сквозъ чащу. По мѣрѣ того, какъ приближались къ улусамъ, навстрѣчу охотниковъ высыпали все новыя и новыя толпы любопытныхъ, желавшихъ видѣть трофея охоты.

Видъ громаднаго, дикаго звѣря смущалъ многихъ, и восторгу татаръ не было предѣла, когда стало извѣстнымъ, что его убилъ молодой мирза Туганъ.

Разказавъ въ нѣсколькихъ словахъ подвигъ молодого чело-вѣка его отцу, Бѣльскій, съ любезностью кровнаго поляка, по-здравилъ стараго мирзу со счастьемъ имѣть такого героя сына и взялъ со старика слово, что сынъ его на этихъ же дняхъ отдастъ ему визитъ въ его замокъ Отрѣшно.

Это приглашеніе была такая большая честь, что ее рѣдко добивались даже самые родовитые паны изъ сосѣдей и дружинниковъ Витовта. Старый мирза далъ слово, и Бѣльскій со всѣми поляками уѣхалъ изъ становища, сопровождаемый радостными криками всего населенія.

Согласно задуманному плану, на другой же день, по возвращеніи въ Отрѣшно, онъ отправился къ великому князю, гостившему тогда въ своихъ родныхъ Трокахъ.

Ему хотѣлось передать Витовту о томъ, что онъ видѣлъ въ лагерѣ подъ Акъ—Ташемъ и о новомъ способѣ боя съ рыцарями.

IV.

Витовтъ.

Среди громадныхъ дремучихъ лѣсовъ, среди крайне пресѣченной мѣстности, вдругъ, утомленному взору путника, мелькаетъ вдали голубая полоска воды; онъ подходитъ ближе, и предъ нимъ развертывается чудное темно-синее озеро словно въ прихотливой рамѣ, заключенное въ зеленѣющихъ, поросшихъ вѣковымъ лѣсомъ берегахъ. Длинный и узкій островъ съ огромнымъ замкомъ, построеннымъ на немъ, виднѣется среди этого воднаго раздолья. Отъ берега на островъ и обратно снуютъ лодки и челноки, берега кое-гдѣ застроены рыбацкими хижинами, и только одинокая бѣлая башня, возвышающаяся на берегу, противъ замка, хоть немного гармонируетъ съ роскошью построекъ на островѣ.

Это то и есть извѣстный въ исторіи Литвы Троксій замокъ, бывшее легендарное обиталище знаменитаго героя литовскаго Кейстута Гедиминовича и его красавицы супруги не менѣе знаменитой Бируты.

Великій Кейстутъ, герой всѣхъ литовскихъ пѣсень, безъ спору уступилъ власть своему брату Ольгерду и самъ довольствовался только славой перваго бойца Литвы и Жмуди. Ярый ненавистникъ нѣмецкаго владычества, онъ всю жизнь провелъ въ борьбѣ съ орденомъ меченосцевъ, неоднократно разбивалъ ихъ полчища, прославился бѣшеной отвагой, почти невѣроятнымъ уходомъ изъ нѣмецкаго плѣна и, наконецъ, отчаяннымъ штурмомъ По-лунгу—литовской крѣпости, захваченной нѣмецкими рыцарями и

превращенной ими въ первоклассную крѣпость и названную По-лангенъ.

Полунга лежала на берегу моря и, по древнему преданію, могла быть взята штурмомъ только тогда, когда погаснетъ въ ней огонь „Зничъ“, вѣчно горящій предъ изображеніемъ Прауримы, языческой литовской богини. Стражами этого вѣчнаго огня были вайделотки, литовскія весталки, обязанность которыхъ, кромѣ безбрачія, состояла въ томъ, чтобы поддерживать неугасимо огонь костра дубовыми сучьями.

Захвативъ Полунгу обманомъ, нѣмецкіе рыцари также узнали про легенду о вѣчномъ огнѣ и, какъ кажется, повѣрили ей. Дѣло въ томъ, что они не только не уничтожили „Зничъ“, но, напротивъ, дали ему стражу и денно и ночью охраняли вайделотокъ. Чтобы замаскировать передъ другими народами такое языческое суевѣріе, „Зничъ“, по ихъ словамъ, былъ ничто иное, какъ маякъ, благо огонь Зничъ былъ видѣнъ далеко съ моря.

Во время взятія Полунги Кейстутомъ, главной вайделоткой была знаменитая красавица Бирута, дочь одного изъ мелкихъ кунигасовъ, т. е. владѣтельныхъ литовскихъ князей; она сама охотой пошла на служеніе богини Прауримы и долго не хотѣла склониться на убѣжденія, влюбившагося въ нее героя Кейстута, стать его женою. Но для Кейстута не было ничего недостижимаго, онъ силой выкралъ Бируту изъ храма и силой взялъ ее въ жены.

Бирута покорилась и великій Витовтъ съ братьями были плодами этого союза.

Долго жилъ Кейстутъ со своей Бирутой въ Троцкомъ замкѣ, доставшемся ему въ удѣлъ, пока не погибъ въ междуусобной войнѣ со своимъ племянникомъ Ягайлой, задуманный въ тюрьмѣ, не въ мѣру усердными клеветами послѣдняго.

Тяжелое пятно въ этомъ преступленіи падаетъ на Ягайлу, но онъ, какъ извѣстно, умѣлъ оправдаться, какъ въ глазахъ своей невѣсты Ядвиги, такъ и передъ сыномъ покойнаго—Витовтомъ, сохранившемъ къ нему самую сердечную дружбу.

Теперь, вновь доставшійся Витовту Кейстутовичу, Троцкій замокъ былъ заново отдѣланъ, и князь почасту оставлялъ Вильну и гостилъ въ отцовскомъ замкѣ. Крайне скромный въ пищѣ и питьѣ, Витовтъ не любилъ пышности и охотно удалялся отъ всякихъ торжествъ. Величайшимъ наслажденіемъ его была во-первыхъ охота, а во-вторыхъ обученіе войска. Онъ цѣлые мѣсяца проводилъ, обучая и готовя къ бою свои избранныя дружины, въ которыя принималъ безъ разбора національностей и поляковъ, и литвиновъ, и русскихъ.

Въ Троки же онъ ѣздилъ только съ небольшою дружиною, но выбранной изъ самыхъ испытанныхъ воиновъ, чтобы быть на сторожѣ отъ всякаго, даже внезапнаго нападенія, къ которымъ его приучили своими набѣгами меченосцы.

Троцкій замокъ, построенный, какъ мы видѣли, на островѣ,

былъ безусловно недостижимъ для внезапнаго налета и потому не мудрено, что великій князь чувствовалъ себя въ немъ гораздо покойнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Теперь, познакомившись немного съ мѣстомъ дѣйствія, намъ необходимо ознакомиться и съ личностью Витовта, этого героя князя, личность котораго будетъ часто встрѣчаться въ продолженіе нашего романа.

Какъ мы уже видѣли, Витовтъ, или по другому произношенію Витольдъ, былъ сыномъ Кейстута и Бируты; онъ родился въ 1344 году въ только что описанномъ Троцкомъ замкѣ.

Отецъ и мать его до конца жизни оставались самыми ревностными идолопоклонниками и покровителями религіи отцовъ, такъ что молодой Витовтъ, воспитанный въ ихъ понятіяхъ, никогда, даже по принятіи имъ христіанства, не могъ отрѣшиться вполне отъ языческихъ вѣрованій. Ратное поле влекло его гораздо болѣе, чѣмъ религиозные диспуты, и онъ никогда не сдѣлался ревностнымъ христіаниномъ, какъ не былъ и пламеннымъ язычникомъ; въ этой индифферентности его часто потомъ упрекали его другъ, пламенный католикъ Ягайлло.

Совсѣмъ юношей онъ вступилъ въ бракъ съ Маріей Параскевой, княжной Лужской и Стародубской и, овдовѣвъ, женился въ 1379 году на княжнѣ Смоленской Аннѣ Святославовнѣ.

Съ восемнадцатилѣтняго возраста принимаетъ Витовтъ дѣятельное участіе въ войнахъ отца съ нѣмцами и участвуетъ въ пораженіи ихъ подъ Солодовымъ и Остеродомъ, затѣмъ вмѣстѣ со своимъ другомъ и двоюроднымъ братомъ Ягайллою, сыномъ Ольгерда Гедиминовича, помогаетъ отцу взять крѣпость нѣмецкихъ рыцарей Ортельсбургъ; въ 1378 году онъ участвуетъ, уже какъ отдѣльный начальникъ литовскихъ войскъ, въ мирномъ договорѣ съ рыцарями и прикладываетъ свою печать къ хартіи договора.

Послѣ смерти Ольгерда, по его завѣщанію, на Литовскій великокняжескій престолъ вступилъ его сынъ Ягайлло отъ Юліаніи. Престарѣлый князь Кейстутъ, хотя имѣвшій, по праву первородства и литовскимъ законамъ, право на престолъ, добровольно подчинился своему племяннику, но симпатіи всего народа литовскаго были на сторонѣ Кейстута, этого легендарнаго литовскаго героя. Онъ удовлетворился удѣломъ. Но лавры и почетъ, которымъ осыпали литвины своего любимца, не давали покоя честолюбивому Ягайллѣ, и онъ только ждалъ случая отдѣлаться отъ дяди. Случай скоро представился. Ягайлло выдалъ свою сестру Марію за худороднаго, но льстиваго любимца своего Войдылло. Кейстутъ вознегодовалъ на такое нарушеніе дѣдовскихъ преданій и высказалъ объ этомъ племяннику.

Войдылло, зная, что ничѣмъ не успокоить гнѣва упрямаго старика, отправился къ рыцарямъ, давно уже питавшимъ жадные замыслы на Литву и сообщилъ имъ о ссорѣ князей. Начались тайные переговоры рыцарей съ Ягайллою. Меченосцы пре-

длагали Ягайлло помощь противъ Кейстута, въ случаѣ открытаго сопротивленія съ его стороны, и предлагали лишить не только его, но и весь его родъ правъ на литовскій престоль. Слухъ объ этомъ дошелъ до Кейстута, но Витовтъ, дружный съ дѣтства съ Ягайллою, сумѣлъ успокоить отца. Между тѣмъ, одинъ изъ доброжелателей Кейстута перехватилъ письмо Ягайлло къ магистру ордена Книпродѣ; сомнѣнія быть не могло, Ягайлло оказался предателемъ!

Кейстутъ далъ знать объ этомъ сыну и, собравъ свою дружину, кинулся на Вильно. Ягайлло, не ожидавшій такого быстраго нападенія, вмѣстѣ со своей матерью Юліаніей, попался въ плѣнъ. Вильно было взято. Повѣсивъ ненавистнаго Войдыллу, Кейстутъ провозгласилъ себя великимъ княземъ и, взявъ съ Ягайлло слово и клятву никогда не возставать противъ него, далъ ему въ удѣлъ Витебскъ и Крево.

Юліанія и вдова Войдыллы Марія сумѣли снова возстановить племянника противъ дяди. Пользуясь его отсутствіемъ, Ягайлло бросился на Вильно, захватилъ ее и провозгласилъ себя великимъ княземъ. Рыцари, для которыхъ всякое междуусобіе въ Литвѣ было отрадою, пришли ему на помощь. Кейстутъ съ Витовтомъ спѣшили уже на помощь своей столицѣ.

Не рѣшаясь на бой съ Кейстутомъ, Ягайлло выслалъ для мирныхъ переговоровъ своего брата Скиригайллу, ручаясь въ неприкосновенности особъ Кейстута и Витовта. Витовтъ, все еще убѣжденный въ дружбѣ къ нему Ягайлло, убѣдилъ отца согласиться съѣхаться съ родственникомъ. Но тутъ оба они были захвачены въ плѣнъ, а войскамъ было приказано, ихъ именемъ, разойтись по домамъ! Кейстутъ былъ заключенъ въ подземелье Кревскаго замка и черезъ пять дней былъ найденъ задушеннымъ въ своей тюрьмѣ. Многіе обвиняли въ его смерти Ягайлло, но онъ, какъ мы увидимъ послѣ, сумѣлъ оправдаться въ этомъ тяжкомъ обвиненіи, какъ предъ своей невѣстой Ядвигой, такъ даже и предъ самимъ Витовтомъ.

Въ первое время, Витовтъ, узнавъ о жестокой смерти отца воспылалъ гнѣвомъ и сталъ жестоко упрекать и проклинать Ягайлло. Ягайлло разсердился и отправилъ его въ тотъ же Кревскій замокъ.

Долго онъ томился въ заточеніи. Напрасно знатнѣйшіе бояре, жена Витовта, и даже самъ великій магистръ умоляли Ягайлло возвратитъ свободу своему двоюродному брату,—онъ былъ неумолимъ, а Витовтъ былъ спасенъ и освобожденъ, только благодаря энергіи своей жены Анны, и переодѣтый въ женское платье, бѣжалъ изъ тюрьмы, прямо къ мужу своей сестры Дануты, Мазовецкому князю Янышу.

Скоро онъ перебрался въ Пруссію къ меченосцамъ и былъ прекрасно принятъ новымъ великимъ магистромъ Конрадомъ Цельнеромъ фонъ-Розенштейномъ (1382 г.). Великій магистръ не отказалъ въ просимой помощи и, снабдивъ Витовта деньгами

провіантомъ и оружіемъ, отдалъ подъ его начальство весьма сильный отрядъ кнехтовъ орденскихъ войскъ и направилъ его въ Жмудское княжество.

Чтобы показать какъ двоедушно дѣйствовали рыцари въ сношеніяхъ съ литовскими князьями, довольно вспомнить, что ранѣе этого, помогая Ягайллѣ въ борьбѣ съ Витовтомъ, они заключили съ Ягайллою договоръ, по которому онъ обязался уступить рыцарямъ все Жмудское княжество отъ моря до р. Дубиссы, не начинать ни съ кѣмъ войны безъ согласія рыцарей, и обязывался въ теченіи 4-хъ лѣтъ принять христіанскую вѣру!

Теперь же рыцари, пользуясь положеніемъ Витовта, заставили его принять крещеніе по католическому обряду, которое и было совершенно надъ нимъ въ 1383 году. Дѣйствія новоокрещеннаго князя въ Жмудѣ были весьма успѣшны и Ягайлло, видя, что ему не совладать съ народнымъ любимцемъ, сыномъ Кейстута, вошелъ съ нимъ въ мирные переговоры и такъ сумѣлъ подѣйствовать на благородную душу Витовта, что тотъ согласился на миръ и удовольствовался удѣломъ, Гродно, Брестомъ и еще нѣсколькими городами.

Въ этомъ поступкѣ и сказалось все великодушіе знаменитаго Витовта; имѣя въ рукахъ всѣ средства отомстить за смерть отца и сѣсть на престолъ великокняжескій, онъ удовольствовался небольшимъ удѣломъ.

Братья снова зажили мирно и Витовтъ, склонясь на убѣжденія княгини Юліаніи, перешелъ въ православіе и получилъ при этомъ имя Александра... Для Витовта вѣра была дѣломъ политики, а онъ тогда сильно заискивалъ въ своихъ новыхъ подданныхъ, по большей части православныхъ.

Въ это время, поляки, наскучивъ вѣчнымъ соперничествомъ князей Мазовецкихъ съ потомками покойнаго Лоиса Анжуйскаго, славнаго короля Польши и Венгріи, признали своей королевой и властительницей дочь его Ядвигу, едва достигнувшую въ это время 14-лѣтняго возраста.

На этой избранницѣ сошлись какъ „велико“—такъ и „мало-поляне“, оставалось только подыскать ей подходящаго супруга.

Однимъ изъ главныхъ претендентовъ былъ австрійскій эрцгерцогъ Вильгельмъ, обрученный съ Ядвигой еще въ младенчествѣ, когда еще и не было помышленія, что она можетъ занять польскій престолъ.

Принятая чрезвычайно торжественно и коронованная въ Краковѣ, Ядвига по сердечной склонности желала закрѣпить свой бракъ съ австрійскимъ эрцгерцогомъ, но польскіе магнаты возстали противъ этого, не желая видѣть на тронѣ австрійца и предложили ей въ мужья литовскаго великаго князя Ягайллу, который своими постоянными нападеніями на Малую Польшу поставилъ ихъ въ крайне критическое положеніе.

Молва рисовала Ягайллу дикимъ, страшнымъ варваромъ, безобразнымъ собою, со звѣрскими инстинктами—не мудрено, что

молодая королева съ ужасомъ отвергла такого жениха... Начались долгіе и упорные переговоры, и наконецъ упорство молодой красавицы было сломлено: она рѣшилась принести себя жертвой за отечество и приняла руку Ягайлло. Это было въ 1387 году. Ягайлло и Витовтъ жили вполнѣ дружественно, и Ягайлло, принимая престоль Польши, само собою разумѣется, долженъ былъ передать великое княженіе литовское Витовту. Но тутъ то и сказала или безпечность натуры сына Ольгерда, или же вліяніе польскихъ пановъ, очень не долюбивавшихъ Витовта,—Ягайлло назначилъ великимъ княземъ Литвы не Витовта, а своего брата Скиригайлло!

Витовтъ и этотъ ударъ выдержалъ великодушно, удалился въ свой любимый Лупкъ и тамъ ждалъ, что будетъ. Въ это время, къ нему явился, возвращаясь изъ татарскаго плѣна, сынъ великаго князя московскаго Дмитрія, Василій Дмитріевичъ; онъ дружественно встрѣтилъ его и обручилъ со своею дочерью Софьею-Анастасією. Скиригайлло воспользовался этимъ обстоятельствомъ и донесъ Ягайллѣ, что Витовтъ заводитъ переговоры съ Москвою...

Ягайлло вытребовалъ Витовта въ Люблинъ и заставилъ его цѣловатьъ крестъ на вѣрность Скиригайллѣ, какъ великому князю Литвы. Ясно было, что ему не довѣряли, его боялись. Скиригайлло шелъ еще далѣе; не довольствуясь тѣмъ, что онъ разослалъ въ заточеніе и казнилъ многихъ близкихъ къ Витовту людей, онъ отправилъ и его самого подъ строгій присмотръ въ Крево. Отчаяніе овладѣло Витовтомъ, онъ ясно видѣлъ, что ему грозитъ участь его отца, и онъ рѣшился разрѣшить споръ оружіемъ, „лучше умереть одинъ разъ, чѣмъ умирать ежедневно“,—говорилъ онъ, оставшимся ему вѣрными, боярамъ и, избравъ удобную минуту, поднялъ знамя возстанія.

Попытка овладѣть Вильно хитростью не удалась. Витовтъ снова бѣжалъ къ мазовецкимъ князьямъ, но король угрозой войны требовалъ его выдачи; скрыться болѣе было некуда и Витовтъ еще разъ рѣшился искать защиты у тевтонскихъ рыцарей.

Меченосцы обрадовались. Они заключили съ нимъ выгодный для ордена трактатъ и двинулись противъ Скиригайлло. Но храбрая защита Вильно комендантомъ Москоржевскимъ заставила рыцарей снять осаду и удалиться въ Пруссію. Витовтъ, казалось потерявшій все, долженъ былъ уйти вмѣстѣ съ ними. Но такъ велика была вѣра всѣхъ, знавшихъ его, въ его счастливую звѣзду и высокой умъ, что и въ печальномъ изгнаніи онъ не потерялъ въ уваженіи сосѣдей. Такъ, во время его пребыванія у рыцарей въ Бартенштейнѣ, къ нему явились послы великаго князя московскаго за невѣстою, юною княжною Софією. Она отправилась въ Москву моремъ, чрезъ Данцигъ, Псковъ и Великій Новгородъ.

Въ 1391 году Витовтъ вновь пытается счастье въ борьбѣ съ

Ягайллою, и при помощи меченосцев беретъ Гродно, Лиду и подступаетъ къ Вильно. Ягайллѣ наскучила вѣчная борьба съ энергичнымъ родственникомъ, онъ рѣшается съ нимъ примириться и посылаетъ для переговоровъ Генриха Земовита, князя Плоцкаго. Витовтъ согласился на предложеніе; ему смертельно ненавистны были меченосцы, онъ бѣжалъ отъ нихъ и явился въ въ Литву. Встрѣча братьевъ произошла въ Островѣ, близъ Лиды, гдѣ Витовта уже ожидали Ягайлло и Ядвига. Примиреніе состоялось, Витовтъ торжественно былъ коронованъ въ Вильно великокняжеской короной, а Скиригайлло получилъ въ удѣлъ Кіевъ.

Наконецъ онъ достигъ желаемого такъ долго и такъ страстно, но какою цѣною. Цѣлыя области были разграблены, обращены въ пустыню, города сожжены, жители уведены въ рабство. Наученные троекратно измѣной Витовта, рыцари являлись неумолимыми врагами, двое сыновей его, бывшихъ заложниками у меченосцевъ, были безжалостно отравлены; удѣльные князья завидовали и бунтовали, его родная, обожавшая его Жмудь стала подъ дикимъ, возмутительнымъ управленіемъ рыцарей, такъ какъ и Ягайлло долженъ былъ подтвердить хартіи, передававшія управленіе этой несчастной провинціей ордену... Но у него была желѣзная воля и неукротимая энергія; тридцать лѣтъ проведенныхъ имъ въ постоянныхъ войнахъ, особенно среди крестоносцевъ, научили его высшему воинскому искусству... Ему уже было 48 лѣтъ отъ роду, пора страстей миновала, передъ нимъ вставала величайшая задача возстановить изъ развалинъ, залитую кровью, истерзанную непрерывными войнами, обезлюженную родину и поставить ее на высочайшій пьедесталь силы и славы.

Онъ принялся съ величайшимъ жаромъ и стараніемъ врачевать раны государства. Отовсюду стекались къ нему бояре и люди ратные, зная, что они будутъ хорошо приняты и пожалованы мудрымъ княземъ. Татары цѣлыми ордами выселялись въ Литву съ Волги, ища защиты отъ ногаевъ и монголовъ, опустошавшихъ ихъ родину. Самъ престарѣлый татарскій царь Тохтамышъ, со всѣмъ родомъ своимъ и болѣе чѣмъ съ 90 тысячами населенія, перекочевалъ въ Литву и былъ обласканъ великимъ княземъ, давшимъ татарамъ для поселка почти совсѣмъ опустошенныя земли близъ Трокъ. Татары, избавленные отъ всѣхъ податей, обязались только въ случаѣ войны выступать поголовно противъ врага. Въ предыдущей главѣ мы отчасти познакомились съ бытомъ этихъ бывшихъ кочевниковъ, заброшенныхъ теперь въ лѣса и болота Литвы. Рыцари не могли простить измѣны Витовта. Уже въ томъ же году (1392), они снова идутъ походомъ на Литву, но скоро возвращаются безъ большаго успѣха; затѣмъ, черезъ два года въ 1394 году, подъ предлогомъ помощи князю Скиригайллѣ, изгнанному Витовтомъ, изъ захваченнаго имъ Витебска, они вновь устремляются на Литву, имѣя въ своихъ рядахъ гостей-рыцарей чуть ли не со всѣхъ концовъ Европы.

Меченосцы давно еще провозглашали свои походы, противъ языческой Литвы, новыми крестовыми походами и звали рыцарей всѣхъ христіанскихъ странъ на битву съ литовцами, которыхъ величали „сарацынами“... Послѣ великолѣпнаго почетнаго става на границѣ литовской, сопровождаемаго блестящими торжествами, рыцари со своими именитыми гостями вновь двинулись на Вильно и осадили ее. Четыре недѣли длилась осада; но безуспѣшно: сильно укрѣпленная Вильно держалась мужественно, а между тѣмъ войска Витовта ежечасно нападали на обозы и лагерь меченосцевъ. Пришлось снять осаду и обратиться къ Витовту съ просьбой, дозволить возвратиться во-свояси. Витовтъ дозволилъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшилъ жмудинамъ напасть на нихъ при переправѣ чрезъ Страву.

Рыцари были разбиты на голову, потеряли весь обозъ, массу добычи, казну, большую половину людей и едва успѣли убѣжать съ позоромъ на родину. Имя Витовта, какъ героя, стратега и политика, снова загремѣло во всѣхъ сосѣднихъ странахъ. Нѣсколько разъ послѣ того рыцари дѣлали попытки вторгнуться въ Литву и всякій разъ безуспѣшно, и всякій разъ Витовтъ, въ свою очередь, отбивалъ у нихъ то одинъ, то другой городъ; въ 1402 году они лишились Мемеля, а въ 1403 году Динабурга. Слава Витовта росла, но онъ все-таки сознавалъ, что еще рано разорвать окончательно съ рыцарствомъ и отобрать переданную имъ часть Жмуди. Но давно уже страшное кровавое чувство мести, зрѣло въ душѣ героя. Кровь отравленныхъ дѣтей, раззореніе отечества, ежедневныя дикія неистовства нѣмцевъ въ его дорогой Жмуди, скоплялись капля по каплѣ въ такую ненависть, утушить которую могло только цѣлое море нѣмецкой крови— и онъ поклялся пролить ее! Но хитрый, молчаливый, разсудительный, онъ не спѣшилъ нанесеніемъ удара, онъ зналъ, что союзъ удѣльныхъ князей ненадеженъ, что союзъ съ Польшей — только миебъ и ждалъ только случая, когда сама Польша должна будетъ защищаться отъ грознаго напора нѣмцевъ, стремящихся, подъ влияніемъ какой-то роковой силы, на востокъ!.. Онъ ждалъ и готовился. Жмудь стонала подъ вѣроломнымъ, кровавымъ управленіемъ нѣмцевъ... Напрасно самъ великій магистръ пріѣзжалъ въ Жмудь усмирять частыя возстанія и бунты, они случались тамъ періодически...

Самъ Витовтъ скакалъ изъ города въ городъ, умоляя своихъ вѣрныхъ жмудинъ терпѣть и ждать...

Жмудь временно смирилась, но огонь возстанія, жажда мести сверкали подъ пепломъ, довольно было одного дуновенія вѣтерка, чтобы пламя это перешло во всепожирающій пожаръ.

Но Витовтъ говорилъ:— Ждите!.. и вѣрные его подданные терпѣли и ждали!..

Въ теремѣ княжны Скимунды.

На крутомъ берегу Дубиссы, недалеко отъ границы, отдѣлявшей владѣнія славнаго литовскаго великаго князя Витовта, отъ земель прусско-тевтонскаго ордена меченосцевъ, возвышались грозныя стѣны и бойницы, укрѣпленнаго замка Эйрагола.

Ужъ много вѣковъ замокъ этотъ былъ крѣпкимъ оплотомъ противъ дерзкихъ набѣдовъ тевтонскихъ рыцарей, смотрѣвшихъ на полуязыческую Литву, какъ на удобную арену для своихъ разбойничьихъ налетовъ.

Всю оставшуюся за Литвой часть Жмуди съ Троками, любимымъ городомъ покойнаго отца его Кейстута, Витовтъ отдалъ своему любимому брату Вингаллѣ Кейстutowичу, но Вингалла не захотѣлъ сидѣть въ богатыхъ Трокахъ, гдѣ все говорило и напоминало объ отцѣ, безчеловѣчно и позорно убитомъ клеветами коварнаго родича Ягайлло, и перенесъ свою резиденцію въ высокой и неприступный Эйрагольскій замокъ, чтобы оттуда, какъ съ самаго выдающаго пункта границы, слѣдить за нѣмцами-крестоносцами, въ которыхъ онъ, прозорливымъ окомъ, чуялъ естественныхъ и непримиримыхъ враговъ своего отечества.

Какъ мы уже видѣли, замокъ стоялъ на высокомъ берегу Дубиссы и примыкалъ къ громадному, вѣковѣчному, сосновому бору, тянувшемуся на многіе дни пути до самаго Нѣмана.

Въ одной изъ башенъ замка, узкія узорчатыя окна которой выходили на низменную, луговую сторону Дубиссы, въ теремѣ, красиво отдѣланномъ коврами и шелковыми матеріями, у самаго оконца, сидѣла дѣвушка чудной, ослѣпительной красоты.

Большого роста, съ высокой грудью, съ дивными золотисторусыми косами по плечамъ, она была олицетвореніемъ тѣхъ сказочныхъ литовскихъ дунгъ*), о которыхъ только въ пѣсняхъ поется.

Большіе голубые глаза ея глядѣли рѣшительно и смѣло, а поступь, повелительный голосъ и манера держать себя, указывали на ея высокое происхожденіе.

Дѣйствительно, это была дочь князя Вингаллы Эйрагольскаго, славная красавица Скимунда, слухъ о царской красотѣ которой гремѣлъ далеко за предѣлами Эйрагольскихъ владѣній.

Скимунда была грустна и задумчива въ этотъ день. Она съ нетерпѣніемъ всматривалась въ голубую даль, словно ожидая кого-то.

Но часы летѣли за часами, а никто не появлялся со стороны Дубиссы; зато по дорогѣ, ведущей изъ лѣса, то и дѣло мелькали

*) Дунга—литовская нимфа.

всадники, то и дѣло скрипѣли огромныя, дубовыя ворота, пропуская подъѣзжающихъ гостей.

Казалось, молодая красавица не обращала никакого вниманія на громадный съѣздъ гостей, пышно разубранные кони которыхъ наполняли весь дворъ замка. Она ждала кого то, а онъ не ѣхалъ.

Вошла старуха почтеннаго вида, въ длинномъ темномъ платьѣ литовскаго покроя, и молча остановилась предъ княжною. Красавица или не видала ее, или дѣлала видъ что не замѣчаетъ. Старуха кашлянула.

— А, это ты Вундина—какъ бы нехотя отрываясь отъ окна, проговорила княжна:—развѣ уже пора?

— Пора не пора, солнце мое ясное, голубь моя чистая, а приготовиться не мѣшаетъ, того и гляди. государь батюшка позоветъ встрѣчать дорогихъ гостей.

— А много ихъ наѣхало?.. я и не посмотрѣла.

— Да безъ малого полсотни, да все князья да бояре. Съ однимъ княземъ Мазовецкимъ пріѣхало тридцать дворянъ, не считая челяди, да лучниковъ, да латниковъ, иному королевичу впору.

— Не говори ты мнѣ про князя Болеслава... не лежитъ мое сердце къ нему, противенъ онъ мнѣ,—насунивъ брови, проговорила княжна и въ голосъ ея послышалось не капризное раздраженіе, а твердая воля, опредѣленный отвѣтъ на давно обдуманый вопросъ.

— Что же въ немъ дурнаго, лебедь моя бѣлая?—льстиво проговорила старуха,—умень, собой картинка писанная, богатъ, самому дядѣ твоему королю Ягайлло не уступитъ, а ужъ рода такого знатнаго, что во всей Польшѣ никто съ нимъ тягаться не можетъ, одно подумай, вѣдь онъ по прямому корню отъ Пястовъ идетъ!.. А знаешь, выше этого рода въ Польшѣ не бывало!

— Да будь онъ хоть внукомъ пресвѣтлаго Сатвароса *), не любъ онъ мнѣ... вотъ и все тутъ!

— Ай, ай! дитятко, не гоже такія рѣчи говорить... внукъ Сатвароса?! ай, ай! Помилуй тебя великая Праурима **).

Княжна улыбнулась и обняла одной рукой свою старую няньку.

— Ну, успокойся, моя добрая Вундина, будь князь Болеславъ внукомъ Сатвароса, я бы еще подумала, но теперь, хоть ты не неволь меня... хоть ты не принуждай меня къ этому ненавистному браку...

— Но, голубь моя чистая, радость глазъ моихъ, Скирмунда, не забывай, что это воля батюшки князя, а въ упорствѣ князю пѣтъ равнаго... Весь въ матушку княгиню, въ покойную Бируту.

— Да вѣдь и я, говорятъ, на нее похожа, не правда ли,

*) Литовскій Аполлонъ..

***) Праурима—великая зиждательница. одно изъ главныхъ божествъ.

Вундина?.. Старый Витовтъ, дядюшка, много разъ мнѣ про то сказывалъ!..

— Одно лицо, красавица, какъ теперь вижу, одно лицо и голосъ и взглядъ, только повыше она была тебя, и въ тѣлѣ пополниѣ... Ну да и ты, моя голубка бѣлая, съ годами раздашься!.. Какъ разъ подь пару, нашему льву литовскому, великому Кейстуту Гедиминовичу, была!..

Княжна усмѣхнулась.

— Ну вотъ видишь, Вундина, какого же вы мнѣ съ батюшкой женишка прочите?.. ну, сама ты посуди, какая же я пара твоему заморенному князю Болеславу, онъ мнѣ по плечо, а ты сама говоришь я еще выросту!

— Да какого же тебѣ богатыря надо... ты только кругомъ взгляни.. Ну, чѣмъ хуже князь Мазовецкій, другихъ вельможъ и магнатовъ польскихъ... да давно ли у нихъ и король то былъ шести пядей ростомъ, его и прозвали такъ „Локетокъ“!.. какъ въ сказкѣ мальчикъ съ пальчикъ... а чѣмъ не король былъ... и сынъ его, чуть повыше былъ, и за того, тетушка твоя Альдона Гедиминовна вольной волею пошла!.. Надо итти, коли выбирать не изъ кого!.. Потомъ, тетушка Айгуста...

— Ну, пусть онѣ выходили... я не пойду... а ужъ, если выбирать, такъ развѣ одинъ свѣтъ что въ Польшѣ? развѣ въ Москвѣ жениховъ мало... Развѣ не туда выданы были двѣ моихъ тетушки?.. Да развѣ русскіе князья Рюриковичи худороднѣе Пястовичей, этихъ латинскихъ заморышей!..

— Э!... э!... Вотъ ты куда, моя лебедь бѣлая, махнула... теперь понимаю... Полюбился тебѣ, видно, русскій удалецъ, смоленскій князь Давидъ Глѣбовичъ, что у насъ въ Эйраголѣ прошлую зиму въ заложникахъ жилъ?

Княжна вскочила со своего мѣста и горячо обняла свою мамку, лицо ея пылало.

— Молчи! молчи, Вундина!—твердила она,—не буди въ моей памяти счастливыхъ дней..

— Да теперь объ этомъ бракѣ и думать нечего... Великій князь пошелъ войной на Московское государство... Почитай, теперь тамъ кровавые рѣки льются. Не отдастъ тебя государь батюшка за врага!

— Знаю, знаю, Вундина, отъ того сердце мое на части разрывается!.. Не бывать мнѣ за моимъ соколикомъ яснымъ... Да только сердце вѣщунъ... Чуетъ оно, что прійдетъ пора — свидимся... Литва и Русь братья родные... это не вѣмцы, крыжаки проклятые, побьются и помирятся... Не вѣчно войнѣ быть... А тогда... милая Вундина,—вдругъ страстно и быстро заговорила она,—помоги мнѣ только время проволочить... только время проволочить, а чуетъ мое сердце, увижу я моего соколика яснаго!

VI.

Пѣвецъ.

Э... эхъ, княжна, или ты мало батюшку князя Вингаллу Кейстувовича знаешь... Развѣ ему перечить можно!... Что захотѣль, то и сдѣлаетъ!

— Эхъ, нянюшка, болѣзная ты моя, видно и ты свою вскормленницу, княжну Скирмунду, тоже мало знаешь...—слово въ слово, отвѣчала съ усмѣшкой молодая красавица, —ужь, если она упрется на своемъ, развѣ связавъ ей руки и ноги выдадутъ за немилаго.. Такъ ты и знай... Руки на себя наложу, въ окошко выкинусь, а не буду за этимъ коротышемъ мазовецкимъ!—При этихъ словахъ глаза ея сверкнули такой рѣшимостью, что старуха поняла, что длить разговоръ на эту тему опасно, и замолчала.

Молчала и княжна. Она уже не всматривалась больше въ узкую полоску дороги, змѣей извивавшейся по луговой сторонѣ Дубиссы, ея взглядъ невольно спустился на дворъ замка, лежащій прямо у ея ногъ.

Конюхи и оруженосцы разсѣдывали лошадей. Другіе водили взмыленныхъ коней по мощеному двору, иные, привязавъ благородныхъ животныхъ къ коновязямъ подъ навѣсами, болтали между собой, подчасъ перерывая веселую болтовню смѣхомъ или бранными восклицаніями.

Молодая дѣвушка нѣсколько минутъ глядѣла на эту пеструю, оживленную картину; вдругъ взглядъ ея сверкнулъ негодованіемъ и она рукой показала старой мамкѣ на превосходнаго вороного коня, котораго водилъ по двору оруженосецъ въ желѣзномъ шлемѣ и такомъ же нагрудникѣ. Попона на конѣ была черная безъ украшеній, грудь, голова и шея прикрыты чешуйчатой броней, а у задней луки высокаго сѣдла висѣлъ шестоперъ. Ясно было, что конь рыцарскій и даже рыцаря не простого, такъ какъ на сѣромъ плащѣ, прикрывавшемъ нагрудникъ оруженосца, былъ вышитъ гербъ подъ графской короной.

Двухъ другихъ коней, тоже закованныхъ въ броню, водили по двору кнехты (родъ молодыхъ оруженосцевъ), а въ углу двора стояла крытая бричка нѣмецкаго фасона, нагруженная всякимъ дорожнымъ скарбомъ.

—Что это?.. Ты видишь, Вундина... Неужели отецъ опять дозволяетъ рыцарскимъ подошвамъ осквернять плиты Эйрагольскаго замка?

— Что дѣлать, красавица ты моя! что дѣлать! приказъ строгій отъ великаго князя—держатъ съ крестовиками миръ и союзъ... Ослушаться нельзя... Сама знаешь, съ Витовтомъ Кейстувовичемъ шутить, охъ, какъ опасно!

— Нѣтъ, няня, няня! не ко времени я, видно, родилась... Не умѣю я таиться и скрытничать... Нѣтъ, няня... вижу я, что и

литвины всё выродились... О дѣдушкѣ Гедиминѣ, о славномъ князѣ Маргерѣ только въ пѣсняхъ поется... вотъ это были настоящіе люди, настоящіе литвины... а теперь что?.. Ради выгоднаго мира дочь родную готовы, пожалуй, за тевтонскаго магистра замужъ выдать!!

— И, что ты, мать моя, да развѣ эти вояки желѣзные могутъ жениться?.. Они все равно, что у насъ вайделотки...

— Знаю, знаю, да у насъ развѣ Криве-Кривейто*) не позволили бабушкѣ Бирутѣ замужъ итти... ну и у нихъ есть свой Криве-Кривейто, гдѣ-то тамъ въ Авиньонѣ сидитъ... для Божьяго дѣла на все разрѣшеніе даетъ, за мѣшокъ золота... а мы, женщины несчастныя, словно выкупъ какой, словно вещь бездушная, идемъ въ придачу!..

— Зачѣмъ они здѣсь, эти рыцари?—вдругъ съ гнѣвомъ перебила собственную рѣчь Скирмунда...—Даромъ они не поѣдутъ... а охотой ихъ отецъ не позоветъ... Что имъ здѣсь нужно?.. Или опять за заложниками пріѣхали?.. Мало имъ, что-ли, что они двухъ сыновою у самага Витольда отравой извели... еще литовской крови захотѣли, вѣрони окаянныя!..—Въ голосѣ Скирмунды слышалась такая ненависть, такое озлобленіе противъ нѣмцевъ, что даже старая Вундина, кровная жмудинка, съ молокомъ матери всосавшая родовую месть къ этому народу разбойниковъ-пришельцевъ, невольно качала головой и старалась успокоить княжну, перемѣнивъ разговоръ.

— А слышала ли ты, моя лебедь бѣлая, старый Молгасъ изъ Трокъ возвратился, у сѣнныхъ дѣвушекъ теперь сидитъ... сколько пѣсенъ новыхъ сложилъ, да какихъ—заслушаешься!

— Ахъ, Вундина, что же ты давно не сказала... зови, зови его сюда... люблю я слушать его пророческія пѣсни... вотъ онъ, хоть старъ, хоть слѣпъ, а настоящій литвинъ, и за мѣшокъ золота проклятыхъ крыжаковъ славить не будетъ... зови его, зови, да кличь сюда сѣнныхъ дѣвушекъ, подружекъ моихъ!

Вундина медленно вышла, а Скирмунда снова стала глядѣть на дворъ замка.

— Проклятые крыжаки, зачѣмъ они здѣсь?.. Зачѣмъ они здѣсь? Чуетъ мое сердце, не къ добру эти вороны залетѣли въ наши стѣны!.. Не къ добру.

Ея размышленія были прерваны приходомъ старой мамки; сзади нея шелъ старикъ огромнаго роста съ сѣдой окладистой бородой. Изъ-подъ густыхъ, нависшихъ бровей, прямо въ упоръ глядѣли большіе, широко открытые глаза. Они были тусклы и безжизненны, уже давно погасло для нихъ и солнце красное, и безконечная красота природы, но зато просвѣтлѣла могучая душа старика, и пѣсни, дивныя пѣсни полились поды звуки простой незагнѣливой лиры.

Старый Молгасъ былъ дорогимъ гостемъ въ каждомъ княже-

*) Верховный жрецъ.

скомъ замкѣ, въ каждой убогой хижинѣ; сотни, тысячи народа сбѣгались послушать его вѣщихъ пѣсень, но старикъ больше всего любилъ глухую Жмудь, свою родину, своего князя Вингаллу и его красавицу дочь.

Бывало, когда она была еще маленькимъ ребенкомъ, онъ по цѣлымъ днямъ проводилъ въ ея теремѣ, и молодая княжна не только выучилась у него всѣмъ старымъ, литовскимъ пѣснямъ, которыя онъ передавалъ съ такою любовью, но разумѣла также подыгрывать на его деревянной лирѣ, предпочитая ее волошской лютнѣ, на которой ее заставляли учиться.

Вслѣдъ за старикомъ въ комнату ввалилась цѣлая толпа сѣнныхъ дѣвушекъ и подружекъ. Это были все свѣжія, молодые, красивыя лица литовскаго типа, всѣ были веселы, беззаботны. Легко и привольно жилось имъ въ богатомъ и крѣпкомъ замкѣ Эирагольскаго князя.

Почти съ дѣтскою радостью встрѣтила княжна своего любимца, усадила его, поднесла изъ своихъ рукъ чару заморскаго вина и подала знакъ всѣмъ дѣвушкамъ сѣсть полукругомъ около вѣщаго пѣвца.

— Что спѣть-то тебѣ, княжна матушка, чѣмъ потѣшить мое солнышко красное?—заговорилъ старикъ.—Старыя пѣсни мои всѣ давно состарились...

— Спой что-нибудь новенькое,—сказала княжна:—вотъ мамушка Вундина говорить, что ты много новыхъ пѣсень сложилъ.

— Сложилъ-то сложилъ, да только пѣсни все не тѣ, что въ княжескихъ хоромахъ поются... Не веселыя это пѣсни, печальныя... отъ нихъ сердце литовское кровью обливается...

— Такихъ-то мнѣ и нужно, старче... Литвинка я по отцу-матери... литвинкой умереть хочу... спой мнѣ мои родныя литовскія пѣсни. У насъ на Литвѣ больше нѣтъ смѣха и радости, пой мнѣ про слезы и кровь... пой старина, пой ради Сатвароса!

Старикъ поставилъ на колѣни свой незатѣйливый инструментъ, ударилъ деревянными палочками по струнамъ, и струны издали жалобный, тихій звонъ.

Старикъ запѣлъ:

То не волки лютые завываютъ,
То не вѣроны летятъ на добычу,
То со всѣхъ краевъ царства нѣмецкаго
Собираются рыцарей тучи черныя,
Надвигаются на землю литовскую.

Ой, Литва, моя родина,
Ты слезами обливаешься,
А тѣ слезы—горючь огонь,
Какъ смола кипятъ—сердце жгутъ!

Призадумался князь Витольдъ Кейстutowичъ,
Стало жалко ему родной земли,
Погодалъ—подумалъ онъ со княгинею,
И за вѣчный миръ отдалъ въ заложники
Двухъ сыновей своихъ—малыхъ дѣтушекъ!

Ой, Литва, моя родина,
Ты слезами обливаешься,
А тѣ слезы—горючь огонь,
Какъ смола кипятъ—сердце жгутъ!

*

Не сдержали нѣмцы треклятые
Слова честнаго подь присягою,
И учали надъ Литвою хозяйничать
И мечемъ, и крестомъ и веревкою.
Обращать всю жмудь въ свою вотчину!

Ой, Литва, моя родина!.. и т. д.

* * *

Не стерпѣлъ тутъ князь Кейстutowичъ:
Сбиралъ-созвалъ мощь литовскую
И разбилъ-размель силу поганую!..
Да крестовики нѣмцы-измѣнники
Извели его дѣтокъ отравкою!..

Ой, Литва, моя родина.

* * *

Ой! не плачь не горюй, свѣтъ княгинюшка,
Отомстить Литва твоихъ дѣтушекъ,
Отольются слезы нѣмцамъ впятеро,
Отольется кровь нѣмцамъ во сто разъ:
Дай собраться намъ только съ силою!

Ой, Литва, моя родина!..

Пока пѣлъ старикъ, тихонько подыгрывая себѣ на струнахъ, всѣ взгляды были обращены на него. Каждая слушательница боялась пропустить хоть одно слово изъ этой новой, еще не слышанной пѣсни. На длинныхъ рѣсницахъ молодой княжны повисли слезы.

Сколько разъ, вдвоемъ съ великой княгиней Анной, своей теткой, она оплакивала, бывало, погибель этихъ невинныхъ малютокъ, павшихъ жертвою нѣмецкаго варварства и жестокости. Теперь, при одномъ воспоминаніи, жгучія слезы готовы были

хлынуть у нея изъ глазъ. Красны дѣвицы тоже сидѣли потупившись, и въ нихъ тоже бились литовскія сердца, бѣжала литовская кровь, а въ то время это было равнозначуще смертельной враждѣ къ вѣроломному, беспощадному разбойнику—сосѣду.

— А когда это время настанетъ, насъ и на свѣтѣ живыми не будетъ,—печально молвила княжна,—вывелись литовцы, забыли мстить врагамъ! Всталъ бы теперь Кейстутъ Гедиминовичъ изъ гроба, да посмотрѣлъ, что кругомъ дѣлается... У насъ по княжескимъ замкамъ отъ нѣмцевъ тѣсно... Дня бы съ нами не прожилъ—ушелъ бы обратно въ могилу.

— Эхъ, княжна, княжна,—со вздохомъ отвѣчалъ слѣпецъ,—много я мыкался по чужимъ землямъ, по чужимъ людямъ, слово одно новое услыхать мнѣ довелось, да такое чудное, что не знаешь, какъ его и понять... Двухъ враговъ въ одинъ день мирить, двухъ братьевъ на ножи вѣдетъ, отца противъ сына на бой гонить, честнаго человѣка скоморошью маску надѣвать заставляетъ, а уже безъ лжи, обмана и притворства это слово не дѣйствуетъ!

— Какое же это страшное слово?..—съ любопытствомъ спросила княжна.

— Слово великое, видно самъ поклусъ *) его выдумалъ а зовется оно по-латински «политика».

— Политика!—какъ эхо, повторила княжна.

Старикъ хотѣлъ было продолжать объяснене этого роковаго слова, но тутъ, запыхавшись, въ теремъ вбѣжала сѣнная дѣвушка, стоявшая на стражѣ.

— Князь, князь сюда жалуетъ!—быстро проговорила она и широко растворила дверь. Дѣвушки быстро раздались по сторонамъ. Княжна встала со своего мѣста и повернулась къ дверямъ. Князь вошелъ, подошелъ къ дочери и поцѣловалъ ее въ лобъ.

Это былъ старикъ лѣтъ 55, сутуловатый, широкоплечій, съ большою рыжей бородой, прикрывавшей ему половину груди. Волосы начинались низко на лбу и придавали его лицу выраженіе упорства и упрямства. Густыя брови отъѣняли свѣтлые пронизательные глаза и рѣкаяя складка на лбу между глазъ, говорила о какой-то постоянной, затаенной думѣ.

Движеніемъ руки выслалъ онъ изъ терема всѣхъ присутствовавшихъ и остался наединѣ съ дочерью.

— Ну, Скирмунда,—началъ онъ, стараясь придать своему голосу ласковое выраженіе,—я пришелъ поговорить съ тобой о важномъ дѣлѣ.

— Я готова слушать твою волю, батюшка.

— Дѣло касается тебя, больше чѣмъ меня, и я бы хотѣлъ знать твое мнѣніе, прежде чѣмъ дать свое слово.

— Ты очень милостивъ, батюшка,—проговорила Скирмунда, цѣлуя руку отца,—говори, что я должна дѣлать.

— Князь мазовецкій, Болеславъ, просить руки твоей... Ты уже

*) Богъ ада.

не дитя и должна понять, что такой жених находка: молодъ, великаго рода, богатъ, могущественъ...

Скирмунда молчала, старикъ продолжалъ:

— Въ теперешнемъ положеніи Литвы, моего и твоего отечества, такой союзникъ, какъ князь мазовецкій, одинъ изъ важнѣйшихъ совѣтниковъ польскаго королевства, клейнодь, которымъ пренебрегать нельзя. Кругомъ насъ враги: и вѣмцы, и ливонцы, и татары, и Московія, одна только Польша, благодаря дядѣ Ягайлло, дружественна; да что значить ея дружба, когда пань-рады будутъ противъ, а Мазовія лучшій вѣнокъ въ коронѣ польской, князь Болеславъ крупный голосъ на сеймѣ...

— Батюшка!—вдругъ съ ужасомъ заговорила Скирмунда,— ты могъ приказать, и самъ пришелъ уговаривать меня... Батюшка, прости меня, если я отвѣчу тебѣ. Не неволь итти за немилаго, не любовь онъ мнѣ. Душа къ нему не лежитъ, видѣть его не могу, не женихъ онъ мнѣ!..

Съ удивленіемъ, даже съ жалостью, посмотрѣлъ старый князь на свою дочь. Давно уже никто, зная его непреклонный нравъ, не смѣлъ возражать ему или итти противъ его воли. Рѣдко ему приходилось говорить со Скирмундой. Полная тревога боевой жизни, судьба по цѣлымъ годамъ уносила его изъ родимаго гнѣзда, и его Скирмунда росла одиноко на рукахъ мамушекъ и нянюшекъ въ своемъ одинокомъ, высокомъ теремѣ. Отецъ мало зналъ свою дочь, но любилъ ее горячо, какъ единственную память рано умершей красавицы жены. Онъ до старости остался вѣрнымъ слову, данному на смертномъ одрѣ его покойной княгинѣ, и не ввелъ въ свой замокъ второй жены, не далъ своей малюткѣ-дочери махи!

Отвѣтъ Скирмунды и удивилъ, и опечалилъ его. На этомъ союзѣ и онъ, и его братъ, великій князь Витольдъ, основывали столько политическихъ соображеній, что смѣшно было бы пренебречь ими изъ пустаго каприза своеправной дѣвушки! Да и какая дѣвушка не станетъ отнѣкиваться отъ замужества? Всѣ эти мысли какъ-то разомъ набѣжали въ голову старику князю, и онъ уже совсѣмъ шутя и отечески нѣжно сталъ уговаривать Скирмунду, не противиться этому браку, доказывая, что «сживется—слюбится».

Но велико было его изумленіе, когда, вмѣсто уступокъ со стороны дочери, онъ услышалъ твердый и опредѣленный отвѣтъ:—Нѣтъ—никогда, не бывать этой свадьбѣ!

Князь всыхнулъ и грозно топнулъ ногой.

— Не пойдешь за него, силой выдамъ!—загремѣлъ онъ и хотѣлъ выйти изъ свѣтлицы, но Скирмунда поняла, что рѣзкостью ничего не подѣлаешь со старымъ упрямымъ и въ слезахъ бросилась къ его ногамъ, цѣловала его руки, обливала ихъ слезами.

— Не неволь, не губи ты моей молодости!—шептала она, и слова эти, и слезы какъ-то не вязались съ ея первыми рѣчами. Она, очевидно, испытывала послѣднее средство умиловить отца, зная, что для упорства всегда еще останется время.

— Батюшка, пощади, я еще такъ молода, дай мнѣ еще пожить на свободѣ, не гони меня силою на чужую сторону... Подожди, дай отпраздновать лѣто красное... Осень настанетъ, пора листопада, твоя воля, дѣлай со мной, что хочешь!

Говоря это, Скирмунда не вставала съ колѣнъ и не переставала цѣловать морщинистую руку отца. Старикъ снова поглядѣлъ на нее, губы его чуть-чуть дрогнули. Ему, очевидно, стало жаль своей плачущей дочери.

— Хорошо, посмотрю, подумаю,—проговорилъ онъ глухо,—скажу, что тебѣ занедужилось... Не неволю итти сегодня съ чарою и съ дарами къ дорогимъ гостямъ, даю тебѣ время одуматься, ну, а если и послѣ ты моей волѣ перечить станешь, силою выдамъ за князя Болеслава.

— Батюшка, какъ благодарить тебя!..—вскричалъ Скирмунда, но старый князь, словно устыдясь своей слабости, вырвалъ руку изъ рукъ дочери и быстро вышелъ изъ ея свѣтлицы.

Скирмунда нѣсколько секундъ глядѣла ему вслѣдъ, словно обдумывая его послѣднія слова, потомъ быстро прошла въ смежный покой и бросилась на свою одинокую дѣвичью постель. Она не плакала, а только нервныя рыданія высоко поднимали грудь ея. Спрятавъ лицо въ подушки, она по временамъ вздрагивала всѣмъ тѣломъ.

Вдругъ занавѣсь на двери, ведущей во внутренніе покои, слегка зашевелилась, дверь скрипнула и на порогѣ показалась высокая худая женщина, со вдовьей повязкой на волосахъ, въ бѣлой шерстяной одеждѣ, національнаго жмудинскаго покроя.

Лицо этой женщины было еще не старо, но горе и страданія положили на него свою неизгладимую печать. Темные глаза сверкали въ глубокихъ орбитахъ. Взглядъ ихъ былъ упоренъ и проницателенъ.

Тихо, чтобы не встревожить княжну, она скользнула вдоль комнаты и прилегла головой на уголь кровати, у ногъ Скирмунды. Та вздрогнула, окинула взглядомъ вошедшую, радостно вскрикнула, обняла ея станъ и стала покрывать горячими поцѣлуями ея блѣдное лицо.

— Радость моя, жизнь моя! Бѣдная, дорогая моя Германда, счастье мое, давно ли ты возвратилась?—радно твердила княжна, узнавъ въ пришедшей свою жмудинку—кормилицу, вскормившую ее грудью.

— Часу нѣтъ, какъ изъ Вильны пріѣхала. Войти боялась, слышала—самъ князь здѣсь былъ...

— Былъ, Германда, былъ, да не на радость приходилъ сюда. Жениха онъ мнѣ сватаетъ, немилаго, постылаго, латинской вѣры, пѣльскаго заморыша... Не хочу я за него итти, не хочу, не хочу... Придумай, что мнѣ дѣлать, посоветуй, я сама голову потеряла... Няня, няня, не правда ли, ты поможешь, поможешь мнѣ?

Глаза литвинки сверкнули.

— Клянусь тебѣ великой Прауримой, пока жива, пока цѣлы

мои руки и ноги, защищать тебя!.. Пускай испробуют вырвать тебя из моих объятий!.. Узнают тогда, что у жмудинской волчицы есть и зубы, и когти.

VII.

Сигонга.

Ахъ, мама, мама, отъ тебя я первой слышу слова утѣшенія, ты одна не продашь и не выдашь меня. А кругомъ меня кто?.. Вотъ нянюшка моя Вундина, да и той польскіе наряды и польскій обычай голову вскружили!.. Хотятъ меня за одно съ отцомъ выдать за этого маза латинскаго... за князя Болеслава!

— За князя Болеслава мазовецкаго?!—воскликнула въ ужасѣ кормилица,—за того самаго князя Болеслава, который вмѣстѣ съ крыжаками, въ впозапрошломъ году подъ Дубной разбилъ и разграбилъ нашихъ Ромновъ, двухъ криве на кострѣ сжегъ и всѣхъ плѣнниковъ сначала силой окрестилъ, а потомъ въ неволю отдалъ проклятымъ крыжакамъ. Нѣтъ, не бывать этому... не бывать этому!

— Что же дѣлать, родная моя, что придумать? Батюшка гнѣвенъ, воля его непреклонна, ни слезы, ни мольба не помогаютъ... Что дѣлать, что дѣлать?

— Что я могу тебѣ посовѣтовать?.. Жизнь свою за тебя положить готова, а какой совѣтъ могу я дать?.. Но постой, постой, мое дитяtko, здѣсь всего часахъ въ двухъ пути, въ глубокой пещерѣ, надъ самою Дубиссою, живетъ сигонга Тренята *), прозорливѣе его нѣтъ во всѣхъ Эйрагольскихъ земляхъ, вотъ къ нему бы сходить посовѣтываться... или сюда привести, чтобы ты сама съ нимъ поговорила... Да нѣтъ, не пойдетъ святой сигонга въ нашъ замокъ, на дворѣ теперь словно ярмарка: и ляхи, и мазы, и татары, и даже нечисть крыжакская... однихъ жидовинъ только не хватаетъ, не можетъ же прозорливецъ сигонга итти въ такую скверну!

— Какъ же быть?! Ты мнѣ подала благой совѣтъ. Великая богиня Праурима одна могла тебѣ послать такую свѣтлую мысль... Позови его сюда, заклинай его всѣми богами... я вѣрю, я знаю, что только онъ одинъ, чуждый грѣховъ и соблазновъ свѣта, подастъ мнѣ благой совѣтъ!..

Молодая дѣвушка говорила такъ страстно и такъ убѣдительно, что старая кормилица, несмотря на усталость отъ долгаго пути, тотчасъ же рѣшилась отправиться къ жилищу отшельника.

Солнце уже низко сіяло на горизонтѣ, когда она добралась до пещеры, служившей убѣжищемъ прозорливому старцу. У

*) Отшельникъ.

грубаго плетня, который закрывалъ входъ въ пещеру, на огромномъ пнѣ, сваленнаго бурей дуба, сидѣло живое существо крайне страннаго вида.

Съ перваго взгляда бросался въ глаза высокій, совершенно лысый черепъ, вокругъ котораго, словно ореоломъ, ниспадали на плечи космы сѣдыхъ длинныхъ волосъ, уцѣлѣвшихъ только вокругъ головы, въ формѣ вѣнчика.

Узкая рѣдкая, но длинная, сѣдая борода дрожала при каждомъ движеніи, а изможденное, покрытое перекрещивающимися по всему направленіямъ морщинами, лицо было желто, словно восковое. Изъ-подъ нависшихъ сѣдыхъ бровей и такихъ же рѣсницъ глазъ почти не было замѣтно, а костлявое, неуклюжее худое тѣло прикрывала старая дырявая бѣлая рубашка, да что-то вроде свитки, изъ бывшаго когда-то бѣлымъ сукна.

Старикъ сидѣлъ скорчившись, поджавъ подъ себя ноги и ковыркою быстро плелъ лапотъ, другой, уже совсѣмъ готовый, стоялъ около. Возлѣ старика, на томъ же пнѣ, лежалъ цѣлый пучекъ очищенныхъ и заготовленныхъ лыкъ.

Отшельникъ давно уже замѣтилъ подходившую къ нему женщину, и даже узналъ ее, но не подаль вида, что замѣчаетъ ея приближеніе.

Въ теченіе послѣднихъ дней многіе изъ челяди князя Эйрагольскаго перебивали у его убѣжища и, сами зло не помня, сообщали ему всѣ новости. Давно уже зналъ отшельникъ, что въ Эйрагольскомъ замкѣ большой сѣздъ, что князь мазовецкій Болеславъ пріѣхалъ сватать дочь князя Вингаллы. Онъ только не зналъ, какъ принялъ князь это предложеніе.

Германда подошла къ отшельнику и распростерлась у ногъ его. Старикъ протянулъ руку, положилъ ей на голову въ видѣ благословенія и проговорилъ какимъ-то страннымъ, замогильнымъ голосомъ:

— Благословеніе великаго Перкунаса будь надъ тобою, дочь моя. Говори что тебѣ надо... Видно, что дѣло твое спѣшное, если ты идешь тревожить сигонту послѣ солнечнаго заката и еще не отдохнувъ сама съ долгаго пути?

Эти слова, казалось, совсѣмъ ошеломили Германду; ей казалось непонятнымъ, почему могъ знать удаленный отъ міра отшельникъ, что она имѣетъ къ нему важное дѣло, и что только что возвратилась изъ путешествія?

— Не по своей волѣ пришла я, прислала меня къ тебѣ дочь моя названная, которую я годъ кормила грудью своею; заклинаетъ тебя княжна Скирмунда Вингалловна прійти къ ней въ теремъ, хочетъ она просить твоего совѣта и помощи. Самъ громовержецъ Перкунасъ просвѣтилъ твой разумъ, о, святой сигонта, помоги намъ, дай совѣтъ, какъ уйти отъ бѣды неминуемой?!

— Что, или вправду засватали латынщика?—спросилъ пылливо сигонта.

— Спать и видить нашъ князь выдать дочку за этого маза проклятаго, за князя Болеслава...

— Ну, а княжна что?.. Упирается, небось?.. Не сладко итти на чужую сторону къ латынцамъ... Вотъ въ Московію другое дѣло... Тамъ твоей совѣсти не неволять!

— Такъ, такъ, святой отецъ... Княжна горюетъ, убивается... Князь гнѣвнень, какъ тутъ быть, какъ горю помочь? Боясь, чтобы она руки на себя не наложила! Пойдемъ со мной, можетъ ты, святой отецъ, что посовѣтуешь, разговорить ее, на тебя одна надежда!

Старикъ задумался. Перспектива стать между разгнѣваннымъ княземъ и упорной княжной ему не улыбалась, и онъ проговорилъ твердо и внушительно:

— Итти къ вамъ въ замокъ?! Да подумала ли ты, старуха, что у васъ что ни шагъ, то скверна, что ни шагъ, то соблазнъ, крыжаки, ливонцы, ляхи, латинскіе попы; да у васъ въ одинъ часъ такъ осквернишься, что потомъ въ цѣлый годъ всѣми водами стараго Нѣмана не отмоешь скверны и не посмѣешь итти молиться отцу нашему, громовержцу Перкунасу!..

— Ну, что же я скажу моей бѣдной княжнѣ? Что я ей скажу?.. На тебя, на твои совѣты была одна надежда!..

— Итти самъ, не пойду, а совѣтъ отчего не дать, если просятъ его отъ чистаго сердца... Ну, говори, старуха, что совѣты-вать, говори точнѣе, я пойду помолюсь, авось небесъ зиждатель Сарваросъ и грозный Перкунасъ просвѣтятъ мой умъ для отвѣта... Говори скорѣй!

— Святой отецъ, ужъ коли итти не можешь, такъ посовѣтуй, какъ избавиться отъ немилаго суженаго? Какъ устоять противъ воли отцовской? Какъ отвратить, отъ дочери моей нареченной, черную гибель?

— Только-то?..—переспросилъ старикъ...—Больше ничего?

— Ничего святой человѣче, ничего больше.

Старикъ отодвинулъ плетень и вошелъ въ пещеру. Тамъ онъ распростерся ницъ предъ деревяннымъ чурбаномъ, грубо обдѣланнымъ въ форму человѣческаго существа; ноги истукана были одѣты въ новые лапти, станъ подпоясанъ бѣлымъ полотенцемъ.

Полежавъ нѣсколько минутъ предъ изображеніемъ Перкунаса, старикъ медленно всталъ, снова распростерся и послѣ третьяго повторенія поклона, вышелъ къ ожидавшей его старой кормилицѣ.

— Боги мнѣ сказали,—еще глуше, еще таинственнѣе проговорилъ онъ,—пусть Скирмунда вспомнить свою тетку Бируту и что она дѣдала, чтобы избавиться отъ перваго жениха...

— Старче святой, я ничего не понимаю... Ради великой Прауримы, говори яснѣй... ничего, ничего не поняла!—со слезами умоляла Германда, но отшельникъ не хотѣлъ слушать ее больше, онъ снова пошелъ къ пещерѣ и задвинулъ за собой плетень.

Старуха не посмѣла ворваться за старымъ сигонтой въ его убѣжище. Она постояла нѣсколько минутъ у забора, умоляя

разъяснить ей неясный отвѣтъ, но сигонта былъ неумолимъ и старуха медленно пошла по направленію къ замку.

Уже ночь, тихая, ароматная, звѣдная легла на землю, когда, наконецъ, добралась старая кормилица до воротъ замка. Стража едва пропустила ее, и старуха, чуть держась на ногахъ отъ усталости, пробралась на верхъ въ свой покой, примыкавшій къ опочивальнѣ княжны.

Скирмунда не спала. Съ понятнымъ нетерпѣніемъ ждала она свою кормилицу, ждала отвѣта на мучавшіе ее вопросы. Едва успѣла скрипнуть дверь въ комнатѣ кормилицы, она уже была тамъ и засыпала старуху вопросами. Германда тотчасъ же, слово въ слово, передала отвѣтъ отшельника. Скирмунда на минуту задумалась, потомъ вдругъ, словно искра рѣшимости сверкнула въ ея глазахъ, она бросилась къ красному углу своей опочивальни, гдѣ на полкѣ стояло серебряное изображеніе богини Прауримы и воскликнула:

— Клянусь тебѣ, великая Праурима, если меня приневолятъ, я поступлю такъ же,

VIII.

П и р ь

Мраченъ и разстроены возвратился въ свои покои князь Вингалла. Разговоръ съ дочерью, ея слезы, ея мольбы поколебали его твердую рѣшимость слѣшить бракомъ дочери съ княземъ Мазовецкимъ.

Онъ прошелъ въ свою опочивальню, предоставивъ своимъ боярамъ угощать и занимать пріѣзжихъ гостей. Племянникъ его, молодой князь Видомиръ, игралъ роль хозяина, яко-бы за нездоровьемъ самого князя Вингаллы и, надо отдать ему справедливость, прекрасно исполнилъ свою роль. Большинство гостей, и даже самъ князь мазовецкій Болеславъ и трое рыцарей были навеселѣ, изрядно пропустивъ ароматнаго литовскаго меда и золотого алуса. Рѣчи слетали оживленнѣе и оживленнѣе, и заздравницы слѣдовали за заздравницами.

Почтеннѣйшіе гости, рыцари, самъ князь Болеславъ, со своими сватами графомъ Мостовскимъ и графомъ Великомирскимъ сидѣли за большимъ, дубовымъ, овальнымъ столомъ, безъ мѣсть. Остальные гости: дворяне, и свита князя мазовецкаго обѣдали въ той-же хранинѣ, только за другими столами, сплошь заставленными всякими яствами.

Здѣсь были и цѣлые жареные вепри, и громадныя части царя литовскихъ пущъ зубра, и множество разной домашней и лѣсной птицы. Молчаливые, угрюмые слуги, въ бѣлыхъ кафтанахъ, то и дѣло разносили гостямъ въ серебряныхъ кувшинахъ меды

и алусть, а за главнымъ столомъ самъ княжій чашникъ, толстенькій кругленькій человекъ, съ румянымъ и лоснящимся лицомъ, и съ лысиной во всю голову, поминутно нацѣживаль въ золотыя и серебряныя чаши гостей дорогое венгерское вино, да порой, по особому приказу, многолѣтній медъ изъ заросшихъ мохомъ и плесенью глиняныхъ ендовъ.

Обѣдъ пришелъ къ концу. Гости были очень довольны приѣмомъ, только одинъ князь Болеславъ, молодой невзрачный человекъ, въ роскошной одеждѣ, шитой золотомъ и шелками, чувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ. Еще утромъ, во время приѣма гостей, самимъ княземъ Вингаллой, его старшій свать графъ Казимиръ Мостовскій передалъ изъ рукъ въ руки князю грамоту отъ отца князя Болеслава, самого владѣтельнаго князя Владислава, въ которомъ тотъ просить руки княжны Скирмунды, для единственнаго сына и наслѣдника князя Болеслава, а до сихъ поръ онъ не получилъ еще никакого отвѣта. Онъ не сомнѣвался въ томъ, что сватовство его будетъ принято благосклонно; уже болѣе года объ этомъ велись переговоры черезъ посредство каноника отца Амвросія, но все-таки внезапное нездоровье князя Вингаллы и его дочери, не присутствовавшей при официальномъ приѣмѣ и не поднесшей обычную чару вина гостямъ, заставляло его беспокоиться, и только одинъ неунывающий говорунъ патеръ Амвросій, сидѣвшій по его правую руку, поддерживалъ своими шутками его хорошее настроеніе духа.

— Вотъ такъ медъ! вотъ такъ медъ! голова свѣжа, ноги словно свинцовыя,—говорилъ онъ, грузно подымаясь изъ-за стола,—я увѣренъ, братъ Юсифъ,—обратился онъ къ одному изъ рыцарей, прибывшихъ съ командоромъ,—что у васъ въ конвентѣ такого и не водилось?!

— По уставу ордена намъ держать вина въ конвентѣ нельзя,—сурово замѣтилъ монахъ-рыцарь.

— А потому вы держите его въ приконвентскихъ слободахъ, это давно извѣстно, да это все невѣрно, въ законѣ вездѣ говорится о винѣ и елеѣ, а объ медѣ ни слова, стало быть его и можно пить во славу Господню! Ну-ка, господинъ подчашій, еще чашечку.

— Не смущай, отецъ капелянъ, мою братію,—замѣтилъ командоръ,—она и безъ того не очень-то держится устава

— И они правы, правы, отецъ командоръ!—со смѣхомъ возразилъ капелянъ,—святые отцы нарочно для того суровые уставы писали, чтобы развѣвать мозги наши, такъ жизнь прожить, чтобы и Бога не обидѣть и свое тѣло не изнурить... хэ... хэ... хэ, я въ этой наукѣ преуспѣлъ, могу похвастаться!—и онъ съ видимымъ удовольствіемъ похлопалъ своими пухлыми ручками по брюшку... „Не то, что видеть оскверняетъ человекъ“, помните, какъ въ писаніи!

— Отецъ капелянъ! Вы забываетесь! здѣсь не мѣсто поднимать религіозный споръ!—сверкнувъ глазами, проговорилъ вто-

рой рыцарь-монахъ, вовсе время обѣда не пившій ни капли, и съ явной брезгливостью оставлявшій нетронутыми кушанья.

— Ахъ, братъ Гуго, я и забылъ, что мы на пиру у людей не нашей вѣры!.. Но они добрые люди, не осудятъ... а я такъ говорю: въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не суйся!.. И отъ предложеннаго не отказывайся—это, братъ Филиппъ, въ писаніи сказано! это почище твоего устава... А ты!..— онъ покачалъ головой, показывая глазами на нетронутыя суровымъ рыцаремъ кушанья...— Не годится, отецъ Филиппъ и противъ писанія и противъ хозяевъ!..

На этотъ разъ намекъ былъ слишкомъ ясенъ, очевидно, капелянъ не стѣснялся выставять рыцарей явными недругами хозяевъ. Рыцари переглянулись, и командоръ жестомъ приказалъ имъ прекратить разговоръ. Но этого уже было довольно, чтобы остановить дальнѣйшее веселье. Молодой хозяинъ тотчасъ же понялъ это и, вставъ со своего мѣста, далъ знакъ окончить пиршество. Всѣ поднялись вслѣдъ за хозяиномъ и поклонились ему, благодаря за хлѣбъ за соль. Онъ отвѣтилъ общимъ поклономъ и предложилъ всѣмъ именитымъ гостямъ перейти на громадное крытое крыльцо замка, выходящее въ сторону, противоположную Дубиссѣ.

На зеленомъ лужку передъ крыльцомъ стояла цѣлая толпа поселянъ и поселянокъ изъ призамковыхъ деревень и слободъ. По приказанію стараго князя имъ были выкачены изъ княжескихъ погребовъ двѣ бочки пива и два жареныхъ быка. Народное пиршество было въ полномъ разгарѣ.

Громадный кругъ образовался въ одномъ изъ угловъ обширнаго замковаго двора и оттуда чуть слышались тихіе струнные звуки, и мѣрный подъ музыку рассказъ старика-гусляра.

— Что это, княже?—обратился вдругъ Болеславъ къ молодому хозяину,—и у васъ гусляры завелись, нельзя-ли послушать его лѣсенекъ?

— Наши гусляры простые жмудины, далеко имъ до вашихъ ученыхъ мейстерзингеровъ, какъ имъ пѣть при такихъ знатныхъ гостяхъ,—замѣтилъ Видомиръ, который испугался одной мысли показать дикаго пѣвца-патріота истиннымъ врагамъ Литвы и всего литовскаго.

— Я люблю Литву, люблю вашу дикую Жмудь и можетъ больше васъ ненавижу нѣмцевъ-крыжаковъ. Прошу васъ, князь, доставьте мнѣ случай послушать вашего гусляра. Очевидно, это не заурядный пѣвецъ: посмотрите, съ какимъ восторгомъ слушаетъ его народъ. О, завидѣнъ жребій пѣвца!.. Единымъ словомъ тронуть сотни, тысячи сердецъ! Зовите же его, зовите, дайте и намъ насладиться его вѣщими пѣснями.

— Я боюсь, они могутъ обидѣться!—шепнулъ князь, показывая глазами на рыцарей, которые теперь собрались въ кучку и о чемъ-то тихо разсуждали между собою.—Вѣдь пѣсни гусляра, особенно этого, я узнаю его, это Молгасъ, одинъ сплошной стонъ, одна сплошная жалоба на нѣмецкія козни!

— То-то и ладно! то-то и любо!.. Или и вамъ, княже, неприятно будетъ посмотрѣть, какія рожи скорчатъ эти проклятые крыжаки...

— Но они наши гости...

— Скажите лучше шпионы. Нѣмецъ даромъ дружить не будетъ... Какъ мы здѣсь съ ними за однимъ столомъ сидимъ да сладкія рѣчи говоримъ, а тамъ ихъ „гербовые“ стѣны, да рвы вымѣряютъ, да вашу стражу по одному подсчитываютъ, да своимъ золотомъ у васъ же въ стѣнахъ измѣну готовятъ. Знаю я нѣмецъ, всѣ на одинъ покрой, и повѣрьте, князь и мой братъ названный, лучше волка или рысь щадить, чѣмъ нѣмца!.. Будьте другомъ, князь, дайте хоть теперь надъ ними потѣшиться.

— Что же, была не была, я за гусляра не отвѣтчикъ,—усмѣхнулся молодой человекъ и послалъ одного изъ пажей за гусляромъ.

Пока онъ ходилъ въ толпу, изъ опочивальни самаго князя Вингаллы появился постельникъ; онъ подошелъ къ князю Болеславу, ударилъ челомъ и передалъ, что князь недужень, проситъ извинить его, что самъ не можетъ выйти къ именитымъ сватамъ, но проситъ ихъ пожаловать въ его покои. Оба свата встали и, поклонившись въ отвѣтъ на эти слова, собрались идти за постельникомъ. Капелянъ всталъ тоже и присоединился къ ихъ группѣ. Князь Болеславъ бросилъ на него вопросительный взглядъ.

— Трое суть коллегія,—отвѣчала капелянъ по-латыни.

IX.

Князь и каноникъ.

Гусляръ послушно явился на зовъ молодого князя.

Вся масса народа слѣдовала за нимъ и окружила высокое крыльцо, куда былъ введенъ слѣпецъ. Толпа была весела и видимо возбуждена довольно шумно. Алушь князя Вингаллы былъ отмѣнный и пришлось слишкомъ по двѣ квартиры на брата. То здѣсь, то тамъ слышались громкія изъявленія восторга и преданности своему князю. Только одно присутствіе ненавистныхъ крыжаковъ нѣсколько смущало общее настроеніе.

Съ нѣкоторыхъ поръ давленіе латинскихъ рыцарей на Жмудь сдѣлалось невыносимымъ. Крыжаки силою крестили населеніе, подпавшее, по мирному договору съ Витовтомъ, ихъ вліянію. Уже давно глухое броженіе охватывало всю страну и готово было перейти въ открытый мятежъ противъ нѣмцевъ.

Сигонты, криве и вайделоты поддерживали и ободряли эту племенную неукротимую ненависть, и кризисъ готовъ былъ разразиться ежеминутно.

Немудрено, что толпа, собравшаяся на праздникъ въ Эйраголу, состоящая почти исключительно изъ жмудиныхъ язычниковъ,

была поражена, увидѣвъ въ замкѣ своего обожаемаго князя трехъ представителей ненавистнаго имъ рыцарства. Рыцари, казалось, не замѣчали взглядовъ ненависти, которыми встрѣтила ихъ толпа, они презрительно улыбались и перебрасывались отрывистыми фразами между собою, пока молодой хозяинъ устраивалъ импровизированный концертъ для молодого князя мазовецкаго.

Старый гусларь ударилъ челомъ хозяину, потомъ гостямъ и присѣлъ, на принесенную прислугой, скамью.

— Что пѣть прикажешь, княже? чѣмъ гостей веселить?—спросилъ онъ тихо, перебирая струны.

— Здѣсь все свои,—по-литовски сказалъ князь мазовецкій и тихо улынулся,—спой, старче, про старое время, про старые походы, когда крыжачкая нога еще не оскверняла землю литовскую!

— Не вижу лица твоего, гость честной,—съ поклономъ отвѣчалъ пѣвецъ,—и рѣчь твоя мнѣ не знакома, а по выговору слышу, что ты чужестранецъ... Боюсь, чтобы пѣсни мои литовскія не показались тебѣ обидными!

— Я полякъ, изъ Мазовіи, поляки и литовцы братья, ваши вороги—наши вороги, пой, старче, про стараго Гедимина, пой про Льва литовскаго Кейстута, пой старче, смѣло, не щади только враговъ всего міра славянскаго!

Старикъ затрепеталъ. Пальцы его быстрѣе забѣгали по струнамъ, онъ сдѣлалъ нѣсколько переборовъ и запѣлъ своимъ разбитымъ, надтреснутымъ, но все еще чарующимъ голосомъ старинную литовскую пѣсню:

Ой литвинь, литвинь,
Не паши новинь...
Прахомъ все пойдетъ,
Нѣмецъ все возьметъ!

* * *

Сытый волкъ—и тотъ
Овцу не дереть,
А хоть сытъ крыжакъ
Жреть, какъ натоцакъ.

* * *

Лучше въ полѣ лечь
Подъ желѣзный мечъ,
Чѣмъ итти въ полонь,
Къ крыжакамъ въ загонь.

* * *

Эй, жену и дочь,
Нѣмецъ, не порочь!
Лучше смерть, чѣмъ стыдь:
Смерть мой соньотмстить.

* * *

Ой литвинъ, литвинъ
Не паши новипъ,
Лучше хлопочи—
Наточить мечи!

При послѣднемъ куплетѣ, безстрастно слушавшіе рыцари начали между собой перешептываться; когда-же слѣпой старикъ кончилъ, и оба князя, и всѣ гости, и свита зааплодировали и громкими похвалами стали изъяслять свой восторгъ, всѣ трое встали со своихъ мѣстъ, и звеня шпорами, подошли къ князю Видомиру.

— Князь!—сказалъ ему командоръ по-нѣмецки,—по уставу ордена мы должны провести этотъ часъ въ молитвѣ, могу-ли я просить приказать указать намъ приготовленный намъ покой!

— А! не любишь!..—прошепталъ тихо про себя князь мазовецкіе и дерзко взглянулъ на рыжаго рыцаря. Тотъ вздрогнулъ, рука его машинально опустилась на эфесъ меча, но строгій взглядъ командора, замѣтившаго это движеніе, остановилъ подчиненнаго. Гуго сверкнулъ глазами и потупился. Князь Видомиръ всталъ со своего мѣста и, какъ любезный хозяинъ, самъ пошелъ проводить дорогихъ гостей въ ихъ апартаменты.

Мазовецкій, оставшись одинъ, расхохотался и бросилъ кошелекъ съ деньгами на колѣна пѣвца.

Услыхавъ ненавистную нѣмецкую рѣчь, слѣпецъ умолкъ, онъ не понималъ, что это значитъ, какъ, какимъ образомъ очутились нѣмцы на праздникъ Эрагольскаго князя?

Онъ ошупалъ кошелекъ съ золотомъ, взялъ его въ руку и протянулъ обратно въ сторону князя мазовецкаго...

Я бѣдный литвинъ,—проговорилъ онъ гордо:—но мнѣ нѣмецкихъ денегъ не надо!..

— Успокойся, старче, это я, князь мазовецкій, даю тебѣ это золото за то, что ты выкурилъ отсюда нѣмцевъ, какъ ладонь нечистаго! Хвала тебѣ, вѣщій пѣвецъ... Приходи ко мнѣ въ Мазовію, я еще богаче награжу тебя...—хочешь я за тобой нарочнаго пришлю...

— Ой, княже! родился я литвиномъ, хожу по литовской землѣ, пою литовскія пѣсни, тѣшу сердца литовскія, не быть соловью на чужбинѣ, не жить литовскому зубру въ польскихъ лѣсахъ... Нѣтъ, княже, спасибо за зовъ и за милость, литовскаго рубежа не переступлю!

Толпа, разсѣявшаяся вокругъ крыльца, съ какимъ-то благоговѣйнымъ восторгомъ внимала словамъ своего обожаемаго пѣвца. Клики, восклицанія радости покрыли его послѣднія слова, такъ что дворяне и служители Эрагольскаго князя хотѣли было вмѣшаться и прогнать позабывшуюся толпу со двора замка. Но князь Болеславъ вступилъ за толпу и громко заявилъ, что онъ сердечно радъ видѣть такой патріотизмъ въ народѣ литовскомъ и что онъ гордится, считая себя гостемъ и отчасти родней этому народу!

Проговоривъ эту фразу, онъ приказалъ одному изъ своихъ дворовыхъ; исполнявшихъ при немъ обязанность казначея, бросить толпѣ цѣлый мѣшокъ мѣдныхъ и серебряныхъ монетъ.

Когда съ крыльца посыпался этотъ блестящій дождь металлическихъ кружковъ, толпа пришла въ неописанный восторгъ.

— Да здравствуетъ князь Болеславъ мазовецкій!

— Да здравствуетъ Пястовичъ! Живеть! живеть! Слава!—Гремѣла толпа и молодой князь нѣсколько разъ поклонился народу.

Онъ былъ очень хитеръ. Пріѣзжая сватать дочь князя Эйрагольскаго, онъ однимъ ударомъ хотѣлъ расположить къ себѣ не только боярство этой глухой части Жмуди, но и самый народъ, и удачно воспользовался первымъ подходящимъ случаемъ.

* *

*

Пригласивъ къ себѣ сватовъ Пястовича, князь принялъ ихъ весьма любезно, еще разъ извинился, что не могъ присутствовать за общей трапезой, приказалъ подать золотыя чаши и заросшія мохомъ бутылки меду и венгрежины и бесѣда началась.

Разумѣется, единственнымъ предметомъ разговора было письмо князя Владислава.

Прежде чѣмъ дать рѣшительный отвѣтъ, князь потребовалъ, чтобы ему указали, какимъ удѣломъ будетъ владѣть князь Болеславъ въ удѣлѣ отца?

Послы вынули и показали князю Вингаллѣ грамоту, подписанную княземъ Владиславомъ, по которой онъ уполномочиваетъ ихъ предоставить своему свату самому выбрать удѣлъ для будущаго зятя. Вопросъ былъ исчерпанъ и не подавалъ больше возможности къ отсрочкѣ, на которую рассчитывалъ Вингалла, въ которомъ отцовская любовь на минуту отгѣснила на задній планъ политическія соображенія.

— Но вашъ князь исповѣдуетъ латинскую вѣру, а я и дочь моя—мы родились и живемъ въ вѣрѣ отцовъ нашихъ... какъ обойти этотъ вопросъ... Я не могу неволить дочери... и не хочу этого!

— Это ужъ ваше дѣло, отецъ капелянъ,—обратился графъ Мостовскій къ канонику.

— О, ясносвѣтлѣйшій панъ князь!—съ поклономъ заговорилъ слугитель алтаря... Въ дѣлѣ государственномъ, политическомъ, когда всѣ другія условія соблюдены, что значитъ исполненіе вѣнчальнаго обряда... Я не могу допустить, чтобы такая высокопоставленная особа, какъ дочь такого высокопросвѣщеннаго князя, могла хоть на минуту задуматься надъ этимъ. Развѣ она не молится Богу?.. развѣ она не возсылаетъ своихъ молитвъ за отца, за мать къ престолу Господню?.. Богъ Господь вездѣ одинъ... разница только въ имени... въ словахъ молитвы... но духъ ея всегда одинъ и тотъ же!. Для видимости, для соблюденія обычая церкви, необходимъ одинъ незначительный обрядъ, мы его

можемъ совершить и келейно... Затѣмъ, кто можетъ, кто смѣетъ вмѣшиваться въ духовную жизнь такихъ высокихъ особъ, какъ князь и княжна мазовецкіе... Мы, бѣдные служители алтаря, должны настаивать и принуждать исповѣдываться, какъ учить святая церковь, только темный народъ, а надъ такими особами только одинъ Господь судія!. Было бы только искреннее желаніе вашей великокняжеской милости, да непротивленіе вашему желанію со стороны сіятельнѣйшей княжны...

Князь Вингалла вздрогнулъ. Глаза его сверкнули, каноникъ замѣтилъ это и продолжалъ.

— О!! если только съ этой послѣдней и важнѣйшей стороны не будетъ препятствій, если пресвѣтлая княжна Скирмунда не рѣшится итти и упорствовать противъ воли отца-владетелина и желанія всего края...

— Слышите, великій властитель, какъ торжественно и радостно привѣтствуютъ моего князя Болеслава ваши подданные! (Капелянъ услыхавъ крики толпы передъ крыльцомъ и воспользовался ловко обстоятельствомъ). О, тогда, тогда только этотъ обязательный союзъ еще больше закрѣпитъ узы дружбы между двумя братскими народами, на гибель исконныхъ враговъ Литвы, и Польши, и всего славянства... Но... онъ сдѣлалъ паузу... если княжна будетъ рѣшительно противъ этого брака и смѣло поидетъ противъ воли отца и интересовъ страны...

— Довольно!—вскрикнулъ князь Вингалла, поднимаясь со своего мѣста,—объявите вашему князю, что я принимаю его предложеніе. Смотрины будутъ чрезъ три дня!

X.

Посольство.

Роковое извѣстіе о томъ, что князь Вингалла далъ слово сватамъ князя мазовецкаго, достигло терема княжны Скирмунды раньше, чѣмъ самъ князь объявилъ свою волю дочери.

Это извѣстіе страшно поразило красавицу. Она знала непреклонный характеръ отца, знала, что теперь уже никакія силы не спасутъ ее отъ ненавистнаго брака, и въ головѣ ея вдругъ созрѣла рѣшимость дать знать объ этомъ отчаянномъ положеніи князю Давиду Глѣбовичу.

Молодой князь смоленскій, какъ мы уже знаемъ изъ разговора между Скирмундой и ея нянюшкой изъ боярынь Вундиной, дѣйствительно въ прошломъ году жостилъ въ Эйрагольскомъ замкѣ. Молодые люди полюбили другъ друга, обмѣнялись клятвами, и молодой князь уѣхалъ въ Смоленскъ къ своему отцу умолять его о согласіи на бракъ, и о посылкѣ свадебнаго посольства.

Война, внезапно вспыхнувшая между великимъ княземъ московскимъ и Витовтомъ, разрушила, или по крайней мѣрѣ отдалила этотъ планъ. Князь смоленскій стоялъ между двухъ огней, и долженъ былъ дать Витовту въ залогъ роднаго сына. Такимъ образомъ, князь Давидъ снова былъ въ Литвѣ, но, увы, жилъ въ Вильно, въ качествѣ заложника.

Къ нему-то и рѣшилась обратиться молодая дѣвушка съ мольбою спасти ее. Она знала, что старый Витовтъ очень расположенъ къ князю Давиду, и что стоитъ только великому князю Витовту сказать одно слово ея отцу, то не бывать ей за княземъ мазовецкимъ; удѣльный князь смоленскій, не потерявшій еще своей самостоятельности, значилъ больше подручника польскаго короля, какими были уже много вѣковъ князя мазовецкіе.

Въ тотъ же день, вѣрнѣе въ ту же ночь ея старая кормилица Германда снова ѣхала въ Вильно, откуда только что пріѣхала. Между многими гайтанами, висѣвшими на ремешкахъ, на ея груди была маленькая, кожаная сумочка, а въ этой сумочкѣ лежалъ лоскутокъ пергамента, на которомъ княжна наскооро написала нѣсколько словъ, прося князя вѣрить тому, что скажетъ ея вѣрная кормилица.

— Помни, моя вторая матушка,—дрогнувшимъ голосомъ говорила Скирмунда на прощаніе,—если черезъ три дня его здѣсь не будетъ... ужъ онъ не найдетъ здѣсь больше свою Скирмунду!..

— Вода камень долбитъ, разобьютъ мои слова его сердце, будь оно хоть каменное!.. Только берегись, дитятко, у ляховъ умъ лисій, языкъ медовый, а зубы волчьи..

— Не бойся, моя Германда, я внучка Бируты... и сумѣю постоять за свою свободу!

Они разстались.

На другой день утромъ князь Вингалла послалъ за своей дочерью и твердо, даже грубо передалъ ей свое рѣшеніе выдать ее за князя мазовецкаго.

Будь князь одинъ, княжна можетъ быть и постаралась бы смягчить старика, но въ опочивальнѣ князя находился его племянникъ Видомиръ и двое бояръ. Скирмунда молча поклонилась отцу, поцѣловала его руку и также молча ушла въ свой теремъ.

Послѣ ея ухода, у князя съ боярами и молодымъ Видомиромъ было нѣчто вродѣ военнаго совѣта. Въ ночь прибѣжалъ гонецъ отъ Витовта, онъ принесъ радостную вѣсть, что съ московскимъ княземъ заключенъ миръ, что до боя не дошло и что зять съ тестемъ *) опять друзья на всю жизнь.

У Литвы, такимъ образомъ, были развязаны руки и великій князь позволялъ князю Вингаллѣ, своему брату и подручному, прекратить съ Тевтоніею, прусскимъ орденомъ, всякія заграничяныя и уступки.

*) Василій Дмитріевичъ, великій князь московскій, былъ женатъ на дочери Витовта, Софьѣ.

Жмудь, широкой полосой раздѣлявшая владѣнія обоихъ монашествующихъ орденовъ тевтонско-пруссаго и ливонскаго, въ эпоху войнъ съ Польшей и Московіей, была почти уступлена крестоносцамъ, и они, какъ мы уже видѣли, жестоко хозяйничали въ ней.

Командоръ, графъ Брауншвейгъ, и его два рыцаря пріѣхали нарочно въ Эйрагольскій замокъ, чтобы пожаловаться князю Вингаллѣ на сопротивленіе подвластныхъ ему жмудинъ, огнемъ и мечемъ отстаивающихъ свою религію и своихъ боговъ. Во многихъ мѣстахъ были открыты бунты, и рыцари явились къ Вингаллѣ требовать жестокаго наказанія виновныхъ.

Еще вчера былъ въ силѣ строгій наказъ Витовта, не желавшаго, въ виду войны съ Москвою, усложнять свое положеніе разрывомъ съ орденомъ; онъ, скрѣпя сердце, долженъ былъ любезно принимать крыжацкое посольство и дружелюбно жать руку ненавистникамъ, которыхъ охотно бы сжегъ на кострѣ во славу великаго Знича, а сегодня обстоятельства измѣнились. Литовское сердце затрепетало отъ радости, и князь, казалось, помолодѣлъ на нѣсколько лѣтъ.

Съ утра служители заняты были приготовленіемъ къ торжественному приему посольства. Теперь князь Вингалла смотрѣлъ на этотъ приемъ, какъ на торжество, а не какъ на униженіе, и утромъ еще послалъ своего племянника просить князя Мазовецкаго и его дворянъ присутствовать на приемѣ.

Ровно въ полдень командору и его рыцарямъ, еще ничего не знавшимъ о гонцѣ, прискакавшемъ отъ Витовта, было объявлено, что князь ихъ ждетъ въ тронной залѣ.

Они уже были одѣты по парадному. Поверхъ желѣзныхъ кованыхъ латъ и колонтарей, была накинута шерстяная бѣлая мантия съ нашитымъ на ней чернымъ крестомъ.

Мечи висѣли на желѣзной цѣпи, обвитой вокругъ пояса. На щитахъ, которые держали оруженосцы, были вычеканены ихъ родовые гербы. Перья на шлемахъ были бѣлыя страусовыя, забрала подняты.

Предшествуемые двумя пажамъ, которые несли бархатную подушку со свиткомъ пергамента, украшеннаго большою сургучной печатью, вошли рыцари въ довольно мрачную, но высокую комнату, называемую въ замкѣ „тронной залой“.

Въ сторонѣ, противоположной двери, у стѣны стояло на возвышеніи большое дубовое кресло, покрытое аксамитомъ. Князь Вингалла въ бѣломъ суконномъ кафтанѣ, отдѣланномъ желтымъ шелкомъ, сидѣлъ въ немъ, опершись одной рукой на поручень, другой на кривую татарскую саблю.

По обѣимъ сторонамъ кресла стояли, въ бѣлыхъ глазетовыхъ кунтушахъ, два молодые литвина съ гладко выбритыми подбородками. Длинные висячіе усы украшали ихъ лица. Они держали въ рукахъ серебряные топоры, символъ власти.

По правую сторону трона на высокихъ скамьяхъ, поставлен-

ныхъ въ три ряда, помѣщались литовскіе бояре, дворяне и, наконецъ, почетная стража, въ самыхъ лучшихъ одеждахъ, при оружьи.

По лѣвую сторону, у самаго кресла великокняжескаго сидѣлъ на низкой скамейкѣ человѣкъ средняго роста, съ выразительной и крайне энергичной фізіономіей. Одежда его была скромна и проста, сравнительно со всѣми придворными. Длинный охабень, вродѣ халата изъ бѣлой шерстяной матеріи, обшитый зеленымъ сукномъ съ зеленымъ же широкимъ поясомъ, довершалъ его костюмъ; онъ держалъ въ рукахъ тонкій длинный жезлъ, на которомъ виднѣлся тройной крючекъ.

Это былъ великій первосвященникъ литвиновъ криве-кривейто, а кривуля въ рукѣ—знакъ его власти.

Князь Мазовецкій, его два свата—графы Мостовскій и Великомирскій, сидѣли на рѣзныхъ дубовыхъ креслахъ лѣвѣе криве-кривейто; ихъ свита стояла позади у оконъ.

Вингалла всталъ на встрѣчу посольству и принялъ изъ рукъ командора свитокъ. Это было письмо великаго магистра Юліуса Юнингена, въ которомъ онъ уполномочиваетъ командора графа Брауншвейга вести переговоры съ удѣльнымъ княземъ Жмуди Вингаллю Кейстутовичемъ.

Князь, хорошо говорившій по-нѣмецки, выслушалъ стоя привѣтствіе нѣмецкихъ гостей и затѣмъ обратился по-литовски къ одному изъ своихъ бояръ, бывшихъ на совѣтѣ.

— Я не понялъ ни слова... Переводи!

Нѣмцы переглянулись. Начало не предвѣщало ничего хорошаго.

XI.

Аудиенція.

— Хорошо, мы васъ слушаемъ, господинъ командоръ!—довольно надменно проговорилъ Вингалла по литовски. Бояринъ перевелъ.

Тогда посланникъ сталъ излагать по пунктамъ всѣ требованія ордена, и бояринъ слово въ слово переводилъ ихъ Вингаллѣ.

При каждомъ новомъ требованіи, старый князь вскидывалъ свои пронизательные глаза на говорившаго и не спускалъ во все время рѣчи. Видимо, онъ старался удержаться и не выйти изъ границъ приличія.

Требованія ордена были огромны. Они заключались, во-первыхъ, въ желаніи построить на литовской землѣ цѣлый рядъ укрѣпленныхъ мѣстъ, которыя бы могли служить крестоносцамъ въ борьбѣ съ язычниками, а во-вторыхъ, въ требованіи помощи войсками отъ литовскаго правительства, для усмиренія непокорныхъ жмудинъ, не хотѣвшихъ добровольно принимать латинской вѣры.

— Вы кончили?—рѣзко спросилъ Вингалла у рыцаря, прежде чѣмъ бояринъ успѣлъ перевести сказанное.

— Кончилъ, сіятельный князь,—отвѣчалъ съ поклономъ командоръ:—я только могу отъ себя прибавить одну просьбу, чтобы съ нашими людьми обращались, какъ со служителями по слову, а не какъ съ врагами.—Онъ намекалъ на событіе той ночи, когда замковая стража избила до полусмерти двухъ изъ „гербовыхъ“; командоръ поймалъ ихъ съ веревкой въ рукахъ у рвовъ замка.

Князь Вингалла вспыхнулъ, но потомъ сдержался.

— Командоръ!—произнесъ онъ, помолчавъ:—съ сожалѣніемъ, какъ хозяинъ этого замка, съ восторгомъ, какъ литвинъ и князь обожаемаго мною народа, я долженъ вамъ сказать, что оба ваши первыя условія не могутъ быть приняты. Во всей Жмуди нѣтъ другихъ войскъ, какъ только мои дружины. И я, и они, мы молимся богамъ нашихъ отцовъ, не могу же я посылать ихъ вводить въ моемъ народѣ ненавистную ему латинскую вѣру! Строить замки на землѣ жмудинской я вамъ позволить не могу... Какой же пастырь пустить добровольно волковъ въ свою овчарню!.. Придите и стройте, если можете... Что же касается вашей личной, третьей просьбы... то могу васъ увѣрить, пока вы и ваши слуги будутъ держать себя, какъ подобаетъ гостямъ, и я, и мои литвины сумѣютъ доказать свое гостепріимство, но если они, злоупотребляя правомъ гостя, будутъ вести себя какъ шпионы и соглядатаи, то клянусь Прауримой, я велю ихъ повѣсить внизъ головой на тѣхъ стѣнахъ, которыя они вымѣряли. Я кончилъ, не имѣть-ли еще что-либо сказать благородный рыцарь!?

По мѣрѣ того, какъ бояринъ переводилъ эти слова, командоръ страшно мѣнялся въ лицѣ.

Злость, бѣшенство кипѣли въ немъ. Онъ понялъ, что его миссія неудалась, что случилось что-то такое, чего онъ не подозрѣвалъ, выѣзжая на-дняхъ изъ Мариенбурга.

Инстинктивно чувствуя въ каждомъ словѣ князя Вингаллы оскорбленіе, онъ сдернулъ съ руки перчатку и хотѣлъ ее бросить подъ ноги князю, но тотъ остановилъ его.

— Дерзкій!—крикнулъ онъ ему.—Будь счастливъ, что ты взошелъ подъ мой кровъ вчера, а не сегодня. Ступай, скажи своему магистру, что если онъ хочетъ мира, то пусть смиренно сидитъ въ своемъ Мариенбургѣ, мы его не тронемъ, но если онъ осмѣлится захватить хоть пядь земли литовской—горе ему!..

— Это равносильно объявленію войны ордену, князь!?!—осмѣлился замѣтить командоръ.

— Не твое дѣло рассуждать... я тебѣ говорю, передай мой отвѣтъ магистру... Если онъ найдетъ, что защищать свои владѣнія и свой народъ отъ непріятельскаго вторженія поводъ къ войнѣ... тѣмъ хуже для него!

Больше говорить было не о чемъ. Князь всталъ со своего мѣста, сдѣлалъ общій поклонъ и вышелъ изъ залы, давъ знакъ криве-кривейто слѣдовать за собой.

Мертвая тишина, царствовавшая въ тронной залѣ, пока шла аудіенція, смѣнилась теперь шумнымъ говоромъ. Литовскіе и польскіе бояре пожимали другъ другу руки, словно радуясь свѣтлому празднику. Князь Болеславъ чуть не цѣловался съ Видоіромъ. Капеланъ потиралъ въ умиленіи руки.

Рыцари ихъ, пажы и оруженосцы столпились въ мрачную черную кучу и медленно двинулись къ дверямъ.

Съ ними никто не хотѣлъ говорить, и черезъ полчаса все посольство магистра уѣзжало обратно, увозя въ крытой повозкѣ своихъ неосторожныхъ инженеровъ, поплатившихся за попытку сдѣлать промѣръ своими спинами.

До замка Штейнгаузенъ, гдѣ помѣщался конвентъ, въ которомъ графъ Брауншвейгъ былъ командоромъ, было не больше дня пути, и неудачное посольство, на другой день, добравшись до замка, тотчасъ же послало донесеніе великому магистру въ Маріенбургъ.

Отвѣтъ послѣдоваль черезъ недѣлю, онъ былъ кратокъ и крайне растяжимъ.

„Орденъ войны не боится,—писаль великій магистръ,—но и не желаетъ ее; впрочемъ, дѣйствуйте, какъ заблагоразсудите, во имя общей завѣтной цѣли, не стѣсняясь послѣдствіями“.

Это былъ настоящій картъ-бланшъ, и оскорбленный командоръ рѣшился дѣйствовать наступательно при первомъ удобномъ случаѣ.

Въ сосѣдніе конвенты поскакали гонцы съ совѣтами быть осторожнѣе, а въ Маріенбургъ стали летать донесеніе за донесеніемъ о присылкѣ наемныхъ ратниковъ. Войны еще не было, но она чувствовалась въ воздухѣ, и казалось малѣйшей искры достаточно, чтобы произвести взрывъ.

Между тѣмъ, старая Германда добралась до Вильны и, къ своему великому счастью, застала князя Давида Глѣбовича уже на свободѣ. Война съ Василиемъ Дмитриевичемъ московскимъ была окончена и Витовтъ выпустилъ и обласкалъ заложника. Нѣсколько русскихъ витязей пріѣхало въ Вильну, и въ стольномъ городѣ великаго литовскаго княжества ежедневно были пиры и празднества.

Извѣстіе, принесенное старой кормилицей Скирмунды, поразило князя Давида. У него уже была рѣчь объ этомъ бракѣ съ отцомъ, и онъ получилъ полное согласіе, только разразившаяся война помѣшала засылу сватовъ; теперь время было коротко и князь Давидъ рѣшился просить одного свата, именно самого великаго князя Витовта.

Витовтъ ни чуть не удивился просьбѣ своего гостя, и когда тотъ чистосердечно объяснилъ ему, что надо спѣшить, такъ какъ онъ боится соперничества князя Мазовецкаго, то Витовтъ собственноручно написалъ грамотку къ брату Вингаллѣ, вручилъ ее молодому русскому витязю, крѣпко обнялъ его, поцѣловалъ, назвалъ своимъ племянникомъ и позволилъ въ тотъ же день собрать дружину ѣхать въ Эйраголу.

Сборы были недолги; трое изъ русскихъ витязей, съ оруженосцами, да человекъ пять литовскихъ лучниковъ, согласившись по первому слову князя Давида, рѣшились за нимъ слѣдовать, и въ тотъ же день вечеромъ они уже мчались по айрагольской дорогѣ.

Цѣлый слѣдующій день прошелъ въ пути. Къ вечеру, когда, покормивъ лошадей и отдохнувъ, путники подѣзжали уже къ границамъ Айрагольскаго княжества, они увидали громадное зарево, поднимавшееся изъ-за лѣса. Толпы поселянъ бѣжали имъ на встрѣчу.

— Нѣмцы! Крыжаки!—вопили они:—жгутъ и грабятъ!

Князь и его дружина мигомъ приготовились къ бою и скакали къ деревнѣ, бывшей нѣсколько въ сторонѣ отъ пути.

Печальная картина открылась ихъ взорамъ: деревня пылала, а среди околицы двое рыцарей и человекъ пятнадцать гербовыхъ панцырниковъ таскали изъ избы добычу и вязали къ своимъ конямъ плѣнныхъ женщинъ и дѣвушекъ. Нѣсколько крестьянскихъ труповъ лежало вдоль улицы.

Князь Давидъ не выдержалъ, онъ быстро выѣхалъ впередъ со своими товарищами витязями и съ копьемъ въ рукахъ напалъ на первую группу, въ которой были два рыцаря. Ловкимъ ударомъ копья, попавшаго въ забрало, онъ обернулъ шлемъ кругомъ на головѣ рыцаря и сбросилъ его съ сѣдла; двое другихъ товарищей бросились на второго рыцаря, тогда какъ лучники и оруженосцы напали на нагруженныхъ добычею гербовыхъ.

Нѣмцы не выдержали, и несмотря на то, что ихъ было почти вдвое больше, постыдно бѣжали.

Первый обратился въ бѣгство второй рыцарь, и благодаря превосходству коня, успѣлъ быстро скрыться отъ преслѣдованья. Витязи и лучники преслѣдовали бѣгущихъ гербовыхъ и захватили трехъ человекъ, да трое лежали убитыми среди пылающей деревни.

Между тѣмъ, рыцарь, сброшенный копьемъ князя Давида, успѣлъ оправиться и сбросить съ себя шлемъ. Теперь, съ мечомъ въ рукѣ, напалъ онъ на князя, который безъ брони и на конѣ смѣло бросился на него. Но бой былъ неравенъ. Рыцарь обладалъ громадною силою и вертѣлъ мечомъ какъ перышкомъ. Сабля князя Давида нѣсколько разъ встрѣчала то мечъ, то латы, а тевтонцу удалось задѣть князя слегка по ногѣ. Благоразуміе говорило, что надо прекратить бой, тѣмъ болѣе, что тяжело вооруженный рыцарь безъ лошади не могъ никуда уйти, но князь Давидъ былъ не таковъ; почувявъ рану, онъ окончательно потерялъ хладнокровіе и съ новой яростью бросился на врага. Огромный мечъ сверкнулъ въ воздухѣ, и сабля князя со звономъ разлетѣлась на части.

ХП.

Неожиданный бой.

Оставшись безоруженнымъ, князь Давидъ былъ на волосъ отъ гибели. Быстрымъ движеніемъ уклонился онъ отъ жестокаго удара меча. Желѣзо вонзилось въ спину лошади; благородное животное сдѣлало отчаянный прыжокъ въ сторону, князь былъ выброшенъ изъ сѣдла, но къ счастью не запутался въ стремянахъ. Съ поднятымъ мечомъ бросился рыцарь на лежащаго, думая однимъ ударомъ покончить съ врагомъ, но, хотя ошеломленный паденіемъ, молодой воинъ не потерялся; мигомъ оправившись, онъ, въ свою очередь, кинулся къ одному изъ поверженныхъ драбантовъ, схватилъ его палашь и устремился на встрѣчу рыцаря.

Увлеченные жаромъ преслѣдованія, спутники князя были далеко. На князѣ не было не только латы, но даже легкой кольчуги, тогда какъ соперникъ, весь закованный въ доспѣхъ волошской выковки, былъ положительно неуязвимъ.

За то князь Давидъ былъ гораздо свободнѣе въ своихъ движеніяхъ и могъ во всякое время уйти отъ неповоротливаго врага. Но отступать, или бѣжать предъ врагомъ!.. Развѣ подобная мысль могла когда-либо зародиться въ сердцѣ такого витязя, какъ князь Давидъ. Не даромъ его, изъ тысячи другихъ, отличила и полюбила сама дивная Скирмунда, внучка великаго Кейстута!

Но и въ вооруженіи рыцаря былъ пробѣлъ, было уязвимое мѣсто; еще въ началѣ боя онъ потерялъ шлемъ, и такимъ образомъ голова его была не покрыта. Онъ понялъ это, но слишкомъ поздно, ему уже не было времени надѣть свой шлемъ, валявшійся въ нѣсколькихъ шагахъ. Съ палашемъ драбанта въ рукахъ бѣжалъ къ нему русскій богатырь. Прикрывшись щитомъ; ждалъ теперь рыцарь роковаго удара, онъ былъ увѣренъ въ побѣдѣ и готовился длиннымъ мечемъ пронзить незащищенную грудь пылкаго юноши.

Грянулъ страшный ударъ, такой ударъ, что нѣмецъ, даже прикрытый желѣзнымъ щитомъ, не выдержалъ и упалъ на одно колѣно. Это и спасло князя; ошеломленный ударомъ, рыцарь не успѣлъ нанести удара, витязь, схвативъ палашь въ обѣ руки, поразилъ его вторично. Крыжакъ упалъ навзничь, но негодный драбантскій палашь согнулся отъ удара и былъ ни къ чему не годенъ. Вновь безоруженный, князь искалъ вокругъ себя какого-либо предмета вооруженія, чтобы закончить бой съ поверженнымъ крыжакомъ. Огромная крестьянская дубина валялась въ нѣсколькихъ шагахъ. Броситься къ ней, схватить и размахивая надъ головою, вернуться къ мѣсту побоища, было для князя дѣломъ нѣсколькихъ секундъ.

Дубина гудѣла въ воздухѣ!

Двумя страшными ударами выбилъ онъ изъ рукъ оправившагося рыцаря его длинный мечъ и исковерканный щитъ и готовился нанести всеокрушающій ударъ по головѣ, какъ вдругъ

позади раздался радостный крикъ — это были его соратники, спѣшившіе къ нему на помощь.

Обезоруженный, но даже не поцарапанный, благодаря своимъ превосходнымъ латамъ, рыцарь былъ мигомъ сваленъ съ ногъ и скрученъ прискакавшими соратниками князя Давида.

Въ пылу боя молодой витязь и не почувствовалъ своей раны, но теперь, когда все было кончено, жгучая боль въ ногѣ заставила его осмотрѣться. Алая струйка крови виднѣлась на его желтомъ сафьянномъ сапогѣ.

Пѣстунъ и оруженосецъ его Маркъ Черниговецъ былъ искусень и въ дѣлѣ лекарскомъ. Онъ осмотрѣлъ рану, перевязалъ ее и прибавилъ шутя:

— Ну, ничего, княже, баба веретеномъ оцарапала, до свадьбы заживетъ. Только женись скорѣе!

— Твоими бы устами да медъ пить, Марко, — улынулся въ отвѣтъ ему князь: — однако, други товарищи, въ путь такъ въ путь, а то къ вечернямъ въ Эйраголу не поспѣть!

— Какія тамъ вечерни, во всемъ замкѣ тамъ и пяти чело-вѣкъ нѣтъ, что лобъ крестить умѣютъ.. Нехристи, прости Господи! — замѣтилъ подручникъ князя, молодой княжичъ Острогорскій, изъ-за дружбы съ княземъ ѣхавшій съ нимъ въ Эйраголу.

— Вотъ что я скажу тебѣ, Борисъ Андреевичъ, — серьезно проговорилъ князь Давидъ: — по мнѣ ужъ лучше такіе нехристи, какъ литвины, жмудины, чѣмъ такіе христіане, какъ эти псы, разбойники-латинчики. — Онъ рукой указалъ на связанныхъ плѣнныхъ.

Надо было трогаться далѣе, но тутъ оказалось, что ударъ меча поразилъ на смерть боеваго коня князя Давида. Вѣрное животное еще стояло на ногахъ, но уже дрожало всѣмъ тѣломъ, и алая струя крови порывисто бѣжала изъ провеннаго бока.

Князь подошелъ къ своему вѣрному товарищу въ битвахъ и погладилъ его по крутой шеѣ. Ратники бросились разсѣдывать коня. Благородное животное сдѣлало послѣднее усиліе, и протянувъ морду къ своему господину, хотѣло заржать, но въ безсиліи упало на колѣна.

Князь отвернулся, чтобы скрыть слезу сожалѣнія, наворачивающуюся у него на глазахъ.

— Отслужилъ ты мнѣ свою службу, Меметушка, — проговорилъ онъ печально; — ей-же-ей, не взялъ бы я за тебя не только сегодняшняго полону, а еще десятка этихъ проклятыхъ крыжаконъ!..

Между тѣмъ оруженосцы возились около рыцарскаго коня, сѣдая его для князя Давида, и черезъ нѣсколько минутъ, вся толпа скакала по эйрагольской дорогѣ. Плѣнные были посажены и привязаны по двое на одну отбитую лошадь, а рыцаря, тоже прикрученнаго къ заводной лошади, помѣстили среди двухъ лучниковъ, которые держали поводья.

Оправившійся крыжакъ кричалъ и ругался по-нѣмецки, грозя местию и гнѣвомъ великаго магистра, но никто его не

понималъ и витязи только посмѣивались надъ его собачьимъ лаемъ.

Уже солнце совсѣмъ склонилось къ горизонту, когда путники, наконецъ, увидели вдали, на высокомъ берегу рѣки Дубисы, прихотливыя очертанія стѣнъ, бойницъ и башенъ Эйрагольскаго замка.

Между тѣмъ въ стѣнахъ замка разыгрывалась другая, страшная небывалая драма.

Истекалъ третій день срока, назначенный княземъ Вингаллой, чтобы дать Скирмундъ время приготовиться отвѣтить князю Болеславу.

Уже съ утра все въ замкѣ готовилось къ торжеству. Массы народа стремились къ замку, зная, что князь Вингалла никогда не скупился на угощенія.

Большой тронный залъ былъ убранъ гирляндами живыхъ цвѣтовъ и вѣтвей. Передъ священнымъ изображеніемъ Прауримы, поставленнымъ въ переднемъ углу, горѣлъ свѣтильникъ, изъ чистаго золота, имѣвшій видъ аиста, испускающаго клювомъ пламя. Все изображеніе богини было увито гирляндами чудныхъ махровыхъ розановъ, любимаго цвѣтка литовцевъ. Рядомъ съ трономъ или кресломъ князя, было поставлено другое, нѣсколько пониже, для княжны Скирмунды.

Бояре, дворяне, почетная стража, всѣ были въ сборѣ, ждали только выхода князя и княжны для торжественнаго обряда смотринъ и помолвки.

Женихъ и его свита въ пышныхъ національныхъ одеждахъ стояли противъ трона.

Дверь изъ внутреннихъ покоевъ растворилась и, предшествуемый шестью вайделотками, въ длинныхъ, бѣлыхъ одеждахъ, съ зелеными вѣнками на головѣ, появился криве-кривейто. Онъ несъ въ рукѣ священную кривулю, и богобоязненные жмудины низко склонили предъ нимъ головы. Шесть человекъ криве и шесть вайделотовъ завершали шествіе. Всѣ эти служители Прауримы стали по бокамъ ея изображенія и пропѣли короткій, монотонный гимнъ въ честь сильной покровительницы Литвы. Криве-кривейто снова поднялъ жезлъ, и всѣ присутствующіе, кромѣ князя Мазовецкаго и его свиты, пали ницъ. Кругленькій капеланъ поднялъ глаза горѣ и бормоталъ себѣ подъ носъ молитву. Раздались удары бубенъ и литавровъ, и подъ эту нестерпимую музыку, предшествуемый цѣлой дюжиной пажей и круглецовъ, князь Вингалла вошелъ въ зало. Онъ вель за руку княжну Скирмунду, покрытую съ головы до ногъ полупрозрачной фатой.

XIII.

Вайделотка.

Князь Вингалла былъ мраченъ. Онъ только что выдержалъ жаркій бой съ собственной совѣстью, когда въ послѣднюю минуту Скирмунда со слезами заклинала его помедлить еще совершеніемъ обряда.

Отцовское сердце его готово было уступить, но тутъ опять въ его ухахъ прозвучали ядовитыя слова капелана и онъ рѣшился дѣйствовать неумолимо.

Очевидно, рѣшилась на что-то и Скирмунда. Слезы исчезли съ лица ея какъ по волшебству, она словно выросла, выпрямилась. Глаза ея сверкали необычайной энергіей.

— Я готова, отецъ... идемъ... жертва будетъ принесена!— твердо проговорила она и подала руку отцу. Рука была холодна какъ ледь.

Князь Вингалла даже вздрогнулъ отъ прикосновенія этой холодной руки, но не выдалъ волненія и повелъ свою дочь къ собравшимся гостямъ.

Взойдя на ступенки помоста и остановившись у трона, онъ сдѣлалъ знакъ князю Мазовецкому и его сватамъ подойти.

— Князь Болеславъ Владиславлевичъ,—произнесъ онъ торжественно:—твой отецъ, пресвѣтлый князь Владиславъ Станиславовичъ, проситъ у меня для тебя въ замужество дочь мою княжну Скирмунду, я привелъ ее сюда, чтобы ты изъ устъ ея самъ могъ услышать отвѣтъ, а изъ рукъ ея принять чару вина!

Двѣ старыя боярыни подали Скирмундѣ небольшой серебряный подносъ, на которомъ стояли двѣ золотыя чаши съ виномъ.

Скирмунда взяла подносъ, твердо сдѣлала два шага на встрѣчу своему жениху и вдругъ остановилась. Она въ послѣдній разъ взглянула въ окно, она все еще надѣялась, что вотъ вотъ явится ея суженый, желанный ея, но нѣтъ, дорога была пустынна...

Она сдѣлала надъ собой, повидимому, громадное усиліе, сдѣлала еще два шага и снова остановилась. Всѣ взоры были устремлены на нее, уже князь Мазовецкій въ свою очередь сдѣлалъ шагъ по направленію къ ней и протянулъ руку, чтобы взять чару, но вдругъ княжна отступила назадъ, быстро передала подносъ испуганнымъ боярынямъ, затѣмъ бросилась впередъ, мимо своего жениха, добѣжала до угла зала, въ которомъ стояло изображеніе богини, откинула назадъ свою фату и упала на колѣни передъ статуей.

— Великая Праурима!—крикнула она громко:—посвящаю себя на служеніе тебѣ!.. Будь мнѣ заступницей и покровительницей!

Общій крикъ изумленія и ужаса потрясъ залу. Самъ князь Вингалла быстро сбѣжалъ со своего мѣста и бросился къ дочери, желая схватить ее за руку, но криве-кривейто преградилъ ему дорогу своей кривулей и князь остановился.

Беликая Праурима слышала ея клятву,—заговорилъ торжественно криве-кривейто,—отнынѣ она вайделотка!

— Аминь!—хоромъ отвѣчали криве, вайделоты и вайделотки, а Скирмунда, между тѣмъ, блѣдная и обезсиленная, обвивала руками изображение богини и нервно рыдала.

— Ея рѣшеніе выше моей воли!—мрачно проговорилъ князь Вингалла.—Ничто не можетъ избавить отъ даннаго слова. Прости, князь Болеславъ... прости... Это рѣшеніе выше власти чело-вѣческой!

Князь Мазовецкій стоялъ, какъ громомъ пораженный. Онъ все еще не понималъ значенія только что происшедшей сцены. Смутныя понятія о вайделоткахъ, поддерживающихъ священный огонь „Зничъ“ въ дальнемъ Полунгѣ, которыя казались ему дѣтскими сказками, принимали теперь въ его глазахъ реальныя образы. Та, къ которой онъ стремился всѣмъ своимъ существомъ, ради которой онъ готовъ былъ войти въ сдѣлки съ собственной совѣстью, вырвана изъ рукъ его для служенія какому-то бездушному идолу, истукану... Онъ чуть не плакалъ отъ отчаянья, и только дружескія слова участія его сватовъ, да самого князя Вингаллы, всячески старавшихся его утѣшить, привели его въ сознаніе.

Рѣшеніе дочери было такой неожиданностью и для стараго князя, что онъ совсѣмъ растерялся. Самъ закоренѣлый язычникъ, онъ хорошо понималъ, что не имѣетъ права вмѣшиваться въ дѣла, подвѣдомственныя одному криве-кривейто, и потому не сдѣлалъ ни малѣйшаго возраженія, когда старшая вайделотка одѣла на Скирмунду вѣнокъ изъ дубовыхъ листьевъ, опоясала ее гирляндой изъ той же зелени и повела обратно въ ея теремъ. Боярыни, мамки, няньки печально за нею слѣдовали.

Съ поразительной быстротой разнеслось въ толпѣ, окружавшей замокъ, удивительное извѣстіе. Оно было принято населеніемъ съ величайшимъ восторгомъ, крики одобренія и радости ликовавшей толпы доносились и въ тронную залу.

Вдругъ эти крики превратились въ какой-то яростный ревъ. Народъ массама бросился къ воротамъ замка. Князь съ изумленіемъ посмотрѣлъ въ окно. Въ ворота вѣзжало около 15 всадниковъ, съ ногъ до головы покрытыхъ пылью. Среди ихъ толпы виднѣлись люди, прикрученные къ сѣдламъ, а между двумя верховыми лучниками качалась колоссальная фигура рыцаря, въ вороненыхъ латахъ, но безъ шлема. Онъ тоже былъ связанъ.

Князь послалъ узнать въ чьемъ дѣло, и почти въ ту же минуту на порогъ зала показался его знакомецъ, ратный товарищъ и недавній гость князь Давидъ. Его вель подъ руку князь Острожскій.

Князь Давидъ Глѣбовичъ! Что это значить? Въ такую пору и въ такомъ видѣ!..

— Спѣшилъ къ тебѣ, государь князь, съ грамоткой отъ пресвѣтлаго государя Витовта Кейстуовича, да по пути на проклятыхъ крыжаковъ наткнулся, они у тебя тутъ посадъ „Яровицу“ полымемъ спалили и животишки пограбили.

— Какъ, Яровицу?.. Быть не можетъ?!—вскрикнулъ изумленный князь!

— А вотъ и злодѣи на лицо, прикажи ихъ допросить.

— Это успѣемъ, успѣемъ, гость дорогой, а теперь спасибо, что за моихъ людишекъ заступился; да что это съ тобой, ты раненъ?..

— Ничего, царапина, да только съ дороги разломило, безъ малаго двое сутокъ гналъ изъ Вильны!

— Да, правда... ты говоришь, привезъ грамотку отъ великаго князя и дорогого брата... видно, вѣсти большія, коли такому витязю довѣрили!

Молодой князь смоленскій разстегнулъ кафтанъ и досталъ съ груди сумку, въ которой было спрятано письмо князя Витовта.

Князь Вингалла взялъ письмо и быстро пробѣжалъ нѣсколько строкъ, начертанныхъ великимъ княземъ. Глаза его сверкнули мрачнымъ огнемъ. Онъ теперь понялъ все, и упорство Скирмунды, и ея мольбы повременить сговоромъ. Онъ самъ, своимъ упорствомъ, погубилъ собственную дочь. Всѣ эти мысли ураганомъ пронеслись въ его головѣ. Непоправимое дѣло было сдѣлано!

— Князь Давидъ Глѣбовичъ, — началъ онъ тихо, стараясь скрыть душившее его волненіе, — благодарю тебя за честь, а брата за сватовство... Но у меня нѣтъ больше дочери.

— Умерла?—вырвалось глухимъ стономъ изъ груди князя.

— Хуже, князь, она дала обѣтъ богинѣ Прауримѣ—она вайделотка!

При этомъ страшномъ словѣ, значеніе котораго ему было хорошо извѣстно, князь Давидъ поблѣднѣлъ какъ смерть. Слова старой Вундины, торопившей его отъѣздомъ изъ Вильны, оправдались; она говорила, что княжна или руки на себя наложить, или что хуже придумаетъ!!

— Вайделотка?..—проговорилъ онъ машинально за княземъ.— И это навсегда?!

— И ты еще, князь, спрашиваешь?.. Вся Литва держится только вѣрой отцовъ нашихъ... Моя дочь имѣла право дать обѣтъ... Это правда... но, если она его нарушитъ, клянусь прахомъ отца моего Кейстута, я задушу ее вотъ этими руками!!

— Вайделотка!.. Вайделотка!..—шепталъ уже въ какомъ-то нервномъ ужасѣ молодой витязъ и какъ безжизненная масса упалъ на руки товарищей.

XIV.

Свиданіе.

Вечеромъ того же дня, князь Мазовецкій со своими сватами и свитой выѣзжалъ изъ воротъ Эйрагольскаго замка. Какъ бы тамъ ни было, а сватовство его, перваго жениха въ Польшѣ, окончилось полнѣйшею неудачею.

Сваты ѣхали около молодого князя мрачныя и недовольныя, они не говорили ни слова, стараясь не растравлять рану, нанесенную фамиліной гордости Пястовича. Только одинъ толстенькій капеланъ ругался и посылалъ всевозможныя проклятія и на упорную язычницу, и на ея отца, и даже на пшеклентаго схизматика князя Давида.

— Ясные панове!—вдругъ заговорилъ онъ, обгоняя группу изъ трехъ вельможъ, молчаливо ѣхавшихъ шагахъ въ пятидесяти отъ группы свиты и оруженосцевъ,—сдается мнѣ, что этотъ москаль не съ добра пріѣхалъ въ замокъ... Не ради-ли его княжна Скирмунда такъ заупрямилась?..

— А такъ! Можетъ и правда!—воскликнулъ графъ Мостовскій, словно осѣненный какою-то мыслию.—Проклятый схизматикъ въ прошломъ году цѣлый мѣсяць гостилъ въ Эйраголѣ! Все можетъ стать!

— Въ такомъ случаѣ я отомщень, ни мнѣ, ни ему!—сухо проговорилъ князь Болеславъ.—Князь не рѣшится итти противъ всего народа и противъ своего языческаго криве-кривейто... Сожгите его грома небесныя! Онъ не рѣшится бросить моему отцу и всей Польшѣ оскорбленія, выдавъ дочь теперь за москаля, хоть будь онъ самимъ великимъ княземъ московскимъ!

— Да и дьявольскій криве не позволить!—замѣтилъ графъ Мостовскій.

— Ну, объ этомъ еще можно поспорить,—засмѣялся капелянъ,—стоитъ только хорошенько попросить, да принесть обычныхъ и чрезвычайныхъ жертвы,—и неразрѣшимое тотчасъ разрѣшится!

— Не мѣрай все, отецъ капелянъ, на свой локоть,—сказалъ второй свать,—я давно знаю криве-кривейто Лидутко, это сынъ стараго Лидзейка, что былъ при Гедиминѣ. Онъ пошелъ въ отца, а того всѣми клейнодами короля святого Стефана не подкупишь... даромъ что язычникъ. Это не то, что наши прелаты.

— Не изрыгайте хулы на служителей алтаря!—торжественно проговорилъ капелянъ.—Кому неизвѣстно, что самъ криве-кривейто Лидзейко разрѣшилъ знаменитой Берутѣ выйти за Кейстута, а она была вайделоткой!.. Кто же мѣшаетъ сдѣлать это теперь? Криве-кривейто налицо... Новый женихъ тоже... Она поклялась, криве разрѣшить клятву, а князь Вингалла созоветъ гостей на брачный пирь!.. И овцы цѣлы, и волки сыты, и пресвѣтлѣйшій

князь Болеславъ получилъ гарбуза... а коли всё довольны, я и подавно!

— Молчи, змѣя!—крикнулъ на него князь Мазовецкій.—Не растравляй свѣжей раны!..

— О, ясный панъ, мое дѣло не растравлять, а лечить раны душевныя... Ужъ если не суждено намъ обратить эту закоренѣлую язычницу въ лоно христіанской римско-католической церкви,—единой, истинной!—капелянъ возвелъ лицо горь:—такъ ужъ лучше совсѣмъ вырвать воспоминаніе объ ней изъ груди такого витязя и борца христіанства, какъ ваша ясная мость!.. Я думалъ, что задѣвая ваше самолюбіе, я воздвигаю между вами вѣчную преграду... что вы тѣмъ скорѣе забудете думать объ язычницѣ.

— И не достигъ цѣли!.. О, я и теперь вижу, какъ сверкнули, остановившись на мнѣ, ея чудные глаза... Я еще теперь вижу ихъ передъ собой... Нѣтъ, никогда мнѣ не забыть ея дивной красоты!—съ жаромъ проговорилъ князь Мазовецкій.

— О, я теперь увѣренъ, что она чаровница, она заколдовала князя... Надо будетъ въ первой каплицѣ отслужить „тедеумъ“ и помолиться святому Станиславу, патрону всей Польши, можетъ быть онъ сниметъ чары. Въ Литвѣ, особенно у этихъ проклятыхъ язычниковъ, да искоренить ихъ Господь съ лица земли, еще живетъ таинственная наука приворожить человѣка и заставить его сохнуть и страдать отъ любви... Одно спасеніе—тедеумъ, святая вода и молебень святому Станиславу!

Капелянъ говорилъ съ убѣжденіемъ. Надо помнить, что въ тотъ вѣкъ, вѣра въ колдуновъ, вѣдьмъ и тайныя науки была въ полномъ разгарѣ и влекла на пытки и костры тысячи невинныхъ, обвиненныхъ въ волшебствѣхъ и волхвованіяхъ.

Князь Мазовецкій прервалъ своего духовнаго отца.

— Нѣтъ, отецъ Амвросій, нѣтъ, не любовь осталась въ моемъ сердцѣ, не любовь, а месть... О, я бы дорого далъ, чтобы выместить этой упрямой дѣвчонкѣ оскорбленіе, нанесенное въ моемъ лицѣ всему нашему роду!

— Отомстить? хе-хе-хе!—засмѣялся капелянъ.—Это вещь очень возможная... У меня сейчасъ блеснула удивительная мысль!.. О, какъ можно отомстить... зубъ за зубъ, око за око!..

— И ты не увлекаешься, святой отецъ?..—быстро спросилъ князь Мазовецкій.—Научи, озолочу! Мести, только одной мести просить моя душа! Говори, говори, святой отецъ.

Вмѣсто отвѣта капелянъ сильнѣе подогналъ своего коня, князь за нимъ послѣдовалъ, и черезъ нѣсколько минутъ они шаговъ на 40 опередили своихъ спутниковъ... Тогда только рѣшился заговорить отецъ капелянъ.

— Итакъ, ясный княже, вы желаете отомстить?.. Я по этому порыву узнаю кровь Пястовичей... никогда не прощать ни одной обиды... Это хотя не по-христіански, но съ язычниками развѣ можно поступать иначе... Мой планъ, страшный планъ... смотрите, чтобы не раскаяваться послѣ!

— Говори, говори, и если бы мнѣ пришлось призвать на помощь адскихъ духовъ, запродать имъ свою душу, я готовъ, готовъ!—съ жаромъ перебилъ его князь.

— Зачѣмъ душу губить, надо спасти душу, ясный княже! Я такъ думаю, не захотѣла панна Скирмунда быть женою такого яснаго пана, какъ князь, такъ пусть будетъ она наложницей!.. Не хотѣла волею, силою окрестить можно! Выкрасть княжну и тогда..

— Что ты говоришь! Да развѣ это возможно? Король Владиславъ (Ягайлло) такъ дорожить миромъ съ Литвой!.. Нѣтъ, это невозможно, такой поступокъ подниметъ всю Жмудь и всю Литву, какъ одного человѣка...

— Эхъ, ясный княже... мой дорогой сынъ духовный, есть на свѣтѣ великая наука — дипломатіей называется... а учить она, какъ чужими руками изъ огня безъ ухватовъ горшки вынимать... Вотъ я призвалъ ее на помощь и додумался: какъ бы это отомстить упрямой княжнѣ и ея дикому отцу-по-больнѣй, да чужими руками, и вотъ какая мысль мнѣ пришла. Говорить, что ли?

— Говори, говори, ты будишь мое любопытство, ты воскресаешь мою надежду, говори, я сказалъ озолочу, а мое слово...

— Дороже червоннаго золота!—умильно и льстиво перебилъ капелянь.—Ну, такъ извольте слушать, но чтобы кромѣ насъ двухъ никто не подозрѣвалъ тайны...

Князь поднялъ руку, какъ бы желая поклясться. Капелянь продолжалъ:

— Вашей мости извѣстно, что единственное мѣсто, гдѣ горитъ огонь, треклятый Зничъ, у этихъ поганыхъ язычниковъ и остается, это въ Полунгѣ, на морскомъ берегу. Путь туда дологъ и ведетъ вдоль границы. Княжну повезутъ въ первое новолуніе, у этихъ поганыхъ язычниковъ на все нечестивыя примѣты. Кто мѣшаетъ на пути сдѣлать засаду съ дружиной, мечами разогнать пеструю пѣшую сволочь криве, да вайделотокъ, перевязать ихъ,—тогда птичка поймана!..

— Да ты съ ума сошелъ, вѣдь это война! Война между Литвой и Польшей...

— Зачѣмъ же между Литвой и Польшей, а не между Литвой и орденомъ тевтонскимъ?

— Какъ, орденомъ?—съ удивленіемъ переспросилъ князь.

— Да очень просто... Ваша мость сами видѣли, до чего были взбѣшены братья крыжаки, когда ихъ отчиталъ треклятый язычникъ. Я знаю командора, онъ шутить не любитъ... а такое оскорбленіе требуетъ мести!! Зачѣмъ намъ самимъ марать руки въ этомъ грязномъ дѣлѣ, пускай нѣмцы разбиваютъ поѣзды вайделотокъ. Намъ бы только втравить ихъ въ дѣло... А за то я берусь... и тогда... тогда мой ясный князь отомщенъ!.. Предлогъ къ войнѣ съ орденомъ долженъ быть на-лицо... И нашъ премудрый король Владиславъ можетъ опять ловить рыбку въ мутной водичкѣ!..

— Но Скирмунда? Что же она?.. Что съ ней станется, если этотъ планъ удасться?—перебилъ капеляна князь Мазовецкій.

— Охъ, эта язычница! Глубоко засѣла она въ душу яснаго князя, ну, что же... не съѣдятъ ее нѣмцы... развѣ только окрестять, да собьютъ немного спеси... А потомъ, кто знаетъ... можно ее отбить, освободить! Не жена, такъ любовница!.. Эхъ, ясный княже, рѣшайтесь!

— Ты не пастырь церкви, ты сатана, искуситель!—послѣ раздумья, проговорилъ князь Мазовецкій.—Но кто бы ни былъ ты, дѣйствуй какъ знаешь... Моя душа жаждетъ мести, отомсти за меня... сквитаемся... я не скупъ!..

— Ну, такъ вотъ что, ясный панъ княже, не дальше, какъ сегодня къ ночи, мы будемъ на прусскомъ рубежѣ, всего въ двухъ миляхъ отъ Штейнгаузена, гдѣ живетъ конвентъ командора графа Брауншвейга. Проѣзжая мимо, я прикинусь больнымъ и слягу; братъ госпитальеръ мой однокашникъ, а только бы мнѣ забраться въ конвентъ... я въ три дня всѣхъ на дыбы поставлю, а теперь до новолунія двѣнадцать дней!!

Князь съ удивленіемъ поглядѣлъ на капеляна. Ему до этихъ поръ и въ голову не приходило, чтобы подъ этой вѣчно смѣющейся личиной скрывался такой хитрый и дальновидный политикъ. Надо ли говорить, что планъ его былъ принять, клятва молчанія вновь повторена, и сдерживая своихъ лошадей, князь и капелянъ незамѣтно опять сравнялись со своими спутниками, которые въ жару какого-то политическаго сеймоваго спора и не замѣтили ихъ отсутствія.

Тихая лѣтняя почъ надвинула свой таинственный покровъ на утомленную землю, и путники стали думать о ночлегѣ.

Вдали мелькали огоньки. Это былъ форштадтъ Штейнгаузенскаго замка, каменные зубчатая стѣны котораго мелькали грозными силуэтами среди большой просѣки, въ вѣковѣчномъ сосновомъ бору.

Уже съ самаго разговора съ княземъ капелянъ началъ жаловаться на нездоровье, и онъ еле дотащился до ночлега, приготовленнаго въ лучшемъ домѣ посада, высланными впередъ слугами. Высокіе гости не хотѣли беспокоить братьевъ конвента и рѣшились провести ночь инкогнито.

На зарѣ, когда пришлось уѣзжать, отецъ капелянъ лежалъ словно мертвый. Онъ прямо заявилъ, что дальше ѣхать не можетъ и какъ милости просилъ оставить его на нѣсколько дней на мѣстѣ.

Князь Мазовецкій, посвященный въ тайну, для видимости, какъ бы не соглашался, но потомъ уступилъ и, оставивъ при капелянѣ двухъ прислужниковъ одного драбанта, съ остальными дворянами и свитой поѣхалъ далѣе.

Послѣ ихъ отъѣзда, капелянъ написалъ нѣсколько словъ госпитальеру конвента брату Петру; тотъ очень обезпокоился и самъ явился вмѣстѣ съ присланными изъ замка-монастыря но-

силками. Еще через часъ капелянь, отецъ Амвросій, уже лежалъ на койкѣ въ одной изъ комнатъ Штейнгаузенскаго замка, отведенной подъ больницу.

Замокъ Штейнгаузенъ не былъ однимъ изъ тѣхъ новыхъ замковъ, которыхъ въ послѣдніе годы тевтонское рыцарство построило въ волю вдоль литовской границы. Это было древнее и очень красивое зданіе, окруженное высокой зубчатой стѣной и водянымъ рвомъ. Единственныя ворота были не дубовыя, какъ въ прочихъ замкахъ, а желѣзныя, скованныя изъ цѣлаго ряда узкихъ желѣзныхъ полосъ. По высокимъ стѣнамъ стояло около дюжины новоизобрѣтенныхъ метательныхъ орудій, которыя назывались „мортирами“, а при нихъ главнымъ мастеромъ былъ нюрнбергскій нѣмецъ Шмитгофъ, знавшій секретъ дѣлать порохъ и ракеты.

Въ замкѣ, хотя довольно обширномъ по наружному виду, было мало жилыхъ помѣщеній, и потому рѣдко кто изъ рыцарей „охотой“ соглашался жить въ этой пустынѣ, далеко отъ цивилизованныхъ центровъ, да еще безъ комфорта. Но это было давно.

Хотя по строгому монашескому уставу орденовъ тевтонскаго и въ особенности ливонскаго, братьямъ рыцарямъ-монахамъ запрещалась всякая роскошь въ жизни и они должны были довольствоваться голыми досками для ночлега, но съ теченіемъ времени монастырскія строгости очень ослабли. Хотя рыцари-монахи все еще имѣли въ замкахъ кельи, снабженныя только досчатой кроватью и сундуками безъ замка, и дверями безъ задвижекъ, чтобы тѣмъ облегчить командору наблюденіе за ними во всякій часъ дня и ночи, но въ пригородныхъ слободахъ, а те и въ самыхъ стѣнахъ замковъ у нихъ бывали устроены свои теплыя и уютныя гнѣздышки, а въ нихъ порой обитали ихъ подруги... Конечно, все это дѣлалось тайно, келейно, вдали отъ глазъ брата командора, но вѣдь всѣ люди-человѣки, и у самихъ командровъ, даже у великаго магистра, могли быть слабости и они сквозь пальцы смотрѣли на „развлеченія“ своихъ подчиненныхъ.

Ливонскій орденъ въ этомъ отношеніи былъ гораздо строже Тевтонскаго; это можно было объяснить тѣмъ, что онъ рѣже подвергался наѣздамъ разныхъ иноземныхъ гостей—рыцарей, привозившихъ съ собой свою атмосферу и привычки, далеко не сходныя со строгимъ монастырскимъ уставомъ крестоносцевъ.

Предшественникъ графа Брауншвейга, на должности командора Штейнгаузенскаго конвента баронъ фонъ-Шлиппенбахъ, былъ человѣкъ крайне суровый. Аскетъ въ полномъ значеніи этого слова, онъ и отъ всей братіи требовалъ исполненія устава, но встрѣтилъ глухой отпоръ. Какъ безконтрольный судія между братьями конвента, онъ попробовалъ употребить силу и... весь конвентъ разбѣжался. Огорченный, онъ самъ уѣхалъ къ великому магистру и уже оттуда не возвращался.

На мѣсто его былъ назначенъ графъ Брауншвейгъ. Это былъ

человѣкъ совершенно особаго закала. Строгий и безпощадный формалистъ по внѣшности, онъ держался девиза „*grutti, no ne попадайся*“, и такъ полюбился братьямъ-рыцарямъ, что они за особое счастье считали попасть въ его конвентъ. Всѣхъ рыцарскихъ мѣстъ въ конвентѣ было одиннадцать, по числу именъ апостольскихъ, и на каждое мѣсто имѣлось по нѣсколько кандидатовъ въ другихъ конвентахъ.

Жизнь въ замкѣ была крайне строга и однообразна по виду, но стоило только рыцарю переступить порогъ общей трапезной, или длиннаго коридора съ кельями по обѣимъ сторонамъ, какъ онъ былъ уже на свободѣ и могъ дѣлать, что хотѣлъ до тѣхъ поръ, пока монастырскій колоколъ не призывалъ братію къ общей молитвѣ.

Насчетъ этого командоръ былъ очень строгъ; избави Богъ кого изъ рыцарей не явиться въ капеллу замка къ началу службы: строгая эпитемія и лишеніе права выхода изъ замка были наказаніями для ослушника... Такимъ образомъ, не стѣсня своихъ подчиненныхъ въ ихъ времяпровожденіи въ свободные часы, командоръ властвовалъ надъ ними неограниченно, именно страхомъ за эту свободу, и потому каждый его взглядъ, каждый жестъ уже считался приказаніемъ.

Самъ командоръ жилъ безвыѣздно въ замкѣ. У него не было даже потайнаго уголка и доброй феи въ слободѣ. Зато слухъ ходилъ, что въ высокой башнѣ, гордо возвышавшейся надъ правымъ крыломъ замка, обитала въ теченіе нѣкотораго времени какая-то женщина. Говорили, что иногда въ узкихъ, стрѣльчатыхъ окнахъ башни мелькало бѣлое покрывало, а по вечерамъ нескромный лучъ свѣта прорывался сквозь ставни оконъ, затѣмъ и это видѣніе исчезло. Башня опустѣла, женщина исчезла. Куда она дѣвалась? Никто не могъ дать отвѣта, а кто бы посмѣлъ спросить объ этомъ суроваго командора?!

По рассказамъ отца казначея, имѣвшаго случай при прежнемъ командорѣ быть въ башнѣ, въ ней было три комнаты, по одной въ каждомъ этажѣ, но онѣ были пусты, заброшены и по виду никогда не обитались. Входъ въ нихъ былъ черезъ спальню командора, и со времени поступленія на эту должность графа Брауншвейга никто не имѣлъ въ рукахъ ключа отъ желѣзной двери, ведущей въ эти покои.

Таинственный свѣтъ, бѣлая мелькающая тѣнь въ окнахъ, наконецъ, самое таинственное исчезновеніе живаго существа, очевидно, обитавшаго въ покояхъ высокой башни, хотя и возбуждали любопытство братьевъ конвента, но объ нихъ говорили мало, у каждаго были свои дѣла, и никто не желалъ вмѣшиваться въ интимную жизнь командора, который, въ свою очередь, не мѣшалъ жить и имъ.

Выгода была обоюдная!

Братъ Петръ, рыцарь, завѣдывающій больницей конвента въ Штейнгаузенѣ, былъ человѣкъ еще не старій, но котораго, не смотря на монашескій обѣтъ, точилъ червь честолюбія

Грюнвальдскій бой.

Онъ не хотѣлъ быть зауряднымъ рыцаремъ, ему во что бы то ни было хотѣлось отличія, и онъ очень обрадовался, когда за смертью стараго госпитальера, графъ Брауншвейгъ предложилъ эту должность ему.

Кромѣ больницы и страннопримнаго дома, его вѣднiю были подчинены всѣ склады запасовъ въ замкѣ, а уѣзжая по дѣламъ ордена, командоръ передавалъ ему часть своей власти. Этого было достаточно, чтобы братъ Петръ смотрѣлъ на братьевъ монаховъ-рыцарей чуть-ли не какъ на своихъ подчиненныхъ.

Не знатнаго рода и не богатый, онъ не могъ пользоваться тѣмъ комфортомъ, который имѣли въ приконвентной слободѣ болѣе состоятельные рыцари; единственнымъ его наслажденiемъ было хорошее вино, а его не малое количество было скоплено предмѣстникомъ въ мрачныхъ погребахъ замка. Но и тутъ онъ держался мудраго правила: «пить, но не напиваться», и часто командоръ, особенно отличавшій его за исполнительность и знанiе уставовъ, ставилъ его въ примѣръ трезвости и воздержанiя прочей братiи.

Онъ былъ страстнымъ поклонникомъ женскаго пола, но такъ какъ по незначительности своихъ средствъ, долженъ бы былъ пользоваться только отбросками отъ трапезы богатыхъ, то предпочелъ полное воздержанiе, все еще рассчитывая, что буря войны броситъ на его долю красавицу полоняночку.

Онъ былъ большимъ прiателемъ съ капеляномъ князя Мазовецкаго и очень обрадовался, когда ему удалось, наконецъ, перенести его въ свой замокъ. Онъ съ перваго раза видѣлъ, что болѣзнь не опасная и приказалъ постелить новопривывшему постель въ своей кельѣ.

Узнавъ, что въ больницу замка поступилъ каноникъ и къ тому же извѣстный проповѣдникъ, самъ командоръ зашелъ его провѣдать и очень удивился, узнавъ въ больномъ того самаго капеляна, котораго нѣсколько дней тому назадъ встрѣтилъ въ Эйрагольскомъ замкѣ.

Бесѣда завязалась.

Хитрый и тонкiй капелянъ съ первыхъ же фразъ такъ умѣлъ понравиться командору, что тотъ и самъ незамѣтилъ, какъ просидѣлъ до вечеренъ, и только звонъ церковнаго колокола, призывавшiй къ молитвѣ, заставилъ его разстаться съ капеляномъ.

На слѣдующее утро онъ зашелъ снова, и видя, что отцу Амвросiю гораздо лучше, пригласилъ его къ себѣ, къ великому огорченiю брата Петра, и проговорилъ съ нимъ цѣлый день.

Предметомъ ихъ разговоровъ, разумѣется, были отношенiя между Литвой, Польшей и Орденомъ. Какъ яростный католикъ, командоръ во что бы то ни стало, прежде всего хотѣлъ обратить всю языческую жмудь въ христіанство и затѣмъ уже покорить ее подъ ноги нѣмцевъ. По его словамъ, славяне, за исключенiемъ поляковъ,—онъ дѣлалъ эту уступку ради дорогого гостя,—были нисшей расой, годной только для рабства, а господствовать надъ ними были призваны только нѣмцы.

Капелянь, улыбаясь, слушалъ эти архи-нѣмецкія бредни и все поддакивалъ. Ему уже удалось нѣсколько разъ кольнуть самолюбіе командора, напомнивъ ему грубый отвѣтъ Вингаллы на требованія, предложенныя именовъ великаго магистра.

При этомъ намекъ графъ Брауншвейгъ всыхнулъ.

— Я послалъ донесеніе великому магистру въ Мариенбургъ, надѣюсь скоро получить разрѣшеніе немножко потревожить этихъ лѣсныхъ дикарей.

— Да ужъ вы и спалили ихъ слободу!—улыбаясь замѣтилъ капелянь.

— Да—это было глупое дѣло, на которое, не посовѣтовавшись со мной, рискнулъ командоръ Гохъ, Прейцбургскаго конвента,—проговорилъ съ досадою графъ,—задумано глупо, исполнено еще глупѣе, десять человекъ убитыхъ, и въ томъ числѣ какой воинъ-рыцарь,—братъ Эрлихъ,—богатырь, какихъ я и съ роду не видалъ, коня за переднія ноги поднималъ!

— Вы говорите—убить... Вы ошиблись, я самъ видѣлъ его вчера въ числѣ плѣнныхъ, захваченныхъ въ Эйрагольскомъ замкѣ.

— Какъ, живъ?.. А мы уже два дня по немъ панихиды поемъ,—воскликнулъ командоръ.—Быть не можетъ?

— Но это нисколько не избавляетъ его отъ смерти, не сегодня такъ завтра эти дикіе волки его сожгутъ на кострѣ, во славу своего деревяннаго Перкунаса!

— Какъ, сожгутъ?!

— Да точно такъ же, какъ сожгли и графа Кольмарка и десять другихъ рыцарей, которые попались въ большомъ набѣгѣ на Троки!..

— Такъ неужели же этого бѣднаго Эрлиха ожидаетъ такая ужасная участь?

— Конечно, если вы только не пожелаете спасти его!—тонко замѣтилъ капелянь.

— Спасти его, но какъ? Войны съ Литвой еще нѣтъ. Эйрагольскій замокъ высокъ и крѣпокъ, я со своими двѣнадцатью рыцарями и сотней драбантовъ лбы разобьемъ объ его стѣны!.. Какъ же спасти его?

— А очень просто... Но тайна прежде всего!—таинственно проговорилъ капелянь.

— Молчаніе, одна изъ обязанностей рыцарскихъ,—сказалъ командоръ.

— Ну, такъ слушайте. Вы, вѣроятно, слышали, Скирмунда, эта заклятая язычница, объявила себя вайделоткой, ее повезутъ посвящать въ Полунгу, на берегу моря. вмѣстѣ съ ней повезутъ туда и рыцаря, чтобы принести его тамъ въ жертву—вы меня поняли?.. Путь ихъ лежитъ близъ вашей границы. Чего нельзя сдѣлать за стѣнами замка, то возможно въ чистомъ полѣ или въ дремучемъ лѣсу. Вотъ вамъ случай отомстить и къ тому же спасти товарища! Думаю, что за это и самъ великій

магистръ не разсердится, а захватите княжну Скирмунду—вотъ и заложница въ вашихъ рукахъ.

— Но когда же, когда ее повезутъ?—съ видимымъ любопытствомъ спросилъ командоръ. Очевидно, идея мести и спасенія товарища понравилась ему.

— Черезъ девять дней, какъ разъ въ новолуніе... у нихъ всегда такой обычай, всѣ свои богомерзкіе обряды совершать въ новолуніе!

Долго еще проговорили между собой хитрый капелянъ и суровый рыцарь. Съ каждой фразой отецъ Амвросій все больше и больше укоренялъ въ командорѣ мысль отбить плѣнника и захватить серьезную заложницу. Онъ зналъ, что князь Вингалла боготворитъ свою дочь и что за ея освобожденіе поступится всѣми своими правами и исполнитъ требованія ордена, которыя нѣсколько дней тому назадъ такъ презрительно отвергъ.

Снова колоколь зазвонилъ на высокой колокольнѣ, но на этотъ разъ совсѣмъ другимъ звономъ. Это былъ сигналъ къ обѣду, и со всѣхъ концовъ замка потянулись къ трапезной братья рыцари.

Младшій изъ братіи, только что поступившій братъ Іоаннъ, еще совсѣмъ молодой человѣкъ, съ выразительнымъ, красивымъ лицомъ, прочелъ молитву. Капелянъ конвента, невзрачный и злой старикашка, благословилъ трапезу и всѣ усѣлись.

Командоръ посадилъ рядомъ съ собой гостя и во весь обѣдъ говорилъ только съ нимъ и, къ великой радости брата Петра, приказалъ подать за обѣдъ двѣ бутылки старой венгржины. Этого было не много на 15 человѣкъ, но важень былъ принципъ.

Послѣ обѣда, когда всѣ собрались въ круглой залѣ у камина, командоръ вдругъ подозвалъ къ себѣ завѣдывающаго оружіемъ брата Андрея.

— Братъ,—сказалъ онъ ему голосомъ, не допускающимъ возраженія,—осмотри оружіе и вели подготить мечи и копья. Надняхъ мы выступаемъ. Скажи драбантскимъ офицерамъ, чтобы готовились въ походъ.

Всѣ переглянулись.

XV.

Свиданіе.

Со дня страшнаго рѣшенія, принятаго княжной Скирмундой, прошло шесть дней. Удивительная вѣсть о томъ, что дочь знаменитаго князя Эйрагольскаго, которую всѣ считали почти христіанкою, объявила себя вайделоткою, быстро облетѣла всю Литву, и со всѣхъ концовъ Жмуди и Литвы потянулись къ Эйрагольскому замку цѣлыя толпы вайделотокъ, сигонтовъ и вообще за-

коренѣлыхъ язычниковъ, желавшихъ принять участіе въ торжественной процессіи, съ которой должна была отправиться княжна Скирмунда изъ родимаго замка въ дальнюю Полунгу.

Молодой князь Давидъ, очень обласканный княземъ Вингаллою и его молодымъ племянникомъ, совсѣмъ теперь оправился отъ раны, нанесенной ему рыцаремъ, и серьезно подумывалъ объ отъѣздѣ изъ замка, гдѣ готовилось языческое торжество. Ему, какъ христіанину, было и неловко, и небезопасно даже присутствовать при этой языческой демонстраціи, а между тѣмъ, сердце ему подсказывало, что нельзя уѣхать, не повидавшись съ той, которая только ради его рѣшилась на такой героической подвигъ.

Однажды, въ глухую полночь, кто-то тихонько стукнулъ въ дверь его опочивальни. Онъ спросилъ, а въ отвѣтъ ему послышался шопотъ старой кормилицы княжны Скирмунды.

Какъ, какими чарами, какими обѣщаніями удалось княжнѣ упросить старую Германду тайкомъ пробраться въ покои князя и вызвать его на свиданіе, не знаю, но чрезъ нѣсколько минутъ, князь въ глубокой тѣмѣ пробирался вслѣдъ за старухой, по крутымъ лѣстницамъ, въ ея комнату, которая прилегала, какъ мы помнимъ, къ терему княжны.

Когда они очутились, наконецъ, въ этой маленькой комнаткѣ, чуть освѣщенной свѣтомъ серебряной лампы, горѣвшей предъ изображеніемъ Прауримы, старуха скользнула въ двери, и чрезъ минуту, на порогѣ, блѣдная какъ привидѣніе, появилась княжна, вся закутанная въ длинныя, бѣлыя одежды вайделотки.

Князь хотѣлъ броситься къ ней, сжать ее въ своихъ богатырскихъ объятіяхъ, но взгляды ея, печальный, трогательный, словно умоляющій, приковалъ его на мѣстѣ.

— Опоздалъ!—прошептала она печально, но укора не было слышно въ ея голосѣ.—Не судьба!—добавила она, протягивая руку.—Я хотѣла проститься съ тобой навѣки! навѣки!—Голосъ ея дрогнулъ.

— Зачѣмъ говорить такъ?... Развѣ я не здѣсь, предъ тобой, развѣ я не люблю тебя?...—съ жаромъ заговорилъ Давидъ.—Развѣ вашъ криве-кривейто не можетъ разрѣшить тебя отъ клятвы!... Говори же, говори, вѣдь бабка твоя Бирута тоже была вайделоткой.

— Все это такъ, радость моя, жизнь моя... да только то, что было возможно Кейстуту, льву литовскому, такому же поклоннику великаго Перкунаса, какъ и сама Бирута, то недоступно тебѣ, московскому витязю... Лидутко, я его знаю, за всѣ сокровища міра не согласится на бракъ вайделотки съ христіаниномъ... Наконецъ, мой отецъ... онъ проклянетъ, убьетъ меня, если я только осмѣлюсь подумать объ этомъ бракѣ...

— Также говорила и Бирута, однако-же!...

— Нѣтъ, ты меня не понимаешь. Старый Лидзейко согласился признать бракъ только тогда, когда не могъ поступить иначе, Бируту Кейстутъ увезъ силой и спряталъ въ Трокахъ;

поповолѣ Лидзейкѣ пришлось покориться и признать то, что уже совершилось...

— О, свѣтъ глазъ моихъ, Скирмунда,—чуть не вскрикнулъ князь Давидъ, бросаясь къ ней,—если только за этимъ дѣломъ стоитъ, украду я тебя, вырву изъ рукъ вайделотовъ, умчу тебя къ себѣ въ Смоленскъ, тамъ тебя не найдутъ, не отнимутъ!.. И Богъ благословитъ нашъ союзъ.

— Какъ ты еще молодъ, мой ненаглядный!—печально проговорила Скирмунда, покачавъ головой:—увезти меня... когда? откуда? Ужъ не теперь-ли, когда меня окружаютъ и берегутъ въ этихъ стѣнахъ двѣ тысячи ратниковъ отца и двое желѣзныхъ воротъ... Не изъ Полунги-ли, гдѣ за тройной оградой вѣчно на сторожѣ пять тысячъ литвинъ, да двѣсти вайделотовъ?..

— Но тебя на-дняхъ повезутъ въ Полунгу, я нападу изъ засады ночью, я отобью, украду тебя...

— Украдешь, отобьешь, когда меня будетъ провожать дружина отца и несмѣтная толпа народа. Допустимъ даже, что намъ удастся бѣжать, но куда и какимъ путемъ? Черезъ Литву? Чтобы насъ захватили въ первой деревнѣ?! Черезъ крыжацкія земли?.. Страшно и подумать!.. Дорого бы они дали, чтобы имѣть дочь князя Вингаллы заложницей!!.. Нѣтъ, князь, не иди противъ судьбы!.. Прощай на вѣкъ... Видно, не судили намъ боги счастья вдвоемъ... Прощай!

Князь Давидъ бросился на колѣни передъ тою, которая въ эту минуту была для него дороже жизни, дороже всего на свѣтѣ; онъ схватилъ ея руку и сталъ покрывать горячими поцѣлуями...

— Нѣтъ, нѣтъ,—говорилъ онъ словно въ забытїи:—не отдамъ тебя безъ боя!.. Здѣсь-ли, по дорогѣ-ли, изъ Полунги-ли, но достану, выкраду тебя, только поклянись мнѣ ты, что если мнѣ удастся добраться до тебя, ты послѣдуешь за мною безъ боязни, безъ разсужденїя!.. Жить одинъ разъ, умереть одинъ разъ, такъ лучше умереть разомъ, чѣмъ умирать долгіе годы въ тяжелой разлукѣ, не такъ-ли, моя дорогая, моя радость! Говори! Говори, дай мнѣ надежду, иначе я руки на себя наложу, душу свою погублю!.. О, Скирмунда, какъ я люблю тебя! Не лишай же меня дорогой надежды!

Скирмунда печально слушала горячія рѣчи своего милаго. Она понимала, что безразсудно бороться противъ стихійныхъ силъ, которыми теперь она окружена, понимала, что не можетъ же князь Давидъ съ горстью людей биться съ цѣлымъ фанатически настроеннымъ народомъ... понимала, и вдругъ какая-то дикая рѣшимость охватила все ея существо... Умирать, такъ умирать, только на груди любимаго человѣка,—мелькнуло у нея въ головѣ и она тихо прошептала:

— Дѣлай, какъ знаешь, мой дорогой, мой ненаглядный, помни и вѣрь, что за тобой пойду всюду и на счастье, и на смерть!.. Дѣлай, какъ знаешь! Что ты ни принесешь мнѣ, приму безъ ропота... Я сумѣю страдать и умереть, если надо!..

Съ восторгомъ, съ какой-то дикой радостью благодарилъ князь Давидъ свою суженую... Однимъ ласковымъ словомъ она пробудила и укрѣпила въ немъ рѣшимость вырвать ее изъ тяжелой неволи.

Помни же, помни,—твердилъ онъ сотый разъ:—не съ пути, такъ изъ Полунги отобью тебя, моя радость... Хитростію-ли, силою, а ты будешь моею... женою... Отецъ посердится и проститъ, вѣдь, самъ Витовтъ Кейстutowичъ за меня!.. А геперь, дай мнѣ хоть насмотрѣться на глаза твои ясныя, слушать не наслушаться рѣчей твоихъ медовыхъ!..

Еще долго бы говорилъ князь на эту тему, если бы не приходъ старой кормилицы, пришедшей сказать влюбленнымъ, что пѣтухи пропѣли во второй разъ, и что пора разстаться.

Князь схватилъ за обѣ руки Скирмунду.

— О, поклянись мнѣ еще разъ не принадлежать никому другому, кромѣ меня!—страстно проговорилъ онъ.

— Клянусь тебѣ самимъ Перкунасомъ, великой Прауримой, вѣчнымъ Зничемъ, клянусь моей любовью къ тебѣ... я не буду женой другого человѣка, кромѣ тебя!..

Князь еще разъ упалъ къ ея ногамъ, покрывая жаркими поцѣлуями ея бѣлыя руки. Скирмунда тихо нагнулась и поцѣловала его въ голову. Горячая слеза скатилась съ ея рѣсницы... Она больше не могла промолвить ни слова отъ волненія и, шатаясь, пошла въ свою комнату. На порогѣ она остановилась, пристально взглянула прямо въ глаза молодого человѣка, словно съ этимъ взглядомъ хотѣла передать ему всю душу, потомъ быстро отвернулась и исчезла.

Князь стоялъ, какъ окаменѣлый. Старуха мамка должна была схватить его за руку, чтобы заставить очнуться.

Онъ былъ какъ пьяный, или разбитый параличемъ, и только съ неимовѣрными усиліями ей удалось удалить его изъ комнаты.

Тихо, съ тѣми же предосторожностями повела она его по лѣстницамъ и темнымъ переходамъ замка и какъ разъ во время. Востокъ уже начиналъ блѣднѣть, первые лучи зари пробивали густую тьму лѣтней ночи.

На слѣдующій день князь Давидъ заявилъ чрезъ постельничаго князю Вингаллѣ, что онъ уѣзжаетъ и проситъ его отпустить съ миромъ. Старый князь былъ отчасти радъ этому отъѣзду. Онъ зналъ, что Давидъ Глѣбовичъ состоитъ подъ особымъ благоволеніемъ великаго князя и потому не рѣшался намекнуть ему объ отъѣздѣ, а между тѣмъ языческая церемонія отъѣзда новой вайделотки изъ родительскаго дома не допускала присутствія иновѣрца.

Послѣ обычныхъ фразъ сожалѣнія и прощанія, князь Вингалла обнялъ Давида Глѣбовича и поцѣловалъ его.

— Передай брату,—проговорилъ онъ тихо, чтобы не слышали присутствующіе:—что я больше не могу терпѣть насилія крыжа-

ковъ, и что если онъ съ ними церемонится, такъ я начну дѣйствовать за свой счетъ и за свою голову... Они у меня спалили три слободы и захватили знатный полонъ, я пошлю къ нимъ требовать возврата... если не согласятся, клянусь Перкунасомъ и всѣми адскими богами, испеку плѣннаго рыцаря подъ стѣнами самаго Штейнгаузена, сжарю живаго въ латахъ и доспѣхахъ, и вмѣстѣ съ нимъ шпукъ двадцать плѣнныхъ крыжаковъ!..

— Но вѣдь это же война!—воскликнулъ князь Смоленскій.

— Лучше война, чѣмъ такое состояніе!.. Такъ жить нѣтъ больше силъ! Помни, такъ и скажи великому князю,—прошу не въ службу, а въ дружбу!

Эта просьба ставила князя Давида въ крайне фальшивое положеніе. Какъ мы видѣли, задавшись мыслию освободить княжну во что бы то ни стало, онъ нарочно хотѣлъ уѣхать изъ замка, чтобы имѣть руки развязанными, но у него и въ помыслахъ не было ѣхать на Вильну. Между тѣмъ, отправляясь на Смоленскъ, т. е. на родину, ему другого пути не было, какъ чрезъ границу великаго князя литовскаго.

Хитрить и лгать было рискованно, это могло только возбудить сомнѣнія, а князю Давиду опаснѣе всего было подать малѣйшій поводъ къ опасеніямъ! Нечего дѣлать, нужно было ѣхать на Вильну. Да это было и къ лучшему. Когда, простившись съ княземъ Вингаллой и его племянникомъ, Давидъ Глѣбовичъ сѣлъ на коня, и по опускному мосту выѣхалъ изъ замка, онъ просто ахнулъ отъ удивленія. Вокругъ всего Эйрагольскаго замка кочевало въ палаткахъ и наскоро сдѣланныхъ шалашахъ нѣсколько тысячъ народа, сошедшагося посмотрѣть на невиданное зрѣлище.

Князь тутъ же, съ перваго взгляда понялъ, что нѣтъ никакой возможности не только отбить, но даже просто увидеть хоть издали свою невѣсту среди этой многочисленной толпы, пришедшей, очевидно, для того, чтобы сопровождать торжественный поѣздъ вайделотокъ.

Какъ человѣкъ крайне энергичный и рѣшительный, онъ сразу перемѣнилъ планъ атаки. Онъ поѣдетъ теперь къ Витовту передать ему слова и грамоту князя Вингаллы и затѣмъ выпросится у великаго князя на охоту въ заповѣдныхъ пущахъ. Лѣсами и болотами онъ проберется въ Полунгу, подкупить золотомъ новгородскаго или свейскаго корабельщика, и выкрадитъ свою Скирмунду изъ самаго храма Прауримы. Ему раньше этого довелось быть въ Полунгѣ, и онъ помнилъ очень хорошо, что вайделотки пользовались относительной свободой, что онъ даже порой катались въ лодкахъ по взморью... Во всякомъ случаѣ этотъ планъ былъ исполнимѣе нападенія съ десятью товарищами на многотысячную толпу.

Въ морѣ быстрота корабля спасала отъ преслѣдованія, а здѣсь!.. Князь даже не дѣлалъ сравненій и шибко погналъ коня по виленской дорогѣ.

XVI.

Поѣздъ вайделотки.

Съ утра для назначеннаго дня отъѣзда громадная толпа придворныхъ, бояръ, сосѣднихъ владѣтелей, криве, вайделотовъ и сигонтъ собралась на дворъ и въ пріемныхъ покояхъ Эйрагольскаго замка.

Всѣ были одѣты въ бѣлые костюмы, и только на однихъ вайделотахъ и криве этотъ цвѣтъ былъ перемѣшанъ съ зеленымъ.

Наконецъ пріѣхаль и самъ криве-кривейто и медленно пошелъ на крыльцо. Всѣ пали ницъ передъ этимъ олицетвереніемъ высшей духовной власти.

Криве-кривейто поднялъ свой жезлъ, украшенный на верху тройной кривулей, и какъ бы благословилъ имъ народъ.

— О! литвины, излюбленныя дѣти Перкунаса, да будетъ надъ вами его благодать!!—заговорилъ онъ торжественно.—Дѣти мои, сейчасъ вы будете при величайшемъ торжествѣ, которое рѣдко дается въ удѣлъ смертнымъ. Сейчасъ дочь великаго земного властителя покинетъ домъ своего отца, чтобы идти въ жилище великой богини Прауримы. Она посвящаетъ себя, какъ простая вайделотка, на служеніе богамъ нашимъ... Она будетъ предъ великимъ Зничемъ молиться о нашей литовской землѣ... Да благословить ее самъ великій громовержецъ Перкунасъ, да не гаснетъ огонь въ рукахъ ея, да не исчезнетъ память ея изъ рода въ родъ!

Онъ кончилъ. Громадная толпа народа заколыхалась. На порогъ, покрытая непроницаемымъ бѣлымъ покрываломъ, появилась Скирмунда. Ее вель поды руки отецъ. Онъ былъ самъ блѣднѣе смерти, и только глаза его бросали молніи.

— О, великій служитель громовержца Перкунаса!—обратился онъ къ криве-кривейто:—вотъ дочь моя Скирмунда, она вольной волею пошла на служеніе великой богинѣ Прауримы. Сдаю ее на твои руки и отнынѣ прекращается вся власть моя надъ нею. Прощай, Скирмунда, пусть хранять тебя боги!

Скирмунда покорно склонила голову и отецъ напечатлѣлъ послѣдній поцѣлуй на ея лбу. Отнынѣ ни одинъ смертный уже не дерзаль прикоснуться къ ней.

Криве-кривейто взялъ ея руку изъ рукъ отца и привелъ ее въ кругъ вайделотокъ, стоявшихъ на крыльцѣ. Тѣ окружили ее и запѣли гимнъ Прауримы. Вайделоты затрубили въ трубы и ударили въ бубны. Криве-кривейто поднялъ свою кривулю, шествіе тронулось.

Два дня шагъ за шагомъ подвигалась эта процессія; наконецъ къ вечеру третьяго дня поѣздъ подошелъ къ довольно широкой рѣчкѣ, быстро катящей свои волны въ высокихъ и мало доступныхъ берегахъ.

Вингалла предложил остановиться на ночь по эту сторону и, по обыкновенію, укрѣпить лагерь и выставить стражу. Криве-кривейто настаивалъ лучше переправиться на паромъ и лодкахъ на ту сторону, такъ какъ противоположный берегъ былъ гораздо выше и представлялъ болѣе здоровый ночлегъ.

Начали переправляться. Едва только первыя группы вайделотовъ успѣли переправиться на паромъ, и слѣдующимъ рейсомъ были перевезены на тотъ берегъ вайделотки и ихъ повозки, какъ вдругъ съ того берега донеслись дикіе крики отчаянья. Вингалла, бывшій еще на этомъ берегу, вздрогнулъ и бросился къ лодкѣ.

По ту сторону происходило что-то ужасное. Человѣкъ десять латниковъ, въ шлемахъ, съ опущенными забралами, прорубались сквозь толпу вайделотовъ, старавшихся защитить повозки вайделотокъ. Нѣсколько десятковъ верхниковъ и лучниковъ поражали литвинъ стрѣлами.

Вся масса народа, оставшаяся на этой сторонѣ, пораженная ужасомъ, чувствовала собственное безсиліе и не могла подать помощи. Единственный паромъ былъ на той сторонѣ, а нѣсколько долбленыхъ лодокъ едва могли поднять по два человѣка каждая.

Завидя опасность, которой подвергалась дочь, князь Вингалла превратился въ дикаго звѣря; онъ выхватилъ мечъ и бросился съ обрыва къ рѣкѣ.

У берега была всего одна лодка и та была уже занята. Броситься къ ней, выбросить изъ нея уже усѣвшагося вайделота, занять его мѣсто и приказать гребцу править—было дѣломъ одного мгновенія.

— Греби! греби! или ты жизнью заплатишься, если я опоздаю!—крикнулъ онъ перевозчику и лодка полетѣла.

XVII.

Бой и плѣнъ.

Но князь Вингалла опоздалъ.

Смятые дружнымъ натискомъ враговъ, плохо вооруженные вайделоты не выдержали, и латники прорубились до самыхъ повозокъ, занятыхъ вайделотками.

Рыцари, это были они, на этотъ разъ не надѣли своихъ бѣлыхъ плащей, съ вышитыми черными крестами. Они боялись, что въ этомъ костюмѣ ихъ скорѣе замѣтятъ, а они въ великой тайнѣ держали планъ своего нападенія.

Одинъ изъ измѣнниковъ жмудинъ указалъ на эту переправу, какъ на такое мѣсто, гдѣ удобнѣе всего поставить засаду, такъ какъ силы литвинъ будутъ разъединены. И онъ не ошибся. Даже самъ командоръ не предполагалъ, что удача будетъ стоять такъ

мало. Въ бою съ вайделотами и прислугой рыцари не потеряли ни одного человѣка, и только у лучниковъ было двое раненыхъ. Какъ хищные вороны, бросились они на оставшіеся безъ прикрытія вozy съ драгоценными сосудами и всевозможными дорогими вещами, которыя везли въ храмъ богини, какъ вкладъ за новую вайделотку.

Несчастныя дѣвы Знича, видя гибель своихъ и неминуемую опасность, подняли отчаянный крикъ. Страшные всадники были уже близко; они видѣли эти ужасныя фигуры, закованныя въ желѣзо, эти желѣзные шлемы съ опущенными забралами. Спасенья не было!.. Они были безоружны!

При первомъ звукѣ тревоги сердце у Скирмунды словно упало.

— Это онъ! это онъ!—радостно подсказывало ея сердце, и она безъ страха и безъ отчаянья слѣдила за оборотами боя. Она была вполнѣ увѣрена, что эта засада дѣло рукъ князя Давида и старалась узнать его въ одной изъ закованныхъ въ латы фигуръ.

Уже тогда, когда послѣдніе защитники бросили оружіе и побѣжали, а рыцари были въ нѣсколькихъ шагахъ, несчастная увидѣла, что ошиблась. Бѣжать и спастись было некогда! Двѣ вайделотки, болѣе рѣшительныя, успѣли соскочить и спрятаться въ непроходимой чащѣ кустовъ. Скирмунда хотѣла послѣдовать ихъ примѣру, но было уже поздно!

— Хильфъ Готты!—гаркнулъ у ней надъ ухомъ громкій голосъ командора, и рука его въ желѣзной перчаткѣ опустилась на ея плечо.

Скирмунда вскрикнула, какъ змѣя вырвалась у него изъ рукъ и хотѣла бѣжать, но онъ вновь обхватилъ ее руками, она снова увернулась, выхватила кинжалъ, висѣвшій у пояса, и съ розмахомъ ударила въ грудь рыцаря. Кинжалъ сломился о стальной панцырь.

— Ого, моя кошечка, какъ ты царапаешься,—со смѣхомъ проговорилъ тотъ.—Такъ негодится, надо будетъ ноготочки обстричь...

— Скирмунда! Скирмунда! Дочь моя!—вдругъ загремѣлъ сзади ихъ голосъ князя Вингаллы.

— Я здѣсь! отецъ, спаси! спаси меня!—крикнула несчастная и сдѣлала страшное усиліе, но все напрасно; могучей рукой взбросилъ ее рыцарь на сѣдло и далъ шпоры коню.

Съ бѣшенымъ крикомъ бѣжалъ за нимъ Вингалла, но что же могъ сдѣлать онъ, пѣшій, противъ рыцаря на конѣ, да еще закованнаго въ латы.

— Сюда! сюда! за мной!—кричалъ рыцарь, увлекая Скирмунду, и поскакалъ по дорогѣ къ конвенту.

Черезъ нѣсколько минутъ всѣ братья рыцари, узнавъ голосъ своего командора графа Брауншвейга, скакали вслѣдъ за нимъ, и скоро дружными усиліями несчастная княжна была наглухо завернута въ рыцарскіе плащи и лишена не только всякой возможности сопротивленія, но даже и движенія.

— Нашъ планъ удался блистательно, спасибо капелану—онъ надоумилъ...

— Не совсѣмъ,—замѣтилъ братъ госпитальеръ:—намъ не удалось отбить брата Эрлиха, его здѣсь не было!

— За то удалось взять заложницу, и пока она будетъ у насъ, я ручаюсь за жизнь не только брата Эрлиха, но и всѣхъ плѣнныхъ гербовыхъ!

— Ваша правда, братъ командоръ, теперь мы уже можемъ предписать наши условія этому старому волку князю Вингаллѣ!!

— Ой, не знаете вы его!—воскликнулъ госпитальеръ:—я боюсь, чтобы дѣло не пошло совсѣмъ наоборотъ,—онъ вмѣсто выкупа бросится на насъ войной.

— И разобьетъ свой лобъ о башни Штейнгаузена, — замѣтилъ не безъ хвастливости командоръ.

— Вашими бы устами...

— Неужели же ты думаешь, братъ госпитальеръ, что нашъ замокъ когда либо можетъ пасть предъ всей литовской сволочью, веди ее не только что Вингалла, а даже самъ Витольдъ?...

— На случай мастера нѣтъ... Мало ли замковъ за послѣднее время отбили литовцы...

— Стыдно такъ говорить тебѣ, братъ госпитальеръ. Если ты самъ трусишь этой сволочи—литовцевъ, такъ не смущай сердца другихъ... Долгъ каждаго крейць-хера умереть, сражаясь за крестъ и святую вѣру!

Братъ госпитальеръ умолкъ. Да и говорить больше было не о чемъ. Весь день, проведенный въ засадѣ, затѣмъ этотъ ночной бой и поспѣшное отступленіе, порядочно таки утомили рыцарей, уже болѣе сутокъ не снимавшихъ тяжелыхъ доспѣховъ. А останавливаться на ночлегъ было бы очень рискованно. Лазутчики доносили имъ, что несмѣтныя толпы литвинъ и жмудинъ собрались на это невиданное зрѣлище, и само собой, всѣ они могли броситься въ погоню за похитителями княжны вайделотки.

До замка оставалось уже недалеко, вдали по просѣкѣ мелькнулъ шпиль надъ высокой башней и заблестѣлъ при первыхъ лучахъ загоравшейся зари.

— Штейнгаузенъ!—радостно замѣтилъ братъ госпитальеръ и перекрестился.

Его примѣру послѣдовали другіе. Очевидно было, что вблизи отъ замка каждый почувствовалъ нравственное облегченіе. Ободренные близостью конюшенъ, лошади фыркали и еще быстрѣе бѣжали.

Вдругъ лошадь одного изъ рыцарей сдѣлала отчаянный прыжокъ и ринулась въ сторону.

— Братъ Карлъ!—въ ужасѣ воскликнулъ госпитальеръ:—твоя лошадь ранена.—При свѣтѣ зажигающейся зари, онъ увидаль стрѣлу, вонзившуюся въ крупъ лошади товарища. Но братъ Карлъ уже не слышалъ этого крика. Онъ лежалъ сброшенный раненымъ конемъ и громко взывалъ о помощи.

Въ ту же секунду дикій крикъ торжества и ненависти донес-

ся до ушей убѣгающихъ рыцарей, и нѣсколько стрѣль просвистали въ воздухѣ, съ трескомъ отскакивая отъ латъ и шлемовъ или проносясь мимо.

— Погоня! погоня! скорѣи къ воротамъ!—крикнулъ командоръ и сталъ гнать коня. Возвращаться для спасенія одного упавшаго значило рисковать жизнію нѣсколькихъ рыцарей. Сзади слышался ясный топотъ огромнаго числа лошадей, даже крики погони слышались все ближе и ближе, стрѣлы такъ и свистали вокругъ рыцарей.

Съ вершины башни надъ воротами замѣтили возвращающихся рыцарей и погоню. Оставшійся въ замкѣ рыцарь приказалъ затрубить въ рогъ, и этотъ звукъ ободрилъ товарищей, не рассчитывавшихъ уже спастись; теперь они знали, что ихъ увидѣли и что ворота замка открыты.

Еще минута, и громкій топотъ копытъ рыцарскихъ коней по досчатому подъемному мосту доказалъ, что они уже въ замкѣ, и въ ту минуту, когда послѣдній всадникъ проскакалъ мостъ, онъ съ громкимъ скрипомъ поднялся на цѣпяхъ, и предъ преслѣдующими открылась пропасть глубокаго, полного водою рва.

— Пали мортиру!—крикнулъ распорядившійся защитой замка рыцарь, и цѣпль столбъ огня и дыма вырвался изъ пасти чугунаго чудовища, подобно гигантской лягушкѣ лежавшаго на вершинѣ надворотной башни. Раздался оглушительный трескъ и громъ, и нѣсколько огромныхъ каменьевъ, словно каменный дождь, полетѣли въ сторону нападавшей толпы преслѣдователей. Пораженные паническимъ страхомъ, литовскія лошади бросились въ сторону, сбрасывая не менѣе испуганныхъ сѣдоковъ.

— Впередъ! впередъ!—гремѣлъ, среди откатнувшейся литовской толпы, голосъ стараго Вингаллы, успѣвшаго добыть коня и броситься въ преслѣдованье.

— Впередъ! впередъ! Тамъ моя дочь!

— Впередъ! впередъ!—тамъ жрица богини Прауримы, тамъ ея дѣва-вайделотка! спасите ее! спасите ее!—кричали самъ кривекривейто и подручные ему криве.

Но все было напрасно. У цѣлаго отряда литовцевъ, бросившихся въ погоню за нѣмцами, не было ни стѣнбитныхъ машинъ, ни пушекъ, никакого снаряда воинскаго, а такой замокъ, какъ Штейнгаузенъ, нельзя было взять открытой силой.

Напрасно князь и криве возбуждали къ нападенію прибывшихъ съ ними литвинъ,—все было напрасно... Твердыни рыцарскаго замка словно смѣялись надъ ихъ усиліями, а мортиры одна за другою изрыгали пламя и разносили смерть и ужасъ!

XVIII.

Въ Трокахъ.

День уже склонялся къ вечеру, когда Бѣльскій со своей свитою подъѣхалъ къ переправѣ, соединяющей Трокскій замокъ съ берегомъ.

У громадной деревянной пристани, далеко вдававшейся въ озеро, толпились перевозчики. Бѣльскій вѣхалъ на помость. Многіе, узнавъ въ немъ знаменитаго воеводу и любимца княжескаго, снимали шапки и кланялись.

— Что, его ясная мость въ замкѣ?—освѣдомился онъ у одного изъ старшихъ перевозчиковъ.

— Вотъ уже вторую недѣлю гостять,—отвѣчалъ тотъ, низко кланаясь:—недужень былъ, да теперь, слава великому Перкунасу, мудрый Спортысь сумѣлъ отогнать отъ него лихоманку... здоровъ!..

Многіе изъ слугъ яснаго пана отвернулись и посмотрѣли въ сторону при имени Перкунаса, но старый Бѣльскій только усмѣхнулся въ сѣдые усы и проговорилъ не безъ юмора:

— Ну, тамъ Перкунасъ Перкунасомъ, а ты перевези-ка насъ скорѣе къ замку, скоро и солнце сядетъ!

— Не смѣю, ясный панъ!—снова съ поклономъ отвѣчалъ перевозчикъ.

— Это еще что? Какъ не смѣешь?—крикнулъ Бѣльскій.

— Строгій приказъ отъ каштеляна—съ оружіемъ господъ не возить къ замку безъ позволенія!

— Это еще что за новости?.. Давно ли такой приказъ?

— А съ недѣлю... Тутъ, говорятъ, крыжаки, чтобы проклята была ихъ душа, подвохъ какой замышляли противъ нашего солнышка Кейстуовича... да мы ихъ поймали, ну вотъ и не пускаютъ.

-- Да вѣдь я же не крыжакъ,—смѣясь, замѣтилъ Бѣльскій:—я воевода княжій...

— Знаю, ясный панъ, да указъ больно строгъ, никакъ не могу безъ позволенія. Да вотъ на ваше счастье отъ замка каштелянъ ѣдетъ, сюда гребетъ.

Дѣйствительно, къ пристани подходила небольшая барка, и на ней возсѣдалъ, на покрытой красной кошмой скамьѣ, низенькій, пузатенькій челоуѣкъ, въ желтомъ кафтанѣ русскаго покроя и узкой войлочной шапкѣ. Онъ еще издали узналъ пана Бѣльскаго и низко ему кланялся. Это былъ помощникъ Трокскаго каштеляна подчасшій шляхтичъ Кобзичъ, герба «Лютый», давно уже, чуть что не со времени Ольгерда, занимавшій этотъ постъ.

— Челомъ бью ясному пану!—закричалъ онъ, чуть барка коснулась пристани:—добро пожаловать. А нашъ великій госу-

дарь больно соскучился о твоей ясной милости, еще сегодня за обѣдомъ вспоминалъ о тебѣ...

— Эй, вы!.. поддержите!—крикнулъ онъ гребцамъ.—Поддержите, развѣ не знаете, что я со своими ногами не могу взобраться на вашу треклятую лѣстницу.

Бѣльскій слѣзъ съ коня и пошелъ навстрѣчу Кобзичу, который, пыхтя и опираясь, еле взобрался на пристань. Пань обнялись, какъ старые знакомые, и скоро лодка ихъ поплыла обратно къ Трокскому замку. Слуги пана Бѣльскаго волей-неволей должны были расположиться на ночлегъ въ прибрежной деревушкѣ.

Дорогой друзья разговорились, и каштелянъ посвятилъ Бѣльскаго въ послѣднія новости двора.

— Что, о войнѣ не слышно-ли чего?—спрашивалъ старый воевода:—а то сабли въ ножнахъ ржавѣютъ!

— Кто проникнетъ въ мысли «мудрѣйшаго»?—съ улыбкой отвѣтилъ подчашій.—Господь Богъ его вѣдаетъ,—молчить молчить, а на завтра походъ, никому и невдомекъ. Налетить, какъ соколъ, и аминь!

Литвины давно уже прозвали своего героя князя именемъ «мудрѣйшаго». Это былъ самый лестный эпитетъ на бѣдномъ литовскомъ нарѣчьи.

— Оно и лучше, дружина въ сборѣ, сабли наточены, что же терпѣть по пустому,—замѣтилъ Бѣльскій.—Да только мнѣ сказывали, что по Смоленской дорогѣ, къ Москвѣ, хлѣбъ и запасы везуть... Ужъ не на Москву-ли походъ!

— А тѣмъ и лучше, панъ ясный, схизматики они, хуже басурмановъ, хуже нечисти татарской!..

Бѣльскій строго взглянулъ на говорившаго.

— Одинъ врагъ у Литвы и Польши—нѣмецъ!—рѣзко проговорилъ онъ:—терять хотъ одного человѣка въ битвѣ съ другими племенами, когда цѣль хотъ одинъ крыжакъ, неисправимая ошибка... Правда, москали схизматики, да они тоже наши братья славяне, рядомъ съ нами дрались съ невѣрными; ты только сочти, сколько ихъ князей легло подъ Ворсклой, и какъ легли, съ мечами въ рукахъ, а не въ позорномъ бѣгствѣ!

— На кого намекаетъ панъ ясный?—обидчиво спросилъ подчашій:—я не виноватъ, что моя лошадь, раненая стрѣлой, закусила удила и носила меня четыре часа...

— Кто же и говорить. Храбрость пана подчашаго выше всѣхъ сомнѣній, но яговорю, кто дрался рядомъ съ русскими, бокъ-о-бокъ, тотъ только можетъ уважать ихъ и удивляться имъ!.. Я полякъ и католикъ, но клянусь святымъ Станиславомъ, на полѣ брани я побратался и съ русскими, и со жмудинами, даромъ что они язычники!

Панъ подчашій отвернулся и сплюнулъ.

— Панъ воевода слишкомъ добръ и благороденъ, но въ свою очередь, клянусь Ченстоховской Божьей Маткой, скорѣе спасу изъ воды паршиваго щенка, чѣмъ москаля или жмудина, будь то самъ князь Вингалла Кейстувичъ!

Глаза воеводы сверкнули.

— Панъ подчасій мнѣ другъ, а князв Вингалла Эйрагольскій мнѣ побратимъ, прошу пана или прекратить раговоръ, или не отзыватья о немъ дурно!

— Дурно! да сохрани Боже! Я только удивляюсь; какъ это такой мудрый князь, братъ нашего „мудрѣйшаго“, и пребываетъ въ язычествѣ!..

— Каждый познаетъ Бога и поклоняется ему, какъ знаетъ! Давно ли и „мудрѣйшій“ просвѣтился свѣтомъ истины. Придетъ пора и Эйрагольскій князь познаетъ свѣтъ христіанства!

— Ну, нѣтъ, ясный панъ воевода,—быстро возразилъ подчасій.—Довелось мнѣ съ самимъ „мудрѣйшимъ“ быть въ Эйрагольскомъ замкѣ.. Взoshель и бѣжалъ.. бѣжалъ, словно за мной неслись тысячи демоновъ, такъ бѣжалъ, словно у меня были двадцатилѣтнія ноги!

— Что же было тамъ страшнаго?.. Я тоже былъ въ замкѣ и ничего не видалъ!..

— А серебряный чурбанъ въ тронной залѣ, а мѣдныя ужи и змѣи!.. Довольно ихъ однихъ, чтобы ввергнуть въ адъ правовѣрнаго.

— Изображеніе богини Прауримы!—захохоталъ воевода.—Что же тутъ ужаснаго?.. Я и не такихъ истукановъ видѣлъ въ Ромновѣ на Дубиссѣ.

— Какъ, ясный панъ воевода былъ и въ Ромновѣ на Дубиссѣ?—съ испугомъ проговорилъ подчасій и сталъ быстро креститься.—Иезусъ Марія, Матка Бозска-ченстоховска, смилуйся надо мною, грѣшнымъ,—тихонько шепталъ онъ и слегка отодвинулся отъ воеводы. Тотъ съ любопытствомъ, смѣшаннымъ съ насмѣшкой, смотрѣлъ на перепуганнаго пана. Ему почему-то вдругъ захотѣлось раздражить его еще болѣе.

— А что скажетъ панъ, когда узнаетъ, что я съ княземъ Вингаллой Эйрагольскимъ собственноручно принесъ жертву богинѣ Прауримѣ!..

— Быть можетъ такого грѣха самъ святѣйшій папа въ Авиньонѣ*) разрѣшить не можетъ!.. Что же сказалъ вамъ духовникъ?.. Какъ онъ допустилъ васъ до святаго причастія.

— Духовникъ? Посмотрѣлъ бы я, какъ бы онъ осмѣлился перечить мнѣ,—гордо сказалъ Бѣльскій:—я эту черную и бѣлую нищую братію вотъ гдѣ держу!—онъ показалъ сжатый кулакъ.—Отъ нихъ однихъ вся смута и рознь и въ князьяхъ, и въ народахъ славянскихъ!

Панъ подчасій умолкъ. Разговоръ начиналъ принимать слишкомъ рѣзкій оттѣнокъ, и онъ, какъ вѣрный и пламенный католикъ, не рисковалъ продолжать его, боясь съ одной стороны разсердить вліятельнаго человѣка, а съ другой—совершить страш-

*) Изгнанный изъ Рима папа въ это время жилъ въ Авиньонѣ во Франціи.

ный грѣхъ, согласившись, хотя въ чемъ бы то не было, съ такимъ явнымъ отступникомъ отъ вѣры.

— Что это у васъ за новые гребцы?—послѣ молчанія спросилъ Бѣльскій, всматриваясь въ смуглыя, совсѣмъ не литовскаго типа лица гребцовъ.

— А это „мудрѣйшій“ съ похода на Крымъ привезъ... народъ такой, семей до пятисотъ, „караимами“ зовутъ, вѣры еврейской, а на жидовъ не похожи; нахвалиться на нихъ не можемъ, одно плохо, какъ ни бьюсь—ни слова по-польски не понимаютъ!

— Это придетъ со временемъ... Ну, а какъ они въ воинскомъ дѣлѣ?..

— Куда имъ,—развѣ маркитантами... Однако, вотъ мы и приѣхали; сейчасъ пойдешь къ князю или отдохнешь съ дороги?

— Это зависитъ отъ воли „мудрѣйшаго“: теперь время пообѣдѣ, можетъ быть онъ и сейчасъ приметъ меня!

— А почевать ко мнѣ? Споръ не ссора, не такъ-ли, ясный панъ воевода?

— Благодарю за предложеніе, да вѣдь у меня въ княжеской дружинѣ два молодца, надо на ихъ хозяйство заглянуть.

Лодка причалила къ пристани и оба пана направились къ замковымъ воротамъ, находившимся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ берега.

Массивныя стѣны замка были сложены изъ краснаго, обожженнаго кирпича и только башни, своды воротъ и бойницы выложены изъ глыбъ кремнистаго камня. Ворота были изъ желѣзныхъ полосъ, а зубцы стѣны вооружены крюками изъ того же металла. Надъ самыми входными воротами, обращенными на пристань, возвышалась высокая, круглая башня, на вершинѣ которой стояло что-то странное по своей формѣ и неуклюжести. Это былъ удлиненный боченокъ, окованный желѣзными обручами въ нѣсколько рядовъ, и помѣщенный на деревянномъ же постаментѣ съ колесами. Рядомъ стояли, или вѣрнѣе лежали, чугунныя, странной формы, огромныя ступы, а возлѣ нихъ, въ пирамидальныхъ кучахъ, сложены были обкатанные водой валуны, кое-гдѣ подправленные каменотесами. Два часовыхъ безсмѣнно находились на площадкѣ башни и зорко берегли эти невиданныя орудія отъ постороннихъ взглядовъ.

Это было, какъ, вѣроятно, читатель догадался, ничто иное, какъ первообразы теперешнихъ представителей артиллеріи. Чугунныя ступы, иначе называемыя магдебургскими мортирами или каменометами, а деревянный обрубокъ, высверленный и окованный обручами—первообразъ полевой пушки; изъ первыхъ стрѣляли камнями навѣсно, изъ второй надѣялись стрѣлять прицѣльно, но опытовъ пока еще не дѣлали, а палили порой холодными зарядами; наводя на окрестныхъ жителей ужасъ громовыми раскатами выстрѣловъ.

Въ воротахъ стоялъ караулъ отъ отряда псковскихъ лучниковъ, которыми, какъ извѣстно, командовалъ сынъ пана Бѣль

скаго. Случайно молодой витязь тоже был у воротъ и несказанно изумился, узнавъ въ одномъ изъ прїѣзжихъ своего отца.

Какъ почтительный сынъ, онъ бросился навстрѣчу воеводѣ и нѣжно поцѣловалъ его въ руку и плечо, но отецъ быстро поднялъ его голову и поцѣловалъ прямо въ губы.

— Братъ Стефанъ здѣсь?—спросилъ онъ, когда первыя изъ-явленія радости встрѣчи прошли.

— Нѣтъ, отецъ, онъ остался въ Вильнѣ, „мудрѣйшій“ приказалъ ему пополнить дружину.

— Какъ, развѣ походъ?

— Мы меньше всѣхъ знаемъ... говорятъ...

— Но на кого же?

— Говорятъ на Москву— изъ-за Смоленска.

Брови стараго воеводы сжались. Онъ не сказалъ ничего, но, видимо, это извѣстіе было ему непріятно.

— Гдѣ наисвѣтлѣйшій панъ князь?—спросилъ онъ, чтобы перемѣнить разговоръ.

— Въ своихъ покояхъ... готовятъ торжественный приемъ пословъ.

— Чьихъ?

— Отъ великаго магистра.

— Они уже здѣсь?

— Нѣтъ, завтра придутъ... да не простые рыцари, а великіе сановники ордена, Комтуръ, Маргвардъ Зольцбахъ и еще два ассистента.

— Знаю я этихъ разбойниковъ... обоихъ бы на одну осину,— рѣзко перебилъ сына воевода.—Однако, мнѣ надо видѣть „мудрѣйшаго“ сегодня же... Поди, скажи дежурному боярину...

— Давно же, отецъ, ты не былъ при дворѣ; да здѣсь, въ Трокахъ, мы живемъ безъ этикета, князь принимаетъ безъ доклада, иди прямо, двери замка отворены, скажешь служителю, онъ проведетъ тебя къ самому князю.

Старый воевода поспѣшилъ исполнить совѣтъ сына и черезъ нѣсколько минутъ входилъ въ высокій залъ, расписанный по сторонамъ картинами историческаго содержанія „аль фреско“ *).

Окруженный толпой слугъ и придворныхъ, въ глубинѣ зала стоялъ средняго роста, довольно плотный мужчина, безусый и безбородый, отдавая приказанія. Голосъ у него былъ рѣзкій и какого-то страннаго металлическаго тембра. Его невозможно было не узнать изъ тысячи голосовъ. Привычка повелѣвать слышалась въ каждомъ словѣ, въ каждомъ жестѣ, этого пожилаго человѣка, и хотя онъ былъ одѣтъ проще и бѣднѣе каждаго изъ его окружающихъ, но никто не задумался бы сказать—гдѣ слуги, гдѣ повелитель.

Это и былъ самъ „мудрѣйшій“, великій князь всей Литвы и

*) Остатки этой живописи и до сихъ поръ видны въ развалинахъ трокскаго замка.

Жмуди Витовтъ Кейстутовичъ **). Глядя на его небольшую коренастую фигуру, на полуженское лицо, лишенное растительности, трудно было бы узнать въ немъ легендарнаго воина-героя, наполнявшаго всю тогдашнюю Европу шумомъ своихъ военныхъ подвиговъ. Зато глаза, пронизательные, свѣтящіеся какимъ-то неземнымъ огнемъ, этотъ мощный, властный голосъ, обличали въ немъ человѣка, привыкшаго только повелѣвать. Онъ былъ одѣтъ въ сѣрый кафтанъ русскаго покроя и небольшую шапочку. То и другое было старо и изношено, очевидно, князь не гнался за роскошью туалета.

Замѣтивъ вошедшаго Бѣльскаго, онъ мигомъ словно переродился. Глаза его заблестали видимымъ удовольствіемъ, онъ быстро пошелъ ему навстрѣчу.

Бѣльскій хотѣлъ по обычаю преклонить колѣно, но Витовтъ не допустилъ и горячо обнялъ ратнаго товарища.

— Какъ я радъ, что ты пріѣхалъ, я уже хотѣлъ послать за тобою!—сказалъ Витовтъ привѣтливо.

— Очень счастливъ, если когда-нибудь и въ чемъ-нибудь могу еще понадобится твоей милости!

— Что за крыжакскій языкъ!?. Довольно, будто я не знаю, что Бѣльскій раньше всѣхъ явится на мой зовъ!

Бѣльскій низко поклонился.

— Знаю я тебя упрямаца и заговорника—ты моей Вильно какъ чумы бѣгаешь. Зато уже, если ты самъ пріѣхалъ, значитъ дѣло есть—говори, все исполню!

— Дѣло не мое, государь, а дѣло отчизны,—серіозно отвѣчала Бѣльскій:—иначе бы я и не посмѣлъ явиться предъ твои свѣтлые очи!

— Отчизны?—переспросилъ Витовтъ...—Пойдемъ въ мои покои, тамъ объяснишь. А вы,—обратился онъ къ слугамъ и рабочимъ, стоявшимъ въ почтительномъ отдаленіи,—чтобы въ ночь было все готово! Гостей везти по озеру тихо, съ трубачами, дать знать московскому пушкарю Максиму, сдѣлать три выстрѣла въ честь гостей. Пива и меду не жалѣть для прислуги и свиты... Ссоры не заводите—зачинщиковъ повѣшу! Ступайте!

Круто повернувшись, Витовтъ вышелъ изъ зала, за нимъ вслѣдъ шелъ Бѣльскій. Пройдя нѣсколько покоевъ, убранныхъ съ княжеской роскошью, они вступили, наконецъ, въ небольшую храмину, съ низкимъ потолокомъ и узкими стрѣльчатыми окнами. Рамы были металлическія, со вставленными въ нихъ кружками зеленоватаго литаго стекла. Въ углу предъ большимъ чернымъ крестомъ, съ костянымъ распятіемъ, стоялъ аналой и лежала кожаная подушка. Вдоль противоположной стѣны видѣлась кровать простого дерева, покрытая выдѣланной медвѣжьей шкурой, въ изголовьи лежалъ мѣшокъ изъ грубой шелковой матеріи, набитый свѣжимъ душистымъ сѣномъ. Стѣна надъ кроватью

**) Поляки и нѣмцы приносили его имя Витольдъ.

была завѣшана замѣчательно красивымъ турецкимъ ковромъ, подарокъ Тохтамыша, и на немъ была развѣшана цѣлая коллекція оружія отъ луковъ и самогрѣловъ, до мечей, сабель, тяжелыхъ шестоперовъ и перначей включительно.

Среди комнаты, противъ окна помѣщался длинный столъ, тоже простаго дубоваго дерева, безъ рѣзьбы и украшеній, но съ цѣлой горой свитковъ рукописей и переплетенныхъ въ кожу фолиантовъ. Два громадныхъ мѣдныхъ подсвѣчника, въ четыре свѣчи каждый, стояли на столѣ. Свѣчи были изъ желтаго воска и сгорѣвшія до половины, князь занимался и по вечерамъ. Стѣны комнаты, полъ и потолокъ были изъ гладко-выстроганныхъ дубовыхъ досокъ, и затѣмъ ни одного украшенія, ни одного предмета роскоши не было видно въ этой рабочей комнатѣ-спальнѣ одного изъ могущественныхъ владыкъ Европы.

— Садись и говори, я слушаю!..—показывая на табуретъ около стола, сказалъ князь и самъ сѣлъ къ столу.

— Хлѣба не радуютъ, государь, по всему трокскому княжеству сѣмявъ не соберешь...—началь издали свое сообщеніе Бѣльскій.

— Знаю, я уже распорядился, въ Новой Мархѣ у меня закуплена пшеница, король и братъ *) далъ пятьдесятъ барокъ, ихъ уже гонять по Нѣману.

— Вотъ объ этомъ я и хотѣлъ доложить... Нѣмецкіе злодѣи знаютъ объ этомъ караванѣ, а такъ какъ онъ пойдетъ чрезъ ихъ земли, то его приказано задержатъ!

— Пусть посмѣютъ!—вскричалъ Витовтъ и стукнулъ кулакомъ по столу,—пусть посмѣютъ, это будетъ оскорбленіе и короля и меня...

— Первое-ли, государь?—осмѣлился замѣтить воевода.

Витовтъ вскочилъ съ мѣста...

— Какъ смѣешь ты говорить такъ?!—воскликнулъ онъ,—или ты забываешь, кто я!!.

— Нѣтъ, могущественный государь, не забываю, предо мною величайшій герой и величайшій политикъ въ Европѣ, и онъ, въ это время, когда я говорю, думаетъ совершить великую ошибку!..

— Ошибку, ты говоришь?

— Ошибку, государь.

Витовтъ усмѣхнулся...

— Ну, говори же, умникъ, въ чемъ моя ошибка?..

— Дозволь мнѣ, великій государь, говорить откровенно и прямо, на языкъ моемъ нѣтъ лести, я не умѣю говорить иначе, какъ прямо и смѣло. Дозволь?..

— Тебѣ ли послѣ сказаннаго просить дозволенія, говори—я слушаю.

— Государь,— снова началъ воевода,—я слышалъ, что ты собираешься на Москву, ты стягиваешь рати, готовишь запасы...

*) Василій Дмитріевичъ, князь московскій.

— Правда... такъ что же въ этомъ? Мой нареченный сыночекъ мирволить измѣнникамъ Святославичамъ *); пора положить предѣлъ этой явной злобѣ и тайной измѣнѣ!

— Такъ-ли, государь?.. Смоленяне всегда были вѣрны тебѣ, храбро бились съ тобой подъ Ворсклой, двое князей Святославичей легли рядомъ съ тобой... Да и что за счеты между тобой и Москвой.—Великая княгиня Софья Витовтовна сумѣетъ отстоять твое дѣло предъ московскими великими князьями.—Другое дѣло ждать тебя, другіе подвиги... Погляди только кругомъ, вся Жмудь стонетъ подъ нѣмецкимъ ярмомъ. Самъ великій магистръ Юнингенъ ѣздилъ усмирять ихъ, сколько крови пролито, литовской крови, сколько деревень сожжено, сколько взято и угнано въ плѣнъ!

Витовтъ вздрогнулъ и облокотился на руку. Воевода продолжалъ.

— А между тѣмъ, они, эти проклятые крыжаки, осмѣливаются говорить, что все это творится твоимъ княжескимъ именемъ, твоимъ изволеніемъ!.. Не на Москву, князь великій, не на Смоленскъ... на хищническое гнѣздо рыцарей, какъ одинъ человекъ поднимется Литва, Русь и Польша... Помни, что во всей Литвѣ нѣтъ ни одной семьи, нѣтъ ни одного дома, который бы не оплакивалъ жертвы нѣмецкаго варварства!.. Тѣхъ убили, тѣхъ сожгли, тѣхъ отравили!

Витовтъ молчалъ, морщины на челѣ его пролегли все глубже и глубже. Мысли его были далеко, въ его памяти воскресали страшныя ужасныя картины; ему видѣлись блѣдныя лица его несчастныхъ сыновей, отравленныхъ нѣмецкими злодѣями-рыцарями, ему слышались ихъ предсмертныя отчаянныя стоны..

— Не напоминай!—воскликнулъ онъ...—Клянусь Богомъ всемогущимъ, ни на одно мгновение я не забывалъ этого!.. Было, правда, время, обуянный гордынею, я хотѣлъ подъ своимъ скипетромъ соединить всю Московію и Литву... Но Всевышній не захотѣлъ этого... Пусть Москва растетъ и развивается, у нея удѣлъ Востокъ, у меня Западъ!

— Но походъ на Москву?... Рати собираются?—переспросилъ Бѣльскій..

— Собрать рать, еще не боюсь итти,—уклончиво отвѣчалъ Витовтъ...—Собрался въ Лиду, попалъ въ Вильну,—докончилъ онъ свою фразу.—Постой, да откуда же ты знаешь, что нѣмцы хотятъ перехватить караванъ съ хлѣбомъ?—вдругъ спросилъ онъ, словно вспоминая сообщенное воеводой извѣстіе.

— Да отъ Солтуса Богенскаго съ нарочнымъ письмо получилъ. Засада на берегу устроена, сто гербовыхъ, при одномъ бѣломъ плащѣ, въ засадѣ сидятъ,—эхъ, послать бы туда сотню другую татарскихъ джигитовъ,—налетѣли бы, какъ соколы ночью, а потомъ поминай, какъ звали; утромъ ни слѣда, ни знака!

— Татаръ, говоришь ты... Какихъ же?

*) Князьямъ смоленскимъ.

Да вотъ изъ здѣшнихъ поселенцевъ... Такіе удалыцы, что и не найти... Былъ я на-дняхъ у стараго Желадинъ-Туганъ-миръзы, ну, государь, видѣлъ я у него въ улусѣ байгу, клянусь святымъ Станиславомъ, никогда не видалъ ничего подобнаго.

— Въ чемъ же дѣло?—переспросилъ заинтересованный Витовтъ.

— Въ воинской наукѣ, каждая новая хитрость, каждая воинская уловка, залогъ побѣды,—отвѣчалъ Бѣльскій, и горячо, въ нѣсколькихъ словахъ, передалъ всеильному князю все то, чему былъ свидѣтелемъ въ татарскомъ улусѣ, не забылъ также, разумѣется, и эпизода на охотѣ. Старикъ Бѣльскій былъ честный и прямой человѣкъ, въ противоположность многимъ изъ своихъ родичей; онъ не любилъ хвастать и потому правдиво и ясно описалъ все, какъ было.

Очевидно, извѣстіе объ арканахъ, употребляемыхъ татарами противъ закованныхъ въ желѣзо рыцарей, навело Витовта на новыя мысли,—онъ долго молчалъ.

— Знаю я этого стараго татарскаго мудреца Желадина,—началъ онъ,—давно знаю, сколько разъ заѣзжалъ къ нему, что же онъ ни разу не показалъ мнѣ своей воинской забавы, но сына его я вовсе что-то не помню!

— Онъ еще очень молодъ, говорятъ, только недавно и пускать-то его къ гостямъ сталъ старый мирза...

— И то правда; вотъ уже два года, какъ я у него не былъ, непременно заѣду на обратномъ пути изъ Трокъ.—А тебѣ спасибо, старый боевой товарищъ, за разумное слово и за совѣтъ... Помни только одно, я душой литвинъ, душой ненавижу нѣмцевъ больше всѣхъ васъ вмѣстѣ, и имѣю на то право, но помни еще—я князь и повелитель моей земли, я отвѣчаю за ея благосостояніе, я не могу дозволить, чтобы за одинъ мой неосторожный шагъ платились головами и имуществомъ мои вѣрные подданные, я долженъ ждать и глубже всѣхъ таить въ себѣ чувство обиды, ненависти и мести... Но настанетъ часъ, онъ близокъ, и я скажу вамъ, тебѣ первому: друзья и братья—впередъ на нѣмцевъ, впередъ на страшный бой, на послѣдній бой!

— Амень!—заключилъ торжественно Бѣльскій и перекрестился; Витовтъ крѣпко обнялъ его.

— А теперь иди къ себѣ, отдохни, а завтра прошу явиться—я принимаю пословъ великаго магистра... чѣмъ больше и великолѣпнѣе свита, тѣмъ лучше. А теперь спать!

Старый воевода не заставилъ себѣ повторять приказанія, онъ поклонился и вышелъ, оставивъ Витовта погруженнымъ въ глубокія думы.

Долго просидѣлъ великій князь въ такомъ положеніи. Давно уже по всему замку зажглись огни и ночная стража на бойницахъ смѣнила дневную, а онъ не трогался съ мѣста и не приказывалъ зажечь свѣчи. Онъ былъ такъ погруженъ въ свою крѣпкую думу, что и не замѣтилъ, какъ ночь мало-помалу рас-

простерла свой покровъ и надъ замкомъ, и надъ озеромъ, и надъ безконечной зеленой далью.

Тихо, беззвучными шагами, подошла великая княгиня Анна Святославовна къ дверямъ покоя своего державнаго супруга. Ночная внутренняя замковая стража имѣла приказъ пропускать только ее одну въ частные покои великаго князя. Дверь тихо отворилась, княгиня остановилась въ изумленіи на порогѣ: въ покоѣ было темно, только полоска луннаго свѣта, пробиваясь сквозь узорчатое окно, дробилась на полу. Витовтъ вздрогнулъ и поднялъ голову. Глубокая сердечная дружба связывала его съ княгиней. Они были уже въ томъ возрастѣ когда пылъ любви смѣняется дружбой. Ему было 64 года, ей болѣе пятидесяти. Цѣлую долгую жизнь, исполненную опасностей и тяжелыхъ, кровавыхъ жертвъ, провели они рука объ руку, дѣля и горе и радость. Никогда еще слово упрека или раздора не гремѣло между ними. Даже въ страшную минуту, когда было получено извѣстіе, что единственные сыновья ихъ, малютки Иванъ и Юрій, оставшіеся заложниками у тевтонскихъ рыцарей, отравлены, она не упрекнула мужа.

— Это ты, Анна?—спросилъ Витовтъ, поднимая голову,—какъ хорошо, что ты пришла... Мысли тяжелыя, невыносимыя жгутъ и томятъ мою душу.

— Э, полно, Александръ, *) злые дни миновали. Береги только себя, въ тебѣ одномъ залогъ счастья и покоя и семьи твоей, и родной Литвы!

— Семья!—какимъ-то упавшимъ голосомъ проговорилъ Витовтъ,—ты одна, да наша малютка Рака—вотъ и всѣ вы!.. Ахъ, какъ мнѣ невыразимо больно въ такія минуты вспомнить про нашихъ милыхъ, бѣдныхъ малютокъ... Вѣдь, если бы не злодѣи нѣмцы... были бы у меня преемники, были бы два витязя литовскихъ! Завтра, завтра я опять увижу этихъ ненавистныхъ крыжаконъ, завтра снова долженъ буду говорить съ ними, слушать ихъ мерзкую вкрадчивую рѣчь лисицы... О, съ какимъ бы я восторгомъ велѣлъ схватить ихъ, бросить въ темницу, и капля по каплѣ влить имъ въ ротъ того самаго яда, какимъ они отравили нашихъ малютокъ!

— Господь велитъ прощать врагамъ,—тихо сказала княгиня.

— Прощать!—воскликнулъ Витовтъ, и лицо его приняло страшное выраженіе,—простить этимъ злодѣямъ?! Да развѣ можно простить змѣю, кусающую въ пятку! Казнить каждую змѣю, истребить весь ея родъ, до послѣдняго змѣеныша, долгъ cadaго честнаго человека... О, Боже всеильный!—въ какомъ-то дикомъ экстазѣ произнесъ онъ,—не разъ, не два, сотни разъ, ежедневно слышала ты мои клятвы мести и ненависти къ этимъ злодѣямъ..

*) Княгиня Анна была православная смоленская княжна и въ письмахъ не иначе называла Витовта, какъ Александромъ, именемъ, даннымъ при крещеніи по греческому обряду.

Господи, или подкрѣпи меня на святое дѣло мести, или уничтожь меня однимъ ударомъ!

— Что съ тобой, Александръ, ты такъ разстроены сегодня, или дурныя вѣсти дошли до тебя? Скажи, подѣлились со мной твоимъ горемъ... Мы много дѣлили и счастья, и горя...

— Дурныя вѣсти, Анна... Вся Жмудь въ волненіи. Крыжаки посѣкаютъ людей тысячами, пожары деревень и жатвъ каждую ночь освѣщаютъ небо. У меня нѣтъ больше силъ сдерживать волненіе народа... Я не могу больше держать сторону проклятыхъ!

— Кто же мѣшаетъ тебѣ прямо отложиться отъ нихъ и однимъ ударомъ освободить и Литву, и Жмудь отъ злой нѣмецкой неволи.

— Пойми, Анна, что я связанъ по рукамъ и ногамъ; братъ Ягайлло радъ бы помочь въ борьбѣ съ орденомъ, да паны польскіе, эти истинные владѣльцы-господари малой Польши, и знать не хотятъ войны. Потомъ сынокъ нашъ, нарѣченный Василій Московскій, тоже голову поднялъ, за измѣнниковъ смоленскихъ заступается, рать собираетъ... Скиригайлло въ Кіевѣ не хочетъ сидѣть мирно... вездѣ враги, враги, а у меня только одна Литва да Сѣверская область... Страшно пускаться въ бой одному на четырехъ!.. Вѣдь нѣмцы чуть пронохаютъ, что я рать собираю, въ двѣ недѣли подъ Вильной будутъ!

— Ну, съ Василюмъ ты скоро поладишь... Сейчасъ ко мнѣ отъ Софьюшки гонецъ прибѣжалъ... Прочитай-ка, что она пишетъ.. Что Василій-то Дмитриевичъ рать собираетъ совсѣмъ не на тебя, что надо ему татарскихъ баскаковъ обмануть, а война съ тобой только предлогъ одинъ... И поклонъ онъ тебѣ шлетъ, и сказать приказываетъ, чтобы ты не обижался и его не выдавалъ, а также бы приказалъ воеводамъ, для отвода глазъ, рать супротивъ него собирать.

— Хитерь! хитерь Василій Дмитриевичъ... Нужно рати итти на Рязань, а онъ на Смоленскъ походъ править... А собралъ рать, куда ее ни поверни, все рать! Хитерь!

— А и тебѣ бы также попробовать: объяви походъ подъ Смоленскъ, сзывай сѣверскіе, стародубскіе и понизовскіе полки, а когда подойдутъ, зови Ягайллу Ольгердовича въ гости, переговоры по-братски, да и рѣшите—быть войнѣ съ нѣмцами, али не быть.

— Знаешь что, Анна, даромъ что ты баба, а умнѣй всякаго мудраго совѣтчика рассудила. Отвѣчай Софьѣ съ тѣмъ же гонцомъ, что я шлю рать подъ Смоленскъ и буду самъ при ней. Поняла? Да только словомъ не обмолвись, гонца могутъ перенять. Завтра самъ пишу Ольгердовичу, пусть онъ назначить, гдѣ быть съѣзду. Брату Вингаллѣ въ Эйраголу ночью гонца пошлю, чтобы гналъ въ шею нѣмецкихъ пословъ... А великихъ гостей, что завтра ко мнѣ отъ самага великаго магистра пожалуютъ, приму честь честью... Задержу ихъ въ замкѣ, а тамъ что Богъ дастъ!..

Съ этими словами онъ ударилъ по небольшому металлическому бубну, стоявшему на столѣ. Тотчасъ вошелъ постельничій.

— Огня! — проговорилъ князь, — да трехъ гонцовъ приготовить черезъ часъ въ путь.

Слуги поспѣшили зажечь большія восковыя свѣчи въ масивныхъ подсвѣчникахъ на столѣ и безмолвно удалились. Княгиня подошла къ мужу и долго-долго смотрѣла ему въ глаза; въ этомъ взорѣ было столько благодарности, столько сердечной привязанности, что старый Витовтъ пригнулъ къ себѣ голову своей супруги и нѣжно поцѣловалъ въ лобъ.

— Иди теперь съ миромъ на покой, а я сяду за работу; есть письма, которыхъ нельзя повѣрить писать даже ближнимъ боярамъ.

— Значить война съ нѣмцами? — еще разъ спросила княгиня.

— Пока походъ подъ Смоленскъ! — съ чуть замѣтной улыбкой отвѣчала Витовтъ. Княгиня поняла этотъ взглядъ и этотъ отвѣтъ и, въ свою очередь, поцѣловавъ мужа, тихо удалилась.

Оставшись одинъ, Витовтъ съ лихорадочной поспѣшностью сталъ писать на кускахъ пергамента письмо за письмомъ. Очевидно, раздумье, мучившее его въ послѣднее время, смѣнилось теперь полною рѣшимостью.

У него былъ предлогъ къ собранію большой рати, — походъ подъ Смоленскъ. Нѣмецкіе соглядатаи, такъ часто являвшіеся въ Литву, подъ видомъ всевозможныхъ посольствъ, были не опасны; стоило только принять ихъ и временно помѣстить въ трокскомъ замкѣ, откуда не было никакой возможности посылать донесенія въ Пруссію.

Прежде всего нужно было, чтобы въ Жмуди вспыхнуло не одиночное, а общее возстаніе; во-вторыхъ, чтобы король польскій Ягайлло согласился помогать литовскому князю въ борьбѣ противъ ордена; въ-третьихъ, вызвать на помощь татаръ Тохтамыша, посуливъ имъ добычу, и, въ-четвертыхъ, и главныхъ, собрать собственную рать, не подавая рыцарямъ вида, что она готовится противъ нихъ.

Быстро бѣгало перо великаго князя, и строка за строкой мелкой, но разборчивой рукописи, покрывали узкіе свитки пергамента. Черезъ часъ усиленной работы, письма были кончены, завязаны снурками и запечатаны гербовой печатью, которую Витовтъ всегда носилъ при себѣ на цѣпочкѣ у пояса. Одинъ за другимъ постельничимъ были введены три гонца изъ княжескихъ ловчихъ. Каждому изъ нихъ Витовтъ далъ наставленіе и кошелекъ съ деньгами. Каждому наказъ былъ одинъ и тотъ же: скорѣй погибнуть, чѣмъ не доставить письма. Только далеко послѣ полуночи Витовтъ ушелъ на покой, но отдыхъ его былъ не долговъ; чуть блеснули по макушкамъ деревьевъ первые лучи восходящаго солнца, съ берега подали сигналъ, что великіе гости тронулись съ ночлега, а черезъ нѣсколько минутъ оглушительнымъ раскатомъ грянула пушка изъ высокой бойницы надъ замкомъ; это былъ знакъ, что посольство сѣло въ лодки и отчалило отъ пристани.

Говоръ и движеніе начались въ замкѣ. Отовсюду къ берегу

шли вельможи и дворяне свиты великаго князя въ дорогихъ одеждахъ навстрѣчу гостей; латники придворной стражи, гремя оружіемъ, мѣрнымъ шагомъ проходили и строились въ два ряда, отъ самой пристани на островъ до воротъ замка. Это были на подборъ все атлеты громаднаго роста, въ высокихъ черныхъ, мѣховыхъ шапкахъ, увитыхъ спирально золотыми цѣпями. Кисти падали имъ на плечи. Въ рукахъ ихъ были на половину серебряные, на половину стальные топоры. Очевидно, великій князь хотѣлъ блеснуть передъ заѣзжими рыцарями богатствомъ и пышностью, и этимъ польстить ихъ самолюбію.

Наконецъ процессія показалась. На первой лодкѣ-паромѣ сидѣли уполномоченные великимъ магистромъ Юнингеномъ рыцари; Комтуръ, Маргвардъ Зольцбахъ и съ ними два брата ордена. Орденъ никогда не довѣрялъ одному изъ собственныхъ братьевъ, а всегда посылалъ по нѣсколько челоувѣкъ, частью для приданія торжественности посольству, частью для контроля и шпионства. Братья-рыцари вообще дѣйствовали далеко не по-рыцарски.

Свита пословъ, состоящая изъ „гербовыхъ“ воиновъ, пажей, кнехтовъ и оруженосцевъ, помѣщалась на слѣдующей лодкѣ. Бархатъ, атласъ, золото и серебро, такъ и горѣли на костюмахъ свиты, между тѣмъ, какъ посоль-рыцарь и его ассистенты, во имя строго-монашескаго устава, были одѣты только въ боевые доспѣхи, съ наброшенными поверхъ нихъ бѣлыми шерстяными плащами, съ нашитыми на нихъ черными суконными крестами.

У двухъ ассистентовъ высокіе шлемы были украшены страусовыми перьями, у Маргварда же Зольцбаха пучекъ павлиньихъ перьевъ высоко качался надъ маленькой золотой графской короной, прикрѣпленной сверхъ стального шлема.

Съ высокой башни замка въ честь именитыхъ гостей по временамъ раздавались громкіе раскаты мортирныхъ выстрѣловъ, при чемъ собравшаяся многочисленная толпа народа всякій разъ вздрагивала, а многіе даже готовы были бѣжать.

Наконецъ лодки добрались до пристани, и гости, по усталому дорогими коврами трапу, вступили на берегъ.

Старѣйшій изъ бояръ великокняжескихъ, престарѣлый Видимундъ Лешко сказалъ гостямъ привѣтственную рѣчь отъ имени великаго князя и пожелалъ благополучнаго исполненія ихъ миссіи.

— Когда мы можемъ разсчитывать на честь видѣть его величество короля литовскаго *), державнаго Витольта?—спросилъ Маргвардъ, отвѣтивъ по уставу на официальное привѣтствіе.

— Всепресвѣтлѣйшій владѣтель нашъ недуженъ, но, милостью Господней, онъ получилъ облегченіе, и послалъ меня, недостойнаго, объявить вамъ, высокородный посоль, что торжественный приѣмъ онъ назначить въ самомъ скоромъ времени.

Маргвардъ невольно поморщился. Дѣло, за которымъ онъ

*) Рыцари, чтобы польстить Витовту, всегда называли его королемъ.

былъ посланъ, было спѣшное... А тутъ, очевидно, дѣло шло на оттяжку, о которой нельзя было предполагать, судя по торжественности приѣма въ лѣтней резиденціи князя. Онъ взглянулъ на своихъ спутниковъ; они тоже глядѣли сумрачно и строго; оглянувшись вкругъ и невольно смутился. Онъ съ товарищами находились на островѣ, отдѣленномъ отъ материка широкой полосой воды, и окруженные блестящей, но вооруженной стражей, — ни о сопротивленіи, ни о бѣгствѣ думать было нельзя; надо было покориться волѣ великаго князя.

— Мудрѣйшій совѣтникъ могущественнаго короля! — снова началъ Зольцбахъ, обращаясь къ Видимунду. — Могутъ ли я просить, чтобы его величество король, до торжественнаго приѣма, немедленно выслушалъ меня въ частной аудіенціи.

— На все воля великаго государя, съ поклономъ отозвался бояринъ, я передамъ, благородный витязь, слова твои... Воля великаго государя моего рѣшить. А пока, гости дорогіе, прошу отъ имени моего повелителя пожаловать въ отведенные для васъ покои.

Онъ поклонился и, не дожидаясь отвѣта, бодро пошелъ къ воротамъ замка. Дѣлать было нечего, надо было покориться.

Музыка загремѣла тушъ. Съ башни снова началась оглушительная пальба, и рыцари со всей свитою вошли во дворъ замка, между рядами войска, разставленнаго шпалерами. Массивныя желѣзныя ворота затворились. Князь Витовтъ достигъ своей цѣли. Нѣмецкіе соглядатаи, хотя и узнали многое касательно военныхъ приготовленій Литвы, но не могли послать объ этомъ вѣсти въ Мариенбургъ... Всѣ пути имъ были отрѣзаны. Заниматься обычнымъ нѣмецкимъ дѣломъ — шпионствомъ было невозможно.

А, между тѣмъ, Витовтъ, отказавъ въ частной аудіенціи, все медлилъ назначеніемъ дня торжественнаго приѣма, и вдругъ, получивъ яко-бы извѣстіе о болѣзни дочери, уѣхалъ вмѣстѣ съ княгинею въ Вильну. Нѣмцы остались подъ строгимъ карауломъ.

XIX.

Панна Розалія.

Байрамъ кончался. Татары мало-помалу начинали приниматься за обыденныя занятія. и только въ ставкѣ Джеладина-Туганъ-мирзы гости смѣнялись гостями. Изъ сосѣднихъ татарскихъ поселковъ наѣзжали мурзы и муллы поздравить съ праздникомъ престарѣлаго князя и послушать его мудрыхъ рѣчей. Всѣ въ одинъ голосъ восхваляли храбрость и отвагу молодаго Туганъ-мирзы. Вѣсть о томъ, что онъ на охотѣ спасъ жизнь стараго воеводы Бѣльскаго, успѣла облетѣть всѣ улусы, и татары очень гордились такимъ подвигомъ, совершеннымъ однимъ

изъ ихъ племени. Самъ Туганъ-мирза меньше всѣхъ интересовался этими похвалами; получивъ дозволеніе отца, онъ съ утра до вечера училъ нѣсколько десятковъ своихъ сверстниковъ-татарчать бросать арканъ и поражать противника стрѣлами. И въ томъ и въ другомъ упражненіи онъ выказывалъ необыкновенную ловкость, и пѣстунъ его, старый знаменитый татарскій воинъ и герой мирза-Урусъ, глядя на своего питомца и выученика, только потиралъ руки отъ радости и приговаривалъ.

— Джигить, настоящій джигить! Самому Зорабу не уступить *).

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ послѣ охоты на медвѣдя. О панѣ Бѣльскомъ не было ни слуху, ни духу, такъ что даже старый слѣпецъ нѣсколько разъ спрашивалъ, у живущихъ по сосѣдству съ нимъ татарскихъ выходцевъ, вернулся-ли панъ въ свой замокъ, но отвѣтъ былъ всегда одинъ и тотъ же: воевода въ Вильнѣ у великаго князя, и когда будетъ обратно—неизвѣстно.

Толки о войнѣ становились между татарами все напряженнѣе, все устойчивѣе; дѣти пустынь, для которыхъ война была нормальнымъ дѣломъ, своего рода ремесломъ, только и мечтали о томъ времени, когда ихъ призоветъ подъ свои знамена великій Витовтъ. Не мудрено, что каждый слухъ о возможности военнаго столкновенія съ тѣмъ или другимъ сосѣдомъ, принимался на вѣру и быстро разносился изъ улуса въ улусъ.

Въ послѣднее время слухи эти сдѣлались особенно настойчивыми, война, казалось, носилась въ воздухѣ, но приказа готовиться въ походъ еще не было, да и никто не могъ определенно сказать, съ кѣмъ изъ сосѣдей наэрѣваетъ война?

Счеты были со всѣми сосѣдами. Съ Польшей изъ-за нѣкоторыхъ польскихъ земель, принадлежавшихъ нѣкогда коронѣ польской, а теперь присвоенныхъ Витовтомъ, а въ особенности о земляхъ, оставшихся послѣ знаменитаго богача и героя князя подольскаго Спытко, владѣвшаго ими на правахъ леннаго литовскаго князя. Знаменитый герой и богатырь Спытко безъ вѣсти пропалъ въ страшномъ пораженіи литовцевъ и поляковъ подъ Ворсклой, и такъ какъ его тѣло не было найдено, то предположили, что онъ захваченъ въ плѣнъ, и болѣе 20 лѣтъ ждали его возврата.

Съ Москвой были серьезныя неудовольствія изъ-за Смоленска, отбитаго Витовтомъ у Святославичей; благодаря вліянію великой Софьи Витовтовны на мужа, хотя война между Москвой и Витовтомъ возгоралась каждый годъ и съ обѣихъ сторонъ въ походъ выступали войска, но всякій разъ предъ битвой объявлялось перемиріе и войска расходились въ разныя стороны.

Съ Тевтонскими рыцарями дѣла были совсѣмъ въ другомъ положеніи. Хитрые политики, эти крѣстоносцы-монахи, всѣми

*) Зорабъ—герой персидской мифологіи.

силами старались поселить и усилить вражду Витовта къ Ягайллѣ, чтобы, пользуясь разладомъ славянскихъ князей, скорѣе покорить Жмудь, отошедшую къ нимъ сначала по договору съ Ягайлой, а потомъ подтвержденному и Витовтомъ. Но Жмудь, представленная своими коренными владыками въ жертву тевтонскаго ордена, надо было еще покорить. Дѣтственные лѣса, непроходимыя болота, отсутствіе всякихъ путей сообщенія, дѣлали это завоеваніе крайне труднымъ, а беззавѣтная храбрость дикихъ сыновъ — родныхъ лѣсовъ, усложняли задачу. Жмудь постоянно бунтовала. Отдѣльные удѣльные князья Кейстutowичи, сидѣвшіе тамъ, и знать не хотѣли договоровъ, подписанныхъ Ягайлой и Витовтомъ, и вели, если не войну, то упорное сопротивленіе на свой рискъ. Все это было прекрасно извѣстно татарамъ, не смотря на свою дикость, прекраснымъ политикамъ, и они только ждали, на какую сторону грянетъ изъ Вильны ударъ. Имъ было все равно, на которую сторону ни итти, гдѣ ни грабить добычи... Грабежъ, добыча, война, были для нихъ синонимами.

Въ началѣ зимы, чуть первая пороша покрыла своимъ бѣлымъ покровомъ моря и болота, передъ ставкой Джеладинъ-Туганъ-мирзы остановился красивый всадникъ на прекрасной вороной лошади. Небольшая, но блестящая свита окружала молодого витязя. Соскочивъ съ коня, онъ быстро направился къ ставкѣ стараго мирзы.

На порогѣ его встрѣтили почтенные мурзы и съ низкими поклонами ввели въ первую юрту, предназначенную для гостей.

— Подите, доложите вашему пресвѣтлому князю, что я моего великаго государя, пресвѣтлаго великаго князя Витовта Кейстutowича, головнаго знамени второй воевода, челомъ ему бью и прошу видѣть его княжескую мость.

— Нашъ старый князь недужень; онъ просить извиненія, что не могъ самъ у порога встрѣтить знаменитаго гостя, просить къ нему пожаловать въ шатерь!—отвѣчалъ мурза и съ поклонами повелъ гостя во внутреннюю юрту своего слѣпца князя.

— Привѣтъ и миръ! сынъ мой!—заговорилъ старый татаринъ, поднимаясь съ горы подушекъ,—вседержитель земли скрылъ свѣтъ отъ глазъ моихъ, но уши мои открыты, жду слова изъ устъ ближняго человѣка и вѣрнаго слуги моего благодѣтеля, пресвѣтлаго князя Витовта Кейстutowича.

— Дѣло, которое привело меня къ тебѣ, благородный князь. Дѣло мое личное, я посланъ не великимъ княземъ, а отцомъ моимъ, воеводой Здиславомъ Бѣльскимъ, бить челомъ тебѣ за привѣтъ и ласку, а сыну твоему за храбрость и спасенія жизни моего отца. Извини, что такъ поздно, князь великій не пускалъ изъ Вильны.

— Мы уже и такъ награждены ласковымъ словомъ такою знаменитаго воеводы и героя, какъ твой отецъ,—отвѣчалъ старикъ;—мой сынъ долженъ быть счастливъ, что ему удалось

хоть немного отблагодарить за землю и ласки, что мы нашли въ землѣ литовской. Пусть только будетъ война, мы всѣ татары докажемъ, что умѣемъ быть благодарны.

— Еще одну нашу общую просьбу прошу выслушать: отпусти со мной твоего сына, храбраго Тугань-мирзу въ Вильну; великій князь хочетъ его видѣть и наградить за спасеніе отца.

— Развѣ онъ знаетъ?..—удивленно спросилъ старикъ.

— Развѣ могъ воевода Бѣльскій скрыть такой подвигъ и такое геройство отъ своего государя! И еще одна просьба и уже эта отъ меня лично. Дозволь намъ, по дорогѣ, заѣхать въ замокъ моего отца, онъ только что возвратился, и очень бы хотѣлъ еще разъ повидать и поблагодарить своего спасителя!

— Съ тобою и съ твоимъ отцемъ я готовъ отпустить моего единственнаго сына, мою единственную отраду старости, на край свѣта... Помни только одно, славный сынъ славнаго отца... Тугань у меня одинъ, смерть его—моя смерть, горе его—мое горе!

— Не беспокойся, ясный князь, за сына твоего ручаюсь головою, и самъ привезу его къ тебѣ обратно, цѣлаго и невредимаго.

— Да будетъ воля Аллаха!—рѣшилъ старый мирза и послалъ за сыномъ. Его едва разыскали. Пользуясь первой порошей, онъ умчался въ отъѣзжее поле съ собаками, и только настоятельный приказъ отца заставилъ его вернуться.

Молодой Бѣльскій даже нѣсколько смутился, когда вошелъ молодой татарскій князь, почти мальчикъ, и ему пришлось благодарить его за спасеніе отца. Онъ думалъ встрѣтить молодца атлета и видѣлъ предъ собою безусаго юношу съ узкими глазами и широко выдающимися скулами.

Молодой татаринъ тоже смутился и, слушая привѣтствія Бѣльскаго, стоялъ въ нерѣшимости, не зная, что дѣлать, и вдругъ протянулъ обѣ руки молодому воеводѣ и сдѣлалъ движеніе впередъ. Бѣльскій понялъ его и, вмѣсто дальнѣйшихъ словъ благодарности и похвалы, горячо обнялъ и поцѣловалъ молодого удалца.

У татаренка даже слезы выступили на глаза отъ радости. Онъ быстро и невнятно заговорилъ что-то о своей благодарности, о желаніи служить и, въ свою очередь, обнялъ и расцѣловалъ Бѣльскаго.

— Ну, что же, ѣдешь?—спросилъ молодой воевода.

— Какъ отецъ благословить,—отвѣчалъ Тугань-мирза и пошелъ къ отцу.

— Я уже рѣшилъ... дорогой гость переночуетъ у насъ, а завтра рано утромъ ты отправишься съ нимъ въ Вильну. Я поручаю тебя ему, и на это время передаю ему мою власть надъ тобою. Слушайся его, какъ меня... Онъ дурному тебя не научить... А теперь распорядись угощеніемъ и занимай дорогого гостя, онъ, вѣроятно; соскучится сидѣть со мною старикомъ.

Въ знаменитомъ замкѣ Отрѣшно, подаренномъ Витомтомъ славному воеводѣ Бѣльскому, готовился пиръ на весь міръ.

Въ этотъ день въ замкѣ былъ назначенъ большой пиръ и балъ] по случаю именинъ красавицы Зоси, дочери воеводы. За нѣскольکو дней стали съѣзжаться въ замокъ родственники, знакомые и именитые гости съ семействами. Но больше всѣхъ принесъ радости прїѣздъ стараго ратнаго товарища воеводы Бѣльскаго, знаменитаго воеводы и каштеляна ловичскаго, Завиши Барановскаго и его дочери панны Розалии.

По матери она приходилась племянницей воеводѣ Бѣльскому и кузиной паннѣ Зосѣ и хотя была ея старше на годъ, но, благодаря своей живости и врожденной энергіи движеній, казалась моложе ея. Слава о ея красотѣ гремѣла во всей великой Польшѣ, и, дѣйствительно, она была красавица. Ея черные глаза бойко сверкали изъ-подъ пушистыхъ черныхъ рѣсницъ, брови были замѣчательно красивой формы, и шелковистые волосы, цвѣта воронова крыла, двумя толстыми косами спускались до пояса. Совершенную противоположность своей кузинѣ составляла панна Зося,—это была типичная литвинка, съ льняносвѣтлыми волосами и голубыми глазами, опущенными довольно темными рѣсницами. Высокая, стройная, бѣлая, она и въ движеніяхъ, медленныхъ и величавыхъ, отличалась отъ своей родственницы, не могшей, казалось, минуты посидѣть на одномъ мѣстѣ. Но красота одной не затмевала другую, скорѣе двѣ кузины дополняли другъ друга. Также и на балахъ царицей степеннаго и гордаго польскаго общества являлась панна Софья, а въ мазуркѣ никто не могъ превзойти изящную, огненную, летающую какъ зефиръ, панну Розалию.

Въ замкѣ воеводы Бѣльскаго, который всѣ хлопы и мелкіе знакомцы величали не иначе, какъ дворцомъ, съ самаго переѣзда сюда пана Эдислава, былъ заведенъ старыи польскій порядокъ. Большинство прислуги и хлоповъ перешли съ нимъ изъ стараго, отнятаго меченосцами замка, и усадьба стараго воеводы представляла собой какъ бы польскій островъ среди литовско-русскаго моря.

Стѣны замка были крѣпкіи, сто человекъ вооруженныхъ стражниковъ, одѣтыхъ въ польскіе кунтуши и по большей части состоявшихъ изъ выходцевъ изъ Новой Мархіи, польской области, захваченной крестоносцами, составляли какъ бы гвардію воеводы; въ случаѣ же войны, онъ смѣло могъ утроить число своихъ воиновъ, только поднявъ и вооруживъ поселившихся на его земляхъ колонистовъ изъ поляковъ, чеховъ и московскихъ бѣглецовъ. Литвины какъ-то инстинктивно не любили пана воеводу, хотя въ обращеніи со всѣми своими подданными онъ былъ равенъ и въ высшей степени справедливъ. Но не такъ смотрѣли на бѣдныхъ литовцевъ его многочисленные управители и мелкое начальство—для нихъ литвинъ былъ рабъ, рабъ безправный, и рѣдко когда жалоба притѣсненнаго могла достигнуть ушей воеводы... Но если дѣло раскрывалось, панъ Эдиславъ не зналъ пощады для виновнаго, и эта-то возможность попасть подъ

жестокую кару владѣльца, нѣсколько сдерживала самоуправство его подручныхъ.

Всѣмъ хозяйствомъ въ замкѣ завѣдывала дальняя родственница пана воеводы, пани Казимира, пожилая, но очень бойкая особа, послѣ вдовства воеводы принявшая бразды правленія надъ цѣлой ордой поваровъ, пекарей, ключниковъ и женской прислуги; надъ всѣмъ же мужскимъ персоналомъ командовалъ панъ Завидоцкій, носившій титулъ каштеляна. Между нимъ и пани Казимірой была постоянная вражда, которая замолкала только въ присутствіи пана воеводы. Пани Казимира считала себя, какъ дальняя родственница самого властнаго пана, неизмѣримо выше какого-то мелкаго шляхтича Завидоцкаго, служившаго въ чужихъ людяхъ изъ-за денегъ, а Завидоцкій, въ свою очередь, смотрѣлъ на пани Казиміру съ презрѣніемъ, какъ на женщину, считая всѣхъ женщинъ вообще особами низшей расы, созданными только на погибель мужчинъ, и кромѣ того кичился, какъ бывшій пѣтунокъ обоихъ сыновей пана воеводы—Яна и Якова.

Съ годами вражда между пани Казимірой и Завидоцкимъ перешла въ какую-то ненависть, зато самъ панъ воевода, вѣчно занятый серьезными дѣлами и походами, совсѣмъ и не замѣчалъ, что живетъ среди двухъ различныхъ лагерей. Это была война минная, подземная, недоступная взгляду постороннихъ, но тѣмъ не менѣе беспощадная. Ни тотъ, ни другая не пощадили бы самыхъ дорогихъ интересовъ своего владѣльца и благодѣтеля, чтобы только сдѣлать гадость сопернику.

За недѣлю до наступленія дня праздника, особое оживленіе замѣчалось въ кладовыхъ, ледникахъ и громаднхъ кухняхъ замка. Повара, одѣтые въ бѣлые костюмы, поминутно шныряли изъ кухни, то на ледникъ, то въ кладовыя, требуя то той, то другой провизіи. Управляющій лѣсами и охотой привезъ цѣлый возъ оленей и дикихъ козъ, а подручные егеря охотники носили безъ счета зайцевъ, куропадокъ и фазановъ. Наконецъ, наканунѣ торжества, съ особымъ триумфомъ былъ привезенъ огромный дикій вепрь-старокъ, загнанный и убитый загонщиками и облавщиками послѣ трехдневной погони. Вепря этого слѣдовало, по польскимъ традиціямъ, зажарить и подать цѣлымъ, и теперь десятокъ поваровъ и ихъ помощниковъ устраивали импровизированный очагъ и громадный вертелъ, чтобы насадить и зажарить лѣснаго великана.

Поварамъ работы и безъ того по горло, а когда пани Казимира послала къ пану Завидоцкому требовать людей на помощь, онъ только усмѣхнулся и приказалъ ей отвѣтить, что очень сама сильна, и не съ однимъ, а съ двумя вепрями справится.

— И съ тобой третьимъ!—крикнула ему изъ окна пани Казимира, которая слышала весь этотъ разговоръ.

— Какъ, я вепрь?—въ бѣшенствѣ закричалъ Завидоцкій.

— Ни, панъ, пока еще поросенокъ!—отвѣчала ему съ хохотомъ пани Казимира и захлопнула окно.

— А, если такъ, сейчасъ пойду до яснаго пана... ей вы; будьте всѣ свидѣтелями!—крикнулъ онъ, но увя, около него былъ только поваренокъ, посланный кастеляншей, да двое рабочихъ литвинъ, не понимавшихъ по-польски.

— Я ничего не слыхаль, ясный панъ!—съ испугомъ отозвался поваренокъ,—у меня ухо болитъ!..

— Ахъ ты пся кривы!—бросился къ нему кастелянъ,—я тебѣ и другое ухо оторву.

Но мальчишка увернулся и побѣжалъ къ кухнѣ, а изъ окна слышался хохотъ пани Казиміры.

— Не смѣй моихъ хлоповъ бить... Иль у тебя своихъ мало?—кричала она,—вотъ я такъ пойду къ ясному пану, онъ тебя отучитъ соваться не въ свои дѣла.

Панъ ничего не отвѣчалъ и только погрозилъ пальцемъ кастеляншѣ.

— Хорошо же, старая колдунья—дай только мнѣ срокъ, ты думаешь, что я не знаю, что тебѣ панъ Сѣдлецкій подарилъ аксамиту на кунушь... Знаю даже за что! Ну да ладно, дай только мнѣ добраться до истины—ужъ я тебя не пожалѣю... Дай срокъ!—скорѣе подумаль, чѣмъ проговорилъ эти угрозы, панъ кастелянъ направился къ конюшнямъ, гдѣ были уже уставлены кони съѣхавшихся въ замокъ приглашенныхъ.

Каждый изъ молодыхъ пановъ сосѣдей, безъ различія національностей, получившій лестное приглашеніе пана воеводы, разумѣется, сдѣлалъ все возможное, чтобы пріѣхать пышнѣе, на лучшей лошади, и съ большимъ числомъ слугъ, одѣтыхъ въ парадные костюмы. Попоны и сѣдла коней блистали самыми дорогими вышивками, уздечки и ремни поводовъ были, у большей части, изукрашены серебряными и даже золотыми украшениями.

Лучшей лошадаю оказался чудный аргамагъ, на которомъ пріѣхалъ уже знакомый намъ панъ Сѣдлецкій. Чтобы купить его, шляхтичъ заложилъ свой родовой хуторъ, и на оставшіяся деньги устроилъ себѣ превосходный костюмъ, по краковскимъ образцамъ. Красивый, ловкій и статный, онъ буквально первенствовалъ среди всей молодежи, съѣхавшейся въ замокъ. Торжественнаго пріема, еще не начиналось, старый воевода еще не выходилъ къ гостямъ, и молодежь шумно бесѣдовала на половинѣ сыновей воеводы, изъ которыхъ Яковъ былъ дома, а Янъ былъ посланъ отцомъ куда-то съ порученіемъ и его возврата ждали съ часа на часъ.

Молодежь вездѣ и всегда молодежь... Толковали о войнѣ, объ охотѣ, о женщинахъ, спорили о красотѣ той или другой пани, рассказывали свои охотничьи успѣхи, хвастались своимъ оружіемъ, конями и сбруей.

— А, постой, постой, панъ Сѣдлецкій, какъ это ты, говорятъ, въ мертваго медвѣдя стрѣлялъ?—со смѣхомъ спросилъ молодой человекъ съ маленькими, черненькими усиками и насмѣшливо вадернутымъ носикомъ, обращаясь къ Сѣдлецкому, который въ

Грюнвальдскій бой.

своемъ новомъ, краковскомъ костюмѣ, держался еще гордѣе обыкновеннаго.

— Скажи, кто тебѣ сказалъ это и я заставлю его запрячь свой языкъ въ горло!—съ дерзостью отвѣчалъ Сѣдлецкій.

— Какъ кто? Да это всѣ говорятъ!..

— А, если всѣ, такъ пусть скажутъ мнѣ въ лицо! Я не боюсь ни одного, ни всѣхъ.

— А татарченкокъ-то, говорятъ, у тебя изъ-подъ носу звѣря взялъ!—не унимался молодой человекъ, очевидно желавшій хоть чѣмъ нибудь досадить Сѣдлецкому.

— Послушай, князь Янышъ, если ты ищешь ссоры, скажи прямо... За мной дѣло не станетъ... при тебѣ сабля, при мнѣ моя...

— Поединокъ?!—съ усмѣшкой проговорилъ молодой человекъ, котораго мы впередъ будемъ называть княземъ Янышемъ...—Послѣ этихъ праздниковъ, гдѣ и когда угодно, а теперь, спаси меня святой Станиславъ, покушаться на жизнь яснаго пана... Помилуй, кому же танцовать мазурку въ первой парѣ!..

— Еще оскорбленіе!—воскликнулъ Сѣдлецкій.

— Какое?.. развѣ назвать родовитаго шляхтича первымъ танцоромъ оскорбленіе? пусть судятъ вельможные панове!—обратился онъ къ нѣсколькимъ панамъ, собравшимся вокругъ спорящихъ молодыхъ людей.—Кому Господь даетъ талантъ охотника, кому воина, кому танцора, что же тутъ худаго?..

Сѣдлецкій схватился за кривую саблю, висѣвшую у пояса, но въ это время послышался твердый и властный голосъ сына хозяина Якова Вѣльскаго.

— Храбрые рыцари!—обратился онъ къ спорящимъ,—надѣюсь, что вы не превратите домъ моего отца въ ристалище и нашъ семейный праздникъ въ побоище; за стѣнами этого замка ваша воля, но здѣсь я требую, чтобы вы сейчасъ протянули другъ другу руки.

Скрѣпя сердце, протянулъ Сѣдлецкій руку врагу, который, въ свою очередь, подаль ему свою съ совершенно беззаботнымъ видомъ... Ему, очевидно, теперь было все равно... Онъ достигъ своей цѣли, дуэль была неизбежна. А этого только и было нужно молодому князю Янышу изъ Опатова. Страстно влюбленный въ пани Зося, онъ сердцемъ чуялъ въ Сѣдлецкомъ опаснаго и, главное, предпочтеннаго соперника и готовъ былъ поставить жизнь на карту, чтобы только согнать его со своей дороги. Богатство, титулъ, знатность рода, все давало ему право считаться возможнымъ претендентомъ на руку дочери воеводы и потому онъ былъ гораздо смѣлѣй въ своихъ ухаживаньяхъ, чѣмъ тотъ послѣдній, который только случаемъ могъ попасть въ число претендентовъ на ея руку.

Сѣдлецкій ясно сознавалъ это и отъ души ненавидѣлъ молодого князя.

День склонялся къ вечеру; къ подъѣзду поминутно подъѣзжали крытые санки, изъ которыхъ выпархивали представитель-

ницы прекраснаго пола, направляясь на половину пани Зоси, а старый панъ все-таки упрямо отказывался выйти къ гостямъ и открыть балъ польскимъ; онъ очевидно, ждалъ кого-то.

Но вотъ у крыльца застучали десятки копытъ, а черезъ нѣсколько минутъ дверь изъ покоевъ пана Якова Бѣльскаго отворилась и молодой воевода появился передъ гостями, ведя за руку худенькаго, скуластаго, съ узенькими глазками татарченка, одѣтаго въ темно-красный, по талии, короткій бархатный казакинъ, обшитый въ три ряда золотымъ позументомъ. Зеленая бархатная шапочка, вышитая жемчугомъ и камнями, была нѣсколько сдвинута назадъ, кривая сабля въ драгоценныхъ ножнахъ висѣла сбоку, а великолѣпный кинжалъ въ дорогой оправѣ виднѣлся изъ-за пояса.

Всѣ изумились. Многие съ нескрываемымъ любопытствомъ разглядывали новоприбывшаго.

— Позвольте вамъ, доблестное рыцарство, представить моего лучшаго друга, мирзу Тугана изъ Акъ-Таша, надѣюсь, что мои друзья будутъ его друзьями.

Татарченкокъ, казалось, ни мало не оробѣлъ при видѣ этого блестящаго общества и, по указанію Якова Бѣльскаго, прежде всѣхъ поздоровался съ младшимъ братомъ хозяина Янышемъ, а затѣмъ со многими изъ молодежи. Онъ говорилъ бѣгло по-русски, но съ ужаснымъ акцентомъ и немилосердно коверкала слова.

Увидавъ Сѣдлецкаго, онъ, видимо, обрадовался, узнавъ знакомаго и добродушно протянулъ ему руку.

— А, здравствуй, панъ! Я не забылъ.. вмѣстѣ на охоту ходилъ.. Помнишь, на медвѣдь?

Панъ Сѣдлецкій страшно сконфузился, онъ готовъ былъ сквозь землю провалится, но уйти было неловко и невѣжливо послѣ представленія, сдѣланнаго хозяиномъ, и онъ нерѣшительно протянулъ руку татарченку.

— А что, у васъ въ лѣсахъ много медвѣдей?—вдругъ спросилъ Тугана-мирзу подошедшій князь Янышь,—ему во что бы то ни стало хотѣлось навести разговоръ на знаменитую охоту на медвѣдя и уколоть соперника.

— Мыного, охъ какъ мыного! приходи на моя юрта, покажу хочешь пять, хочешь десять, мынога?

— И пану показываль?—спросилъ князь, указывая на Сѣдлецкаго.

Татаринъ хотѣлъ что-то отвѣтить, но въ это время вошелъ дворцовый маршалъ и объявилъ, что его мось, властный панъ воевода въ пріемномъ покоѣ и проситъ дорогихъ гостей.

Всѣ двинулись гурьбой влѣдъ за маршаломъ.

Пріемный покой былъ громадная комната въ два свѣта, освѣщенная цѣлымъ рядомъ висящихъ съ потолка люстръ нѣмецкой работы. Больше сотни восковыхъ свѣчей горѣли въ нихъ, заливая своимъ яркимъ свѣтомъ стѣны и убранство зала.

Мужья, пріѣхавшіе со своими женами, проходили прямо на

половину пани Зоси, и теперь вышли въ залъ подъ руку со своими дамами, вслѣдъ за своей юной хозяйкой. Тамъ ихъ ожидалъ самъ хозяинъ, одѣтый въ бѣлый съ серебромъ кунтушъ и темно-красный ментикъ, съ закинутыми за плеча рукавами.

Едва гости вступили въ залъ, какъ съ хоръ грянула музыка и хозяинъ, взявъ за руку старѣйшую и важнѣйшую изъ дамъ гостей, вдовую княгиню Спытко, пошелъ съ нею польскій, давая этимъ знакъ и другимъ приглашать дамъ.

Яковъ Бѣльскій, все еще державшій за руку Тугана-мирзу, подвелъ его къ сестрѣ, представилъ и тихо сказалъ ей нѣсколько словъ; она сначала изумилась, а затѣмъ покорно подала руку молодому человѣку.

— Смѣлѣй, Туганъ-мирза, иди за мной, не отставай и дѣлай тоже, что я!—быстро сказалъ онъ татарину и, въ свою очередь, подавъ руку кузинѣ пани Розалии, пошелъ съ ней въ польскомъ.

Ни богатство обстановки, ни роскошь уборовъ не произвели, казалось, на татарченка никакого впечатлѣнія; даже царственная красота его дамы пани Зоси не поразила его, но, случайно взглянувъ на красавицу Розалию Барановскую, шедшую теперь, какъ разъ впереди его, въ парѣ съ Яковымъ Бѣльскимъ, онъ словно потерялъ всякое самообладаніе: смуглыя щеки его покраснѣли, глаза заискрились, и онъ впился отуманеннымъ взоромъ въ ея обнаженные плечи и стройную худенькую талію. Если бы она повернулась въ эту минуту и взглянула ему въ глаза, онъ упалъ бы на землю! Онъ теперь ничего больше не видѣлъ во всемъ залѣ кромѣ ея, и, машинально держа руку пани Зоси, ни разу даже не взглянулъ на нее, и какъ очарованный шелъ дальше и дальше, словно увлекаемый какою-то магнитической силой.

Пани Зося сначала не могла понять въ чемъ дѣло. Она еще раньше отъ отца и братьевъ слышала, что молодой татарскій князь, Туганъ-мирза, спасъ ея отца во-время охоты на медвѣдя, что отецъ послалъ нарочно за нимъ старшаго сына пригласить его на праздникъ, что она должна будетъ танцовать съ нимъ польскій, но никакъ не воображала, что этотъ татарскій витязь, котораго она воображала фатомъ, окажется чуть не мальчикомъ, и, наконецъ, что этотъ мальчикъ не скажетъ съ ней ни слова.

По мѣрѣ того, какъ она шла съ нимъ, она замѣчала, что ея кавалеръ не сводитъ глазъ съ дамы, шедшей впереди, и съ этой минуты ей все стало яснымъ. Она поняла, что чарующая красота кузины Розалии поразила татарина, и ей вдругъ стало такъ легко на душѣ,—ей почему-то казалось, что отецъ и братья возымѣли намѣреніе выдать ее за татарина, благо подобные браки, съ легкой руки королевы Ядвиги, вышедшей за литовскаго язычника Ягайлло, были въ большой модѣ. А сердце ея, какъ мы уже знаемъ, было занято.

Въ это время, шедшій въ первой парѣ, старый воевода хлопнулъ въ ладоши и пары стали мѣнять дамъ, подвигаясь на одну впередъ.

Туганъ-мирза, не ожидая ничего подобнаго, остолбенѣлъ, когда вдругъ, та самая красавица, которую онъ готовъ былъ счесть гуріей, сошедшей изъ рая Магомета, сама подала ему руку, а его дама поддалась назадъ.

Онъ чуть не вскрикнулъ и поблѣднѣлъ. Пани Розалія, которой панъ Яковъ успѣлъ уже рассказать о привезенномъ имъ гостѣ, съ любопытствомъ взглянула на новаго кавалера, и этимъ чуть не сбросила его съ ногъ. Она чувствовала, какъ дрожить рука молодого татарина, и не знала, чему приписать это, и ту яркую краску, которая смѣнила моментально блѣдность его лица.

— Панъ нездоровъ?—спросила она довольно сочувственнымъ тономъ.

— Убить!.. убить стрѣлой глазъ твоихъ въ самое сердце!— быстро отвѣчалъ Туганъ-мирза, и опустилъ глаза; онъ испугался своей смѣлости и думалъ, что въ ту же минуту небесное видѣніе исчезнетъ.

— Досконально! первое слово и комплиментъ,— сказала пани Розалія,—я думала, что вы татары дикіе!..

— Дикіе?—переспросилъ молодой человѣкъ, очевидно, онъ не понималъ.

— Ну да, вы только умѣете верхомъ ѣздить, изъ лука стрѣлять, саблей рубить...

— На конякъ ѣзжай, сабля съкимъ башка, сагайдакъ стрѣлай, мирза Туганъ умѣй, ой, какъ умѣй, ты лучше его стрѣлай, глазамъ стрѣлай, прямо сердце стрѣлай!—Татаринъ хотѣлъ говорить еще что-то, но воевода опять подалъ сигналъ, и пары вновь перемѣнились. Теперь съ Туганъ мирзой шла высокая, дебелая особа, жена какого-то престарѣлаго воеводы, пани очень брезгливая. Она подала татарину только кончики своихъ пальчиковъ, и даже не обратила вниманія, что ея кавалеръ поминутно оглядывался назадъ, чтобы хоть мелькомъ увидать ту, которая сразу полонила его сердце.

Польскій кончился. Прислуга разносила золоченныя чаши съ медами и заморскими винами. Старый воевода взялъ стопу съ старопольскимъ медомъ, и во главѣ цѣлой толпы мужчинъ подошелъ къ своей дочери, стоявшей рядомъ съ кузиной Барановской возлѣ громаднаго рѣзнаго камина.

— Поздравляю тебя, моя звѣздочка ясная, съ твоимъ праздникомъ!—сказалъ онъ, поднимая чару, и поцѣловалъ красавицу Зосю въ лобъ.

— Вивать! вивать!—крикнули десятки голосовъ.

— И тебѣ, дорогая племянница... Не знаю чего и пожелать, и ума, и красоты, всего вдоволь...

— Вивать, вивать! Нехъ жіе!—гремѣли старыя и молодыя.

— А теперь, мои дорогіе, по примѣру отцовъ и дѣдовъ, будемъ веселиться... Панове!—крикнулъ онъ, обращаясь къ мужчинамъ,—я предлагаю вотъ что: такъ какъ этотъ праздникъ

вполнѣ дамскій, то пусть же онѣ и будутъ распорядительницами танцевъ, пусть каждая пригласить на мазурку того... кого пожелаетъ ея сердце... Гей, музыканты, мазурку!

Оркестръ грянулъ, и задрожали, затрепетали сердца польскія. Нѣсколько секундъ длилась сумятица, ни одна изъ дамъ и дѣвицъ не рисковала первая своимъ выборомъ указать на избранника сердца, но тутъ всѣхъ выручила пани Розалія; она быстро выпорхнула изъ среды дамъ и дѣвицъ, ловко подбѣжала къ старому дядѣ Бѣльскому, звонко щелкнулъ окованными серебромъ каблучками полусапожекъ и съ поклономъ подала ему руку.

Она была поразительно, ослѣпительно хороша въ эту минуту. Столько задора, столько милаго кокетства виднѣлось въ этой чудной красавицѣ, что даже старики заплодировали, а воевода вдругъ словно переродился, словно у него двадцать пять лѣтъ съ плечъ слетѣло. Глаза его сверкнули, онѣ лихимъ движеніемъ закрутилъ усы, выгнулся словно юноша, подалъ руку племянницѣ и, пристукивая каблучками, понесся въ бѣшеной мазуркѣ.

Онѣ танцоваль, вѣрнѣе, плясаль по—старинному, то размахивая платкомъ по полу предъ своей дамой, то становясь предъ ней на колѣна, вскакивая, ловилъ ее за другую руку и, сдѣлавъ туръ, снова летѣлъ впередъ. Пани Розалія не отставала, она покорная каждому движенію, каждому знаку своего кавалера, легкой птичкой порхала рядомъ, то чуть касаясь пола своими алыми сапожками, то звонко притоптывая каблучками.

Все общество просто замерло отъ наслажденія, поглядывая на эту пару.

— Досконале, досконале! — твердили старики, — даромъ что старикъ, а ну-ка попробуйте вы молодые?

Кончивъ пятый туръ, воевода довелъ свою даму до середины зала и остановился.

— Панове, въ кругъ! — крикнулъ онѣ. Толпа молодежи и даже стариковъ бросилась впередъ и окружила красавицу.

Она вынула платокъ, покружила имъ по воздуху, и бросила его вверхъ, десятки рукъ потянулись за нимъ, но кто-то прыгнувъ выше всѣхъ и ловко поймалъ платокъ на лету. — Толпа раздвинулась; счастливымъ или болѣе ловкимъ оказался молодой татаринъ Туганъ—мирза. Всѣ ахнули отъ неожиданности, а молодой татаринъ, подошелъ къ покраснѣвшей красавицѣ, поклонился, подалъ платокъ и хотѣлъ отойти.

— Танцуйте, танцуйте! вамъ танцевать! — говорили вокругъ него.

— Мой не умѣть танчить... не умѣй!.. — отвѣчалъ татаринъ и прижалъ руки къ груди и еще разъ очень низко поклонился красавицѣ.

Но какая-то смѣлая или странная мысль мелькнула уже въ головѣ Розаліи. Ей очень уже наскучили ея вседневные кавалеры своими хвастливыми рассказами или приторно пошлыми complimentами, да кромѣ того, она подмѣтила взглядъ, какимъ во

все время польскаго, глядѣль на нее молодой татаринъ, и ей во чтобы то ни стало захотѣлось помучить, подразнить этого дикаго звѣрька, какими она его себя представляла.

— Ты долженъ со мной танцовать!—сказала она съ капризной гримаской,—ты поймалъ платокъ и долженъ быть моимъ кавалеромъ...

— Я не умѣю танчить!—робѣя, отговаривался Туганъ-мирза.

— И слышать ничего не хочу, зачѣмъ же ты ловилъ мой платокъ?

— Такъ, такъ, пусть танцуетъ, пусть танцуетъ!—слышались голоса кругомъ.

Татаринъ понялъ, что сопротивляться больше немислимо; онъ нашелся, подалъ руку Розаліи, довольно ловко довелъ ее до середины зала, и, по примѣру стараго воеводы, опустился на одно колѣно. Розалія, не желая окончательно компрометировать своего кавалера, простодушіе котораго ей даже нравилось, ловко сдѣлала кругомъ него туръ и остановилась съ платкомъ въ рукѣ.

— Въ кругъ, въ кругъ!—загремѣли голоса кругомъ, и опять всѣ бросились занять мѣсто поближе къ красавицѣ. Мирза Туганъ стоялъ тоже рядомъ, онъ былъ блѣденъ. Онъ зналъ, что тотъ счастливецъ, который поймаетъ платокъ, въ ту же минуту уведетъ его даму, и ему больше не удастся во весь вечеръ не только держать ее за руку, но даже подойти ближе. Въ глазахъ его кружилось, ему было и больно и обидно,—а въ это время подброшенный высоко платокъ тихо падалъ. Не отдавая себѣ отчета, Туганъ-мирза, словно подброшенный пружиной, прыгнулъ опять выше всѣхъ и опять поймалъ платокъ.

— Опять онъ! опять онъ!—шумѣла кругомъ раздосадованная толпа.

Пани Розалія тихонько улыбнулась, внутренно она была пріятно польщена, что сумѣла сразу побѣдить такого дикаря, и, протягивая руку, проговорила.

— Какъ хочешь, а танцовать нужно.

Мирза Туганъ тоже хорошо понималъ, что нужно танцовать и, надѣясь на свою счастливую звѣзду, бросился впередъ, увлекая за собою свою даму. Произошло нѣчто невѣроятно комичное, татаринъ летѣлъ безъ такта и мѣры, выстукивая невозможную дробь своими каблуками. Какъ ни крѣпилась пани Розалія, но не могла выдержать и, освободивъ свою руку изъ рукъ кавалера, быстро добѣжала до толпы дамъ и дѣвицъ и скользнула въ нее. Раздался общій неудержимый смѣхъ. Только тутъ мирза Туганъ замѣтилъ исчезновеніе своей дамы и остановился, какъ вкопанный, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ группы молодежи.

— Когда не умѣютъ танцовать, платковъ не ловятъ!—дерзко и довольно громко замѣтилъ прямо въ лицо татарину Сѣдлецкій, почему-то чувствовавшій сильную антипатію къ этому молодому удалцу.

— Правда! правда! не умѣешь танцовать, сиди дома,—подхватили другіе.

Татаринъ окинулъ всѣхъ злобнымъ, пламеннымъ взглядомъ, прочихъ онъ не слышалъ и не видѣлъ, онъ замѣтилъ только Сѣдлецкаго.

— Слушайте, пань!—отвѣчалъ онъ ему рѣзко,—мой на коня скакай умѣй, сабля рубить умѣй, сагайдакъ стрѣлять умѣй, арканъ бросать умѣй, а танчить не умѣй!! Мой джигитъ, а не баба!

Послѣднее слово подняло цѣлую бурю... Сѣдлецкій хотѣлъ броситься на молодаго татарина, но между ними вдругъ появилась высокая, статная фигура молодаго Якова Бѣльскаго.

— Панове и панъ Сѣдлецкій, Туганъ-мирза мой другъ и мой гость, кто посмѣетъ его обидѣть, будетъ имѣть дѣло со мной.

— Обидѣть Туганъ-мирау!?!—воскликнулъ молодой татаринъ гордо,—нѣтъ, ясный панъ, Туганъ-мирза можетъ самъ свой честь защищать! Туганъ-мирза самъ бѣлая кость, Туганъ-мирза самъ кипчакскій князь, Туганъ-мирза никого не боится... А танчить Туганъ-мирза не умѣй!..

Говоря эти слова, татарченочъ чуть не плакалъ отъ досады. Молодые паны увидали, что съ нимъ шутки плохи, и разошлись. Долго еще панъ Яковъ Бѣльскій уговаривалъ своего расходившагося гостя и, наконецъ, ему удалось доказать Туганъ-мирзѣ, что надъ нимъ никто смѣяться не посмѣетъ, что онъ его гость и другъ; и только тогда татареночъ успокоился, но больше уже не рѣшился итти въ кругъ танцующихъ, а, прослонившись къ массивной колоннѣ, съ любопытствомъ смотрѣлъ, какъ пляшутъ другіе.

У большинства пановъ Малой Польши въ большомъ ходу были разные иностранные танцы: французская «пасторель» и испанская „сарабанда“, но Бѣльскій, какъ чистый великополянинъ, не выносилъ иноземщины, и одинъ изъ первыхъ сталъ вводить у себя народные польскіе танцы—краковякъ и мазурку.

Мазурка до того времени была достояніемъ простого народа и ее отплясывалъ черный людъ, да „лапотная шляхта“, по заѣзжимъ дворамъ, да по шинкамъ. Но мало-помалу этотъ ухарскій танецъ, правда, въ облагороженномъ видѣ, проникъ въ семейные дома и сдѣлался однимъ изъ любимѣйшихъ танцевъ молодежи, могущей показать въ немъ всю свою удаль.

Долго стоялъ Туганъ-мирза, погруженный въ свои думы, почти не замѣчая, какъ предъ нимъ свивалась и развивалась въ безконечныхъ фигурахъ живая цѣпь, разряженныхъ въ золото и шелкъ, кавалеровъ и дамъ. Онъ душой былъ далеко: то ему представлялась его родная юрта, даль, вѣрный конь и мѣткія стрѣлы, то чудная красавица съ обнаженными плечами и дивными косами, безъ чадры, безъ покрывала, то вдругъ ему вспоминался вечеръ наканунѣ отъѣзда къ пану Бѣльскому. Онъ пошелъ проститься къ старой бабушкѣ, матери его отца, престарѣлой Айше-Шерфе. Она долго, долго гладила по головѣ своего внука первенца, потомъ потребовала гадальныя кости и бросила ихъ три раза. Каж-

дый разъ онѣ выпадали на одинаковое число очковъ. Потѣмъ она бросила ихъ въ пролетъ, оставленный для выхода дыма изъ юрты, одна косточка вылетѣла наружу, но двѣ другихъ, стукнувшись о тонкія стѣны крыши, упали обратно на коверъ, разостланный предъ старухой и обѣ показали высшее число.

— Поѣзжай, мой золотой мальчикъ,—сказала тогда старуха, —благословляя внука, все будетъ къ лучшему, богатство и почести ждутъ тебя... но ты не измѣнишь вѣрѣ отцовъ твоихъ и воротитишься къ намъ. Поѣзжай, мой сынъ! Аллахъ и его великій пророкъ съ тобою!

Туганъ-мирза вздрогнулъ словно отъ какого-то невидимаго навожденія и обернулся... было ли то видѣніе или бредъ его фантазіи—тихо, чуть слышными шагами, мимо него, за колоннами проходила его красавица, его божество.

Онъ бросился къ ней—нѣтъ, это не былъ призракъ, это была сама пани Розалія.

Она сама почувствовала свою вину предъ молодымъ человекомъ, который, какъ ей уже рассказали, спасъ жизнь ея дяди, и вотъ она, пользуясь тѣмъ, что общее вниманіе занято танцами, рѣшилась первая заговорить съ татаринномъ и извиниться за свою неловкость.

Но Туганъ-мирза не далъ ей еще сказать ни одного слова, онъ самъ чуть не бросился на колѣни передъ нею, и ей большаго труда стоило остановить молодого татарина отъ шумныхъ изъясненій.

Она подала ему руку и они пошли позади ряда колоннъ, подпиравшихъ хоры.

— Скажи мнѣ, о, красавица, есть ли на всемъ свѣтѣ сокровища, достойныя служить «калымомъ» за тебя?

— Какъ «калымомъ?»—переспросила пани Розилія, очевидно, не понимая значенія этого слова.

— Когда мы кипчаки-татары жену покупаемъ, мы ея отцу калымъ платимъ, сто коняки, сто верблюды, и денга, и слуга, и плѣнный!.. Сколько отецъ возьметъ за тебя?...—Ой, говори, говори, гурія рая.—Неужели нѣтъ такой цѣны?..

— Нѣтъ есть!—съ чуть замѣтной улыбкой отвѣчала красавица.

— О, роза души моей, соловей моего лѣса, говори, говори, сердце мое превратилось въ „кебабъ“ *), я жду отвѣта, какой калымъ потребуешь твой отецъ?

— За меня отецъ возьметъ только одинъ калымъ—воинскую славу и я сама пойду только за героя, покрытаго славой,—гордо сказала Розалія.

— Славой, т. е. добычей... О, говори, говори, у Туганъ-мирза дома, въ юртѣ, этой славы сто верблюжьихъ грузовъ найдется—всѣ отдамъ за тебя!

Красавица улыбнулась.

*) Жаркое.

— Не добыча нужна, Туганъ-мирза, а слава воинская—геройство,—сказала она по возможности вразумительно.

— Слава—добыча, добыча—слава, по нашему по-татарски, похоть пошелъ, однихъ побилъ, другихъ въ полонъ взять, добыча взять, слава многа домой привозилъ!

— Я не такую понимаю славу... Соверши великій подвигъ воинскій, прославься героемъ на всю Литву и Польшу, и моя рука твоя....

— Какой же подвигъ, о, царица души моей?—чуть не вскричалъ мирза Туганъ, схватывая за руку свою собесѣдницу. Глаза его сверкали, щеки горѣли.

Онъ былъ даже красивъ въ эту минуту.

— Говорятъ, теперь скоро война съ крыжаками начнется, вотъ возьми въ плѣнъ великаго магистра... или хоть гросмейстера... и я сдержу слово!...

— Сдержишь?.. Сдержишь?—пристально взглянувъ въ лицо красавицы, страстно переспросилъ Туганъ-мирза,—и ждать будешь, и ждать будешь?

— Если только не очень долго,—съ кокетствомъ отвѣчала молодая красавица...—Помни, или магистра, или гросмейстера... или хотя...

— Нѣтъ, не надо... Туганъ-мирза торговой не любить... Помни, свѣтъ очей моихъ, въ первомъ сраженіи, или Туганъ-мирза умретъ, или, какъ ты его сказала... магистра будетъ у него на арканѣ!.. Клянусь Аллахомъ и бородой моего отца!..

Слова эти были сказаны съ такой самоувѣренностью, съ такимъ гоноромъ, что они невольно заставили вздрогнуть молодую красавицу. Она еще разъ взглянула на некрасивое угловатое, но не лишенное нѣкоторой пріятности, энергическое лицо Туганъ-мирзы.

— Почему же нѣтъ?—мелькнуло въ ея головѣ, но вдругъ, какъ будто сама застыдившись этой мысли, она быстро оставила руку молодого человѣка.

— Прости, мнѣ не досугъ...—сказала она, собираясь уйти. Мирза Туганъ нервно схватилъ ее за платье.

— Ты помнишь клятву?...—спросилъ онъ страстно.

— Помню, помню... А ты?..

— Туганъ-мирза самъ бѣлая кость, онъ никогда не забываетъ въ чемъ далъ слово...

Онъ хотѣлъ сказать еще нѣсколько словъ съ своей красавицей, но она видѣла, что ея отсутствіе замѣчено, что многіе танцоры-кавалеры ее отыскиваютъ, кивнула на прощанье головой и словно легкая тѣнь скрылась за колоннами. Черезъ минуту она вновь неслась въ первой парѣ съ однимъ изъ своихъ кузеновъ, паномъ Яномъ.

Цѣлый ураганъ мыслей проносился теперь въ головѣ молодого джигита. Слава отечества, слава, добыча, магистръ; побѣда, предсказаніе старухи бабки, объясненіе съ этой чудной неземной красавицей, все это слилось въ одинъ страшный неотвязчивый кошмаръ.

Онъ хотѣлъ уйти изъ этой ярко освѣщенной залы и углубиться въ свои мысли, но у него не хватало силъ и рѣшимости. Какъ рѣзвый мотылекъ скользила и носилась въ обшеномъ танцѣ его красавица по этому ярко освѣщенному залу. Молодому татари́ну уже казалось, что онъ попалъ въ рай, что эта дивная фея и есть та чудная гурія, которая обѣщана ему Магометомъ, но зачѣмъ же вокругъ нея эта масса молодыхъ людей, красивыхъ, роскошно одѣтыхъ, которые такъ смѣло, такъ увѣренно подають ей руку и кружатъ ее въ танцѣ... А онъ стоитъ одинъ въ полутьмѣ колоннъ и робко издали чуть смѣетъ на нее любоваться... Вѣдь она, же дала слово, вѣдь, она его, нераздѣльно его... она поклялась!.. Но подвигъ, подвигъ еще не совершенъ... И снова мысли Тугана-мирзы далеко, онъ видитъ ратное поле, страшный отчаянный бой, онъ бросается въ самую свалку и чрезъ минуту вытаскиваетъ оттуда на арканѣ рыцаря въ золотомъ шлемѣ. Это и есть самъ великій магистръ!..

Баль продолжался, прерываемый по временамъ цѣлыми процессіями слугъ, предводимыхъ мажордомомъ. Они разносили золоченныя чары съ виномъ и медомъ, а также громадныя подносы со сладостями для дамъ.

Вдругъ, послѣ одного изъ такихъ перерывовъ, вмѣсто обычнаго призыва къ танцамъ, трубы загремѣли „маршъ“ и въ залу вошли попарно шесть человѣкъ, одѣтыхъ въ яркіе и необыкновенные костюмы.

Это были танцоры-фокусники, принадлежавшіе къ странствующей группѣ комедіантовъ, развѣзжавшей изъ замка въ замокъ.

Князь Бѣльскій не любилъ скоморошества, но зная, что ни его дочь, ни племянница, еще ни разу не видали этихъ искусниковъ, составившихъ себѣ извѣстность даже въ Вильнѣ при дворѣ суроваго Витовта, рѣшился пригласить ихъ въ свой замокъ погостить.

Гости, удивленные и крайне обрадованные сюрпризомъ, стѣснились вокругъ прибывшихъ, съ любопытствомъ осматривая ихъ костюмы и вооруженіе.

— Свѣтлѣйшіе князья и княгини, всемогущіе паны, наисконѣйшія благороднѣйшія пани!—съ низкимъ поклономъ проговорилъ небольшого роста толстенькій, круглолицый мужчина, въ то время, пока его слуги ставили ширмы въ одномъ изъ угловъ зала, одѣтый и загримированный китайцемъ,—имѣю честь представить вамъ мою труппу всемірныхъ артистовъ, съ которыми я имѣлъ счастье являться предъ всѣми императорскими, королевскими и великокняжескими дворами Европы и получать отъ нихъ знаки одобренія и благодарности.

— Являясь предъ столь блестящимъ собраніемъ, я чувствую, что я робѣю, мои артисты тоже, но нѣсколько знаковъ милостиваго одобренія съ вашей стороны заставятъ ихъ ободриться.

Нѣсколько человѣкъ аплодировало. Китаецъ продолжалъ.

— Сегодня мы будемъ имѣть честь показать свое искусство

въ трехъ отдѣленіяхъ. Во-первыхъ, сіи знаменитые китайскіе артисты,—онъ указалъ на вошедшихъ съ нимъ танцоровъ-гимнастовъ,—будутъ имѣть честь изобразить предъ вами индѣйскіе игры огнемъ, мечемъ и водой. Во-вторыхъ, придворными артистами его королевскаго величества короля Кастиліи и Арагона, будетъ изображена трагедія „Смерть Авессалома“, и въ заключеніе, знаменитый мейстерзингеръ Іоганъ Вернеръ, изъ Магдебурга, будетъ импровизировать на темы, заданныя вашимъ сіятельнымъ и высокороднымъ обществомъ.—Китаецъ низко, очень низко поклонился и отошелъ въ сторону.

Трубы вновь загремѣли и акробаты начали свои упражненія. То, что они продѣлывали, казалось бы игрою младенцевъ съ тѣмъ искусствомъ, до котораго дошли теперешніе представители гимнастическаго искусства, но зато они буквально рисковали жизнью, не имѣя подъ собой ни сѣтокъ, ни тюфяковъ, ни другихъ приспособленій. Кончивъ гимнастическія упражненія, они начали жонглировать, и тутъ, дѣйствительно, выказали замѣчательную ловкость. Особенно одинъ изъ нихъ, голубоглазый юноша, чуть не мальчикъ, поразилъ всѣхъ присутствующихъ своею смѣлостью. Выпросивъ у зрителей 6 кинжаловъ-ножей, бывшихъ, по обычаю, у каждаго за поясомъ, онъ началъ ихъ бросать послѣдовательно на воздухъ, ловя то за ручку, то за лезвіе. Острые ножи прихотливой линіей вились вокругъ его головы, сверкали, вертѣлись, снова переходили въ его руки и вновь взлетали на воздухъ. Оглушительные крики браво и громкія рукоплесканія были ему наградою; онъ быстро отскочилъ въ сторону и всѣ шесть кинжаловъ воткнулись въ полъ, образуя почти правильный кругъ.

Крикъ и рукоплесканія усилились. Больше всего это упражненіе понравилось мирзѣ Тугану, онъ не выдержалъ и бросилъ подъ ноги фокусника кошелекъ съ деньгами.

— Джигитъ! Якши, джигитъ,—крикнулъ онъ громко.

Многіе послѣдовали его примѣру. Молодой фокусникъ низко кланялся и поднималъ деньги.

— Каковъ красавецъ?—тихо шепнула дочь Бѣльскаго на ухо своей кузины...—Неужели это и впрямь китаецъ?

— Какая ты, право, смѣшная... Ну развѣ китайцы такіе, навѣрно, или нѣмецъ, или чехъ... А каковъ, каковъ мой-то дикій звѣрекъ... первый бросилъ кошелекъ съ деньгами...

— Смотри, Розалія,—не влюбись!—шутя, замѣтила Зося,—этотъ татарченочекъ такъ на тебя посмотрѣлъ, такъ, что я боюсь, не приснился бы тебѣ онъ ночью.

Розалія ничего не отвѣчала. Она, или не разслыхала, или не хотѣла разслушать замѣчанія своей кузины, все ея вниманіе, казалось, было занято представленіемъ.

На сцену выступили артисты, одѣтые въ какіе-то длинные бѣлые плащи съ турбанами на головѣ.

По указанію „пролога“, который исполнялъ тотъ же толстень-

кій человѣчекъ, бывшій одновременно и антрепенеромъ, и режиссеромъ, и суфлеромъ труппы, они должны были изображать старѣйшинъ еврейскаго народа, собравшихся у стѣнъ Иерусалима въ царствованіе царя Давида. Они пришли просить суда и расправы, а ихъ гонять прочь воины, говоря, что царь занятъ со своими женами.

Плачь и стenanія.

Но вотъ изъ-за ширмъ, которыми успѣли огородить уголь-зада, гдѣ давалось представленіе, появляется красивый юноша, съ огромными львяно-бѣлыми кудрями, въ которомъ тотчасъ же зрители узнали ловкаго жонглера. На головѣ его золотой обручъ, признакъ царскаго происхожденія.

Онъ начинаетъ говорить народу, обѣщая ему судъ скорый и всѣ блага, если онъ послѣдуетъ за нимъ, противъ отца его, царя Давида. Народъ раздѣляется на двѣ части, одна идетъ за нимъ, другая остается на сценѣ, и продолжаетъ стenanъ.

Скоро выходитъ къ нимъ въ коронѣ старикъ съ сѣдой бородой—это и есть царь Давидъ... Онъ тоже описываетъ измѣну сына и рѣшается бѣжать изъ Иерусалима.

Является весь закованный въ латы рыцарь—это Агасфонъ; онъ умоляетъ Давида позволить ему съ войскомъ итти сражаться съ Авессаломомъ и измѣнниками, но Давидъ клянется лучше отказаться отъ престола, чѣмъ обагрить руки кровью сына и уходить, сопровождаемый народомъ.

Трубы дико гремятъ, означая окончаніе первой картины. Снова входитъ царь Давидъ, но уже въ рубищѣ; съ нимъ только двое изъ его приближенныхъ, остальные разбѣжались. Они садятся на скудныхъ мѣшкахъ своихъ. Онъ нуждается въ послѣднемъ и горько плачется на неблагодарность сыновей.

Одинъ за другимъ проходятъ разные знатные и богатые люди. Они безжалостно относятся къ бывшему царю и ругаются надъ нимъ...

— Это точь въ точь, какъ рыцари надъ мудрѣйшимъ,—тихо замѣтилъ Яковъ Бѣльскій брату, стоявшему рядомъ.

— Нѣтъ хуже — тутъ по крайней мѣрѣ дѣтей не травятъ! — отвѣчалъ тотъ также тихо.

Но вотъ вдали раздаются звуки побѣдоносной трубы, на сцену является закованный въ латы Агасфонъ, окруженный стражей съ копьями въ рукахъ, и объявляетъ Давиду, что онъ снова царь въ Иерусалимѣ!

— А гдѣ же сынъ мой Авессаломъ? — спрашиваетъ удивленный царь...

Тогда въ длинномъ монологѣ Агасфонъ рассказываетъ про смерть Авессалома, зацѣпившагося при бѣгствѣ волосами за сукъ дерева и пораженнаго стрѣлой!

— Но кто же поранилъ его? — спрашиваетъ потрясенный отецъ.

— Я избавилъ страну отъ тирана, а тебя отъ недостойнаго врага, — говоритъ военачальникъ.

— Ты убилъ моего сына,—уйди отъ лица моего!—воскликаетъ царь, и въ слезахъ бросается на трупъ Авессалома, который вносятъ на носилкахъ воины.

Трубы гремятъ тушь, зрители неистово аплодируютъ, актеры, не исключая самого убитаго Авессалома, встаютъ и низко раскланиваются съ зрителями; опять нѣсколько кошельковъ и серебряныхъ монетъ летятъ къ ихъ ногамъ.

Но вотъ опять раздается сигналъ и на мѣсто, только что ушедшихъ за ширмы актеровъ, выходитъ съ лютней въ рукахъ, высокій, стройный молодой человекъ; въ новенькомъ, съ иголочки, голубомъ кафтанѣ, вышитомъ золотомъ; онъ граціозно раскланивается съ обществомъ и ломанымъ польскимъ языкомъ проситъ дать ему тему для импровизаціи.

— Нѣмецъ?—послышались голоса изъ толпы...

— Да, я честный бюргеръ и мейстерзингеръ изъ Магдебурга, и прошу вашего милостиваго вниманія, благосклонности и темы для импровизаціи.

Уже одно названіе „нѣмецъ“ расхолодило энтузіазмъ публики. Никто не хотѣлъ дать темы.

— Пусть поетъ что знаетъ!—проговорилъ хозяинъ, чтобы покончить замѣшательство.

Молодой импровизаторъ поклонился въ знакъ покорности, взялъ нѣсколько аккордовъ на лютнѣ, и шагнулъ впередъ.

— „Любовь блохи и таракана“, музыкальная поэма, — проговорилъ онъ и поклонился еще разъ.

Никто не улыбнулся. Многие не поняли нѣмецкой рѣчи, а кто и понялъ, старался сдѣлать видъ, что не понимаетъ...

Въ таракана влюбилась блоха

Ха-ха, ха-ха, ха!

Началъ онъ жиденъкимъ фальцетомъ, подыгрывая на лютнѣ...

У меня-де постелька изъ мха,

У меня-де клопиха сноха

Ха-ха, ха-ха, ха-ха!..

Да не вдался въ обманъ тараканъ...

Говорить: я сѣдой ветеранъ...

Паучиха мнѣ будетъ жена

Коль за ней золотая казна!..

И не нужно мнѣ вашей блохи,

Когда иѣту за ней ни крохи.

Хи-хи, хи-хи, хи-хи!

— А этотъ тараканъ изъ нѣмчуры былъ?.. — крикнулъ изъ толпы чей-то полупьяный голосъ. Всѣ расхохотались.

— Точно такъ, милостивые государи, изъ крейць-херовъ *).

*) Крейць-херами называли себя тевтонскіе рыцари.

— Bravo! молодець! нашелся!.. Изъ пруссаковъ, изъ крыжаконъ, не даромъ у насъ ихъ тараканами величаютъ!—ораторствоваль тотъ же шляхтичъ.

— Пруссаки-тараканы! Тараканы-пруссаки!—слышались восклицанія въ толпѣ,—недурно сказано! не дурно!.. Ай да молодець!.. жаль! что нѣмецъ!..

Толпа шумѣла и волновалась. Очевидно было, что вино и старые меды начали оказывать свое вліяніе на разгулявшихся пановъ. Они шумѣли и мѣшали импровизатору продолжать.

— Пусть поетъ по-польски! Не хотимъ нѣмецкаго дая!—слышались отдѣльные возгласы. Хозяинъ повяль, что лучше прекратить представленіе и махнулъ рукой; покорный пѣвецъ тряхнулъ завитыми въ букли кудрями, откланялся и удалился.

Толпа не переставала шумѣть. Искра была брошена, ненавистное имя нѣмцевъ, неосторожно произнесенное, возбудило общее негодованіе. Скрытая, придавленная, мстительная ненависть вспыхнула съ необыкновенной силой... Здѣсь были представители обоихъ великихъ славянскихъ народовъ Литвы и поляковъ, такъ долго и такъ жестоко угнетаемыхъ нѣмцами... Вино развязало ихъ языки, гостепріимный кровъ воеводы обезпечиваль безопасность, шляхта шумѣла.

— Панове, за ужинъ!—раздался зычный голосъ хозяина,—приглашайте дамъ... Дорогая Зося, и ты, панна Розалія, возьмите молодого татарскаго князя и посадите его между собою,—шепнулъ онъ дочери и племянницѣ. Тѣ изумились, но, всегда покорныя волѣ родителей, исполнили приказаніе и подошли къ Туганъ-мирзѣ, который, совсѣмъ погрузившись въ свои мечтанія, попрежнему стоялъ у колонны.

Онъ несказанно удивился, что двѣ такія красавицы, двѣ лучшія гуріи рая,—такъ уже величалъ онъ обѣихъ кузинъ,—сами подошли къ нему, безпрекословно пошелъ за ними, и занялъ мѣсто какъ разъ посреди стола, противъ самого хозяина.

Молодые польскіе и литовскіе шляхтичи, знатныхъ и извѣстныхъ фамилій, все еще не понимали, что значить это предпочтеніе, выказываемое молодому татарченку старымъ воеводою, но ихъ сомнѣнія скоро разсѣялись. Панъ Бѣльскій всталъ съ своего мѣста, поднявъ стопу искрометнаго меда и возгласилъ здравицу.

— За здоровье того, кто, рискуя собственной жизнью, спасъ меня изъ когтей страшнаго звѣря.. за моего молодого друга, Туганъ-мирзу! Вивать!

Туганъ-мирза, сначала непонявшій къ чему клонить рѣчь хозяинъ, услыхавъ свое имя страшно переконфузился. Кровь бросилась ему въ лицо, онъ вскочилъ съ своего мѣста, и тотчасъ же сѣлъ, ноги его дрожали, въ глазахъ помутилось.

— Вивать! вивать!—гремѣли гости, всѣ чаши тянулись, чтобы чокнуться съ его чашей, а онъ, сильно блѣдный и дрожащій, растерялся окончательно и не зналъ, что ему дѣлать. По обычаю

мусульманъ, онъ вина не пилъ, и чаша стояла передъ нимъ пустая.

Первый замѣтилъ это старикъ Бѣльскій.

— Налить!—скомандовалъ онъ мажордому и медъ зашипѣлъ въ кубкѣ татарина.

— Панове!—обратился хозяинъ тогда къ гостямъ,—законъ запрещаетъ нашему дорогому гостю и витязю пить вино и медъ, но никто не мѣшаетъ ему чокнуться съ нами! Бери свою чашу, молодой витязь,—обратился онъ къ Тугану-мирзѣ,—пить тебя не неволимъ, а чокнуться ты долженъ.

Татаринъ понялъ; онъ схватилъ кубокъ и высоко поднялъ его.

— Аллахъ великъ!—воскликнулъ онъ,—онъ надѣлилъ мудростью достойнаго Соломона, нашего пресвѣтлаго хозяина. Для него нѣтъ различія, кто христіанинъ, кто нѣтъ!.. Да здравствуетъ нашъ великій отецъ и хозяинъ! Вивать!

Тостъ былъ дружно подхваченъ гостями, и всѣ спѣшили чокнуться съ молодымъ человекомъ.

— Иди сюда, иди въ мои объятія!—проговорилъ тронутый Бѣльскій, и Туганъ-мирза побѣждалъ кругомъ стола обнять старика.

— Что, каковъ мой татарченокъ?—шутя замѣтила пани Розалія кузинѣ.

— Совсѣмъ звѣрекъ, и врядъ-ли удастся его вышколить...

— Ну, это какъ и кому?! Хочешь, не пройдетъ и получасу, онъ выпьетъ эту чару вина?—съ самодовольной улыбкой спрашивала Розалія.

— Вотъ это будетъ интересно—попробуй...

— Это немудрено!.. Но даромъ не хочу — побьемся объ закладъ!

— Какой?

— Хочешь на твой яхонтовый перстенецъ, а я закладываю свои гранатовыя сережки...

— Хорошо, идетъ... Только смотри, проиграешь!

Розалія ничего не отвѣчала. Взгляды были краснорѣчивѣе словъ, она заранѣе торжествовала побѣду.

Между тѣмъ Туганъ-мирза, перецѣловавшись съ хозяиномъ, съ его двумя сыновьями и съ нѣкоторыми изъ пановъ, ничего не подозрѣвая о заговорѣ, возвращался на свое мѣсто.

— Что же ты ничего не пьешь?—обратилась къ нему, сидѣвшая по его лѣвую руку, пани Розалія,—или ты не мужчина, не витязь?

— Нашъ законъ не позволяя!—тихо отвѣчалъ ей татаринъ,—строга законъ, Магомета законъ!

— Это можетъ быть тамъ, у васъ, въ вашихъ улусахъ, а здѣсь—здѣсь всѣ пьютъ...

— Законъ—вездѣ законъ...

— Но я прошу тебя... за мое здорovie!.. Я могу обидѣться!—настаивала пани Розалія и щечки у нея покраснѣли.

Татаринъ молчалъ. Въ немъ боролись два чувства, но уваженіе къ закону отцовъ взяло верхъ.

— Не могу!—прошепталъ онъ наконецъ.

— Но, если я этого прошу, если требую, если приказываю...— шопотомъ, но страстно твердила Розалія и на глазахъ ея сверкнули слезы,—я этого хочу!.. Иначе забудь все, что я говорила.

— Слушай, красавица,—также тихо отвѣчалъ ей татаринъ,— жизнь свою за тебя готовъ отдать сейчасъ, но отступникомъ закона не буду... сама смѣяться будешь.

Розалія вздрогнула.

— Ты правъ,—шепнула она,—я тебѣ вѣрю, ты честный человекъ...

— А слово помнишь?

— Никогда не забываю, что обѣщала!

За общимъ шумомъ, громомъ трубъ, непрерывными тостами, никто и не замѣтилъ интимнаго разговора между панной Розаліей и молодымъ татаринкомъ; только пани Зося, перекинувшись взглядами съ Сѣдлецкимъ, сидѣвшимъ наискось, замѣтила, что онъ такъ и впился глазами въ эту парочку.

Тосты дѣлались все шумнѣй и шумнѣй, каждый хотѣлъ говорить и никто не слушалъ другаго. Хозяинъ, видя, что пиръ можетъ перейти въ оргію, всталъ со своего мѣста и объявилъ, что теперь пора и по мѣстамъ, на боковую, а что завтра съ утра— пиръ на весь міръ.

Дамы только и ждали этихъ словъ, чтобы удалиться. У нихъ за цѣлый вечеръ назрѣло въ умѣ много сплетенъ и всевозможныхъ комбинацій, которыми онѣ и желали подѣлиться другъ съ другомъ.

Музыка замолкла. Покорные хозяйскому слову, гости допивали свои кубки и, поблагодаривъ радушнаго хозяина, направились въ отведенные для нихъ апартаменты. Туганъ-мирза хотѣлъ отправиться вслѣдъ за ними, но оба сына хозяйскіе удержали его и повели въ свои покои, гдѣ была приготовлена постель и для него.

Утомленные долгимъ путемъ и безконечнымъ торжествомъ, молодые люди съ вечера почти не разговаривали, и оба брата тотчасъ же заснули богатырскимъ сномъ.

Каково же было ихъ удивленіе, когда утромъ они увидели, что ихъ гость спитъ не на богато-убранной пуховой постели, приготовленной нарочно для него, а на сложенномъ вдвое коврѣ, посреди комнаты, и вмѣсто подушки ему служить одно изъ сѣделъ, снятое съ арматуры на стѣнѣ!

Туганъ-мирза, казалось, спалъ чрезвычайно крѣпко, но при первомъ же шорохѣ, произведенномъ однимъ изъ братьевъ, проснулся и открылъ глаза.

— Что же это ты спать, дорогой, тутъ улегся,—спросилъ не безъ улыбки панъ Яковъ,—или постель не хороша?

— Мирза Туганъ на перинѣ не спи, мирза Туганъ джигитъ!— отвѣчалъ татарченочъ.

Грюнвальдскій бой.

— А верхомъ спать можешь?—спросилъ панъ Яковъ.

— Но почему нѣтъ, у меня коняка есть, аянь ходитъ *), такъ ходитъ, старъ человѣкъ спать можетъ!

— Удивительный вы народъ татары... и всѣ вы такіе?..

— Вездѣ бывай разный народъ, джигитъ бывай, купецъ бывай, хорхаръ **) бывай, баба бывай!! Джигитъ много бывай!

Чѣмъ свѣтъ молодежь была на ногахъ. День выдался ясный, свѣтлый, хотя слегка и морозный. Всѣ высыпали на широкій дворъ замка показать своихъ коней, похвастаться сбруей и скакунами передъ пріятелями.

Лошади давно уже были осѣдланы. Стремянные, а у иныхъ пановъ особые шталмейстеры, въ сопровожденіи конюховъ, водили скакуновъ, покрытыхъ шелковыми попонами, на которыхъ были вышиты или вытканы гербы ихъ владѣльцевъ. Панъ Сѣдлецкій сіялъ; его гордый конь дѣйствительно былъ лучше всѣхъ, а чепракъ и высокое сѣдло блестяли вышивкой и инкрустаціей.

— Якши! Чехъ якши!—восторгался молодой татаринъ.—Больно хорошъ, а скачетъ какъ?

— Попробуй, обгони!—съ дерзостью, граничащей съ нахальствомъ, проговорилъ Сѣдлецкій, со вчерашняго вечера еще болѣе возненавидѣвшій татарченка.

— На закладъ пойдешь?—спросилъ Туганъ-мирза и узенькіе глаза его еще болѣе сузились.

— Пойду... хоть бы мнѣ голову свою прозакладывать,—хвастливо отвѣчалъ Сѣдлецкій.

— Зачѣмъ такъ дорого? зачѣмъ? Мы лучше пойдѣмъ коняка на коняку!—улыбнулся въ отвѣтъ татаринъ.

— Гдѣ твоя лошадь, покажи ее... Можетъ быть кляча какая нибудь, марагъ не стоитъ,—фанфаронствовалъ Сѣдлецкій.

— Туганъ-мирза на клячѣ не ѣздитъ!—отозвался татаринъ.—Эй, Халимъ, веди сюда моего „киргиза“.

Черезъ минуту поджарный, темногнѣдой конь, чистокровной кара-киргизской породы, покрытый ковровымъ чепракомъ и заѣдланный богато-убраннымъ сѣдломъ, стоялъ у крыльца. Это былъ представитель другой, совсѣмъ еще неизвѣстной въ Литвѣ породы лошадей. Горбоносый, съ глубокими впадинами выше глазъ, съ большой костлявой, но красивой мордой, съ впалыми боками, на которыхъ отчетливо можно было перечестъ ребра, съ худыми, но мускулистыми ногами, конь этотъ не могъ привлечь вниманія знатоковъ, привыкшихъ къ выхолненнымъ конямъ нѣмецкой породы.

— И ты хочешь, чтобы я сложилъ голова на голову моего коня на эту... лошадь?—съ презрительной улыбкой проговорилъ Сѣдлецкій.—Предоставляю на судъ пановъ, закладъ будетъ не ровень.

*) Аянь—особый видъ иноходи.

**) Хорхаръ—трусъ.

— Правда, правда,—послышались голоса пановъ любителей,—
Надо добавить цѣнности.

— Якши!—съ тою же хитрой улыбкой согласился татаринъ:—
прошу нашего свѣтлаго князя быть судьей, вотъ мой коняка,
вотъ мой перстень,—онъ снялъ съ руки маленькій, грубо сдѣ-
ланный перстень, въ которомъ былъ вдавленъ изумрудъ огром-
ной цѣнности,—конякъ и перстень—на его коняку... можно!

Многіе бросились осмотрѣть драгоцѣнный клейнодъ и всѣ
согласились, что даже онъ одинъ покрывалъ цѣнность коня пана
Сѣдлецкаго.

Закладъ состоялся.

— Куда же мы скачемъ?—спросилъ Сѣдлецкій, вскакивая на
своего скакуна, который нетерпѣливо грызъ удила и копалъ
землю копытомъ.

— А въ Вильну и обратно!—простодушно отвѣтилъ татаринъ.

— Какъ въ Вильну? Да вѣдь туда 7 миль нѣмецкихъ!—вос-
кликнули нѣсколько голосовъ.

— А я думалъ всѣ десяти!—небрежно отвѣчала Туганъ-мирза,
саясь на своего киргиза. Неукротимый конь крутился на одномъ
мѣстѣ и чуть не всталъ на дыбы.

— Да это же невозможно!—проговорилъ Сѣдлецкій.—Четырнад-
цать миль ни одна лошадь не проскачетъ.

— Не знаю, какъ твой коняка, а мой киргизъ двадцать миль
проскачетъ до обѣда!—похвалился Туганъ-мирза.—Не хочешь
закладъ, не ходи!..

— Вздоръ, я не отказываюсь!—воскликнулъ разгоряченный
панъ.—Я думалъ милу, другую... а тутъ четырнадцать.

— Какъ хочешь' ясный панъ... Мало-мало я не хочу...

Положеніе Сѣдлецкаго было не изъ веселыхъ, онъ сознавалъ,
что лошадь его не вынесетъ такой продолжительной скачки, а между
тѣмъ ему крайне не хотѣлось уступить какому-то татарченку.

Панъ Яковъ Бѣльскій сжалился надъ нимъ.

— Послушай, Туганъ-мирза,—заговорилъ онъ, обращаясь къ
татарченку,—чтобы скакать четырнадцать миль, надо лошадь
готовить...

— Моя всегда готова!—отвѣчалъ Туганъ-мирза.

— Да у пана Сѣдлецкаго не готова, на это нужно время.

— А сколько времени?.. Мѣсяць, два?—спросилъ татаринъ.

— По крайней мѣрѣ два мѣсяца!—отозвалось нѣсколько го-
лосовъ. Паны поняли, что хозяинъ хочетъ какъ-нибудь вывести
Сѣдлецкаго изъ неловкаго положенія.

— Два мѣсяца, хорошо, я будетъ ждай два мѣсяца!—отвѣчалъ
Туганъ-мирза.

— Я готовъ и сейчасъ!—все еще упорствовалъ Сѣдлецкій.

— Послушайтесь опытнаго совѣта, въ два мѣсяца панъ ус-
пѣетъ подготовить коня, а ѣхать такъ, болѣе чѣмъ опасно!—за-
мѣтилъ молодой хозяинъ.

— Я согласенъ, панове.

— Но черезъ два мѣсяца я готовъ гдѣ и какъ угодно доказать, что благородный польскій конь выше всякой киргизской клячи! Будьте свидѣтелями, не я отказался отъ заклада!..

Сѣдлецкій слѣзъ съ коня. Туганъ послѣдовалъ его примѣру.

— Жаль,—проворчалъ онъ себѣ подъ носъ,—конь-то не по всаднику... Ну, да еще время не ушло.

— Теперь, ясные панове, не угодно-ли будетъ со мной до огорода *), тамъ устроена цѣль, не хотите-ли попробовать силу своихъ луковъ и вѣрность вашихъ стрѣлъ?

Приглашеніе шло отъ младшаго сына пана воеводы Яна, который завѣдывалъ при великомъ князѣ дружиной псковскихъ лучниковъ.

Всѣ направились на обширную крытую веранду, выходящую на огромный, расчищенный и убранный садъ. Цвѣтники уже были заложены навозомъ и соломой, болѣе нѣжныя деревья обвиты соломенными жгутами, а вдали, у самаго входа въ аллею, стояло на возвышеніи три бѣлыхъ круга, съ черными пятнами по срединѣ.

Надъ верандой, во второмъ этажѣ помѣщался просторный крытый балконъ, а на немъ собрались всѣ представительницы прекраснаго пола, находившіяся въ замкѣ.

— Пану хозяину примѣръ и первый выстрѣлъ!—съ поклономъ проговорилъ одинъ изъ гостей, природный литвинъ Видимундъ Хрущъ, большой пріятель обоихъ сыновей хозяина, извѣстный стрѣлокъ и охотникъ. На попойкахъ, на пирушкахъ, онъ держался всегда въ сторонѣ, но тамъ, гдѣ дѣло касалось охоты или ловкости въ военныхъ упражненіяхъ, онъ былъ всегда впереди.

— Спасибо, Видимундъ, только за мной твоя очередь,—отвѣчалъ хозяинъ и, взявъ изъ рукъ слуги большой англійскій лукъ, положилъ стрѣлу и ловкимъ движеніемъ, почти не цѣлясь, спустил тетиву.

Стрѣла запѣла, завизжала и глухо стукнулась въ цѣль.

— Муха!—раздался отъ мишени крикъ махальнаго, который словно изъ подъ земли выскочилъ изъ своего ровика.

— Вивать! Bravo!..—закричали гости.—Такого стрѣльца еще не было въ Польшѣ!

— У меня въ дружинѣ три сотни лучниковъ, и каждый лучше меня стрѣляетъ,—скромно отозвался Бѣльскій,—ну, Видимундъ, твой чередъ.

Видимундъ Хрущъ натянулъ лукъ и всадилъ стрѣлу рядомъ съ первою. Посыпались поздравленія, даже дамы на верху аплодировали. Послѣ этихъ мастерскихъ выстрѣловъ, долго никто не рѣшался стрѣлять, какъ ни упрашивали гостей хозяева.

Одинъ Туганъ-мирза, казалось, не трусилъ, онъ соображалъ что-то.

*) Сада.

— Князь Янъ,—обратился онъ къ хозяину,—мой не умѣй на круга цѣль стрѣляй, давай мнѣ желѣзна шапка съ рѣшетка!

— Какую шапку?—переспросилъ панъ Янъ.

— А вотъ что нѣмца-рыцарь на голова надѣвай...

— А, шлемъ?

— Да, да, шеломъ... желѣзна шеломъ! Мой на шеломъ стрѣляй будетъ.

Всѣ заинтересовались тѣмъ, какъ будетъ стрѣлять татарченкокъ по шлему. По приказанію хозяевъ, слуга тотчасъ принесъ рыцарскій шлемъ, на которомъ еще виднѣлись павлиньи перья, знакъ благородства его обладателя.

Туганъ-мирза сошелъ съ веранды и, опустивъ забрало у шлема, надѣлъ его на одинъ изъ колевъ, которыхъ много было разставлено по цвѣтнику. Съ веранды до шлема было не больше тридцати шаговъ.

— Это близко, это близко, тутъ и слѣпой попадетъ!—закричало нѣсколько голосовъ, когда Туганъ-мирза, возвратясь на веранду, натянулъ свой сагайдакъ и сталъ цѣлить въ шлемъ. Но, очевидно, татаринъ весь былъ занятъ своимъ дѣломъ, онъ не обратилъ никакого вниманія на эти возгласы.

Стрѣла взвизгнула, попала въ одно изъ узкихъ отверстій, оставленныхъ въ забралѣ для глазъ, и глубоко впиалась въ дерево кола.

— Кто говори близко—попробуй!—только тогда проговорилъ Туганъ-мирза и отошелъ въ сторону.

— Мастерской выстрѣль!—первый замѣтилъ Янъ Бѣльскій.

— На такомъ разстояніи немудрено попасть!—воскликнулъ Сѣдлецкій.

— Пану честь и мѣсто,—не безъ улыбки проговорилъ Видимундъ Хрущъ.—Благо у пана и сагайдакъ въ рукахъ.

Панъ Сѣдлецкій сталъ въ позу, оставилъ лѣвую ногу впередъ, натянулъ лукъ и спустилъ стрѣлу. Онъ попалъ въ шлемъ, но стрѣла встрѣтила желѣзо, скользнула и полетѣла дальше!

— Попалъ!—воскликнулъ онъ радостно.

Многіе засмѣялись.

— Надо попасть въ щель забрала,—замѣтилъ Видимундъ,—а это не все равно...

— Попасть въ щель случай!—рѣшилъ раздосадованный панъ.

— Я увѣренъ, что не случай,—замѣтилъ молодой хозяинъ,—у меня въ дружинѣ есть человекъ десять, которые попадутъ въ щель забрала изъ десяти разъ пять.

— Мирза-Туганъ,—обратился онъ къ татарину,—можешь повторить выстрѣль?

— Богъ дастъ можно,—отвѣчалъ тотъ и взялся за сагайдакъ.

— Закладъ хочешь?—крикнулъ Сѣдлецкій.

— Первый закладъ кончай, тогда второй начинай!—отвѣчалъ съ усмѣшкой татаринъ и спустилъ стрѣлу; но второй выстрѣль

вышелъ не такъ удачнымъ, стрѣла ударилаь около самой глазной щели и отскочила.

— Я говорилъ—случай!—съ торжествующимъ видомъ твердилъ Сѣдлецкій. Но татарчонокъ не слушалъ его; стиснувъ зубы, онъ поспѣшно выхватилъ изъ колчана стрѣлу и выстрѣлилъ. Съ трескомъ вонзилась стрѣла сквозь второе отверстіе въ коль. Всѣ, и мужчины и дамы, зааплодировали.

— Bravo! bravo!—кричали молодые паны.

— Что теперь, что скажешь, панъ Казиміръ?—шутливо спросилъ Видимундъ у Сѣдлецкаго.

— Что все я, да я, ты лучше самъ попробуй!—рѣзко отозвался шляхтичъ.

— Что же, и то можно,—флегматически проговорилъ тотъ,—задача въ томъ, чтобы поразить того, кто носитъ этотъ шлемъ. Попытаюсь.

— Смотри, не промахнись... Нашъ первый стрѣлокъ, и вдругъ промахъ!—шутилъ Сѣдлецкій, хорошо сознававшій, что повторить выстрѣлъ татарина невозможно.

Видимундъ взялъ большой лукъ своего друга Яна Бѣльскаго, потрогалъ тетиву и отдалъ его служителю.

— Ступай, принеси мнѣ изъ оружейной большой литовскій лукъ, подарокъ мнѣ князя Вингаллы, да стрѣлы къ нему.

Слуга бросился исполнять приказаніе.

— А этотъ что же?—удивленно спросилъ молодой хозяинъ.

— Слабъ!—шутя отвѣчалъ Видимундъ,—коли не удастся пасть въ щелку, попробую сквозь шкурку!

Лукъ былъ тотчасъ принесенъ. Это былъ громадный лукъ изъ турьяго рога, сдѣланный какимъ-то искусникомъ изъ Жмуди. Натянуть его требовалась гигантская сила, спустить стрѣлу необыкновенная ловкость; при неосторожномъ движеніи, тетива могла раздробить руку отъ кисти до локтя.

— Ого-го! Вотъ такъ лукъ!—слышались голоса среди собранья пановъ...—Да развѣ изъ него можно стрѣлять?

— Не только можно, но и должно, если хочешь биться съ этими треклятыми нѣмецкими раками!—съ усмѣшкой отвѣчалъ Видимундъ и поднималъ лукъ. Громадная стрѣла, съ наконецникомъ изъ кованной стали, была оперена тремя орлиными перьями.

Собравъ всѣ силы, Видимундъ натянулъ лукъ, но стрѣла не скрылась и на половину за дугой лука; очевидно, надо было тянуть сильнѣе. Жилы на лбу у стрѣлка напряглись, онъ сдѣлалъ послѣднее отчаянное усиліе, и головка стрѣлы подошла къ древку лука.

Раздался рѣзкій визгъ и затѣмъ громкій ударъ стрѣлы по шлему; стрѣла пробила его насквозь и остановилась у самыхъ перьевъ.

— Bravo! bravo! Досконально! Досконально! Вотъ такъ выстрѣлъ!.. Вотъ такъ выстрѣлъ!..—кричали паны, окружая Видимунда

— Да, ясные панове, только такихъ выстрѣловъ и трехъ въ день не сдѣлаешь.

— Почему же?—спросилъ съ усмѣшкой Сѣдлецкій.

— А нѣхъ панъ попытается одинъ только сдѣлать.

— Съ удовольствіемъ!..

Но и на этотъ разъ попытка хвастливаго пана не удалась; ему не удалось даже на одну пядь натянуть страшнаго литовскаго лука и онъ тотчасъ постарался извиниться болью въ рукѣ.

— Ну, что же, попытайся панъ, когда выздоровѣешь, хоть черезъ два мѣсяца!—съ улыбкой замѣтилъ Видимундъ, почему-то очень недолюбливавшій хвастунишку.

— Что это вызовъ, что ли?—дерзко спросилъ Сѣдлецкій.

— Почему же вызовъ? Черезъ два мѣсяца закладъ на скачку, почему же не быть закладу на стрѣльбу!

— Къ услугамъ панскимъ!

* * *

Еще два дня продолжалось пиршество въ замкѣ пана воеводы, перерываемое то скачкою, то стрѣлкою въ цѣль, то какимъ-либо инымъ воинскимъ упражненіемъ, въ которомъ молодежь могла похвастать силою или ловкостью предъ дамами, являвшимися постоянными зрительницами состязаній. Но дѣла складывались такъ, что пану Сѣдлецкому, кромѣ рѣдкихъ урывковъ во-время танцевъ, совсѣмъ не удавалось переговорить съ красавицей панной Зосей. Да и отличиться въ ея глазахъ онъ ничѣмъ не могъ, такъ какъ и въ ѣздѣ, и въ стрѣльбѣ, и въ фехтованьи, постоянно находились соперники гораздо его искуснѣе.

Въ одномъ онъ не имѣлъ соперниковъ—это въ костюмѣ, сидѣвшемъ на немъ удивительно и такъ и сверкавшемъ золотымъ шитьемъ съ жемчугомъ.

Не даромъ онъ за этотъ костюмъ заплатилъ почти все, что получилъ подъ залогъ своего хутора.

Но красота наряда, казалось, мало вліяла на Зою; она всѣ эти дни была пасмурна и даже скучна; ее сердило и выводило изъ себя, что тайный избранникъ ея сердца не оказывался первымъ на всѣхъ поприщахъ. Розалія, которая отчасти проникла въ секретъ своей кузины, все время старалась подтрунивать надъ Сѣдлецкимъ, чтобы вывѣдать тайну, но все напрасно; во все время, пока продолжалось пребываніе гостей въ замкѣ, Зоя была болѣе чѣмъ сдержана съ молодымъ шляхтичемъ, и первая смѣялась его неудачамъ.

Наступилъ день отъѣзда гостей, не потому, чтобы гостепріимный хозяинъ заранѣе опредѣлилъ срокъ пребыванія ихъ подъ его кровомъ, а потому что отпускъ его сыновей, отпущенныхъ великимъ княземъ всего на недѣлю, истекалъ, и самому воеводѣ необходимо было явиться на военный совѣтъ, созванный на „сороковое“ воскресенье великимъ княземъ.

Замокъ опустѣлъ. Остались только самыя близкія родственницы, пани Розалія со старой теткой, заступившей ей умершую мать, да старая-престарая бабушка со стороны матери Зоси, притащившаяся изъ своего фольварка на праздники внучки.

Молодежь вся разѣхалась, оставался только Туганъ-мирза, котораго старый воевода долженъ былъ представить Витовту въ Вильнѣ.

Старый Бѣльскій не любилъ откладывать дѣла въ долгій ящикъ и въ тотъ же день, когда разѣхались гости, выѣхалъ съ сыновьями въ Вильну. Быстро пробѣжали борзые кони семь миль, отдѣлявшихъ замокъ отъ столицы Литвы, и къ ночи они добрались до города.

Вильна этого времени совсѣмъ не походила на теперешнюю. Центръ жизни сосредоточивался въ громадномъ замкѣ, построенномъ на вершинѣ высокаго, почти недоступнаго холма, возвышавшагося въ углу сліянія рѣкъ Вилии и Вилейки. Холмъ этотъ стоялъ совершенно одинокимъ, среди узкой долины, и если бы не его величина, не допускавшая такого предположенія, можно было бы подумать, что онъ насыпанъ искусственно. На его вершинѣ стоялъ, обнесенный крѣпкими стѣнами, такъ называемый, „верхній замокъ“, замѣчательный тѣмъ, что въ былыя войны изъ-за литовскаго престола, Витовту, несмотря на страшныя усилія и потери, не удавалось взять его ни приступомъ, ни осадой. Ниже, почти у подошвы холма, возвышалась, увѣнчанная многими башнями, новая каменная стѣна, составлявшая какъ бы второй кругъ укрѣпленій и называвшаяся „нижній замокъ“; правѣе высокій берегъ надъ Виліей образовывалъ естественное укрѣпленіе, тоже обнесенное стѣной, и наконецъ, съ западной стороны на Вилейкѣ стоялъ еще сильно укрѣпленный замокъ. Этимъ не исчерпывалась оборона столицы Литвы; весь городъ, кромѣ посадовъ, былъ обнесенъ стѣной, съ бойницами и башнями, но эта стѣна была деревянная, только приворотныя башни сложены были изъ камня и кирпича, да ворота закованы, словно въ латы, въ желѣзныя полосы.

Посады, или какъ ихъ тогда называли форштадты, или пригородныя слободы, судя потому, кто обиталъ въ нихъ: литовцы, русскіе, которыхъ особенно много было въ Вильнѣ, или разные горожане, бѣглецы изъ „пруссовъ“ и „подола“, не были защищены отъ вторженія непріятели, и при первомъ же появленіи врага, безжалостно истреблялись огнемъ; но тѣмъ не менѣе, очень многіе изъ зажиточныхъ пановъ и шляхты жили въ форштадтахъ, предпочитая рискъ скученности „замковъ“ или самого города.

Молодые паны Яковъ и Янъ Бѣльскіе жили вмѣстѣ, и нарочно для себя построили недалеко отъ „Трокскихъ“ воротъ Вильны хоромы, обнесенныя, словно крѣпость, высокимъ тыномъ съ крѣпкими дубовыми воротами. На возможность непріятельскаго нападенія на Вильну никто теперь не рассчитывалъ, тѣмъ болѣе, что

въ двухъ послѣднихъ войнахъ, единственные опасные враги—рыцари, понесли громадный уронъ, а противъ нечаяннаго нападенія какой-либо бродячей шайки злоумышленниковъ подобная охрана была вполнѣ надежной.

Два десятка дворовыхъ холопей и нѣсколько вѣстовыхъ изъ отряда воеводы Якова Бѣльскаго высыпали навстрѣчу господамъ, когда ихъ маленькій караванъ подъѣхалъ къ воротамъ. Загремѣли затворы, ворота растворились, и хозяева подъѣхали къ крыльцу.

Но прежде чѣмъ старый Бѣльскій успѣлъ соскочить съ коня, къ нему съ почтительнѣйшимъ видомъ подошелъ постельничій молодой господинъ и объявилъ, что и часу еще нѣтъ, какъ отъ короля *) прибѣгаль круглецъ **) съ приказомъ старому Бѣльскому и обоимъ сыновьямъ, какъ только вернутся, спѣшить на дворъ великокняжескій.

— Дѣло королевское прежде всего!—воскликнулъ старый панъ воевода,—отдохнуть послѣ успѣемъ. Эй, сынки, за мной!—и, не давъ никому опомниться, быстро поскакалъ къ замковой горѣ. Оба сына послѣдовали за нимъ.

Очевидно, великимъ княземъ былъ отданъ нарочитый приказъ пропустить прибывшихъ, потому что войны, стоявшіе на стражѣ, открыли замковыя ворота тотчасъ, хотя былъ вечеръ, а въ эту пору открывать ихъ дозволялось только по особому повелѣнію великаго князя.

Въ первомъ же покоѣ прибывшихъ встрѣтилъ княжій дворецкій и повелъ стараго пана прямо въ покой Витовта, а обоимъ сыновьямъ его велѣлъ подождать въ приемной.

Когда воевода вмѣстѣ съ дворецкимъ вошелъ въ покой великаго князя, Витовтъ, нагнувшись надъ пергаментомъ, исписаннымъ сжатымъ, но четкимъ почеркомъ, внимательно читалъ его. Большой мѣдный свѣтильникъ, изображавшій аиста, поднявшаго вверхъ клювъ, изъ котораго выходилъ яркій языкъ пламени, освѣщалъ всю храмину. Свѣтильникъ этотъ, хитрой греческой работы, былъ подаренъ дядѣ, великому Ольгерду, посломъ императора Византіи, и съ тѣхъ поръ возбуждалъ удивленіе и даже таинственный страхъ во всѣхъ, кто въ первый разъ его видѣлъ.

Витовтъ поднялъ глаза отъ пергамента, и хорошая, добрая улыбка пробѣжала по его безбородому, женственно нѣжному лицу, когда онъ узналъ вошедшаго.

— Скоро же ты, панъ Здиславъ!..—сказалъ онъ привѣтливо,—я думалъ ты и къ утру не доѣдешь! У меня къ тебѣ дѣло есть.

— Весь въ рукахъ королевскихъ!—отвѣчалъ воевода.

— Зачѣмъ говорить это... Если бы я былъ увѣренъ въ противномъ, я не поручилъ бы тебѣ этого дѣла... Слушай же мое распоряженіе: завтра, чѣмъ раньше, тѣмъ лучше, ты выступишь изъ замка и къ ночи будешь на границахъ Эйраголы. До меня

*) Многіе звали Витольда «королемъ».

**) Придворный служитель.

дошли слухи, что проклятые крыжаки снова хотят вторгнуться въ Жмудь. Ты возьмешь съ собой Витебское и Новгородъ-Сѣвское знамена, да ста два псковскихъ лучниковъ. Подкрѣпи изъ этого числа гарнизонъ въ Эйрагольскомъ замкѣ, а съ остальными устрой засаду и истреби, насколько можешь, проклятыхъ нѣмцевъ. Только помни, ты не мой воевода, а моего брата князя Вингаллы эйрагольскаго, у меня съ проклятыми крестоносцами пока вѣчный миръ! А побить ихъ слѣдуетъ... Подними знамя возстанія по всей Жмуди, скажи всѣмъ тамошнимъ князьямъ, а въ особенности старому упрямцу Вингаллѣ, да его криве-кривейто, что я ихъ поддержку всѣми моими силами, только бы они всю зиму нѣмцамъ покоя не давали... Весною увидимъ что дѣлать!

— Постой, чтобы знали, что ты мой посланный и вѣрили тебѣ, какъ мнѣ лично, вотъ тебѣ мой перстень гербовый... Они всѣ его знаютъ... Денегъ на походъ возьми сколько надо, я уже сказала боярину «у скарба». Сыновьямъ твоимъ обоимъ нашель работу. Яну ѣхать отъ меня почетнымъ гонцомъ къ брату и другу польскому королю на Краковъ, а Якову на Москву путь держать, надо вѣсточку Софѣ дать... да черезъ вѣрнаго человѣка, а то бояре все перехватываютъ! Ссориться съ зятемъ теперь не время, другое дѣло назрѣваетъ...

— Великій государь,—воскликнулъ Бѣльскій.— Ты уже почтилъ меня своимъ великимъ довѣріемъ, доверши начатое, открой глаза мнѣ слѣпому, что задумалъ ты, государь?.. Чтобы знать, какъ мнѣ дѣйствовать, къ чему клонить князей и правителей великой Жмуди.

— Ты всегда былъ мнѣ вѣрный и нелицемѣрный слуга,— послѣ раздумья проговорилъ Витовтъ,—такъ слушай же. Задумалъ я сбросить, сломить ненавистное нѣмецкое иго, что съ двухъ сторонъ давить на Литву... Одинъ я не въ силахъ разбить оковы, пусть Ягайлло подастъ мнѣ руку, пусть русскіе князья откликнутся на мой зовъ, мы сломимъ, мы уничтожимъ нѣмецкое, постыдное владычество, мы освободимъ наши святыя славянскія земли отъ позора нѣмецкаго ярма!.. Но надо дѣйствовать осторожно, по одиночкѣ нѣмцы насъ всѣхъ раздавятъ. Въ дружномъ союзѣ мы, славяне, уничтожимъ нѣмецкую силу... Тебѣ и обоимъ твоимъ сыновьямъ поручаю я главныя роли... Поддержи возстаніе въ Жмуди, не давай часа покоя сторожевымъ нѣмецкимъ войскамъ, вторгайся въ ихъ предѣлы, а когда они будутъ жаловаться мнѣ на ваши дѣйствія, я буду относиться къ вамъ съ величайшею строгостью, писать вамъ приказанія немедленно положить оружіе и смириться, но пока вотъ этой печати я не приложилъ къ письму,— Витовтъ показалъ большую печать, висѣвшую у него на поясѣ, съ изображеніемъ всадника на лошади съ копьемъ въ рукахъ (гербъ «Погоня»),—не вѣрь... не вѣрь, и не исполняй!.. Когда же настанетъ часъ, когда братскій союзъ съ королемъ удвоитъ мои силы, спѣши ко мнѣ, твое мѣсто во главѣ моихъ воеводъ, у знамени великокняжескаго!.. Однимъ ударомъ мы разметаемъ, разсѣемъ нѣмецкія силы...

— Аминь!...—просто и торжественно заявилъ воевода Бѣльскій. Витовтъ обнялъ его.

— А теперь, дорогой братъ по оружію, прости, что ночью поднялъ тебя... время не ждетъ...

— А что же прикажешь дѣлать, государь, съ татарченкомъ, княземъ Тугань-мирзой, что я привезъ по твоему приказу?

— Пусть завтра рано онъ явится ко мнѣ... Мнѣ не найти лучшаго гонца къ султану Саладину, сыну Тохтамыша... Нѣсколько тысячъ аркановъ не будутъ лишними противъ гордыхъ крейць-херовъ, и большое тебѣ спасибо, что ты надоумилъ меня объ этомъ!.. Теперь прощай... Зайди завтра за послѣдними приказаніями въ путь!

Витовтъ снова обнялъ стараго воеводу и на глазахъ у него показалась слеза. Храбрый сынъ Кейстута обладалъ способностью плакать ежеминутно. Въ дѣтствѣ, и его, и его друга и товарища двоюроднаго брата Ягайлло, братья и сверстники, иначе и не называли, какъ «плаксами»!

А эти плаксы, болѣе полувѣка, удивляли всю Европу славою своихъ подвиговъ!

Долго еще сидѣлъ Витовтъ, вычисляя и обдумывая свой рискованный планъ дружнаго нападенія на нѣмцевъ. Онъ мысленно перебиралъ всѣхъ славянскихъ князей, разсчитывая, кого изъ нихъ можно считать за врага, кого за союзника. Уже подъ утро, утомленный работою, онъ свелъ итогъ; въ самомъ худшемъ случаѣ силы его были бы одинаковы со всѣми силами, которыя могли бы выставить крестоносцы.

— Да еще татары въ придачу!.. Сломимъ, сломимъ мы нѣмецкую силу, если бы мнѣ даже пришлось для этого принять магометанство... Богъ великъ, онъ проститъ, онъ знаетъ, что все это для отчизны!!

XX.

Князь Вингалла.

Свѣтало. Витовтъ, утомленный ночью работою и мучимый какимъ-то предчувствіемъ, не спалъ. Онъ лежалъ на своемъ одинокомъ ложѣ и мысли его блуждали далеко.

Вдругъ онъ вздрогнулъ. Ему показалось, что гдѣ-то вдалекѣ зазвучалъ, знакомый ему съ дѣтства, гнусливый перекалъ турьяг рога, который былъ въ употребленіи только въ одной Жмуди. Онъ сталъ прислушиваться. Раскатъ повторился гораздо ближе, у самыхъ замковыхъ воротъ, и скоро топотъ многочисленныхъ конскихъ копытъ по досчатой настилкѣ подъемнаго замковаго моста убѣдилъ его, что замковыя ворота открыты и кто-то, вѣроятно, имѣющій на это право, въѣхалъ на дворъ замка.

Витовтъ накинулъ свой любимый утренній костюмъ, что-то вродѣ халата или кафтана на лисьемъ мѣху, и подошелъ къ окошку.

Сколько можно было рассмотретьъ сквозь отпотѣвшія, круглыя, чечевице-образныя, зеленоватыя стекла оконъ, на дворѣ, предъ крыльцомъ толпилась кучка всадниковъ, и его собственные прислужники помогали сойти съ коня старику съ большой бородой и въ теплой дорожной одеждѣ.

Великій князь отшатнулся отъ окна.

— Вингалла! Братъ Вингалла! Онъ здѣсь, самъ, по какому поводу? Что случилось?!—чуть не воскликнулъ онъ и пошелъ къ двери. На порогѣ уже стоялъ его братъ, не сбросившій еще дорожной одежды. Взглядъ его былъ дикъ, черты лица искажены внутреннимъ глубокимъ страданіемъ.

— Братъ! Дорогой мой, что случилось?—быстро спросилъ Витовтъ, по выраженію лица брата замѣтивъ, что случилось нѣчто ужасное.

— Дочь моя, моя Скирмунда!..—воскликнулъ несчастный и упалъ въ объятія великаго князя.—Спаси, защити, выручи!

— Но что случилось? Что случилось?..—допытывалъ испуганный Витовтъ, у котораго, при видѣ волненія и отчаянія брата, по обыкновенію, слезы полились рѣкой.

— Украли! Украли! Увезли, увезли! Спаси, ты одинъ только можешь спасти ее!—всхлипывая говорилъ старый Кейстутовичъ и сдѣлалъ движеніе упасть предъ братомъ на колѣни.

— Но кто-же? кто?.. Не я ли тебѣ послалъ жениха смоленскаго князя?—Неужели онъ?

— Нѣтъ, не онъ. Крыжаки, нѣмцы треклятые, изъ рукъ вырвали!—и старый Вингалло въ несвязномъ разказѣ передалъ Витовту все, что произошло до этой минуты.

Витовтъ задумался. Хотя предлогъ къ войнѣ былъ найденъ и превосходный, и въ союзѣ Ягайлы онъ не сомнѣвался, но все-таки надобно обождать вѣстей отъ посланныхъ гонцовъ. Однако, Витовтъ колебался не долго. Голосъ оскорбленной чести говорилъ громче голоса политика-медлителя.

— Успокойся, братъ безцѣнный, клянусь тебѣ нашимъ общимъ отцомъ и матерью, нѣмцы намъ дорого заплатятъ за это. Война, такъ война!.. Не хочу больше таиться! Еще вчера вечеромъ я рѣшилъ послать къ тебѣ воеводу Бѣльскаго съ двумя знаменами и лучниками, чтобы дѣйствовать твоимъ именемъ противъ нѣмцевъ. Теперь пошлю втрое—начинайте войну немедленно... Но помните, что это будетъ война послѣдняя, война отчаянная... Или мы всѣ погибнемъ, или навѣкъ защитимъ родную страну отъ нѣмецкихъ притязаній... Слушай же, дорогой братъ и другъ, все, что я писалъ про уступки нѣмцамъ—забудь, пусть криве-кривейто пошлетъ по всѣмъ лѣсамъ и дебрямъ Жмуди отъ Полунги до Лиды свою кривулю. Пусть всѣ криве и сигонты проповѣдываютъ войну, весной походъ, а пока жги и грабь нѣмецкую землю

малыми отрядами, тѣшь свое сердце въ пламени нѣмецкихъ городовъ и деревень, топи свое горе въ крови рыцарской, а весной мы съ братомъ Ягайлой двинемся на подмогу, русскіе князья поддержать и горе нѣмцамъ!

— О, ты достойный сынъ нашего стца Кейстута, ты оживляешь меня, ты вдохнулъ въ меня новыя силы, ты развязалъ мнѣ руки... Нѣмцы думаютъ, что за выкупъ дочери, они заставятъ отказаться отъ защиты моей земли и вѣры. О, нѣтъ! Клянусь, за каждый день ея плѣна мстить имъ огнемъ и кровью, чтобы они сами выдали мнѣ ее обратно... Клянусь великимъ зиждителемъ Сатваросомъ и громами Перкунаса, пока Скирмунда будетъ въ ихъ рукахъ, ежедневно нѣмецкое небо будетъ освѣщаться пожаромъ, а на кострѣхъ горѣть одинъ плѣнникъ.

— А развѣ у тебя ихъ много?—съ нѣкоторымъ испугомъ спросилъ довольно человѣколюбивый Витовтъ.

— Двое рыцарей, штукъ двадцать гербовыхъ, да лучниковъ съ полсотни; на два мѣсяца хватить!—съ злобной улыбкой отвѣчалъ Вингалло... Только помни, дорогой братъ... Теперь ты мнѣ не мѣшай... Ни жалости, ни пощады отъ меня не жди... Ты самъ развязалъ мнѣ руки... Горе нѣмцамъ!!

Долго еще проговорили братья, но, несмотря на всѣ убѣжденія Витовта, Вингалла не хотѣлъ ни дня оставаться въ Вильнѣ, и не успѣло еще солнце подняться изъ-за горъ, окружающихъ столицу, какъ онъ уже мчался обратно со своей свитой по дорогѣ къ Эйрагольскому замку. Онъ боялся, чтобы князь Витовтъ не измѣнилъ своего рѣшенія и вновь не запретилъ истреблять нѣмцевъ.

Нѣсколько дней по отъѣздѣ брата, Витовтъ былъ самъ не свой; не было вѣстей ни отъ короля польскаго, ни изъ Москвы, ни отъ султана Саладина. Первая вѣсть пришла изъ Кракова. Янъ Бѣльскій прислалъ со своимъ помощникомъ и ратнымъ товарищемъ Видимундомъ Хрущомъ письменное донесеніе и гонецъ тотчасъ же былъ поставленъ предъ лицо великокняжеское.

Прогнавъ болѣе недѣли верхомъ, молодой литовскій витязь былъ страшно измученъ, онъ едва вошелъ въ покой великаго князя и прислонился къ притолкѣ, чтобы не упасть.

— Какія вѣсти?—быстро спросилъ Витовтъ, идя къ нему навстрѣчу.

— Хорошія, государь!—успѣлъ проговорить Видимундъ и зашатался.

— Гдѣ письмо?—нервно спросилъ великій князь, но измученный гонецъ не могъ уже отвѣчать, онъ показалъ рукою на сапогъ правой ноги и безъ чувствъ упалъ на руки служителей.

Въ описываемое время, путешествіе по большимъ дорогамъ, безъ сильнаго конвоя, было дѣломъ рискованнымъ, а Хрущъ, сдѣлавъ переѣздъ о двуконь изъ Кракова въ Вильну, безъ кон-

воя, мѣняя и бросая лошадей, совершилъ неслыханный подвигъ, онъ проѣхалъ это разстояніе въ 6 дней *).

По знаку Витовта, слуги и дворовые дворяне бросились обыскивать обувь гонца, и послѣ долгихъ поисковъ нашли письмо, въ шелковомъ пакетѣ, вложенное между двумя подошвами, тщательно зашитое и засмоленное.

По мѣрѣ того, какъ Витовтъ читалъ грамотку, лицо его принимало все болѣе и болѣе радостное выраженіе, морщины на челѣ его разошлись, онъ, казалось, помолодѣлъ на нѣсколько лѣтъ.

Въ письмѣ, посланномъ, какъ мы видѣли, съ такими предосторожностями, иносказательно, чтобы сбить съ толку тѣхъ, въ руки которыхъ это письмо могло бы попасть, измѣной или насилиемъ, говорилось, что торгъ состоялся на выгодныхъ условіяхъ, что товаръ будетъ сданъ весною, а о цѣнѣ и количествѣ скажетъ посланный, онъ же укажетъ и мѣсто выгрузки. По формѣ это было самое обыкновенное письмо между торговцами, но Витовтъ прекрасно зналъ, что торгъ и сдѣлка означаютъ союзъ, а товары—войска, что же касается „мѣста выгрузки“, онъ не совсѣмъ понялъ, подобнаго выраженія не было обусловлено между нимъ и молодымъ Яномъ Бѣльскимъ, но, очевидно, это слово имѣло большое значеніе. Спросить было не у кого, несчастный гонецъ спалъ почти летаргическимъ сномъ и, вѣроятно, не сумѣлъ бы отвѣтить, если бы его теперь разбудили.

Витовтъ ходилъ въ раздумьи по довольно обширной комнатѣ, въ которой занимался по утрамъ, и въ десятый разъ перечитывалъ письмо.

— Непонятно, непонятно, что хотѣлъ онъ сказать этимъ?— вырвалось у него, и онъ снова сталъ вчитываться въ только что полученное письмо.

— Мѣсто выгрузки,—чего? Войскъ? Да зачѣмъ же мнѣ знать это теперь. У насъ путь прямой, итти прямо на Крулевецъ, и отхватить всю Бранденбургію! Путь ему чрезъ Мазовію на Варшаву и Плоцкъ, мнѣ прямо на Гродно и Ковно!.. О какомъ же мѣстѣ выгрузки можетъ быть рѣчь?

Всегда нетерпѣливый въ каждомъ своемъ движеніи, Витовтъ нѣсколько разъ посылалъ узнать, проснулся ли гонецъ, и всякій разъ получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: спитъ и даже не шевелится.

Не довѣряя своимъ круглецамъ и дворцовымъ дворянамъ, онъ самъ пошелъ взглянуть на пріѣзжаго. Дѣйствительно, они были правы: молодой витязъ лежалъ безъ движенія, словно громадный дубъ, поверженный топоромъ дровосѣка. Только легкое движеніе груди показывало, что онъ живъ.

*) Около 650 верстъ.

— Попробуйте-ка разбудить его,—приказалъ Витовтъ, и тотчасъ двое изъ комнатныхъ служителей бросились къ спящему, и принялись его раскачивать; но это было напрасный трудъ... Тѣло измученнаго гонца представляло изъ себя безжизненный трупъ,—душа была гдѣ-то далеко, въ какихъ-то райскихъ обителяхъ... Служители удвоили старанія. Губы соннаго пошевелились.

— Прочь съ дороги! Я гонецъ короля литовскаго!—страннымъ голосомъ вскрикнулъ онъ и махнулъ наотмашь рукою; одинъ изъ челядинцевъ повалился, а гонецъ прохрипѣлъ еще что-то и снова погрузился въ спокойный и сладкій сонъ.

— Оставить!—приказалъ великій князь.—У такого богатыря и сонъ богатырскій. Да кто онъ, откуда, я что-то не видалъ его въ своей свитѣ!

— Это, ваше величество, первѣйшій другъ пана Яна Бѣльскаго, шляхтичъ изъ подѣ Трокъ, Видимундъ Хрущъ!—отвѣчалъ дворцовый хорунжій, знавшій всѣхъ дворянъ въ Вильнѣ.

— Герба?—коротко спросилъ Витовтъ.

Надо сказать, что въ то время знатность рода польскихъ шляхтичей, въ большинствѣ количествѣ выселявшихся въ Литву, опредѣлялась по гербамъ.

— Не приписанъ еще!

— Какъ не приписанъ, развѣ онъ не изъ „лапотныхъ“ *)?

— Литвинъ родомъ, а вѣры православной.

— Хорошо, пусть проснется, съ просонья еще Богъ знаетъ что намелеть... Проснется, тогда доложить мнѣ.

Съ этими словами ушелъ великій князь въ свою комнату и затворилъ.

Но во весь день любопытство Витовта не было удовлетворено; гонецъ проспалъ цѣлыя сутки и только на слѣдующее утро могъ явиться предъ великомъ княземъ.

— Ты знаешь содержаніе письма?—спросилъ его Витовтъ.

— Знаю, ваше величество. На случай потери на память выучилъ.

— Я не понялъ, что значить слова: мѣсто выгрузки и цѣна и количество?

Хрущъ оглянулся; въ комнатѣ кромѣ него и великаго князя никого не было, но все-таки, боясь, что его подслушаютъ, онъ сталъ говорить чуть не шопотомъ.

— Мѣсто высадки, государь,—это городъ Брестъ!..

— Какъ Брестъ? Съ какой стати? Зачѣмъ я поведу туда войска?!—вспыхнулъ Витовтъ.

— Не о войскахъ рѣчь идетъ, государь; его величество король желаетъ повидаться съ вашимъ величествомъ, прежде чѣмъ начать общее дѣло!

— И назначаетъ Брестъ, гдѣ бы мы могли съѣхаться? Такъ-ли?

— Такъ, государь!

*) Лапотная шляхта—мелкопомѣстная, изъ великой Польши.

Витовтъ на секунду остановился. Предложеніе польскаго короля было вполне разумно, своевременно и мѣсто выбрано особенно удачно. Предлогомъ свиданія могли быть большія охоты; въ окрестностяхъ этого города страна изобиловала дичью.

— Дальше?!—спросилъ онъ отрывисто.

— Цѣна и количество—означаетъ, сколько воиновъ можетъ доставить его величество король.

— Сколько и какихъ?

— Пятьдесятъ полныхъ знаменъ...

— Какъ, пятьдесятъ знаменъ!?. Ты не ослышался? Этого быть не можетъ!—воскликнулъ Витовтъ, котораго поразила громадность цифры польскаго войска.

— Самъ изъ устъ его величества короля слышалъ эти слова... „Скажи моему брату и другу, пусть онъ собираетъ войско, а моихъ пятьдесятъ знаменъ выйдутъ въ поле“!

— Хвала Всевышнему!—воскликнулъ Витовтъ и перекрестился.

— Постой!—вдругъ обратился онъ къ гонцу,—ты говоришь, самъ слышалъ эти слова отъ моего брата и друга короля Владислава... Какъ это могло случиться, развѣ ты былъ на большомъ приемѣ? Развѣ цѣль вашего посольства была извѣстна всѣмъ?..

— Ничуть, государь. По твоему велѣнію мы въ Краковѣ пріѣхали торговыми людьми. Въ тотъ же день панъ Янъ отыскалъ постельничьяго его королевской мости, стараго Вармунда, и передалъ ему письмо вашего величества къ королю. На другой же день насъ тайно увезли въ королевскій охотничій замокъ за три мили отъ Кракова, и въ тотъ же вечеръ туда же прибылъ его величество король. Онъ былъ безъ свиты и мы имѣли честь представиться ему въ его опочивальнѣ; при разговорѣ никого не было, кромѣ Вармунда... Король былъ веселъ, очень доволенъ, и приказалъ мнѣ въ тотъ же день ѣхать обратно съ отвѣтомъ, удержалъ пана Яна на нѣсколько дней, чтобы передать ему рѣшеніе пановъ рады!.. Совѣтъ долженъ былъ собраться чрезъ два дня!

— А если паны будутъ противъ...

— И, что вы, государь милостивый!.. Вся Польша кипитъ жаждою войны противъ злодѣевъ крыжаковъ... Я во-время проѣзда чрезъ Малую Польшу и Мазовію наслышался столькохъ проклятій по адресу нѣмцевъ, что не услышишь во всю жизнь!

Витовтъ улыбнулся.

— Ну, слуга мой вѣрный, спасибо за услугу, не шутка сказать—слетать гонцомъ изъ Кракова до Вильны... Молодецъ, исполать!.. Постой, слыхалъ я, что хотя ты и шляхтичъ, а къ гербу не приписанъ... Къ какому же приписать тебя?

Глаза молодого человѣка блеснули радостью; завѣтныя думы его могли осуществиться.

— Государь,—заговорилъ онъ робко,—мой и дѣдъ и прадѣдъ

и пращуръ считались въ гербѣ „Саламандра“, а какъ отецъ въ Литву при Ольгердѣ Гедиминовичѣ переѣхалъ, его отъ герба отписали, и мы опять безъ герба.

— „Саламандра!“—воскликнулъ великій князь,—да у тебя губа не дура—это княжескій гербъ... Хорошо, послѣ перваго боя, гдѣ я увижу тебя съ мечемъ въ рукахъ среди враговъ, быть тебѣ въ гербѣ „Саламандры“, да еще въ придатокъ велю дать коня крылатаго!.. Ладно-ли такъ?..

— Много милости!—съ низкимъ поклономъ проговорилъ Видимундъ,—дай Богъ, чтобы эта минута скорѣе настала.

— Вотъ вы все молодежь, скорѣе да скорѣе, а что говорить русская пословица—тише ѣдешь, дальше будешь!.. Постой!—вдругъ обратился къ Видимунду Витовтъ,—мнѣ завтра же надо послать гонца съ отвѣтомъ въ Краковъ, что я согласенъ, и что по первому пути черезъ мѣсяць буду въ Брестъ... Мнѣ нуженъ человѣкъ разумный и знающій пути...

— Государь,—чуть не со слезами воскликнулъ молодой человѣкъ,—не обойди твоего вѣрнаго слуги, не безчесть меня.

— Какъ безчестить тебя?—спросилъ удивленный Витовтъ.

— Не поручай другому того, что могу сдѣлать и я.

— Какъ, ты хочешь скакать обратно въ Краковъ?

— Хоть сейчасъ, хоть сію минуту.

— Но, вѣдь, ты измученъ съ дороги,—тебѣ нуженъ отдыхъ.

— Съ такими радостными вѣстями, я полечу легче вѣтра...

— Но вспомни, ты проспалъ цѣлыя сутки, ты загналъ своихъ коней.

— Ну такъ что-же, загоню еще двоихъ, и просплю двѣ ночи въ Краковѣ... Государь, не обездолю!..

Витовтъ махнулъ рукой. Отвѣтъ былъ не спѣшный.

— Ну ладно,—завтра приходи за грамотой и въ путь.

Видимундъ бросился къ ногамъ великаго князя и хотѣлъ поцѣловать полу его кафтана, но тотъ милостиво подалъ ему руку, и юноша съ восторгомъ прижалъ ее къ губамъ...

XXI.

Богатыри литовскіе.

Верстахъ въ пятидесяти отъ Эйрагольскаго замка, въ самой глуши лѣсной чащи, на небольшой полянкѣ, расчищенной въ глухомъ дубовомъ лѣсу, виднѣлось что-то вродѣ жилия.

Издали видны были только рубленныя наружныя стѣны укрѣпленія, обведеннаго не очень широкимъ, но глубокимъ рвомъ, наполненнымъ болотистой водой. Рубленная стѣна шла пятиугольникомъ, и на каждомъ изъ угловъ возвышалось по небольшой башенкѣ съ бойницами.

Были ворота, пробитые какъ разъ подъ угловой башенкой; они давали входъ въ крѣпостцу, а мостъ, когда-то бывшій подъемнымъ, теперь мирно лежалъ на сваяхъ. Капровъ, которыми его поднимали въ былыя времена, не было видно, но громадныя блоки и вертунны еще видѣлись на башенкѣ.

Тотчасъ за воротами виднѣлось и само жилище владѣльцевъ этой крѣпостцы. Оно состояло изъ низкаго, мрачнаго зданія въ одинъ этажъ, тоже рубленнаго изъ массивныхъ дубовыхъ бревенъ, и покрытаго мѣстами лубомъ, и мѣстами тесомъ, успѣвшимъ отъ времени покрыться и мхомъ, и присущей ему темно-зеленой плесенью.

Мрачно и непривѣтливо смотрѣло это жилище, скорѣе похожее на тюрьму, чѣмъ на обиталище вольныхъ людей, а между тѣмъ оно было гораздо лучше многихъ другихъ домовъ литовскихъ бояръ, и принадлежало старому жмудинскому воеводѣ Стрысю и Стрѣкосю, другу и ратному товарищу славнаго эйрагольскаго князя Вингаллы.

Толпы жмудинъ, разныхъ половъ и возрастовъ, наполняли какъ пространство мажду стѣнами и домомъ, такъ и всю полянку и окружающій лѣсъ.

Изъ дома въ узкія окна неслись заунывные звуки и вой. Слышались несдержанные вопли и размѣренный, какъ похоронное причитанье, плачь.

Отъ самого входа, вдоль всей первой и наибольшей комнаты въ домѣ, на лавкахъ, поставленныхъ въ два ряда, сидѣло сорокъ дѣвушекъ, одѣтыхъ въ бѣлыя длинныя рубашки до пятъ. Волосы у нихъ были распущены, а въ рукахъ онѣ держали небольшія стекляныя „слезницы“, въ которыя и собирали струившіяся по щекамъ слезы. Онѣ дико кричали и выли, то хоромъ, то по одиночкѣ; но несмотря на то, что эти крики походили скорѣе всего на ревъ звѣриный, въ нихъ слышался своеобразный дикій ритмъ, и дѣвушки мѣрно качались изъ стороны въ сторону.

Прямо противъ входныхъ дверей, у противоположной стѣны, въ высокихъ дубовыхъ креслахъ, грубой работы, сидѣлъ старикъ гигантскаго роста и сложенія. Огромная бѣлая борода спускалась ниже пояса, а мертво-блѣдное лицо казалось еще блѣднѣй отъ черно-багровой раны, зіявшей на оголенномъ черепѣ. Глаза сидящаго были закрыты и темными пятнами вырѣзались на блѣдномъ, словно восковомъ лицѣ. Трупная неподвижность оковывала все тѣло стараго богатыря—да и не мудрено, уже пять дней, какъ во-время похищенія нѣмецкими рыцарями дочери князя Вингаллы, и ему, бывшему при ней въ качествѣ старшаго гостя, пришлось извѣдать ударъ тяжелаго нѣмецкаго меча по ничѣмъ не покрытой головѣ. Никто не ожидалъ такого предательскаго нападенія и старикъ былъ безоруженъ.

Три дня длилась его предсмертная агонія, а со вчерашняго дня онъ уже былъ холоднымъ трупомъ, и всѣ родные, друзья и соратники собрались на похороны любимаго вождя-богатыря.

Сзади кресель, на которыхъ полусидѣлъ трупъ покойнаго, стояли четверо мужчинъ, поразительно схожихъ между собою.

Что-то необычайное, стихійно-могучее сказывалось въ ихъ гигантскомъ ростѣ и атлетическомъ сложеніи. Они поражали не только своимъ исполинскимъ ростомъ, больше чѣмъ на голову выше всѣхъ собравшихся на похороны литовскихъ витязей, но феноменальностью своего богатырскаго ложенія. Ихъ загорѣвшія красная шеи были бы впору любому быку, ширина груди въ плечахъ была вдвое болѣе обыкновенной, а руки ихъ напоминали собой какой-то необъятной толщины морской канатъ, обтянутый грубой волосатой кожей.

Лица ихъ были того чисто литовскаго типа, который еще кое-гдѣ встрѣчается по Литвѣ и въ наши дни, въ окрестностяхъ Лиды или Эйраголы. Ихъ длинные, слегка загнутые книзу усы; глубоко вдавленные узкіе глаза, и въ особенности узкіе, безбородые подбородки, были очень типичны.

Зато въ глазахъ не было инаго выраженія, кромѣ дикости и безграничнаго упрямства. При жизни отца его умъ и воля замѣняли имъ ихъ собственную, они слѣпо повиновались отцу, не изъ боязни, а потому что собственной воли у нихъ не было, а умомъ ихъ не надѣлила природа.

Теперь, оставшись безъ отца и руководителя, они въ тупомъ раздумьи стояли за его кресломъ, смутно предчувствуя, что жизнь ихъ должна перемѣниться, и они должны будутъ искать другого владыки своихъ поступковъ.

Силища всѣхъ четырехъ Стрыкосевичей была непомѣрная, ни разу ихъ одноземцы и впятеромъ не рисковали выступить на борьбу съ однимъ изъ нихъ, и между жмудинами ходили рассказы о томъ, что старшій изъ братьевъ, Олафъ, встрѣтись въ лѣсу безоруженный съ медвѣдемъ, задушилъ его голыми руками, а Олафъ ничуть не былъ сильнѣе своихъ братьевъ. Всѣ они были холостые и связаны между собой узами самой трогательной привязанности.

Дикъ и отъ отрожденія, они рѣдко и только въ крайнихъ случаяхъ говорили съ посторонними; зато между собою бесѣда ихъ была такъ невнятна, что только они одни могли понимать другъ друга.

Теперь они стояли, и молча, тупыми глазами, смотрѣли на похоронныя церемоніи.

Вотъ изъ толпы родственниковъ, стоявшихъ у дверей во внутренне покои, вышелъ старикъ, съ такой же длинной, но рѣдкой сѣдой бородой, какъ у покойника; это былъ его братъ, ближній человекъ при Эйрагольскомъ князѣ Вруба. Онъ держалъ въ рукахъ турій рогъ, наполненный до краевъ „алусомъ“ (душистымъ пивомъ, приготовленнымъ особеннымъ образомъ).

— Милый братъ!—воскликнулъ онъ, обращаясь къ покойнику и поднимая рогъ съ пивомъ.—Зачѣмъ ты оставилъ насъ? зачѣмъ?.. Развѣ мало еще родныхъ земель попираютъ своими пятами тре-

клятые крыжаки, развѣ усталъ ты скрещивать свой мечъ съ нѣмецкими мечами. А теперь, ты вотъ сидишь передъ нами, убитый измѣной! Развѣ могли бы подлые нѣмцы поразить въ открытомъ бою льва литовскаго! А теперь слушай, вотъ они плачутъ, а сердце у насъ разрывается, только плакать намъ стыдно, а то и мы бы расплакались!..

Визгъ и крики плакальщицъ на минуту заглушили слова стараго воина, но онъ вновь заговорилъ, обращаясь къ покойнику.

— Ты ли, дорогой братъ, не былъ великимъ воиномъ! Ты-ли трусиль итти въ бой съ нѣмцами? — Ты-ли когда-нибудь за выгоды отрицался отъ боговъ отцовъ нашихъ... И вотъ, великій громовержецъ Перкунасъ нашелъ тебѣ смерть, завидную каждому... Ты пораженъ измѣной, но не побѣжденъ, ты умеръ отъ оружія, а не отъ черной смерти, и прямо отсюда улетишь на небесномъ конѣ въ страну восточную, въ обитель вѣчнаго блаженства... Ты никогда не стригъ своихъ ногтей, и тебѣ легко будетъ карабкаться на гору блаженства! Гау! гау!.. Пива мнѣ, пива! Хочу пить, пока мои ноги держать мое тѣло!.. Хочу доказать, какъ я люблю покойника...

Крики, визги и вопли плакальщицъ еще усилились. Два работника, въ шелковыхъ красныхъ рубашкахъ, принесли чашъ изъ дубовыхъ досокъ, наполненный ароматнымъ напиткомъ, поставили его на цыновку предъ покойникомъ и удалились.

— Олафъ, ты старшій, женщинъ въ домѣ у насъ нѣтъ, бери кубки, обноси дорогихъ гостей, пусть воздадутъ честь покойному! — проговорилъ дядя.

Олафъ, казалось, не понялъ приказанія, онъ смотрѣлъ своими маленькими глазами въ пространство, и дядя долженъ былъ ему повторить сказанное.

Онъ нехотя тронулся съ мѣста, остальные братья машинально тронулись вслѣдъ за нимъ.

— А вы здѣсь стойте, онъ и одинъ управится! — замѣтилъ старикъ.

Но остановить молодыхъ богатырей, двигающихся по инерціи, было пожалуй еще труднѣе, чѣмъ привести въ движеніе; они, казалось, рѣшились не отходить одинъ отъ другого, медленно пошли за старшимъ братомъ и вернулись, неся каждый по десятку чашъ или турыхъ роговъ. Затѣмъ они остановились и не знали что дѣлать.

— Ну, наливайте и подавайте поочереди! — командовалъ старикъ дядя, принявшій на себя распоряженіе похоронами. Но приказать было гораздо легче, чѣмъ исполнять. Дѣло не клеилось въ могучихъ неповоротливыхъ рукахъ богатырей; они поминутно проливали пиво, то путались, подавая кубокъ уже имѣвшему и обходя рядомъ стоящихъ.

Наконецъ обрядъ былъ оконченъ. Каждый изъ присутствующихъ родныхъ, сказалъ нѣсколько словъ на память объ оставив-

щемъ ихъ витязѣ и залпомъ выпивалъ свою чару. Плакальщицы, тоже осушившія по чарѣ, визжали и выли какъ изступленныя. Колокольчики, пришитые къ ихъ рукавамъ, звонили при каждомъ ихъ движеніи*).

Въ это время два десятка литовскихъ воиновъ, въ полномъ вооруженіи, ввели двухъ рыцарей, захваченныхъ въ свалкѣ и подаренныхъ Вингаллоу храброму соратнику. Одинъ изъ нихъ, какъ помнитъ читатель, былъ взятъ княземъ Давидомъ, а другой у самыхъ стѣнъ Штейнгаузена былъ сброшенъ раненой лошадейю и скрученъ литовцами.

Они были одѣты въ полное рыцарское вооруженіе, только забрала ихъ шлемовъ были спущены, да оружія не было при поясѣ. Желѣзныя цѣпи охватывали ихъ талии поверхъ латъ и бѣлыхъ шерстяныхъ плащей, съ нашитыми на нихъ черными суконными крестами. Они громко читали молитвы по-латыни и проклинали язычниковъ.

— Эй, вы, подлые желѣзные раки!—крикнулъ на нихъ Вруба,—что вы тамъ бормочете, скоро и всѣхъ васъ мы пережаримъ поодионочкѣ...

— Сегодня—я плѣнный, завтра ты!—отвѣтилъ одинъ изъ рыцарей по-нѣмецки.

— Ладно... вы только дѣвокъ воровать умѣете, да наши деревни жечь... Посмотримъ, прохватитъ-ли васъ сквозь ваши латы нашъ жаркій, литовскій огонь!

— Эй, вы, живо начинайте!—крикнулъ онъ ратникамъ, стоявшимъ около покойнаго,—одѣньте вашего властелина и хозяина во всѣ доспѣхи... Можетъ быть и тамъ, въ странѣ блаженства, ему нужно будетъ защищаться отъ измѣны крыжаковъ!

Латники подошли и стали одѣвать умершаго во все воинское вооруженіе. Они надѣли на него кольчугу, пристегнули латы, опоясали мечемъ, надѣли на голову боевой шлемъ и опустили забрало.

У входа раздались звуки трубы, звонъ мѣдныхъ тазовъ, и тридцать лингуссоновъ, погребальныхъ жрецовъ, вошли попарно. Они били въ тазы, треугольники и пѣли медленно похоронный гимнъ. Вслѣдъ за ними вошло двадцать тилуссоновъ, тоже жрецовъ высшей степени, и внесли носилки, богато убранныя парчей и коврами. Родные, друзья и вѣрные слуги подняли тѣло стараго героя и положили во всемъ вооруженіи на носилки. Дѣвушки плакальщицы встали со своихъ мѣстъ и, не переставая визжать и плакать, чинно, по двѣ въ рядъ, тронулись къ выходу.

У дверей ожидала ихъ пѣлая толпа вайделотовъ **) съ трубами и бубнами въ рукахъ. Они составили двѣ шеренги по обѣ-

*) Колокольчики обязательно пришивались къ рукавамъ платья дѣвицъ

**) Особое племя, изъ котораго выбирались криве и жрецы.

имъ сторонамъ, и гнусливымъ ревомъ трубъ и гуломъ бубновъ совсѣмъ заглушали пѣніе тилуссоновъ.

Погребальный кортежъ тронулся въ путь. До „ромново“, гдѣ должно было совершаться сожженіе тѣла воеводы и рыцарей, обреченныхъ сгорѣть на кострѣ, было болѣе трехъ верстъ и процессія растянулась вдоль по лѣсу.

Уже ряды воиновъ приближались къ дубовой рошѣ, гдѣ помѣщалось языческое капище, какъ изъ просѣки со стороны Эйраголы примчался всадникъ. На немъ былъ запыленный кафтанъ хорошаго сукна, обшитый галуномъ, знакъ того, что онъ служить въ княжеской стражѣ. Онъ быстро проскакалъ почти до носилокъ покойнаго, ловко соскочилъ съ коня и съ поклономъ подошелъ къ Врубѣ, шедшему во главѣ родственниковъ покойнаго.

— Великій господинъ воевода!—проговорилъ онъ, кланаясь низко:—оботри слезы свои и возрадуйся: великій Кунигасъ Вингалла Кейстувовичъ самъ вслѣдъ за мной жалуетъ сюда, хочетъ честь честью проводить въ страну вѣчнаго блаженства великаго воина литовскаго.

Родные радостно переглянулись. Присутствіе одного изъ Кейстувовичей на тризнѣ было знакомъ величайшей чести покойнаго и его семьи.

Почти въ тоже мгновеніе, вдали, по дорогѣ изъ Эйраголы, взвилась пыль, и скоро показался отрядъ изъ нѣсколькихъ сотъ людей, несущійся на всѣхъ рысяхъ къ мѣсту ромнова.

Впереди всѣхъ, на лихой караковой лошади, скакалъ старикъ съ большой сѣдой бородой. Но кто бы могъ узнать въ этомъ исхудаломъ, измученномъ внутреннимъ страданіемъ старикѣ, того самаго гордаго князя Эйрагольскаго, который мѣсяцъ тому назадъ съ такимъ позоромъ выгналъ нѣмцевъ изъ своего замка. Теперь это была одна тѣнь могучаго князя Вингаллы. Только одни глаза сверкали изъ-подъ опущенныхъ бровей, и этотъ взглядъ былъ дикъ и грозенъ, какъ само мщеніе. Въ сердцѣ князя не было теперь мѣста иному чувству.

Подскакавъ на нѣсколько шаговъ къ носилкамъ, на которыхъ несли умершаго, онъ остановился, тяжело, но безъ помощи служателей слѣзъ съ коня и низко поклонился покойнику.

Неспіе носилки остановились.

— Я оставилъ тебя умирающимъ, мой храбрый Стрысь, а теперь твой духъ отлетѣлъ на небесной лошади въ страны восточныя! Но радуйся... Наступаютъ для насъ красные деньки—вся крыжацкая сторона съ завтрашняго дня загорится кровавымъ заревомъ, правя по тебѣ тризны, а пока дайте мнѣ пива, дайте мнѣ священнаго алуса, помянуть какъ должно моего храбраго сотоварища!

Вруба съ низкими поклонами подаль князю большой турій рогъ, отдѣланный въ серебро. Рогъ былъ до краевъ полонъ алусомъ. Вингалла взялъ его и однимъ разомъ осушилъ до дна.

— Эй, вы, дѣвушки плаксы!—крикнулъ онъ плакальщицамъ, которыя замолкли, увидавъ приближеніе своего владыки,—что

же вы молчите, что вы не раздираете сердца наши стопами и воплями, покойникъ истинный литвинъ, въ честь его сама земля стонетъ! Вруба! Давай еще алусу!.. Хочу пить, хочу пить, пока ноги держатъ меня...

Плакальщицы завизжали и завыли пуще прежняго, тилуссоны и лингуссоны еще громче затрубили въ трубы и забили въ бубны и тазы, а Вруба подаль князю второй турій рогъ съ алусомъ.

Князь выпилъ его до дна и махнулъ рукой, давая знать, чтобы процессія двигалась впередъ, а самъ пошелъ тотчасъ вслѣдъ за носилками рядомъ со старымъ Врубою. Волненіе печали, а отчасти хмельное пиво сдѣлали свое дѣло; Вингалла шелъ качаясь, хотя въ прежнее время и пять туріихъ роговъ алуса не заставили бы его покачнуться.

Четыре сына покойнаго шли непосредственно за княземъ и своими громадными фигурами окончательно закрывали его отъ взоровъ толпы.

Наконецъ, процессія подошла къ самому ромнову. Это была довольно большая и чрезвычайной густая роща, состоявшая исключительно изъ дубовъ и дубовой поросли. Нѣсколько огромныхъ дубовъ окружало небольшую полянку среди рощи, а впереди ея возвышался гигантскій дубъ, въ нѣсколько обхватовъ въ ширину; подъ нимъ, на чисто отдѣланномъ дубовомъ же пьедесталѣ, возвышалась грубо сдѣланная человѣческая фигура съ поднятой правой рукой. Въ сжатомъ кулакѣ этой руки виднѣлись серебряныя стрѣлы.

Это и былъ знаменитый истуканъ Перкунаса Эйрагольскаго, къ которому со всѣхъ сторонъ Литвы и Жмуди, въ первое новолуніе „собачьяго мѣсяца“ (Іюня) сходилось и съѣзжалось несмѣтное количество народа. Множество другихъ литовскихъ идоловъ стояло кругомъ дуба.

Предъ ними на особомъ алтарикѣ, сложенномъ изъ громадныхъ нетесанныхъ камней, горѣлъ бездымный огонь (Зничъ). Три очередныя дѣвушки въ бѣлыхъ платьяхъ, съ вѣнками изъ бѣлыхъ цвѣтовъ на головахъ, медленно ходили вокругъ, и подъ звуки какого-то монотоннаго рѣмна подбрасывали на очагъ Знича кусочки дубовой коры, да изрѣдка поливали на огонь какой-то ароматической жидкости, стоявшей тутъ же въ большихъ сосудахъ причудливой формы.

Вокругъ Знича на колѣняхъ стояло до тридцати криве. Все это были старики свыше 60 лѣтъ, въ одинаковыхъ бѣлыхъ съ зеленымъ костюмахъ; въ рукахъ у нихъ были длинныя и тонкія палки, украшенныя сверху двойной рогулею, вродѣ ухвата, это былъ знакъ ихъ достоинства. Это были извѣстные языческіе жрецы и судьи, извѣстные подъ именемъ „криве“. Деревенскіе судьи или „кривули“ имѣли, какъ знакъ своего достоинства, такую же палку, но только съ однимъ крючкомъ наверху; наконецъ, самъ верховный жрецъ и судія судей или криве-кри-

вейто, носилъ палку съ тремя крючками. Въ этотъ день, носитель этого главнаго знака власти стоялъ среди своихъ поверженныхъ во прахъ криве предъ алтаремъ Перкунаса, высоко воздѣвъ руки, билъ себя въ грудь и какимъ-то замогильнымъ голосомъ пѣлъ на распѣвъ молитвы; криве, склонивъ свои головы къ самой землѣ, тихо ему вторили.

Кортежъ подошелъ къ самой площадкѣ.

Нѣсколько правѣе священнаго дуба съ изображеніями Перкунаса возвышался громадный костеръ, сложенный изъ смолистаго дерева. Едва процессія остановилась, самъ великій кривекривейто важною поступью подошелъ къ носилкамъ, на которыхъ лежалъ покойный, и коснулся его чела своей кривулей.

— Иди, доблестный Стрысь, садись на небснаго коня и мчись въ страну восточную, страну вѣчнаго блаженства!—на распѣвъ воскликнулъ онъ и сдѣлалъ знакъ лингуссонамъ.

Тѣ мигомъ бросились со всѣхъ сторонъ къ покойному и понесли его на костеръ. Старый Вруба взялъ за поводъ боеваго коня покойнаго героя и по мосткамъ взвелъ вслѣдъ за нимъ на вершину костра. Лингуссоны привязали его крѣпко къ высокимъ столбамъ, возвышавшимся тамъ же. Вслѣдъ за Врубой, одинъ за другимъ входили родственники покойника, каждый изъ нихъ несъ какую-нибудь любимую вещь убитаго, складывалъ ее у ногъ и, сдѣлавъ низкій поклонъ, уходилъ.

Четверо сыновей покойнаго внесли каждый по громадному рыцарскому щиту и поставили ихъ вокругъ тѣла отца; наконецъ, послѣ всѣхъ на костеръ взошелъ самъ князь Вингалла.

— Другъ мой и мой вѣрнѣйшій слуга!—воскликнулъ онъ, останавливаясь предъ трупомъ,—не привелось мнѣ надѣть тебѣ на шею эту золотую цѣпь, награду изъ храбрыхъ храбрѣйшему, позволь же мнѣ положить ее хоть на мертваго!

Съ этими словами князь дѣйствительно снялъ съ себя и возложилъ на почившаго друга драгоценную золотую цѣпь, низко поклонился покойнику и сошелъ съ костра. Въ это время отъ алтарика Знича двинулась процессія. Впереди шелъ съ зажженнымъ факеломъ самъ криве-кривейто, вслѣдъ за нимъ, тоже съ пылающими факелами, всѣ-криве, между тѣмъ какъ тиллуссоны раздавали родственникамъ и гостямъ по знатнѣе незажженные смолистые факелы.

Трубы загремѣли, плакальщицы вновь начали свои дикія завыванья. Хоръ вайделотовъ грянулъ похоронную пѣснь, лингуссоны ударили въ тазы, всѣ присутствовавшіе, вынувъ мечи, стучали ими о щиты и мечи рядомъ стоящихъ. Криве-кривейто шелъ вдоль ряда провожавшихъ и зажигалъ факела о свой факель.

Кончивъ шествіе, онъ остановился противъ лица трупа, воткнулъ свой факель въ костеръ и громко проговорилъ, снова взмахивая кривулею.

— Ступай, доблестный братъ мой Стрысь, съ этого несчаст-

наго свѣта! Полонъ бо есть онъ всякаго зла... Иди на вѣчную радость туда, гдѣ тебя ни подлый нѣмецъ, ни хищный ленкишъ *) обижать не будетъ! Иди, и приготовь роднымъ твоимъ пріятныя обители!

Родные, а впереди всѣхъ князь Вингалла, одинъ за другимъ подходили къ костру и втыкали въ него свои факелы. Многіе давали обѣты страшной, непримиримой мести, другіе шептали слова молитвы.

Подошли и четверо сыновей покойнаго. Они не сказали ни слова. Губы ихъ были стиснуты, глаза сверкали. Поклонившись въ землю праху отца, они встали, воткнули свои факелы въ костеръ, и словно движимые однимъ побужденіемъ, вдругъ, какъ одинъ подняли руки и погрозили кулаками на западъ, въ сторону нѣмцевъ. Ихъ мрачныя атлетическія фигуры, этотъ нѣмой угрожающій жестъ, въ которомъ виднѣлось столько ненависти, столько затаенной дикой мести, былъ ужасенъ. Многіе содрогнулись, и даже самъ князь Вингалла не выдержалъ и шепнулъ стоявшему рядомъ съ нимъ Врубѣ.

— Вотъ такъ молодцы!.. Живымъ нѣмца съѣдятъ! Зови ихъ въ мою дружину...

Высоко взвилось пламя костра. Сухія смолистыя дрова и сучья разомъ вспыхнули яркимъ пламенемъ, миллионы искръ взвились въ облакахъ смолистаго дыма.

— А теперъ за нѣмцевъ!— крикнулъ своимъ громовымъ голосомъ князь Вингалла.

Вайделоты, лингуссоны и родственники покойнаго бросились къ плѣннымъ рыцарямъ, круто притянутымъ къ сѣдламъ веревками, и хотѣли тащить ихъ къ другому костру, приготовленному рядомъ, какъ вдругъ раздался рѣзкій звукъ рога, и въ ту же минуту на опушкѣ показался воинъ изъ сторожеваго полка. Онъ гналъ своего коня и въ хвостъ и въ гриву, и еще издали кричалъ:

— До брони! До брони!.. Нѣмцы! Крыжаки!

— Гей! стрѣлки по мѣстамъ!—раздался зычный голосъ князя Вингаллы.—Нѣмцы на коняхъ въ лѣсъ не сунутся, а въ лѣсу мы хозяева!

Отборная княжеская дружина мигомъ бросилась исполнять его распоряженіе; вдоль опушки рощи, въ которой помѣщалось ромново, замелькали шитые кафтаны дружинниковъ, вооруженныхъ стрѣлами и копьями, а кучка стрѣлковъ-лучниковъ спѣшила, по указанію князя, на единственно доступномъ нападенію мѣстѣ, узенькой просѣлкѣ, ведущей къ капищу. Между тѣмъ вся остальная масса литвинъ съ дикимъ воемъ бросилась частью къ самому ромнову, частью обратно по дорогѣ къ княжескому поселку.

Времена были тревожныя и потому большинство литвинъ яви-

*) Полякъ.

лось на похороны вооруженными, и только женщины да дѣти не имѣли въ рукахъ ничего, кромѣ факеловъ да смолистыхъ вѣтвей.

Очевидно, нѣмцы знали дорогу къ ромнову или она была имъ указана какимъ-либо измѣнникомъ литвиномъ, но они, очевидно, чуяли опасность нападенія на лѣсъ прямо съ опушки и потому двинулись въ обходъ роши, какъ разъ на ту сторону, гдѣ проська. Князь Вингалла раньше, какъ мы видѣли, предвидѣлъ этотъ маневръ.

Силы нападавшихъ были довольно значительны. Кромѣ девяти братьевъ рыцарей въ бѣлыхъ плащахъ, собранныхъ поспѣшно великимъ комтуромъ, изъ трехъ сосѣднихъ съ Штейнгаузеномъ конвентовъ, въ походѣ принимало участіе болѣе двухсотъ гербовыхъ, т. е. воиновъ дворянскаго происхожденія, но не причисленныхъ еще къ рыцарскимъ братьямъ, да была тысяча челоувѣкъ наемнаго войска.

Набѣгъ на ромново, отстоявшее отъ конвента болѣе чѣмъ на 70 верстъ, могъ, разумѣется, тогда имѣть успѣхъ, когда бы былъ совершенъ быстро. Это прекрасно поняли рыцари и потому весь отрядъ былъ конный, для того, чтобы въ случаѣ неудачи, не рисковать быть до послѣдняго истребленными фанатическимъ населеніемъ языческой страны.

Великій комтуръ Гуго Зоненталь, обитавшій въ одномъ изъ пограничныхъ съ Литвою крѣпостей-замковъ, едва узнавъ о взятіи въ плѣнъ двухъ рыцарей литвинами, немедленно послалъ къ князю Вингаллѣ требованіе отпустить ихъ на свободу, но князь былъ въ Вильнѣ. Ихъ не пустили въ Эйрагольскій замокъ, а между тѣмъ страшный слухъ о томъ, что въ отомщеніе за похищеніе княжны Скирмунды, оба плѣнные будутъ сожжены живьемъ на похоронахъ великаго воина Стрѣкося, переходилъ изъ устъ въ уста, и литвины со всѣхъ концовъ края спѣшили къ ромнову.

Медлить было нечего; великій комтуръ въ ту же ночь разослалъ гонцовъ по сосѣднимъ конвентамъ и чрезъ день во главѣ цѣлаго отряда, предводимаго 9 рыцарскими братьями, вторгся въ жмудинскіе лѣса.

Разумѣется, слабое и малочисленное населеніе пограничной полосы, обезлюженной постоянными набѣгами крыжаковъ, не могло дать сопротивленія; женщины и дѣти уходили въ непроходимыя лѣсныя чащи, а мужчины, захвативъ оружіе, бѣжали къ болѣе укрѣпленнымъ мѣстамъ, на защиту страны. Дикій, гнуслявый вой боевыхъ литовскихъ трубъ давно гремѣлъ по всей границѣ. Острожки и крѣпостцы, предувѣдомленные о грозящей опасности, тотчасъ же затворяли ворота и готовились къ оборонѣ. Но нѣмецкіе всадники мало обращали вниманія на встрѣчающіяся по пути жилища. Развѣ отсталые кнехты грабили и жгли оставшіеся пожитки, да несчастныя хижины; у рыцарей былъ другой планъ—захватить врасплохъ торжественное

погребеніе въ ромновѣ, освободить товарищей, и при этомъ, разумѣется, перебить сколько попадетъ литовцевъ.

Но и князь Вингалла предполагалъ возможность подобнаго нападенія, потому-то онъ и привелъ съ собою свою дружину. Онъ по опыту зналъ, что гордые крыжаки не могутъ „такъ“ оставить дѣла, въ которомъ замѣшана ихъ честь, и на всякій случай явился на похороны съ довольно внушительной военной силой.

— Хильфъ Готъ! Форверцъ!—кричалъ самъ великій комтуръ, бросаясь впереди своихъ закованныхъ въ латы ратниковъ на узкую просѣку; но отрядъ, встрѣченный сотней ловко пущенныхъ стрѣлъ, замаялся у самаго вѣвада въ лѣсъ. Нѣсколько ратниковъ, пораженныхъ стрѣлами, упало съ лошадей, нѣсколько коней, почувствовавъ боль отъ ранъ, взвились на дыбы и сбросили всадниковъ. Произошло замѣшательство. Стрѣлы съ пронзительною быстротою одна за другою визжали и щелкали по кольчугамъ и латамъ, словно ища уязвимаго мѣста. Дикій крикъ толпы, невидимой за темною дубовою зарослью, показалъ нѣмцамъ, что ихъ планъ открытъ и что защита организована.

Атака отхлынула прочь... Нѣмцы отступили, унося съ собою своихъ раненыхъ.

Князь Вингалла мигомъ смекнулъ всю опасность своего положенія; онъ видѣлъ, что атака отбита случайно, только благодаря упавшимъ лошадямъ, загородившимъ дорогу другимъ въ узкой просѣкѣ, и смѣлый планъ блеснулъ въ его головѣ.

— Эй! кто посильнѣе, топоровъ сюда, вали эти деревья, строй засѣку!—кричалъ онъ. Вруба махнулъ рукой и всѣ четверо сыновей покойнаго Стрѣкося подбѣжали къ нему.

— Гдѣ топоры?—спросили у нихъ. Каждый изъ братьевъ въ тотъ же мигъ поднималъ въ воздухъ громадный топоръ, скорѣе похожій на гигантскую сѣкиру, бывшій у ихъ за поясомъ сзади.

— Идите къ князю, слушайте, что онъ прикажетъ!—крикнулъ на нихъ Вруба. Стрыкосичи подошли къ Вингаллѣ.

— А, вотъ и вы, могучіе богатыри,—сказалъ онъ, оглядывая ихъ могучія фигуры...—Ну-ка, скорѣй за работу, свалитека поскорѣе вотъ эти два дуба, да повалите ихъ на просѣку... Ну, живѣе!!

Но молодые богатыри смотрѣли на князя совсѣмъ растеряннымъ взглядомъ. Очевидно, они не понимали, что имъ говорить князь. Вингалла повторилъ приказаніе. Они стояли предъ нимъ въ томъ же положеніи и со страхомъ смотрѣли ему въ глаза.

— Или вы не слышите, что я приказываю?!—съ гнѣвомъ крикнулъ князь.

Губы старшаго изъ братьевъ зашевелились; онъ сказалъ, вѣрнѣе промывчалъ что-то, но никто, кромѣ дяди его Вруба, не понялъ значенія этого мычанья.

— Великій государь, — воскликнулъ старый воинъ, — этотъ лѣсъ священный, они боятся его рубить!..

— Что за вздор!—воскликнул Вингалла,—когда опасность угрожает самому великому громовержцу Перкунасу и всѣмъ намъ, его вѣрнымъ служителямъ, что за глупая задержка... Руби!—крикнулъ онъ съ гнѣвомъ на молодцовъ; но ни одинъ изъ нихъ не тронулся съ мѣста.

А между тѣмъ время летѣло. Рыцари, отбитые при первомъ нападеніи, строили свои ряды и готовили новую атаку. Терять времени было невозможно.

— Что же, станешь ты рубить?!—въ сильнѣйшемъ гнѣвѣ вскрикнулъ князь и бросился съ саблей въ рукахъ на старшаго Стрѣкосича, Олафа, но тотъ флегматически махнулъ рукой и промычалъ:

— А какъ ешь!!

Князь взглянулъ по тому направленію, куда показалъ Олафъ, и увидалъ стараго криве-кривейто, который спѣшилъ къ мѣсту спора.

Уже издали хитрый жрецъ понялъ въ чемъ дѣло, и не успѣвъ еще добѣжать до мѣста, крикнулъ.

— Рубите во имя всемогущаго Перкунаса! Рубите во имя сереброкудрой Прауримы!..

Не успѣлъ онъ еще кончить своей просьбы, какъ почти одновременно раздалась четыре дружныхъ удара топоровъ по намѣченнымъ стволамъ колосальныхъ дубовъ. Это не были обыкновенные удары дровосѣковъ, сѣкавшихъ лѣсъ, каждый ударъ былъ проявленіемъ сверхъестественной мускулярной силы, скрытой въ этихъ обросшихъ волосами, ногоподобныхъ рукахъ. Удары слѣдовали одинъ за другимъ съ поразительной быстротой и громадными щепки летѣли градомъ во всѣ стороны. Дубы трещали и вздрагивали отъ вершины до основанія.

— Форверцъ! Хильфъ Готъ!—раздался дружный крикъ нѣмцевъ и сплошная стѣна латниковъ, предводимыхъ великимъ комтуромъ и двумя крестonosцами, стремительно бросились на просѣку.

На этотъ разъ въ первыхъ рядахъ были только люди вполне вооруженные, прикрытые щитами, и кони которыхъ тоже были защищены кольчугами и панцырями. Несмотря на градъ стрѣлъ, которыми осыпали ихъ литовскіе стрѣлки, передовое войско ворвалось въ просѣку, но тутъ случилось нѣчто невѣроятное: оба подрубленные дуба, словно по мановенію волшебника, съ громомъ и трескомъ рухнули на дорогу, погребая подъ своими вѣтвями и коней, и всадниковъ.

Дикій, торжествующій крикъ побѣды раздался въ станѣ литовцевъ, тогда какъ объятые ужасомъ первые ряды нападающихъ смѣшались и бросились назадъ, поражаемые стрѣлами противниковъ.

— Впередъ, за мной, бей злодѣевъ!—раздался среди литвинъ могучій голосъ Вингаллы,—за отцовъ! братій! за женъ и дѣтей!..

Сплошная толпа наэлектризованныхъ, фанатичныхъ язычни-

ковъ бросилась впередъ на просѣку и грудь встрѣтила новый натискъ нѣмцевъ, которые успѣли уже оправиться и мчались на выручку своимъ, заживо погребеннымъ подъ громадными вѣтвями вѣковыхъ дубовъ. На этотъ разъ нѣмцы уже не жалѣли себя, видя, что коннымъ въ лѣсу дѣлать нечего, они по большей части спѣшились и всесокрушающей стѣной, прикрывшись щитами и выставивъ какъ стальную щетину копья—медленно, но твердо подвигались впередъ. На самомъ мѣстѣ импровизованной засѣки, въ вѣтвяхъ поверженныхъ дубовъ, загорѣлся отчаянный, дикій, нечеловѣческій бой.

Великій комтуръ и одинъ изъ рыцарей были придавлены вѣтвями дуба и никакъ не могли высвободиться изъ-подъ его тяжелыхъ объятій. Великій комтуръ чувствовалъ, что онъ задыхается, сукъ сплюснулъ ему кирасу на груди и глубоко вдавилъ его въ землю, нога была раздроблена и причиняла ему страшную боль, но онъ все-таки находилъ силы звать на помощь своихъ и шептать слова молитвы.

— Бейте язычниковъ, бейте сарацины!—твердилъ онъ заплетаящимся языкомъ, но никто не слышалъ его, дикіе вопли, стоны раненыхъ, звонъ мечей о щиты и панцыри, глухіе удары топоровъ, призывный звукъ десятка роговъ, крики команды, заглушали его слова.

— Эй, вы, молодцы, сюда, сюда, рубите ихъ какъ дубъ рубили!—крикнулъ князь Вингалла, видя, что четверо Стрѣкосичей стоятъ опершись на топоры и не принимаютъ участія въ битвѣ.

— Кого рубить-то?—промычалъ Олафъ.

Отъ выпитаго не въ мѣру алуса, у него шумѣло въ головѣ и двоилось въ глазахъ. Страшное усилие, только что сдѣланное имъ при рубкѣ дубовъ, еще болѣе усилило хмель. Братья стояли какъ въ чаду, не понимая чего отъ нихъ хотятъ.

— Бей тѣхъ, кто въ бѣлыхъ балахонахъ!—крикнулъ Вингалла и указалъ на группу изъ трехъ рыцарей, которые съ мечами въ рукахъ прочищали себѣ дорогу сквозь толпу легко вооруженныхъ дружинниковъ.

Всѣ четверо бросились исполнять приказаніе и скоро звонкій ударъ топора по щиту указалъ, что они достигли враговъ.

Одинъ изъ рыцарей, извѣстный въ конвентѣ св. Өомы за силача, Генрихъ Стосманъ изъ Мекленбурга, видя, что на него съ поднятымъ топоромъ несется старшій изъ Стрѣкосичей—Олафъ, закрылся огромнымъ щитомъ, намѣреваясь поразить врага ударомъ меча. Но расчетъ оказался невѣрнымъ, тяжелый топоръ опустился съ такою страшною, всесокрушающею силою, что нѣмецкій богатырь потерялъ равновѣсіе и упалъ навзничь; второй ударъ пришелся по нагруднику. Тонкое желѣзо не выдержало, и когда Олафъ вновь поднялъ свой страшный топоръ, съ него струилась кровь.

Но не смотря на всѣ чудеса храбрости и силы, оказываемыя

литовцами, рыцарскіе наемные ратники успѣли обойти во флангъ засѣку и ворваться на незащищенную ничѣмъ просѣку въ тѣсу. Тамъ стоялъ только князь Вингалла съ близкими людьми, нѣсколькими боярами, да двумя десятками тѣлохранителей. Положеніе было отчаянное. Легко вооруженные литвины, не имѣя на себѣ ни панцирей, ни шлемовъ, такъ какъ шли не на войну, а на погребеніе, не выдержали и стали отступать къ ромнову.

Напрасно всѣ криве съ кривулями въ рукахъ заступали имъ дорогу, сила вооруженія была несоразмѣрима, они не могли болѣе бороться противъ все надвигающихся и надвигающихся полчищъ нѣмцевъ, которые, казалось, умножались съ каждой минутой; только у поверженныхъ дубовъ четыре брата Стрѣкосичей, ставъ другъ къ другу спинами, неистово дрались, отражая своими страшными топорами всѣ удары. Цѣлая гряда труповъ лежала вокругъ ихъ. Они не отступали, но и не двигались впередъ. Они казались гигантскою скалою среди разъяреннаго моря.

Уже стрѣлки князя Вингаллы, истощивъ весь запасъ стрѣль и отбиваясь саблями и топорами, медленно отходили въ сторону отъ просѣки и открывали такимъ образомъ дорогу нѣмцамъ впередъ къ ромнову. Уже самъ князь Вингалла, сознавая, что битва потеряна, въ отчаяньи хотѣлъ ускакать съ остаткомъ своихъ витязей съ поля битвы, какъ вдругъ, гдѣ-то вдали, за нѣмецкими линиями грянулъ громкій выстрѣлъ и нѣсколько камней со свистомъ и визгомъ пролетѣли по верхушкамъ деревъ, сбивая листья и вѣтви...

— Перкунасъ! Перкунасъ! Это его громовой ударъ!—воскликнулъ старый Сигонта, стоявшій въ слезахъ недалеко отъ князя, и повалился на землю.

— Перкунасъ! Перкунасъ! — закричали сотни голосовъ бѣгущихъ литвинъ,—онъ защититъ свой дубъ священный!

Страшный трескъ повторился, но уже гораздо ближе, и нѣсколько камней угодило какъ разъ въ спину нѣмецкихъ латниковъ, тѣснившихъ литовцевъ. Паника сдѣлалась общая, никто не понималъ, что значитъ этотъ страшный трескъ; первый сообразилъ въ чемъ дѣло старый князь Вингалла; ему нѣсколько разъ уже приходилось видѣть въ дѣйствиіи тогдашнія, только что изобрѣтенныя пушки; онъ понялъ, что камни летѣли изъ этихъ метательныхъ трубъ, но кому они принадлежали, друзьямъ или врагамъ?

Рыцари и ихъ войска растерялись. Они тоже хорошо знали, что въ отрядѣ не было артиллеріи, и что слѣдовательно нападеніе съ тыла дѣло враговъ. Продолжать нападеніе при этомъ положеніи дѣла было бы безразсудно, надо было во что бы то ни стало пробиться и искать спасенія въ постепенномъ отступленіи къ коновязамъ.

Загудѣли мѣдныя рыцарскія трубы и латники одинъ за другимъ потанулись на эти звуки, помня, что поодиоцкѣ гибель ихъ неизбѣжна.

Литвины, со своей стороны, видя отступление враговъ и принявъ раскаты пушечныхъ выстрѣловъ за удары грома, которыми громовержець Перкунасъ защищаетъ свое обиталище, оживились и съ новой яростью напали на отступающихъ меченосцевъ. Ряды смѣшались. Топоры, дубины, мечи, поминутно поднимались въ воздухъ и разили поверженныхъ враговъ.

Рыцари и ихъ воины были притиснуты къ самой опушкѣ лѣса, гдѣ были оставлены ихъ коновязи, но ихъ уже не было; на мѣсто ихъ у лѣса ждали стройные, блестящіе ряды совѣмъ другаго воинства, чѣмъ то, съ которыми они только-что выдержали бой; тамъ, изготовясь въ боевой порядокъ, стояли два знамени войскъ Витовта, а по бокамъ, расположенныхъ „клиномъ впередъ“, отборныхъ дружинъ, стояли сѣрые ряды псковскихъ лучниковъ. Поверхъ суконныхъ кафтановъ, на нихъ были надѣты стальные кольчуги, переливавшіяся на солнцѣ какъ змѣиная чешуя. Желѣзные шапки—іерихонки, вродѣ котелка съ острымъ шпирцемъ наверху, покрывали ихъ головы, а спускающіяся съ шапки стальные полоски кольчужныхъ колець закрывали уши и затылокъ.

— Сдавайтесь, господа крейць-херы! Ваша гѣсенка спѣта!—закричалъ оторопѣвшимъ нѣмцамъ, подсакивая къ ихъ рядамъ, мужчина высокаго роста съ огромными сѣдыми усами. Принявшій начальство надъ рыцарскимъ войскомъ, послѣ паденія великаго комтура, начальникъ Рагнетскаго конвента, командоръ графъ Плейстинъ, сразу понялъ, что дальнѣйшее сопротивление невозможно.

— Кто вы, храбрый рыцарь? Какому государю служите и почему нападаете на насъ, на нашей собственной землѣ?!—твердо спросилъ онъ, выѣзжая впередъ. Онъ еще не терялъ надежды, что это не литовскій, а какой-нибудь иноземный отрядъ, посланный на помощь великимъ магистромъ.

— Кладите оружіе или черезъ часъ никого изъ васъ не будетъ на свѣтѣ!—гордо крикнулъ въ отвѣтъ воевода.—Сдавайтесь на милость храбраго князя Вингаллы.. Я его воевода!..

— Вингаллы!?—воскрикнулъ въ ужасѣ рыцарь.—Никогда, никогда, лучше смерть, чѣмъ плѣнъ у язычниковъ! Впередъ, господа крейць-херы, докажите, что умирать не такъ страшно! Впередъ, во имя Христа и его Пресвятой Матери, за мной, впередъ!—и поднявъ копье, онъ бросился впередъ, думая, что своимъ примѣромъ увлечетъ всѣхъ своихъ латниковъ. Но отчаянному призыву откликнулось только оставшихся пять рыцарей—остальные легли головами раньше. Они склонили копья и бросились впередъ на явную смерть за своимъ храбрымъ предводителемъ. Остальные латники бросили оружіе и преклонили колѣна.

Какъ туча вылетѣли имъ навстрѣчу, изъ среды подоспѣвшихъ на помощь князю Вингаллѣ войскъ, шесть отборныхъ витязей и передъ рядами двухъ войскъ, побѣжденнаго и торжествующаго, произошла страшная бой, какого не видалъ ни одинъ турниръ. Послѣ перваго же удара, копья разлетѣлись въ дребезги, витязи

выхватили мечи и начался страшный, рукопашный бой, грудь съ грудью, щитъ на щитъ!

Но тутъ храбрый предводитель пришедшаго на помощь отряда не выдержалъ, ему было жалъ и своихъ, и онъ не могъ не изумиться той безмѣрной отвагѣ, которую выказали эти шесть рыцарей.

— Хальтъ! Довольно! Остановитесь!—вскрикнулъ онъ, подѣвжая къ мѣсту боя.—Обѣщаю вамъ жизнь и свободу за выкупъ...

Бой прекратился.

— Кто ты, храбрый рыцарь,—спросилъ опять графъ фонъ-Плейстинъ,—чтобы знать передъ кѣмъ сложить оружіе.

— Я Трокскій воевода князь Здиславъ Бѣльскій, нынѣ на службѣ августѣйшаго князя Эйрагольскаго, Вингаллы Кейстутовича!

— Христіанинъ?—съ радостью переспросилъ рыцарь.

— Христіанинъ и католикъ!—отозвался Бѣльскій.

— Мы сдаемся! Сдаемся!—закричали рыцари,—сдаемся на твое рыцарское, христіанское слово... Но тамъ, въ лѣсу, еще есть двое... великій комтуръ и братъ рыцарь изъ Рагнеты, возьми и ихъ подъ свое покровительство!

— Увидимъ,—возразилъ Бѣльскій и приказалъ своимъ подручнымъ дворянамъ отобрать мечи у рыцарей и взять ихъ самихъ подъ стражу.

Ихъ увели.

Въ это время изъ лѣса, окруженный свитой и оставшимися дружинниками, показался князь Вингалла. Онъ ѣхалъ прямо къ Бѣльскому, котораго никогда еще не встрѣчалъ въ жизни.

— Кто ты, храбрый воинъ,—спросилъ онъ, подѣвжая,—и какъ случился ты въ моихъ владѣніяхъ? Другъ ли ты или врагъ?

— Не другъ и не врагъ, а подданный вашего высочества.

— Ты шутишь, что ли?—съ недоверіемъ спросилъ Вингалла.— Кто ты? Откуда эти войска, эти пунки? Кто прислалъ тебя въ мое княжество?

— Одному вамъ могу открыть я это, ваше высочество,—проговорилъ Бѣльскій,—слово свято и зарокъ великъ.

Вингалла сдѣлалъ знакъ рукой и дружина отъѣхала.

— Его королевская мость, премудрый король Витовтъ Кейстутовичъ прислалъ меня, своего воеводу Здислава, князя Бѣльскаго, на помощь вашей ясной мости... Для всѣхъ я вашъ воевода, имя его королевской мости не должно быть упомянуто.

— Когда ты оставилъ моего брата короля?

— Вчера недѣля.

— А я его видѣлъ три дня тому назадъ... Такъ вотъ про кого говорилъ онъ мнѣ... Спасибо ему и тебѣ, во-время выручилъ! Если бы не ты, сломили бы насъ треклятые крыжаки... За эту услугу проси отъ меня что знаешь!.. Князь Вингалла Эйрагольскій умѣетъ быть благодарнымъ.

— Государь, мнѣ не нужно ничего... я и такъ осыпанъ милостями его величества короля...—отвѣчалъ Бѣльскій съ низкимъ поклономъ.

— Не брезгуй же и моей милостью, я не король, но сумѣю наградить по королевски!—гордо сказалъ Вингалла.

Бѣльскій, казалось, вспомнилъ что-то.

— Пресвѣтлый князь, дозвожь молить объ одномъ,—сказалъ онъ быстро,—въ бою я обѣщаль жизнь и свободу плѣннымъ рыцарямъ...

— Что же, дарю ихъ тебѣ со всѣмъ скарбомъ... Да, постой, тамъ въ лѣсу мой еще двухъ захватили, дубомъ ихъ къ землѣ примяло—бери и ихъ... Скучно жечь ихъ поодиночкѣ...

— Какъ жечь?—съ ужасомъ воскликнулъ Бѣльскій.

— Очень просто... Какъ раковъ, въ собственной шкурѣ; если хочешь посмотрѣть, поѣдемъ... на кострѣ уже, стоитъ только поджечь...—Вингалла зло разсмѣялся...

— Свѣтлѣйшій князь,—воскликнулъ въ ужасъ Бѣльскій,—прости, что осмѣливаюсь обременить еще просьбой...

— Говори, говори, я не въ состоянїи отказать тебѣ ни въ чемъ.

— Государь, пощади несчастныхъ, присужденныхъ къ смерти...

Глаза князя вспыхнули мрачнымъ огнемъ.

— Пощадить? Да знаешь ли ты, чего просишь... Знаешь ли, что они осуждены сгорѣть живыми на тризнѣ моего лучшаго друга, воеводы Стрѣкося, убитаго ими измѣною... Знаешь ли, что они обманомъ похитили мою дочь, мою Скирмунду, знаешь ли, за что эти злодѣи вотъ уже 20 лѣтъ разоряютъ мою землю—и пощадить?

— Пощади, государь;—мы дадимъ ихъ въ выкупъ за княжну. Великій магистръ согласится.

Вингалла задумался.

— Ну, быть по твоему, ѣдемъ отмѣнить казнь, хоть будетъ сердитая мой дорогой Лидзейко; ну, да я сумѣю его уговорить.. Ѣдемъ же скорѣй, а то опоздаемъ...

— Опоздали!—воскликнулъ онъ, обернувъ лошадь и показывая Бѣльскому на два столба чернаго дыма, показавшіеся надъ дубами, окружавшими ромново.

Бѣльскій не поѣхалъ дальше. Какъ истый католикъ, онъ не хотѣлъ скверняться, вступая въ языческое капище; его уже и такъ претила необходимость общенія съ такимъ закоснѣлымъ язычникомъ, каковымъ былъ князь Вингалла.

Еще недавно, въ разговорѣ съ Сѣдлецкимъ, онъ допускалъ возможность общенія и съ русскими схизматиками, и съ магометанами, и даже съ язычниками, но на дѣлѣ не могъ удержаться отъ гадливости, подавая руку даже такому витязю, какъ князь Вингалла.

— Что же мы будемъ дѣлать съ остальными плѣнными?—спросилъ Вингалла, когда обѣхавъ поле недавней битвы, они

Грюнвальдскій бой.

подъѣхали къ стану, которымъ уже расположилась приведенная Бѣльскимъ дружина.

— Потребуемъ обмѣна на дочь вашей свѣтлости,—отвѣчалъ съ поклономъ Бѣльскій.

Вингалла задумался.

— Я знаю Скирмунду;—она не переживетъ безчестія—плѣна, жива-ли она теперь? Это живой портретъ моей матери, а ея бабки княгини Бируты!—проговорилъ старикъ...—Жива ли она?

— О, что касается нѣмцевъ, можно быть увѣреннымъ, что они берегутъ ее, какъ зеницу ока... Такія плѣнницы рѣдко попадаются.

— Хорошо, быть по твоему, завтра же пошлю для переговоровъ нарочнаго посла. Постой комесь, *) Здиславъ, окажи услугу, съѣзди къ нимъ въ Штейнгаузъ для переговоровъ. Ты хорошо говоришь по-нѣмецки, тебя послушаютъ.

— Уволь, свѣтлѣйшій князь... Моя ненависть къ нѣмцамъ не знаетъ предѣловъ, я буду плохимъ миротворцемъ.

— Да кто же говорить о мирѣ. Да развѣ можетъ быть миръ между нами, литовцами-славянами, и этими подлыми нѣмцами... Верни мнѣ только дочь, верни мнѣ мою Скирмунду, а тогда пусть хоть завтра вспыхнетъ война, война кровавая, беспощадная, я иной не понимаю съ этими дикими звѣрями.

— Но, свѣтлѣйшій князь, что скажетъ король **) Витовтъ, я служу въ его войскахъ, не сочли бы, наконецъ, что и онъ въ союзѣ съ вашей свѣтлостью...

— А когда ты въ послѣдній разъ видѣлъ брата-короля?

— Сегодня восьмой день; онъ повелѣлъ мнѣ быть осторожнымъ.

— А я его видѣлъ вчера ночью... Война съ орденомъ рѣшена, намъ таиться больше нечего!

— Какъ, война рѣшена?! Неужели! Боже, какое счастье. Кто же враги, кто союзники?—воскликнулъ съ восторгомъ Бѣльскій.

— Его величество король польскій обѣщалъ союзъ. Великопольскіе паны за войну, Москва обѣщаетъ прислать свои дружины, вся Жмудь возстанетъ какъ одинъ человекъ, и горе нѣмцамъ...

— Когда же походъ?.. Гдѣ сборъ войскъ?..

— Какой ты пылкій, панъ комесь. Я сообщилъ тебѣ великую тайну... Пусть она останется между нами... Ты знаешь самъ, ни мы, ни король Ягайлло еще не готовы къ войнѣ, московскія дружины когда еще прійдутъ, а между тѣмъ врагъ силенъ и каждую минуту можетъ двинуть на насъ грозную рать... Вѣдь у него въ Маріенбургѣ всегда около 40,000 готоваго войска, и какого—поголовно войны, поголовно латники, а ты самъ видѣлъ, какъ отскакиваютъ наши стрѣлы отъ нѣмецкихъ латъ и кольчугъ!

*) Титуль комеса часто давался знатнымъ лицамъ.

**) Витовта очень часто величали королемъ.

— Что же дѣлать въ такомъ случаѣ?—неувѣренно спросилъ Бѣльскій.

— Ждать и готовиться!

— Но вѣдь и они съ каждымъ днемъ дѣлаются сильнѣе. Императоръ Сигизмундъ *) навѣрно пришлетъ имъ вспомогательное войско. Изъ Франціи, изъ Англіи наѣдутъ сотни гостей рыцарей, я помню сколько ихъ было подъ Вильной!

— Ну, а много-ли возвратилось обратно?—съ усмѣшкой замѣтилъ Вингалла.—Литва впуститъ всѣхъ, да мало кого выпуститъ... Мѣсто для всѣхъ найдется, не въ землѣ, такъ на кострахъ литовскихъ!! Клянусь громовержцемъ Перкунасомъ, если бы не имѣлъ дочери, ни одинъ бы изъ сегодняшнихъ плѣнниковъ не ушелъ отъ костра!

Извѣстіе, которое сообщилъ князь Вингалла воеводѣ Бѣльскому, было такъ неожиданно и такъ шло въ разрѣзъ съ инструкціями, данными ему въ день отъѣзда Витовтомъ, что Бѣльскій сталъ просить князя Вингаллу отпустить его на нѣсколько дней въ Вильну, къ великому князю, на что и получилъ разрѣшеніе. Къ рыцарямъ рѣшено было послать одного изъ эйрагольскихъ бояръ, именно стараго Вруба, брата убитаго Стрѣкоса.

Немного отдохнувъ на самомъ полѣ сраженія, Бѣльскій умчался обратно въ Вильну, а князь Вингалла медленно со всей свитой поѣхалъ обратно въ ромново, чтобы присутствовать при послѣднихъ почестяхъ, отдаваемыхъ герою.

Костеръ Стрѣкоса чуть дымился. Посреди его большой бѣловатой кучей видѣлись обугленные кости покойника и косякъ его лошади. Сильно порѣдѣвшая толпа попрежнему окружала костеръ и плескала на раскаленные уголья алуся изъ недопитыхъ ковшей.

Кругомъ костра, на вбитыхъ нарочно толстыхъ, низенькихъ, дубовыхъ столбикахъ, сидѣли тилуссоны и въ заунывныхъ пѣсняхъ восхваляли подвиги покойнаго.

Двое старшихъ родственниковъ мѣрно обходили ихъ, подавая каждому поочередно по горсти серебряныхъ денегъ, цѣлый мѣшокъ съ которыми несли двое изъ его сыновей. Остальные два съ трудомъ тащили кадучку полную алуся и подчивали всѣхъ собравшихся направо и налево.

Всѣ пили во славу покойника, всѣ пили и славили щедрость родни воеводы и славнаго князя Вингаллу, нарочно пріѣхавшаго почтить тризну своего вѣрнаго слуги.

Только что конченный бой, казалось, не произвелъ на этихъ фанатически настроенныхъ людей никакого впечатлѣнія. Это правда, число ихъ немного поубавилось, нѣкоторые пали подъ ударами враговъ, другіе разбѣжались при первомъ нападеніи, но криве такъ же голосили предъ алтаремъ Перкунаса, дѣвы вайделотки такъ же бросали дубовыя вѣтви въ вѣчный Зничъ, какъ-будто бы ничего не произошло.

*) Германскій.

А сыновья покойнаго безъ устали таскали одну кадущку алуса за другой, и скоро приглашенные и гости дошли до ступени совершеннаго опьяненія. По обычаямъ литовцевъ, напиться пьянымъ на тризнѣ, значило отдать послѣднюю почесть усопшему и всѣ безъ исключенія старались одинъ превзойти другого въ количествѣ выпитаго алуса.

— Эй, Олафъ!—воскликнулъ наконецъ одинъ изъ поѣзжанъ, неспій щить покойника, знаменитый между литвинами витязь Сагайлло, обращаясь къ сыну покойнаго, только что выкатившему новую бочку алуса,—что мнѣ дѣлать, пью, пью, а меня хмель не беретъ, не хочеть, видно, твой отецъ покойный, чтобъ я проводилъ его честь-честью! Дай-ко мнѣ прямо изъ кадущки.—Съ этими словами онъ припалъ губами прямо къ кадкѣ съ алусомъ и нѣсколько минутъ не отрываясь пилъ хмельную влагу. Наконецъ хмель и на него подѣйствовалъ, руки его безсильно опустились, и онъ, какъ безжизненное тѣло, упалъ на траву.

— Ну, Стрѣкосъ, смотри теперъ съ неба, какъ я тебя поминую,—пробормоталъ онъ заплетающимся языкомъ и тотчасъ же захрапѣлъ какъ мертво пьяный.

Многіе были не въ лучшемъ состояніи, иные только доходили до него, и пьяные вопли смѣшивались съ пѣніемъ дѣвъ вайделотокъ и мѣрнымъ причитаніемъ криве и тилуссоновъ.

Стемнѣло, когда князь Вингалла показался изъ просѣки на площадку предъ капищемъ. Костры рыцарей еще пылали, а главный костеръ Стрыкося уже осѣлъ, и вайделоты и тилуссоны заливали его водою изъ приготовленныхъ кувшиновъ.

Никто изъ толпы не замѣтилъ князя, такъ каждый былъ занятъ своимъ дѣломъ, или находился въ состояніи невмѣняемости. Вингалла грустно покачалъ головой.

— Хорошо, что проклятые нѣмцы плохо знаютъ наши обычаи... Напали бы попоздѣе, всѣхъ бы голыми руками забрали..

Проговоривъ эти слова, князь повернулъ коня и скрылся въ глубинѣ просѣки, гдѣ уже ждали его тѣлохранители и свита, сильно таки порѣдѣвшая послѣ утреннаго боя.

Нѣмцы не дешево продали побѣду.

XXII.

У крейць-херовъ.

— Который часъ, братъ Гуго?—спросилъ высокій худощавый отецъ эконома Штейнгаузенскаго замка у коренастаго, рыжебородаго рыцаря Гуго Фреймана, завѣдывавшаго стѣнною стражей.

— Четыре должно быть, братъ Юсифъ; видишь, наша лысая крыса, прости Господи мое прегрѣшеніе, идетъ звонить къ вечернѣ,—отвѣчалъ Гуго, показывая головою на худощаваго, вы-

сокаго брата-монаха, который мѣрной и тихой походкой шель изъ своей кельи къ колокольнѣ.

Это и былъ самъ командоръ конвента графъ фонъ-Брауншвейгъ (Карль-Христіанъ).

Подойдя къ звонарнѣ, онъ дернулъ за веревку, и въ то же мгновеніе раздался монотонный, однозвучный благовѣсть къ вечернѣ. Одинъ за другимъ выходили рыцари изъ своихъ келій и направлялись въ каплицу, помѣщавшуюся рядомъ съ общей трапезной.

Маленькій, толстенькій капелянъ стоялъ уже предъ алтаремъ въ полномъ облаченіи и тихо воздѣвалъ руки къ небу. Замѣтя вошедшихъ братій съ командоромъ во главѣ, онъ поднялъ глаза горѣ и проговорилъ въ носъ по-латынѣ, благословляя вошедшихъ.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

— Аминь!—откликнулись они всѣ хоромъ.

Вечерня продолжалась. Въ каплицѣ было всего шесть братій-рыцарей, да человекъ пять гербовыхъ стояли у самой двери. И тѣ, и другіе были въ полной формѣ, то-есть въ бѣлыхъ плащахъ, съ нашитыми на нихъ черными крестами шерстяной матеріи. Головы обнажены, но мечи на желѣзныхъ цѣпяхъ висѣли на поясѣ у каждаго.

Начальникъ конвента во имя св. Θомы, помѣщающагося въ замкѣ Штейнгаузенъ или Нейгаузенъ, какъ его величали нерѣдко, былъ, какъ мы уже знаемъ, графъ Карль-Христіанъ Брауншвейгъ.

Растративъ въ міру да на турнирахъ громадное состояніе, оставленное ему отцомъ, преслѣдуемый кредиторами, онъ вдругъ задумалъ поступить въ орденъ меченосцевъ, и дѣйствительно добился цѣли.

Въ одинъ изъ походовъ, періодически посылаемыхъ на Литву великимъ магистромъ, онъ отличился необыкновенной храбростью, и хотя не удостоился чести быть приглашеннымъ къ „почетному столу“, но съ радостью былъ принятъ въ число братьевъ-рыцарей, и затѣмъ чрезъ нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ въ постоянныхъ битвахъ съ язычниками, къ которымъ питалъ какую-то ненависть, былъ избранъ командоромъ конвента и присланъ начальникомъ въ Штейнгаузенскій замокъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ настоятелемъ монастыря, т.-е. конвента во имя св. апостола Θомы.

Гордый, недоступный, придирчивый къ каждому пустому отступленію отъ монастырскаго устава, графъ Христіанъ не очень былъ любимъ братіей, но они не могли не уважать его за храбрость и распорядительность въ бою и въ осадѣ... Замокъ стоялъ почти на самой границѣ Литовской и потому немудрено, что столкновенія бывали часто.

Не разъ уже литовцы рассчитывали нечаяннымъ нападеніемъ взять замокъ, но всегда, во-время замѣченные, они встрѣчали дружный отпоръ.

Блистательно удавшееся дѣло похищенія княжны Скирмунды было задумано и рѣшено подъ его вліяніемъ, и рыцари еще разъ могли убѣдиться въ разсудительности и храбрости своего вождя.

Графъ былъ противъ экспедиціи, предпринятой съ 10 рыцарями великимъ комтуромъ Гуго Зоненталемъ, даже сказался больнымъ, и скрѣпя сердце отпустилъ трехъ рыцарей въ походъ. Онъ говорилъ, что невозможно рисковать, нападая на цѣлый возмущенный народъ, съ относительно малыми силами, и что гораздо лучше выжидать за крѣпкими стѣнами замка результатовъ похищенія княжны Скирмунды.

Шылкій и увлекающійся Гуго Зоненталь былъ другого мнѣнія, онъ былъ старшій, и графъ Брауншвейгъ долженъ былъ уступить. Возвращенія рыцарей изъ набѣга ждали въ этотъ вечеръ и потому командоръ приказалъ рыцарямъ братьямъ не отлучаться, чтобы съ достойной почестью встрѣтить возвращающихся побѣдителей или оказать помощь, въ случаѣ преслѣдованія.

Вечерня отошла. Рыцари не расходились, но молча прошли въ трапезную и заняли мѣста вокругъ пылающаго камина. Никто не хотѣлъ первый начинать разговора, изъ боязни, что командоръ прерветъ говоруну рѣзкимъ замѣчаніемъ.

— Не ѣдутъ!—первый заговорилъ командоръ.—Странно что-то... Солнце скоро сядетъ... Неужели они проведутъ еще ночь въ походъ? Какъ ты думаешь, братъ Карль?—обратился онъ къ одному изъ рыцарей.

— Я ничего не думаю, братъ командоръ,—отвѣчалъ мрачно рыцарь,—чему быть суждено—сбудется!

— Не хорошо быть фаталистомъ!—строго замѣтилъ командоръ.—Богъ намъ далъ свободную волю...

— Но люди написали строгіе уставы, которые мѣшаютъ ея проявленію.

— Если нашъ уставъ тебѣ не нравится, братъ Карль, почему ты не ищешь другого конвента?

— Все во власти Божіей,—отвѣчалъ рыцарь,—могу и я перемѣнить конвентъ, можетъ и конвентъ перемѣнить уставъ.

— Никогда!—рѣзко воскликнулъ командоръ.—Пока я живъ, никогда!

— И жизнь, и смерть людей въ рукѣ Божіей!—набожно возразилъ упорный рыцарь.

— Но судъ надъ ослушниками въ рукахъ людей, поставленныхъ Богомъ начальниками и судьями.

— Ни одинъ волосъ не падетъ съ головы нашей безъ воли Всевышняго... На каждый судъ есть аппеляція!—не унимался спорщикъ.

— Послушай, братъ Карль,—вдругъ заговорилъ командоръ, слегка смягчая тонъ,—зачѣмъ ты стараешься вывести меня изъ терпѣнія?

— Развѣ имѣтъ свое мнѣніе преступно?.. Развѣ говорить, что безъ воли Божіей ничего не совершается, и что судьбы убѣжать

нельзя, противно каноническимъ правиламъ?—продолжалъ возражать спорщикъ, зная, что въ виду скорого возвращенія начальника, въ лицѣ великаго комтура, командоръ не рѣшится принять противъ него энергическихъ мѣръ, да и самый споръ, какъ догматическій, въ предѣлахъ дозволенныхъ уставами, не могъ быть сочтенъ за преступленіе.

— Ну, тебя не переспоришь!—рѣзко проговорилъ командоръ и махнулъ рукою. Очевидно, онъ сдерживался и не давалъ воли своему дикому, бѣшеному характеру.

— А все-таки, благородные братья,—проговорилъ онъ послѣ молчанія,—меня тревожить эта неизвѣстность. Въ случаѣ удачи, гонцы давно были бы здѣсь.

— Позволь не согласиться съ тобою, братъ командоръ,—въ свою очередь заговорилъ завѣдывающій стражею Гуго Фрейманъ,—въ случаѣ неудачи, отступающіе были бы давно въ замкѣ.

— Твоя правда!—воскликнулъ командоръ.—Встрѣча должна была произойти сегодня рано утромъ, слѣдовательно, если отсюда до мерзостнаго языческаго капища считать 10 миль, то и тогда бѣглецы были бы уже давно здѣсь. Ихъ нѣтъ, значитъ полная удача, и наши пируютъ на мѣстѣ побѣды.

— И разоряютъ проклятое капище!—добавилъ капелянъ, присутствовавшій на совѣщаніи.

— Слѣдовательно, намъ ихъ ждать раньше завтрашняго вечера нечего. Это вполне понятно,—замѣтилъ графъ,—и потому, братья, подкрѣпивъ силы трапезой, мы можемъ мирно итти на покой.

По знаку командора прислужники внесли накрытый простою, грубою, но чистою скатертью столъ, поставили на него нѣсколько глиняныхъ тарелокъ и двѣ миски съ кушаньемъ, да сосудъ съ холодной ключевой водой, и удалились.

Капелянъ благословилъ трапезу и рыцари дружно принялись за ѣду. Въ Штейнгаузенѣ пока еще не было слободы и жизнь монаховъ рыцарей не раздваивалась. Въ другихъ конвентахъ, расположенныхъ около большихъ городовъ или имѣющихъ около себя слободы, жизнь рыцаря дѣлилась между конвентомъ и частнымъ жилищемъ на сторонѣ. Въ тѣхъ конвентахъ общій столъ былъ только проформа и каждый изъ рыцарей предпочиталъ собственную кухню убогой монастырской трапезѣ, и хорошее вино—холодной водѣ, исключительно подаваемой въ конвентѣ.

Но въ Штейнгаузенѣ слободы не было, приходилось довольствоваться монастырскимъ столомъ, оттого-то рыцари и считали назначеніе ихъ въ конвентъ св. Фомы чѣмъ-то вродѣ ссылки.

Трапеза кончилась благополучно. Рыцари словно тѣни безмолвно поклонились командору и одинъ за другимъ вышли изъ трапезной. Остались только двое—командоръ и капелянъ.

— Ну что, видѣли ли вы, святой отецъ, сегодня княжну?—съ любопытствомъ спросилъ командоръ у толстенкаго, краснощекаго капеляна.

— Какъ не видать;—да только мало надежды исторгнуть ея душу изъ когтей діавольскихъ,—поднявъ глаза горѣ, проговорилъ капелянъ.—Она меня и слушать не хотѣла, когда я сталъ убѣждать ее просвѣтить душу св. крещеніемъ. Какъ хорошо вы сдѣлали, что перевели ее въ эту комнату съ узкимъ окномъ и обитыми войлокомъ стѣнами. Мнѣ кажется, въ дикомъ фанатизмѣ она способна разбить себѣ голову объ стѣну.

— Это было бы ужасно... Она намъ драгоценна, какъ залогъ мира съ этимъ дикимъ Вингаллой!. Если бы не это, я бы давно приказалъ повѣсить ее на воротахъ замка.

— Что вы говорите, графъ... Да развѣ можно говорить такъ про красавицу, подобную княжнѣ Скирмундѣ? Да дайте мнѣ только обратить ее въ христіанство, да это была бы знатная невѣста для всякаго князя, не даромъ за нее одинъ изъ Пястовичей сватался.

— Я не признаю женской красоты... Красота дана женщинамъ только на соблазнъ и погибель человѣческаго рода,—мрачно возразилъ командоръ.

— Бьюсь объ закладъ, вы ее и въ лицо-то врядъ видѣли, графъ, вы бы иначе заговорили.

— Да, это правда... Я не хотѣлъ смотрѣть на язычницу, а когда пришлось вести ее на сѣдлѣ, мнѣ казалось, что самъ демонъ ада палить меня адскимъ огнемъ сквозь желѣзо панциря и бѣлый рыцарскій плащъ.

— Одно могу посовѣтывать,—посмотрите на нее по пристальнѣй,—право, не раскаетесь...

Командоръ задумался.

— Отойди отъ меня, демонъ соблазнитель!—воскликнулъ онъ наконецъ.—Зачѣмъ хочешь ты смутить мою душу, я еще ни разу въ жизни не вѣдалъ, что такое любовь, не испытывалъ вліянія женщины... И боюсь ихъ красоты, словно демонскихъ чаръ!..

— Все во власти Господней! А все-таки посмотрѣть на красавицу, благо есть возможность,—не мѣшаетъ.

Проговоривъ еще немного, друзья разстались.

Капелянъ нарочно поддразнивалъ командора, зная, что тотъ изъ упрямства и желанія прослыть аскетомъ, нарочно не пойдетъ въ келію княжны.

Какъ увидимъ, хитрый каноникъ имѣлъ свою цѣль.

Капелянъ ушелъ въ свой уютный уголокъ, составлявшій разительный контрастъ съ мрачными и убогими кельями рыцарей монаховъ. У него была теплая широкая кровать съ пуховымъ тюфякомъ, тогда какъ рыцари, не исключая и командора, должны были спать на голыхъ доскахъ, прикрытые только плащами. Войдя къ себѣ, капелянъ досталъ изъ замаскированного въ подоконникѣ шкапчика пузатенькую бутылку съ венгерскимъ, налилъ живительной влаги изрядный стаканчикъ и началъ тянуть восхитительную влагу маленькими глотками.

— Эхъ, зачѣмъ я не командоръ!—говорилъ онъ самъ съ со-

бою.—Ужь эта птичка отъ меня бы такъ не вырвалася!.. Ну, ужъ и красавица, я такой еще и не видывалъ!..

Выпивъ еще рюмочку за здоровье красавицы, капелянъ улегся спать и скоро мирный храпъ возвѣстилъ, что душа его витаетъ гдѣ-то далеко.

Совсѣмъ не то совершалось со старымъ командоромъ; пылкія воскваленія капеляна не прошли безслѣдно, они запали въ черствую душу стараго аскета, какъ порою западаетъ въ сухой хвостъ искра, потухающаго костра, занесенная вѣтромъ.

Помолясь усердно Богу, и пославъ по адресу проклятыхъ схизматиковъ и язычниковъ полсотни самыхъ яростныхъ проклятій, командоръ улегся на свое досчатое ложе и прикрылся плащемъ; но сколько онъ не вертѣлся съ бока на бокъ, дьявольскій образъ красавицы, которую онъ чуть успѣлъ разсмотрѣть въ ночь похищенія, стоялъ передъ нимъ, звалъ его за собою и смущалъ грѣховной грезой.

— Изыде отъ меня, сатана! Да воскреснетъ Богъ и расточатся враги его!—твердилъ монахъ-рыцарь, но все напрасно; дьявольскій образъ красавицы стоялъ передъ глазами и то грозилъ ему пальцемъ, то манилъ за собой.

Всю ночь не могъ уснуть командоръ и когда прислужникъ пришелъ доложить ему что пять часовъ утра, и что пора итти къ заутрени, онъ едва всталъ и грузно пошелъ по лѣстницѣ къ колокольнѣ. Ежедневно ко всѣмъ службамъ звонилъ онъ самъ, наблюдая, всѣ-ли монахи посѣщаютъ церковныя службы.

Но этотъ разъ, едва отошла утренняя, онъ, вопреки обыкновенію, не сталъ бесѣдовать съ товарищами-монахами, но ушелъ въ свою келью и тамъ опять погрузился въ размышленіе, вѣрнѣе въ какое-то оцѣпененіе, въ которомъ ни думать, ни соображать невозможно.

— Пойти, взглянуть, развѣ это грѣхъ?—мелькало въ умѣ все чаще и чаще.—Взглянуть... взглянуть!—звучало какъ-то тверже и властнѣе, но командоръ все еще боролся и гналъ отъ себя прочь эти грѣховныя думы.

Ни къ ранней, ни къ поздней обѣднѣ онъ не вышелъ, пославъ сказать капеляну, чтобы начинали службу безъ него, такъ какъ онъ чувствуетъ себя больнымъ. Когда же при этомъ извѣстїи братъ госпитальеръ, обладавшій кое-какими познаніями въ медицинѣ, пошелъ его провѣдать, командоръ рѣзко выпроводилъ его изъ своей кельи.

Рыцари, собравшіеся въ трапезной на обѣдъ, тоже напрасно прождали начальника, онъ не вышелъ; пришлось обѣдать безъ него, что, конечно, многимъ было очень пріятно.

Разговоръ сдѣлался общимъ, говорили больше о своихъ личныхъ дѣлахъ, чѣмъ о нуждахъ ордена. Жизнь на границѣ въ вѣчномъ страхѣ непріятельскаго вторженія видимо всѣмъ наскучила и каждый, не стѣсняясь, высказывалъ желаніе поскорѣй

уйти изъ этого конвента, подальше отъ суроваго аскета-командора.

Обѣдъ близился къ концу. Вдругъ со стѣны раздался звукъ рога, сигналъ тревоги, и вслѣдъ за тѣмъ тотъ же сигналъ повторился по всѣмъ башнямъ замка.

Всѣ рыцари, оставивъ недоконченную трапезу, бросились на главную стѣну замка, обращенную къ широкой просѣлкѣ, надѣясь увидѣть возвращающихся своихъ товарищей. Какое же было ихъ изумленіе, когда въ концѣ просѣлки они увидали верховаго, очевидно посла или парламентаря, предъ которымъ ѣхалъ гонецъ на караковой лошади съ бѣлымъ знаменемъ въ рукахъ. Сзади ѣхало еще человѣкъ десять.

— Что это?.. Кажется, парламентарь?—заговорили въ одинъ голосъ рыцари, не понимая происходящей предъ ними сцены.

Подѣхавъ на разстояніе дальняго полета стрѣлы отъ замка, оба, и посланецъ и знаменосецъ остановились, и одинъ изъ нихъ трижды затрубилъ въ турій рогъ. Не было сомнѣнія, это были литовцы, у рыцарей давно уже были металлическія трубы.

— Скорѣй, скорѣй, узнать что надо!—кричалъ одинъ изъ рыцарей.

— Пусть подѣзжаютъ ближе!—говорили другіе и махали платками всадникамъ.

— Кто здѣсь начальникъ?—раздался позади голосъ командора.—Прошу не забывать, что я старшій и одинъ отвѣчаю за весь конвентъ!

Всѣ утихли. Пушкари торопливо вздували пальники, готовясь выстрѣлить по-первому приказу. Мортиры были давно заряжены. Гербовые и простые латники, которыхъ было больше сотни въ замкѣ, поспѣшно занимали заранѣе указанныя мѣста на стѣнѣ и у воротъ.

Между тѣмъ неизвѣстные люди, произведшіе такую тревогу и переполохъ въ замкѣ, стояли на томъ же мѣстѣ, и видя, что никто имъ не отвѣчаетъ, повторили сигналъ. Зловѣще прокатился по лѣсу и замку гнусливый звукъ литовской трубы.

— Я узнаю, это литвины изъ дружины треклятаго Вингаллы, я ихъ видѣлъ въ Эйрагольскомъ замкѣ!—воскликнулъ одинъ изъ рыцарей.—Не случилось-ли какого несчастія съ великимъ комтуромъ и нашими товарищами?!

— Какъ ты можешь, братъ Адальбертъ, говорить такія рѣчи и смущать братію?—съ укоривною замѣтилъ командоръ.—Выслать къ нимъ „гербоваго“, пусть узнаетъ, что имъ надо, да возьметъ письма, если есть!

Распоряженіе было тотчасъ выполнено; одинъ изъ гербовыхъ братьевъ, въ сопровожденіи двухъ кнехтовъ, одного съ трубой, другого съ бѣлымъ флагомъ, выѣхалъ изъ воротъ крѣпости, но едва доѣхавъ до литвинъ, перекинулся съ ними нѣсколькими словами и помчался обратно.

— Что имъ нужно?—крикнулъ со стѣны командоръ, едва гербовый подскочилъ къ замку.

— Говорить, что онъ посланный отъ самаго князя Эйрагольскаго, и ни съ кѣмъ, кромѣ самаго командора, объясняться не хочетъ!

— Что за вздоръ, нѣсколько ударовъ бичемъ развязали бы ему языкъ,—сказалъ съ гнѣвомъ графъ Брауншвейгъ,—жаль, что мы не послали десятковъ двухъ кнехтовъ!

— Осмѣливаюсь доложить, благородный командоръ, у посла видъ далеко не заискивающей, а подъ однимъ изъ его людей я узналъ лошадь брата Генриха Стосмана.

— Брата Генриха?!—въ ужасѣ воскликнулъ командоръ.—Этого Самсона изъ Мекленбурга... Быть не можетъ, ты, вѣроятно, обознался!

— Мои слова истина, ихъ могутъ подтвердить и кнехты,—отвѣчалъ твердо гербовый.—Клянусь, я сразу узналъ славнаго скакуна „Вруга“ подъ этимъ поганымъ литвиномъ.

Командоръ вдругъ рѣшился.

— Коня!—крикнулъ онъ рѣзко.—Братъ Адальбертъ, десять гербовыхъ, за мной!

Съ этими словами онъ быстро спустился со стѣны во внутренний дворикъ замка и чрезъ нѣсколько минутъ выѣзжалъ навстрѣчу парламентарамъ въ полномъ рыцарскомъ вооруженіи, въ бѣломъ плащѣ и въ сопровожденіи одиннадцати чело-вѣкъ свиты.

— Какъ разъ дюжина,—съ улыбкой замѣтилъ братъ Гуго, обращаясь тихо къ своему обычному собесѣднику брату Иосифу,—хорошо, что не тринадцать!

— А развѣ ты нашего-то командора за одного считаешь?—также тихо отвѣчалъ тотъ.—Въ немъ вѣчно два чело-вѣка, одинъ—монахъ, другой—развратникъ, съ нимъ мы можемъ дож-даться предательства хуже Иудина!

— Ну, ужъ это, пожалуй, слишкомъ,—улыбнулся себѣ въ бороду братъ Гуго.—Это уже слишкомъ!

— Вѣрь не вѣрь, но я кое-что про него разузналъ...

— Что же такое?—съ любопытствомъ спросилъ Гуго...

— Не мѣсто теперь и не время, приходи послѣ вечерень въ мою келію, тамъ покалякаемъ!..

Между тѣмъ командоръ и его свита подскакали на близкое разстояніе къ литовскимъ посланцамъ; но они, какъ бы не замѣчая приближенія командора, не трогались съ мѣста и не слѣ-зали съ коней.

— Долой съ лошадей!—крикнулъ имъ, подѣвжая, коман-доръ.

— Кто ты такой, чтобы я, посоль свѣтлѣйшаго князя Вингаллы Кейстутовича, короля всей Жмуди, долженъ былъ бы слѣзть съ коня!..—крикнулъ ему въ отвѣтъ литвинъ.

— Я графъ Брауншвейгъ, командоръ штейнгаузенскаго кон-вента, рыцарь и крейцъ-херъ!

— Только-то! А я думалъ—ни вѣсть кто,—вызывающимъ то-

номъ отвѣчалъ литвинъ, въ которомъ не трудно было признать стараго Врубу, брата Стрѣкося.—Ну, такъ вотъ же тебѣ грамотка отъ твоего набольшаго великаго комтура.

— Гдѣ же онъ?—схватывая письмо, воскликнулъ командоръ. Онъ уже предчувствовалъ несчастіе.

— А гдѣ же ему быть? Извѣстно, у насъ въ плѣну!

— Какъ, въ плѣну? Быть не можетъ!.. Ты лжешь!..

— Что мнѣ лгать,—отвѣтилъ Вруба съ улыбкой.—На этотъ разъ цѣлый пяточекъ попался, окромя тѣхъ, что вчера мы на тризнѣ моего брата испекли, во славу Перкунаса!

— Какъ ты смѣешь говорить такъ, отродье сатаны!—воскликнулъ братъ Адальбертъ.

Командоръ такъ былъ занятъ чтеніемъ письма, что и не слышалъ отвѣта дикаго литвина.

— Какъ ты смѣешь хвастаться такимъ изувѣрствомъ? Тебя самого слѣдуетъ сжечь на медленномъ огнѣ.

— Ну, меня еще руки коротки, а вотъ, если вы не поспѣшите съ выкупомъ, такъ вашего набольшого мы, точно, немножко поджаримъ!—отвѣчалъ дерзко литвинъ.

Командоръ кончилъ чтеніе. Когда онъ поднялъ голову, его узнать было нельзя. Взглядъ потухъ, очевидно, онъ былъ чѣмъ-то пораженъ до глубины души.

— Хорошо,—сказалъ онъ, обращаясь къ Врубѣ,—завтра утромъ я дамъ рѣшительный отвѣтъ, а пока прошу пословъ въ замокъ.

— Много благодарны, мы и здѣсь переночуемъ;—отвѣчалъ съ поклономъ Вруба,—ночлегъ въ лѣсу безопаснѣе ночлега въ рыцарскомъ замкѣ.

Командоръ вспыхнулъ, но сдержался.

— Не насилую вашей свободы... Завтра утромъ, какъ взойдетъ солнце, вы получите отвѣтъ.

Съ этими словами онъ далъ шпоры коню и помчался къ замку. Литвины скрылись въ чащѣ лѣса.

Едва вернувшись въ замокъ, командоръ тотчасъ созвалъ на военный совѣтъ всю братію.

— Благородные рыцари,—началъ онъ; положивъ на столъ письмо великаго комтура,—судьбы Божіи неисповѣдимы. Весь нашъ отрядъ, пошедшій на выручку нашихъ братій, разбитъ, пятеро благородныхъ рыцарей пало, самъ великій комтуръ и еще четверо братьевъ-рыцарей въ тяжкой неволѣ!..

Общій крикъ негодованія раздался среди братіи.

— Спасти, отбить! Созвать всѣ сосѣдніе конвенты!—слышались голоса кругомъ.

— На это нужно время, а князь Вингалла даетъ намъ только три дня. Если къ средѣ вечеромъ требованіе его не будетъ исполнено—нашихъ братій сожгутъ, какъ подло сожгли уже двухъ братьевъ-рыцарей!

— Что же дѣлать?! Какъ помочь горю?—заговорили рыцари вокругъ.

— Князь Вингалла, да будет проклято его имя, предлагает намъ сдѣлать обмѣнъ... Онъ требуетъ обратно свою дочь и вза-мѣнъ возвращаетъ весь полонъ!! Что вы на это скажете, благородные рыцари?

— Отдать, вернуть, разумѣется, вернуть!—говорила братія, въ которыхъ это предложеніе воскресило надежды.

— Но вспомните, княжна Скирмунда еще язычница, она посвятила себя служенію презрѣннымъ идоламъ, можемъ ли мы ее вернуть, не обративъ въ христіанство?

— Вернуть, вернуть, конечно, вернуть!—шумѣли голоса.— Жизнь благородныхъ рыцарей важнѣе одной языческой дѣвченки!

— Хорошо, благородные рыцари. Завтра утромъ это будетъ исполнено, но мы постараемся съ отцомъ капеляномъ употребить остатокъ дня, чтобы обратить ее ко Христу!.

При послѣднихъ словахъ командора, капелянъ поблѣднѣлъ какъ смерть... Очевидно, онъ не ожидалъ такого исхода и не приготовился къ нему.

Тѣмъ временемъ командоръ распустилъ рыцарскій совѣтъ и подошелъ къ капеляну.

— Ну, отецъ святой, пойдемъ къ нашей плѣнницѣ, время терять нечего!

— Благородный графъ,—заговорилъ вдругъ капелянъ, приходя въ себя,—не ходите!.

Графъ вопросительно смѣрилъ его взглядомъ.

— Не ходите, благородный графъ, вы еще не знаете княжны Скирмунды; это аспидъ, василискъ, это сосудъ дьявольскій, созданный на погибель!

— Тѣмъ выше будетъ подвигъ обратить ее ко Христу,—рѣзко проговорилъ командоръ.—Иди за мной.

— Дозвольте мнѣ пойти впередъ, приготовить ее къ вашему приходу,—взмолился служитель алтаря.

— Ни съ мѣста! Мы идемъ вмѣстѣ!

Подозрѣніе запало въ душу командора.

Нѣсколько минутъ спустя, по каменной лѣстницѣ, ведущей наверхъ башни, поднимались двое. Первымъ шелъ командоръ съ большимъ желѣзнымъ ключемъ въ рукахъ. Капелянъ, блѣдный и дрожащій, шелъ вслѣдъ, бормоча себѣ подъ носъ молитву.

Наконецъ они остановились у маленькой дубовой, желѣзомъ окованной, двери.

— Высокорожденный господинъ командоръ! Во имя всего святаго не входите! Не оскверняйте себя взглядомъ на эту дочь сатаны!—взмолился капелянъ.

Но командоръ уже не слушалъ его, онъ только пожалъ плечами и повернулъ ключъ въ замкъ.

Дверь въ комнату отворилась и командору представилась неожиданная картина.

Прикованная за руки и за ноги къ стѣнѣ, на досчатомъ

табуретъ сидѣла блѣдная, измученная голодомъ и жаждой княжна Скирмунда. По ея осунувшимся исхудалымъ щекамъ видно было, что она давно уже томится въ оковахъ. Волосы были не причесаны и нестройными прядями висѣли по обѣ стороны, прикрывая собой полуобнаженные плечи. Одна рубашка, и та мѣстами изодранная, прикрывала ея стройное тѣло. Обручи оковъ врѣзались въ ея бѣлыя руки.

При видѣ вошедшихъ, она вздрогнула и откинулась въ уголь коморки, насколько позволяли ея цѣпи.

— Отецъ капелянъ, что это значить?—гнѣвно взглянувъ на капеляна, воскликнулъ командоръ.—Вамъ былъ поручень ухоть за плѣнницей... Что же вы сдѣлали?!

— Ради спасенія ея души, я долженъ былъ поступить такъ! О, это драконъ, вампиръ въ образѣ женщины!

— Кто бы вы ни были, люди или звѣри,—заговорила вдругъ княжна,—избавьте меня отъ этой пытки—убейте разомъ!

— Крестись во имя святой Троицы—и оковы спадутъ съ тебя, дочь моя,—проговорилъ капелянъ.

— Ни угрозами, ни смертью не заставите вы меня отречься отъ вѣры отцовъ моихъ,—рѣзко отвѣчала Скирмунда.—Я ваши насилія презираю, не боюсь смерти; мой отецъ и весь народъ литовскій, отомстятъ за меня!

— Ну, не говорилъ-ли я, что она вампиръ, змѣя—випера!—оправдывался отецъ Бонифацій.

— Негодяй!—шепнулъ командоръ.—Мигомъ снять цѣпи и перевести ее въ покой, достойный княжны высокаго рода!

Капелянъ замялся.

— Ключъ!—крикнулъ рѣзко командоръ и капелянъ не смѣлъ больше возражать; онъ досталъ съ пояса вязку ключей и, отцѣпивъ одинъ отъ ремешковъ, подалъ командору маленькій ключикъ.

Командоръ подошелъ къ несчастной и собственноручно отперъ замки цѣпей.

— Успокойся, дитя мое,—сказалъ онъ, смягчая, насколько могъ, свой грубый голосъ,—подобнаго насилія больше съ тобой не повторится, преступникъ будетъ наказанъ!

— Не знаю кто ты, но вижу, ты имѣешь власть; заклинаю тебя, отпусти меня къ отцу. Клянусь, онъ дастъ за меня большой выкупъ!—заговорила Скирмунда, стыдливо запахивая на груди убогое рубище.

— Гдѣ вещи княжны, гдѣ ковры, которые я далъ, чтобы убрать ея комнату?—рѣзко спросилъ командоръ.

— Псковой княжны давно готовъ,—отвѣчалъ съ низкими поклонами отецъ Бонифацій, пріотворяя дверь въ сосѣднюю комнату, отдѣленную перегородкой.—Но я думалъ... для спасенія души...—Онъ не окончилъ, повелительный жестъ командора заставилъ его замолчать.

Командоръ взялъ за руку княжну и перевелъ ее въ сосѣднюю

комнату. Она была убрана очень уютно и могла, въ сравненіи съ первой коморкой, показаться дворцомъ.

Скирмунда, едва увидѣвъ свои одежды, бросилась къ нимъ и плотно завернулась въ длинный бѣлый плащъ, который былъ на ней во время боя.

Не смотря на только что понесенныя лишеныя и физическія страданія, многодневный голодь и жажду, она все-таки поражала величіемъ своей красоты. Завернутая въ свой бѣлый плащъ, она казалась дивнымъ мраморнымъ изваяніемъ. Командоръ вздрогнулъ. Слова: „василискъ“, „волшебница“, мелкнули у него въ головѣ.

— Княжна Скирмунда,—заговорилъ первымъ командоръ,—я готовъ согласиться на твою просьбу и вернуть тебя отцу, но только съ однимъ условіемъ, ты должна немедленно же окреститься!

— Никогда!—рѣзко отвѣчала княжна.

— Подумай, княжна, и твой дядя Витовтъ, и Скиригайлло, и Коригайлло, и всѣ твои родственники давно уже просвѣтились свѣтомъ христіанства, почему же ты упорствуешь? Скажи только слово, обрядъ не дологъ, и я верну тебѣ свободу.

— Вернешь свободу!.. Значить ты здѣсь начальникъ?

— Я графъ Брауншвейгъ. Я командоръ этого конвента.

— А это кто?—она указала презрительнымъ жестомъ на капеляна.

— Это... капелянъ здѣшной каплицы...

— Капелянъ каплицы... Значить служитель вашего бога въ, котораго вы хотите меня заставить вѣрить... Онъ служитель вашего бога? Онъ безпощадный злодѣй, то валявшійся у моихъ ногъ съ мольбою, чтобы я его полюбила, то заковывающийъ меня въ цѣпи, когда я ему отвѣчала, какъ можетъ отвѣтить княжеская дочь презрѣнной гадинѣ!.. И вашъ богъ не разразитъ его громовыми стрѣлами, и онъ, этотъ человѣкъ, представитель вашей вѣры. О, я позволю себя растерзать на тысячу кусковъ, чѣмъ допущу эту гадину прикоснуться ко мнѣ... Ступайте вы прочь!.. Я васъ ненавижу, презираю!

Скирмунда была ослѣпительно хороша въ эту минуту; глаза ея сверкали, голосъ звучалъ всѣми оттѣнками страсти.

Командоръ не понималъ, что съ нимъ дѣлается. Съ перваго взгляда на чудную красавицу, онъ почувствовалъ, что помимо его воли, она завладѣла всѣмъ его существомъ... Порывы былыхъ бурныхъ страстей, страстей безъ удержа и безъ границъ, мгновенно вспыхнули въ его груди!

— Вонъ отсюда, сію минуту!—крикнулъ онъ капеляну.—Ты позоришь зной санъ, ты позоришь нашу святую религію!

— Могущественнѣйшій, высокородный командоръ, не вѣрьте словамъ язычницы, это василискъ, это змѣя соблазнительница.

— Вонъ!—наступая на него, повторилъ командоръ, и отецъ Бонифадій тихо исчезъ за дверью.

— Не бойся ничего, дитя мое,—заговорилъ онъ, возвращаясь къ княжнѣ,—онъ больше не переступитъ порога твоей комнаты.

— Я и такъ ничего не боюсь!—гордо отвѣчала княжна.—Я только одного прошу: смерти или свободы, но впередъ говорю, не измѣню вѣрѣ своихъ отцовъ... Я вайделотка и останусь ею!

Напрасно старался командоръ убѣдить княжну измѣнить своему рѣшенію, она стояла на одномъ—смерть или свобода, но свобода безъ условій, за одинъ только выкупъ или обмѣнъ.

— Я пошлю пословъ къ твоему отцу,—заговорилъ наконецъ командоръ,—пусть онъ пришлетъ уполномоченныхъ, мы сойдемся въ условіяхъ.

— Зачѣмъ ты говоришь неправду, высокорожденный графъ. Часъ назадъ я слышала звукъ трубы, а не видала того, кто трубилъ, но я узнала звукъ литовскаго рога, послы отца моего подъ стѣнами замка!

Что могъ возражать на это рыцарь?!

— Твой слухъ не обманулъ тебя, княжна, но отецъ твой предлагаетъ условія, на которыя я не могу согласиться.

— Дай мнѣ возможность написать ему, дать ему вѣсть о себѣ, онъ согласится на все!..

Командоръ задумался. Нѣсколько минутъ тому назадъ, онъ готовъ былъ бы освободить княжну на условіи принятія христіанства, даже, пожалуй, безъ условій, но, по мѣрѣ того, какъ онъ вглядывался въ ея чудныя черты, въ дивныя очертанія ея формъ, злой демонъ искушитель смущалъ грѣховной мечтой все больше и больше его грѣшную душу. Отдать ее теперь, лишиться ея въ эту минуту, да онъ не взялъ бы за нее и полвселенной, а ужъ не какихъ-то плѣнныхъ рыцарей!.. Онъ пожиралъ ее глазами, пальцы рукъ его судорожно сжимались, онъ какъ хищный звѣрь готовъ былъ броситься и смять красавицу въ своихъ желѣзныхъ объятіяхъ. Старый развратникъ проснулся подъ бѣлой мантией рыцаря-монаха.

Казалось, и Скирмунда замѣтила перемѣну, происшедшую въ лицѣ рыцаря, она инстинктивно подалась шага два назадъ, и гордая, величавая, еще разъ смѣрила взглядомъ командора.

— Намъ съ тобой, графъ, говорить больше нечего, повли сказать отцу, что ты не согласенъ, и если возгорится война, кровь убитыхъ ляжетъ на твою голову.

— Освободить тебя я не въ правѣ!.. У меня есть старшіе, пусть они разсудятъ дѣло; сегодня я напишу великому магистру, какъ онъ рѣшитъ,—неувѣренно проговорилъ онъ. Ему во что бы то ни было хотѣлось, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, задержать княжну въ замкѣ.

— Рабъ!—воскликнула съ гнѣвомъ Скирмунда,—зачѣмъ же ты говорилъ со мной, какъ власть имѣющій? Пошли сюда своего великаго магистра, я хочу говорить съ нимъ, ты же не услышишь отъ меня ни одного слова!

Графъ задрожалъ. Онъ былъ оскорбленъ самымъ чувствитель-

нымъ образомъ; честолюбецъ въ душѣ, онъ не признавалъ въ конвентѣ власти, кромѣ собственной. А его называютъ рабомъ!

Онъ хотѣлъ отвѣчать, отвѣчать дерзко и надменно, но сдержался.

— Я ухожу, надѣюсь, ночь успокоитъ тебя, княжна, и завтра ты будешь общительнѣе.—Онъ направился къ двери. Княжна не тронулась съ мѣста, очевидно, она рѣшилась сдержать слово.

Командоръ вышелъ и замокъ глухо щелкнулъ въ наружной двери. Княжна нѣсколько секундъ стояла недвижима, словно боясь, что изъ-за двери снова покажется омерзительная фигура палача-капеляна, или звѣрское лицо—рыцаря командора, потомъ вдругъ залилась слезами и, бросившись на колѣни, подняла руки по направленію къ узкому окошку, сквозь узорныя стекла котораго ярко вливались въ комнату лучи заходящаго солнца.

— О, богоподобная, среброкудрая Праурима!—воскликнула она,—спаси мена отъ этихъ злыхъ людей, спаси меня отъ ихъ козней, спаси меня отъ моего собственнаго отчаянья! Я поклялась быть твоей вѣрной слугой, спаси меня, вырви меня изъ этой клѣтки... Я погибну здѣсь... я задыхаюсь... я умираю отъ голода и жажды.

Долго еще со слезами молилась княжна; вдругъ въ сосѣдней комнатѣ стукнулъ замокъ и дверь скрипнула, она вздрогнула и вскочила съ колѣнъ, сжидая, что въ ту же минуту взойдетъ одинъ изъ гонителей, но никого не было. Движимая любопытствомъ, княжна пріотворила дверь въ сосѣдную комнату и изумилась; у порога стояла миска съ мясомъ и хлѣбомъ, а рядомъ дорогая чаша съ водою и бутылка съ виномъ.

Она вскрикнула отъ радости и бросилась къ пищѣ; уже три дня злодѣй капелянъ морилъ ее голодомъ.

XXIII.

Совѣтъ.

Раннимъ утромъ слѣдующаго дня все рыцари опять были созваны на совѣтъ командоромъ. Одинъ только капелянъ не присутствовалъ. Еще съ вечера онъ былъ арестованъ самимъ командоромъ лично и теперь сидѣлъ въ своей кельѣ подъ замкомъ.

— При всемъ желаніи, я не могу исполнить требованія князя Вингаллы раньше нѣсколькихъ дней,—сказалъ командоръ собравшейся братіи.—Отецъ капелянъ чрезмѣрно поусердствовалъ въ дѣлѣ обращенія княжны, на рукахъ ея слѣды оковъ, и она истощена голодомъ и жаждой,—какъ можемъ мы отдать ее въ такомъ видѣ отцу ея... Вѣдь это будетъ вызовомъ!..

— Лучше отдать такъ, чѣмъ отказать въ выдачѣ,—замѣтилъ братъ госпитальеръ.

— Тутъ все дѣло во времени,—отвѣтилъ командоръ,—слѣды оковъ сгладятся черезъ недѣлю, чрезъ недѣлю она оправится, а между тѣмъ, мы можемъ спросить совѣта у великаго магистра или у гроемейстера!.. Чтобы не быть въ отвѣтъ.

— Но что же отвѣтить отцу ея?—спросилъ госпитальеръ.

— Я уже подумалъ объ этомъ... Мы можемъ сказать, что она больна, въ забытѣ, что вести ее теперь невозможно!.. Только бы время отсрочить!—замѣтилъ графъ Брауншвейгъ.

— Но, если послы потребуютъ ее видѣть?—вставилъ свое замѣчаніе братъ Геро.

— Ихъ можно недопустить,—возразилъ госпитальеръ.—Или даже, въ случаѣ крайности, развѣ медицина не даетъ намъ такихъ средствъ, помощью которыхъ челоуѣкъ, безъ вреда для здоровья, можетъ казаться мертвымъ!

— Вотъ это аргументъ... противъ этого спорить не могу,—отозвался братъ Геро.—Всю жизнь боялся я вашей латинской кухни, она людей и оживляетъ, и людей морить!..

— Братъ Геро,—строго произнесъ командоръ,—мы собрались не шутки шутить, а рѣшать важный вопросъ. Я съ своей стороны вполнѣ раздѣляю мнѣніе брата госпитальера, если послы будутъ настаивать, можно будетъ прибѣгнуть къ снотворному зелью! Цѣль оправдываетъ средства.

Вся братія наклоненіемъ головы одобрила предложеніе своего начальника и отправилась по ранѣе опредѣленнымъ мѣстамъ замковой стѣны, въ ожиданіи появленія литовскихъ посланцевъ.

Они не замедлили явиться и снова гнусливый звукъ литовскаго рога заявилъ, что они ждутъ отвѣта.

По вчерашнему командоръ съ тѣлохранителями выѣхалъ къ нимъ на встрѣчу.

— Каковъ будетъ твой отвѣтъ, старшій изъ крыжаконъ? Принесла ли ночь тебѣ хорошія думы?—съ усмѣшкой спросилъ Вруба.

— Со своей стороны я готовъ исполнить требованіе вашего князя, но видно самъ Богъ кладетъ преграду—княжна Скирмунда внезапно заболѣла и лежитъ въ забытѣ... Раньше недѣли врядъ ли ей можно будетъ оставить замокъ.

Командоръ старался говорить искренно.

— Новая уловка!—воскликнулъ Вруба.—Отчего ты не сказалъ мнѣ этого вчера?

— Вчера она была совсѣмъ здорова, а сегодня въ ночь задужила!..

— Ужъ не такъ ли, какъ въ Маріенбургѣ сыновья нашего пресвѣтлаго короля Витовта Кейстуговича?... Знаемъ мы васъ, крыжаконъ! Челоуѣка уморить у васъ нипочемъ, словно лисицу на привадѣ.

— Посоль, какъ ты смѣешь оскорблять меня?!—воскликнулъ командоръ.

— Не лги, нѣмецъ, княжна здорова, ты только хочешь оттянуть время, чтобы собрать рать!..

— Чѣмъ я могу убѣдить тебя?—возразилъ командоръ.

— Покажи мнѣ больную княжну...

— Не могу я пустить въ замокъ какъ соглядатая, чтобы ты могъ видѣть все устройство нашихъ укрѣпленій. Когда стемнѣетъ, пошли выборнаго, или ступай самъ, я проведу тебя съ завязанными глазами до покоя княжны, ты своими глазами убѣдишься, что она больна и ѣхатв не можетъ, дай знать князю—какъ онъ прикажетъ...

— Я не смѣю вернуться къ князю безъ рѣшительнаго отвѣта.

— Въ такомъ случаѣ, вези ему мой отвѣтъ: согласенъ я на обмѣнъ, но княжна больна, вы не довезете ее и двухъ миль... Ступай въ Эйраголу, вернись съ княземъ и съ плѣнными...

— Чтобы вы, собравши вашихъ крыжаконъ, отбили ихъ силой,—усмѣхнулся Вруба,—нѣтъ, братъ, милости просимъ къ намъ. въ Эйраголу... У насъ стѣны-то высокія, а рвы-то глубокіе, помнишь, твои же слуги вымѣряли... Тамъ и обмѣняемъ плѣнныхъ. Только сумлѣнье меня беретъ, что княжна недужна, не хочешь ли ты время проволочить, да меня кругомъ пальца провести!... Не на того попалъ... Изволь, будемъ ждать недѣлю, только ты мнѣ княжну покажи... Никому не довѣрю, самъ поѣду!—рѣшительно заявилъ Вруба.—Ѣдемъ!

Командоръ смутился. Онъ не думалъ, что Вруба такъ легко согласится ѣхать въ замокъ, гдѣ его могъ ожидать тягостный плѣнъ. Онъ вспомнилъ, что мнимая болѣзнь Скирмунды только предположеніе, и искалъ возможности выпутаться изъ этого положенія.

— Изволь,—проговорилъ онъ послѣ раздумья.—Я поѣду, спрошу у рыцарскаго совѣта, можно ли тебя допустить въ замокъ, и тогда дамъ тебѣ знать... Но помни, не иначе какъ одного, безъ оружія и съ завязанными глазами.

— Ладно,—согласился Вруба,—но только помни, что если къ полудню ты меня не допустишь къ княжнѣ, я возвращаюсь въ Эйраголу, и тогда пусть разсудитъ межъ нами самъ великій Перкунасъ!..

— Я согласенъ!—произнесъ, въ свою очередь, командоръ,—раньше полудня я дамъ тебѣ отвѣтъ... Жди меня на этомъ мѣстѣ.

Онъ торжествовалъ,—у него было три часа впереди.

Послѣ вчерашняго разговора, Скирмунда, подкрѣпленная пищею и утолившая мучившую ее жажду, сладко и крѣпко уснула на мягкомъ и чистомъ ложѣ, и въ первый разъ послѣ цѣлаго мѣсяца плѣна, лучъ надежды сверкнулъ въ ея воображеніи.

Она слышала звукъ трубъ, они здѣсь, они близко ея родные литовцы, они пришли за нею, они пришли вырвать ее изъ позорнаго плѣна.

Утромъ, чуть свѣтъ, тотъ же звукъ литовской трубы разбудилъ ее, она бросилась къ окошку, но, увы, и окно было прѣзано въ противоположную сторону, да и круглыя литыя стекла, вставленныя въ свинцовую раму, пропуская свѣтъ, мѣшали разсматрѣть что-либо. Но она приободрилась, жажда жизни смѣнила мрачную тоску отчаянія; она знала, что близкіе ей люди тутъ же за стѣной, что мигъ свободы близокъ!

Прошло болѣе часу томительнаго ожиданія, никто не шелъ къ ней, и звуки рога смолкли.

Вдругъ въ сосѣдней комнаткѣ послышался шумъ и смолкъ. Княжна пошла взглянуть, что онъ означаетъ, и опять по вчерашнему нашла пищу и питье въ серебряномъ дорогомъ кубкѣ.

На этотъ разъ это была не вода и не вино, а душистый, сладкій медъ, любимый напитокъ литовцевъ. Тюремщики, очевидно, начинали человѣчнѣе обращаться со своей жертвой.

Княжна съ досадою увидала эти новые признаки продолжающейся неволи, но молодость и жажда жизни взяли свое, она подняла чару съ медомъ и почти до половины осушила ее. За дверью послышался легкій шорохъ, но она его не замѣтила, снова вернулась въ свой покой и подошла къ окошку. Ей почему-то до боли захотѣлось подышать чистымъ воздухомъ и она дернула за раму, но окно было глухое и руки княжны безсильно опустились. Вдругъ ей показалось, что вся комната кружится вмѣстѣ съ нею. Что вся утварь начинаетъ прыгать, словно башня содрогнулась отъ землетрясенія. Она инстинктивно схватилась за спинку кровати и едва удержалась на ногахъ. Въ головѣ у ней кружилось, въ глазахъ ходили кровавые круги, она хотѣла крикнуть; но только тихій стонъ вырвался у нея изъ груди, и она какъ мертвая упала около своего ложа.

Братъ госпитальеръ не обманулъ; въ своей лабораторіи онъ умѣлъ готовить удивительныя наркотическія микстуры.

Черезъ минуту въ комнату молодой княжны осторожно вошелъ братъ госпитальеръ и самъ командоръ. Въ щелку двери они видѣли, какъ княжна выпила медъ, приготовленный съ соннымъ зельемъ, и ждали только, когда лекарство подѣйствуетъ.

— Сколько будетъ длиться сонъ?—спросилъ командоръ.

— Это зависитъ отъ того, сколько она выпила меду,—отвѣтилъ госпитальеръ.—Ого, почти все, ну такъ безъ малаго сутки, если не цѣля!

— Но это не будетъ имѣть вредныхъ послѣдствій?

— Ни чуть, это снадобье мой секретъ, у соннаго можно отрѣзать руку или ногу, онъ и не проснется... Это средство я вывезъ изъ Аравіи...—съ гордостью отвѣчалъ химикъ.

— Значить теперь можно звать и литвина?

— Разумѣется, хоть отца родного... не бойся, она не очнется, да только надо приказать убрать отсюда эти цѣпи, эту солому и эти доски. Не надо, чтобы онъ видѣлъ орудія отца капеляна.

Черезъ минуту орудія пытки были убраны, а черезъ нѣсколько

времени Вруба, съ завязанными глазами, вѣвжалъ въ ворота замка.

Поднявшись вслѣдъ за командоромъ по лѣстницѣ въ комнату, гдѣ томилась княжна, онъ сначала обнажилъ голову, а потомъ переступилъ порогъ.

Скирмунда лежала на своей постели, слегка разметавшись. Ея чудные пепельнаго цвѣта волосы рассыпались по ея плечамъ, блѣдныя губы были полуоткрыты. Мертвенная блѣдность покрывала щеки и, если бы не тихое движеніе груди отъ дыханія, можно было бы подумать, что она умерла.

Вруба нѣсколько секундъ стоялъ въ нерѣшительности и вглядывался въ черты княжны, словно желая убѣдиться, нѣтъ-ли здѣсь обмана или подлога; потомъ сталъ на колѣни предъ кроватью, вынувъ изъ кармана чистый кусокъ полотна, покрылъ имъ руку княжны и поцѣловалъ его. По закону, онъ не смѣлъ губами коснуться руки вайделотки.

— Видѣлъ?.. Вѣришь?—спросилъ его командоръ.

— Видѣлъ... Но не вѣрю, что это огневица...—отвѣчалъ Вруба,—отъ княжны не пышетъ полымемъ... А льдомъ вѣетъ. Онъ всталъ съ колѣнъ.

— Такъ всегда бываетъ, когда лихomanка проходитъ,—замѣтилъ госпитальеръ,—туть-то и опасно пускаться въ путь.

— Ну инъ быть по твоему—тебѣ и книги въ руки, поѣду доложу князю; пусть онъ разсудитъ.

Отдавъ спящей княжнѣ низкій поклонъ, онъ задомъ вышелъ изъ комнаты.

Командоръ торжествовалъ... Онъ ловко провелъ легковѣрнаго и не искушеннаго въ іезуитскихъ козняхъ литвина; у него было достаточно времени дать знать и великому магистру, и даже самому гроемейстеру ордена!

Но что лично для него было еще важнѣе, красавица княжна оставалась въ его распоряженіи, ничто не могло ее разбудить раньше сутокъ!.. Она была въ его власти, безпомощная, недвижимая, скованная непробуднымъ, мертвымъ сномъ...

Инстинкты дикаго звѣря начали брать верхъ надъ сдержанностью рыцаря монаха... ему неудержимо захотѣлось еще разъ взглянуть на спящую красавицу. Ея дивная, дѣвственная, идеальная красота сводила его съ ума. Какъ тать, крадучись, заперъ онъ двери въ свою келью, изъ которой шелъ единственный ходъ на лѣстницу, ведущую въ башню, и какъ дикая кошка, какъ шакалъ, крадущійся къ добычѣ, не слышно, чуть дыша, боясь стукнуть ногою, сталъ подниматься по лѣстницѣ. Дойдя до роковой двери, онъ приложилъ ухо къ замочной скважинѣ и сталъ слушать.

Тихое, ровное дыханіе сонной княжны доносилось оттуда. Дрожа всѣмъ тѣломъ, повернулъ онъ ключъ въ замкъ и открылъ дверь... Секунду удержался онъ на порогѣ, словно въ борьбѣ со своей совѣстью, но подлые, дикіе инстинкты взяли

верхъ, и безстыдный нѣмецъ, какъ удавъ, бросающійся на беззащитную жертву, бросился въ комнату спящей...

Мрачно, торжественно звучалъ колоколь въ каплицѣ, призывая братьевъ рыцарей къ вечернѣ, когда быстро, спотыкаясь дрожащими ногами, чуть не падая на каждомъ шагу, спустился къ себѣ по лѣстницѣ командоръ графъ Брауншвейгъ.. Онъ схватилъ маленькое металлическое зеркало, чтобы поправить волосы и идти въ церковь, но, едва взглянувъ на свое искаженное лицо, онъ бросилъ зеркало и закрылъ лицо руками... Онъ не узналъ своего лица, передъ нимъ стоялъ Иуда Искаріотскій... Хуже,— Каинъ въ минуту преступленія!! Онъ не рѣшился идти въ церковь!

Княжна очнулась только на слѣдующій день, но, какъ и легко можно было предположить, искусственная болѣзнь смѣнилась дѣйствительной горячкой. Жаръ, бредъ, наступили почти тотчасъ, и поневолѣ князю Эйрагольскому пришлось ждать съ разлѣвомъ плѣнныхъ!..

XXIV.

Тевтонскій орденъ.

Вѣсть о двойной неудачѣ рыцарскихъ нападеній и главное о плѣнѣ великаго комтура, ошеломила высшихъ чиновниковъ ордена, засѣдавшихъ въ Мариенбургѣ. Самъ великій магистръ поскакалъ на границу, двинувъ вслѣдъ за собою огромныя силы и до 30 рыцарей. Но война могла принять весьма невыгодный оборотъ для нѣмцевъ, такъ какъ стояла зима и глубокіе снѣга уже съ октября мѣсяца завалили всѣ дороги. Великій князь Витовтъ, къ которому рыцари обратились съ жалобой, отвѣчалъ больше чѣмъ двусмысленно, король польскій не отвѣчалъ ничего, а вѣсти шли, что онъ собираетъ войско, надо было дѣйствовать наудачу и на собственный рискъ. Великій магистръ рѣшился, прервалъ всякіе переговоры съ Эйрагольскимъ княземъ, и двинулъ многотысячный отрядъ, минуя Эйраголы, взять которые безъ правильной осады было немисливо, прямо въ центръ языческихъ владѣній на знаменитое „Дубисское Ромново“.

Нагискъ былъ неожиданъ, и главное быстръ; послѣ трехчасовой битвы литвины были смяты, Ромново разрушено, окрестныя поселки сожжены, тысячи литвинъ, а особенно женщинъ и дѣтей, захвачены въ плѣнъ и потомъ безжалостно перебиты.. Многіе окрещены насильно и потомъ все-таки перевѣшаны!.. Словомъ нѣмцы дѣйствовали, согласно своимъ постояннымъ историческимъ традиціямъ, и цѣлая область, почти на сто верстъ въ квадратъ, была предана огню и мечу. Священныя рощи вырублены, исту-

каны разбиты, и два криве, попавшіе въ плѣнъ, посажены на колъ, какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то пылалъ священ- ный Зничъ.

Такія неистовства не могли не принести своихъ плодовъ, но плоды были не тѣ, что ждали нѣмцы. Они ждали покорности и мира, а по всей литовской землѣ загремѣлъ одинъ долго сдерживаемый крикъ мести. Имя нѣмца стало синонимомъ звѣря, гадины, знаменемъ позора и безчестія. Вся Жмудь возстала, какъ одинъ человѣкъ; того только и надо было величайшему политику своего вѣка, мудрому Витовту; онъ зналъ, что съ народомъ, доведеннымъ до такого возбужденія, можно сдѣлать чудеса—и онъ сдѣлалъ ихъ..

Разсмотримъ теперь, что такое были крестоносцы, эти искон- ные ненавистники всего славянства, эти гордые мучители покорен- ныхъ, эти патентованные разбойники, успѣвшіе въ теченіи двухъ столѣтій захватить чуть ли не все побережье Балтійскаго моря, отъ Гданска до Риги, и чуть ли не до Невы.

Основанный въ С'Жанъ д'Акрѣ, въ 1190 году, для помощи пилигриммамъ, отправляющимся въ святую землю, орденъ тевтон- скихъ рыцарей скоро былъ изгнанъ изъ Азіи сарацинами въ концѣ несчастныхъ крестовыхъ походовъ.

Орденъ перебрался въ Европу и одно время, по распоряженію папы, считавшагося главнымъ начальникомъ крестоносныхъ ры- царей, основался въ Венеціи. Благодаря громаднымъ капиталамъ, награбленнымъ во-время своего пребыванія въ святой землѣ, а также громаднымъ пожертвованіямъ умершихъ братьевъ ордена, обыкновенно завѣщавшихъ свое состояніе казнѣ ордена, онъ получилъ большое значеніе среди европейскихъ государствъ и пріобрѣлъ большія владѣнія въ Италіи, Германіи, Венгріи и Трансильваніи. Императоръ Фридрихъ II германскій возвелъ великаго магистра, или иначе гросмейстера, въ санъ владѣтельнаго князя; такимъ образомъ, рыцари, не имѣя еще собственныхъ владѣній, составляли уже государство!

Въ 1230 году, одинъ изъ Пястовичей, владѣтельный князь Конрадъ (восточной Пруссіи), воспылавъ религіознымъ жаромъ и не будучи въ состояніи обратить своихъ языческихъ поддан- ныхъ въ латинство, призвалъ на помощь тевтонскій орденъ. Тогдаш- ній великій магистръ Германъ фонъ-Зальца съ радостью принялъ предложеніе и поклялся отомстить сѣвернымъ сарацинамъ *) все то зло, которое нанесли ордену южные. Кромѣ того, рыцарей манила Балтика и текуція медомъ и млекою долины Пруссіи.

Въ первое время столицей ордена былъ Кульмъ. Рыцари быстро исполнили миссію, для которой были призваны, они утопили въ крови и сожгли въ огнѣ остатки язычества, и скоро во всей Пруссіи, до самой Жмуди и Литвы, сталъ одинъ хозяинъ и полно- правный распорядитель—нѣмецкій рыцарь крестоносецъ! Чтобы

*) Во всѣхъ лѣтописяхъ язычники славяне именуется «сарацинами»

окончательно обособиться, рыцари не замедлили построить собственный большой городъ Мариенбургъ, укрѣпили его чрезвычайно и перенесли въ него свою столицу. Съ этого времени, съ каждымъ годомъ, наблюдается непрерывное ничѣмъ неудержимое стремленіе нѣмцевъ на востокъ, вдоль побережья Балтійскаго моря.

Надо замѣтить, что въ Ливоніи, въ это время, существовало тоже воинствующее религіозное братство „меченосцевъ“.

Основанный въ 1202 году ливонскимъ епископомъ Адалбертомъ фонъ-Анелдерномъ для борьбы съ языческими эстами, орденъ „меченосцевъ“ имѣлъ уставъ ордена тамплиеровъ, и первымъ гротмейстеромъ его былъ Вино фонъ-Рохтенбахъ. Покоривъ всю языческую Ливонію, орденъ къ 1223 году кончилъ покореніе и Эстоніи, но постоянное несогласіе съ рижскимъ архіепископомъ, доходившее многократно даже до междоусобной войны, заставило рыцарей, послѣ смерти втораго гротмейстера фонъ-Вохоника слиться съ тевтонскимъ орденомъ, и вмѣсто гротмейстера довольствоваться только провинціальнымъ магистромъ.

Такимъ образомъ, съ 1237 года вся береговая полоса уже принадлежала нѣмецкимъ рыцарямъ.

Непокоренной оставалась только Литва и Жмудь, гдѣ еще съ полной силой процвѣтало язычество. Почти два вѣка длилась истребительная борьба нѣмецкихъ пришлецовъ съ коренными обитателями этой бѣдной, дикой и лѣсистой страны. На сторонѣ нѣмецкихъ рыцарей было все, и богатство, и могущество, и помощь всѣхъ европейскихъ государствъ, видѣвшихъ въ походахъ рыцарей на „сарацинъ“ богоугодное дѣло, и массы рыцарей гостей, изъ всѣхъ странъ франко-германской Европы пріѣзжавшихъ, чтобы участвовать вмѣстѣ съ рыцарями въ этихъ новыхъ крестовыхъ походахъ, и, наконецъ, та масса золота, которая скопилась рыцарями въ подземельяхъ Мариенбурга.

Не надо забывать, что каждый рыцарь долженъ былъ оставить все свое состояніе, послѣ смерти, въ пользу ордена, что то же были обязаны дѣлать „братья и сестры“ ордена, при свѣтской жизни носившіе этотъ санъ, что всѣ европейскіе государи давали огромные вклады на рыцарство, для поминанія душъ усопшихъ родственниковъ, и что рыцарство, такимъ образомъ, являлось самымъ богатымъ банкиромъ въ Европѣ. Безъ зазрѣнія совѣсти раздавало оно, за громадныя проценты, свои капиталы нуждающимся магнатамъ и владѣтельнымъ князьямъ, но не иначе какъ подъ закладъ ихъ владѣній, и уже такъ заложенное имѣніе никогда не возвращалось.

Но зато у ихъ соперниковъ литовскихъ славянъ было то, чего не могло быть у рыцарей, у нихъ была родная земля, у нихъ были семьи, у нихъ были гробницы ихъ отцовъ и дѣдовъ.

За эти священные клейноды каждый литвинъ готовъ былъ умереть, не уступая одной пяди земли врагу; они воодушевляли

его въ битвѣ сильнѣе, чѣмъ всѣ реликвіи, которыми были увѣщаны груди рыцарей-монаховъ.

Въ теченіе четырнадцатаго вѣка, цѣлый рядъ славныхъ литовскихъ владыкъ: Гедиминъ, Ольгердъ, Кейстутъ, особенно послѣдній, вели съ орденомъ цѣлый рядъ кровопролитныхъ войнъ, и наконецъ, страшнымъ усиленіемъ, храброму льву литовскому Кейстуту удалось прорвать нѣмецкое кольцо и пробиться къ морю.

„Морская Полунга“, давно захваченная нѣмцами и окрещенная ими въ г. Полангенъ, послѣ отчаяннаго штурма была взята дружиной Кейстута и уже не попадала больше подъ власть нѣмцевъ.

При слѣдующемъ великомъ князѣ литовскомъ, счастье какъ-будто измѣнило сначала литвинамъ. Междуусобица Ягаиллы и Витовта, Витовта и Скиригаиллы, какъ мы видѣли, значительно ослабивъ и обезлюдивъ Литву, заставили сначала Ягаиллу, а потомъ и Витовта, уступить рыцарямъ права на Жмудь, и только благодаря энергіи и крайнему мужеству нѣсколькихъ удѣльныхъ князей, вродѣ Вингаллы, имъ удалось отстоять свои области отъ онѣмченья; но сила солому ломить, нѣмцы неудержимо двигались впередъ.

На границахъ Великой Польши рыцари хозяйничали не хуже чѣмъ въ Литвѣ. Пользуясь крайностью многихъ Пястовичей, они скупали ихъ земли, а еще чаще давали деньги займы подъ заставу земель, брали порою расписки и акты на продажу и уступку такихъ земель, которыя вовсе не принадлежали продавцу; имъ только бы утвердиться на землѣ пустой формальностью, а завявъ своей силой земли, нѣмцы уже никогда не возвращали ихъ.

Порою и судъ, и даже самъ папа признавали представленные нѣмцами документы на владѣніе подложными, рыцарскіе чиновники продолжали отписываться, а земли оставались за орденомъ.

Путемъ насилія; фальшивыхъ документовъ, явнымъ захватомъ чужой собственности, сумѣли нѣмецкіе рыцари захватить Поморье, Жмудь, Новую Мархію, и протянули руки на ничтожный замокъ „Дрезденко“, стоявшій на островѣ рѣки Нотеція, какъ разъ противъ земель Новой Мархіи, только что купленныхъ нѣмецкими рыцарями.

Проглотивъ цѣлыя области, нѣмцы подавились этимъ ничтожнымъ клочкомъ земли. Послѣдняя капля переполнила чашу!!

Дѣло въ томъ, что владѣлецъ Дрезденика Ульрихъ фонъ-деръ-Остенъ былъ недоволенъ нѣмецкимъ режимомъ, и еще раньше, именно въ 1402 году вопелъ въ соглашеніе съ княземъ Ягаиллой—въ случаѣ смерти безъ наслѣдниковъ, передать свою крѣпость польскому королю.

Въ это время рыцари купили Новую Мархію, а поэтому фонъ-деръ-Остенъ обѣщалъ немедленно передать свой замокъ полякамъ, получая зато взаменъ земли внутри королевства. Но онъ былъ тоже нѣмецъ,—свой своимъ поневолѣ другъ. Гостя въ

Маріенбургѣ, черезъ три мѣсяца послѣ торжественнаго обѣщанія и присяги, данной Ягайлло, онъ продалъ эту важную, въ стратегическомъ отношеніи, крѣпость нѣмецкимъ рыцарямъ, и тѣ, не теряя времени, тотчасъ заняли ее сильнымъ отрядомъ.

Узнавъ объ этомъ неслыханномъ вѣроломствѣ, король Ягайлло, вообще очень скромный и милостивый, вдругъ воспыдалъ справедливымъ негодованіемъ, въ присутствіи пановъ совѣта бросилъ свой жезлъ и воскликнулъ.

— Не бывать мнѣ королемъ польскимъ, если крестоносцы не возвратятъ мнѣ Дрезденика!!

— Вивать! Да здравствуетъ король! Война нѣмцамъ!—грянули совѣтники королевскіе, кипѣвшіе жаждой мести къ безчестнымъ чужестранцамъ, попиравшимъ грязною пятою одну за другой коренныя польскія области.

Ихъ удерживало только одно миролюбіе короля, и всякій поводъ къ войнѣ былъ ими принимаемъ съ восторгомъ.

Но дѣйствовать одни, безъ союзниковъ, поляки не рѣшались. Слишкомъ велика была сила рыцарей, слишкомъ велико ихъ вліяніе въ Европѣ... Да и на кого они могли рассчитывать въ Европѣ? Императоръ Сигизмундъ прямо высказался за рыцарей, венгерскій король Вацлавъ держался двусмысленно, только ожидая присылки нѣмецкихъ денегъ, чтобы стать на ихъ сторону. Ближайшимъ союзникомъ могъ быть только Витовтъ, но онъ, какъ было извѣсно, не только не желалъ разрыва съ крестоносцами, но даже дружилъ съ ними, то посылая свои дружины, то самъ отправляясь въ Жмудь, чтобы прекращать возстанія народа противъ притѣснителей нѣмцевъ.

Такъ все это казалось, съ перваго взгляда, польскимъ панамъ, такъ объ этомъ думалъ и самъ Ягайлло, не понимая до этого дня всей грандіозности великаго характера своего двоюроднаго брата Витовта.

Витовтъ въ своей мудрости понималъ, что нельзя тревожить врага, хотя бы смертельнаго, пока не увѣренъ, что можешь поразить его на смерть. Одна Литва могла только кое-какъ защищаться отъ нападенія рыцарскихъ полчищъ, благодаря своему болотистому и лѣсистому положенію, но она не могла рисковать на свой страхъ итти войной противъ столь могущественнаго врага. Двумиліонныя польскія пановъ, уже нѣсколько разъ доводившее его до крайности и заставлявшее спасать свою жизнь у враговъ Литвы—рыцарей, было ему тоже хорошо извѣстно. Онъ все ждалъ, пока оскорбленіями и захватами нѣмецкіе хищники выведутъ изъ себя гордыхъ польскихъ пановъ—и онъ дождался; споръ изъ за Дрезденика и въ особенности захватъ пятидесяти баржъ съ хлѣбомъ, сплавляемыхъ по Вислѣ по приказу польскаго короля, чтобы помочь голодающей Жмуди, крайне оскорбили пановъ малой Польши.

Ягайлло, наконецъ, вышелъ изъ себя, моментъ былъ избранъ удачно, и тайный посолъ Витовта, молодой Бѣльскій, прислалъ

изъ Кракова извѣстіе, что король жаждетъ свидѣться съ Витовтомъ и назначаетъ для сѣзда Бретъ-Литовскъ.

Надо сказать, что за годъ передъ этимъ умеръ всѣми уважаемый великій магистръ тевтонскаго ордена Конрадъ Юнигенъ, человекъ мирный, всегда избѣгавшій войны, и его мѣсто занялъ новоизбранный великій магистръ Юліусъ Ульрихъ Юнигенъ, братъ Конрада, человекъ совершенно иного духа и закала. Рыцарь въ душѣ, онъ презиралъ монашество, вѣрилъ только въ силу меча, и хотя былъ очень набоженъ, носилъ на груди десятокъ реликвій, но нѣсколько разъ говаривалъ.

— Еслибы я могъ, я бы на весь свѣтъ оставилъ одного попа, да и того бы замуровалъ въ высокую башню, чтобы онъ не могъ мѣшаться въ свѣтскія дѣла!

Онъ бредилъ турнирами, рыцарскими обрядами, войной, завоеваніями, и сразу круто повернулъ всѣ политическія отношенія съ сосѣдями.

Еще не зная о соглашеніи Ягайллы и Витовта, онъ отвѣтилъ на дипломатическій протестъ короля польскаго противъ захвата Дрезденника очень ядовито и дозволилъ себѣ написать въ письмѣ къ королю фразу, которую можно было понять двояко, какъ комплиментъ королевскому уму или какъ ядовитую насмѣшку. „Паны рады“, переводя письмо Ягайллѣ, который не зналъ другого языка кромѣ русскаго и кромѣ того былъ совершенно *безграмотенъ*, постарались придать ей именно этотъ оскорбительный смыслъ.

Король вознегодовалъ еще сильнѣе, позорно выгналъ нѣмецкихъ пословъ и сказалъ, что онъ кровью смоетъ подлыя строки.

Рыцари испугались. Они еще не были готовы къ походу, а главное, къ нимъ еще не прибыли знатные европейскіе гости рыцари, ихъ главная сила и источникъ доходовъ. Они послали извинительное письмо и просили прощенія.

Какая вполнѣ нѣмецкая уловка, практикуемая нѣмцами и до нашихъ дней! Ягайлло ничего не отвѣтилъ, но, тяжелый на подъемъ, онъ былъ также непоколебимъ въ рѣшеніи. Мечта свергнуть позорное нѣмецкое иго глубоко запала ему въ душу, и онъ съ восторгомъ откликнулся на приглашеніе своего друга, брата и боевого товарища Витовта, звавшаго его на свиданіе.

XXV.

Свиданіе.

Звучно и радостно звучали колокола на всѣхъ колокольняхъ Брестъ-Литовска, торжествуя съездъ двухъ сильнѣйшихъ монарховъ тогдашняго славянскаго міра. Съ вечера прибылъ великій князь виленскій, кievскій и русскій *) Витовтъ и остановился въ замкѣ королевскомъ. Рано утромъ, прибѣжавшіе гонцы дали знать, что король Ягайлло (Владиславъ II) ночевалъ въ трехъ миляхъ и къ полудню будетъ въ Брестъ.

Весь городъ, старъ и малъ, спѣшили за стѣны укрѣпленій посмотреть на царственныхъ гостей. Громадныя толпы запружали не только что сосѣднія поля, но далеко по варшавской дорогѣ виднѣлись массы любопытныхъ, собравшихся изъ окрестныхъ селъ и посадовъ посмотреть на королевскій поѣздъ.

Послѣ долгаго ожиданія, вдали показалась группа всадниковъ; они быстро скакали, расчищая дорогу слѣдовавшему за ними поѣзду, состоящему болѣе чѣмъ изъ пятисотъ саней, запряженныхъ четвернями и шестериками на уносъ съ фореиторами.

Въ переднихъ саняхъ сидѣлъ, укутанный въ просторную соболью шубу, наброшенную на простой бараній полукафтанъ, крытый сѣрымъ сукномъ, человѣкъ высокаго роста съ длинными и узкимъ лицомъ. Тонкіе сѣдые усы висѣли ниже подбородка, тщательно выбритаго. Узкіе глаза смотрѣли какъ-то и странно, и безпокойно, словно они не могли остановиться на одномъ предметѣ. Носъ былъ довольно длинный, слегка загнутый внизъ. Онъ придавалъ лицу владѣльца выраженіе хищной птицы. Это и былъ самъ величайшій любимецъ счастья, человѣкъ, которому все удавалось, еще не знавшій поражений ни на войнѣ, ни въ политикѣ, славный польскій король Ягайлло-Владиславъ II.

Призванный занять польскій престолъ, онъ принялъ вмѣстѣ съ нимъ руку прелестнѣйшей женщины въ Европѣ, и за смертью ея не только удержался на шаткомъ польскомъ престолѣ, но вновь женатый на второй внучкѣ Казимира, великой княжнѣ Аннѣ, имѣлъ уже отъ нея двухъ сыновей, и тѣмъ обезпечилъ престолонаслѣдіе въ своемъ родѣ.

Рядомъ съ нимъ сидѣлъ толстенкій, длинноусый, невзрачный человѣкъ, лѣтъ поды пятьдесятъ, одѣтый въ бархатную зеленую шубу, съ высокой собольей шапкой на головѣ; сзади на запяткахъ стоялъ гайдукъ гигантскаго роста, вѣчный и неизмѣнный спутникъ короля, обладавшій не только необычайной, истинно исполинской силой, но еще однимъ важнѣйшимъ качествомъ, — онъ былъ нѣмой.

*) Титулъ великаго князя литовскаго.

Человѣкъ въ зеленой бархатной шубѣ былъ извѣстный польскій магнатъ, подканцлеръ коронный, Николай Тромба, мужъ опытный въ совѣтѣ и герой на ратномъ полѣ.

Чуть мелькнули вдали первыя колокольни Бреста съ ихъ золочеными крестами, Ягайлло перекрестился, засунувъ руку за пазуху и вытащивъ оттуда висѣвшій крестъ съ мощами, подарокъ папы, набожно поцѣловалъ его.

Въ тоже время отъ Бреста показался на всѣхъ рысяхъ отрядъ всадниковъ. Впереди ихъ сидѣлъ на борзомъ конѣ въ сѣромъ кафтанѣ, обшитомъ мѣхомъ, и въ высокой шляпѣ съ перьями; человѣкъ небольшого роста, плотный, съ круглымъ бѣлымъ лицомъ, лишеннымъ всякой растительности и прекрасными добрыми, голубыми глазами. Это былъ народный герой литовцевъ, ихъ обожаемый князь Витовтъ. Подскакавшій на нѣсколько шаговъ къ королевскимъ санямъ, которые остановились, Витовтъ спрыгнулъ съ лошади съ ловкостью молодого человѣка и поспѣшилъ заключить въ свои объятія Ягайлло, который тоже выскочилъ изъ саней.

Виваты, крики радости и восторга гремятъ кругомъ двухъ народныхъ героевъ, многіе плакали, многіе обнимались, встрѣчая въ свитѣ короля друзей или родственниковъ.

Король больше не захотѣлъ садиться въ сани, онъ мигомъ вскочилъ на осѣдланную лошадь, бывшую при обозѣ, и поѣхалъ къ городу рядомъ со своимъ другомъ Витовтомъ.

Народъ бѣжалъ по обѣ стороны, стараясь протискаться до владыкъ и поцѣловать хотя бы ихъ стремя. Колокола гремятъ торжественно. У каждой церкви, какъ католической, такъ и православной, стояло духовенство съ крестами и иконами, словомъ, встрѣча была торжественная.

У крыльца замка, Витовтъ соскочилъ съ коня первый и помогъ двоюродному брату сойти съ лошади, и потомъ уже они вмѣстѣ рука объ руку вошли на крыльцо и поклонились народу, окружавшему многотысячной толпой и замокъ, и площадь.

— Онъ нашъ! Онъ тоже нашъ!—кричали граждане про Ягайлло, признавая въ немъ такого же литвина, какъ и Витовта.

— Завидую я тебѣ, братъ Витовтъ,—сказалъ тихо по-литовски Ягайлло:—счастливъ ты среди своего народа.

— А у тебя въ Краковѣ развѣ хуже?

— Въ Краковѣ? Ничего я не вижу; кромѣ льстецовъ придворныхъ, да пановъ задорныхъ, а народа такого веселаго, да пылкаго, я давно, съ тѣхъ поръ какъ изъ Литвы выѣхалъ, не видалъ!.. Счастливецъ ты!

Витовтъ ничего не отвѣчалъ, онъ только пожалъ крѣпко руку своему брату и гостю.

Торжества и пиршества были назначены съ вечера перваго же дня по приѣздѣ, но Ягайлло отмѣнилъ ихъ; по обѣту онъ долженъ былъ пробить первые два дня на молитвѣ и на исповѣди въ костелѣ.

Витовтъ удивился. Онъ не помнилъ своего брата такимъ ревностнымъ католикомъ; но зная подозрительный характеръ Ягайлло, не сталъ настаивать, и самъ пошелъ съ нимъ въ замковую каплицу.

Ягайлло снялъ съ себя свой сѣрый бараній тулупъ и остался въ одномъ суконномъ казакинѣ, литовскаго покроя; безъ всякихъ украшеній, только на шеѣ короля висѣло множество цѣпочекъ, ремешковъ и ленточекъ, скрывавшихъ концы или за пазухой, или въ многочисленныхъ кармашкахъ на груди.

Подойдя къ алтарю, король сталъ разгружаться и вынулъ одинъ за другимъ около 15 крестиковъ, образковъ и складней. Снимая каждый и ставя его на алтарь, онъ дѣлалъ земной поклонъ и нѣсколько минутъ лежалъ ницъ передъ престоломъ.

Витовтъ, котораго это заинтересовало, подошелъ, тоже набожно перекрестился и преклонилъ колѣна. Ягайлло очень этому обрадовался. Онъ все еще въ глубинѣ души считалъ Витовта невѣрнымъ язычникомъ, принявшимъ христіанство только изъ за политическихъ видовъ.

— Вотъ видишь, братъ и другъ мой, — началъ онъ торжественно снимая съ шеи золотой крестъ на золотой же цѣпочкѣ, — это одна изъ величайшихъ святынь всего міра, въ этомъ крестѣ ковчегъ, а въ немъ частица чудотворнаго креста Господня. Мнѣ самъ великій папа прислалъ эту реликвию, она хранитъ отъ мечей и копій!

Это образъ св. великомученицы Варвары, онъ мнѣ присланъ королемъ венгерскимъ Вацлавомъ, въ немъ частичка святыхъ мощей великомученицы, она хранитъ отъ яда змѣй, пауковъ и всякой погани!..

Вотъ это чудная реликвия, которую всю жизнь носила моя незабвенная супруга Ядвига, это крестъ, которымъ дѣдъ ея Людовикъ Святой благословилъ своего сына! Онъ хранитъ отъ стрѣлъ вражескихъ, отъ яда и зелья приворотнаго, отъ наговора, приговора, отравы, сухотки и моровой язвы.

И долго, долго объяснялъ король своему двоюродному брату значеніе каждой реликвіи, и Витовтъ, далеко не такой набожный, съ терпѣніемъ, безъ малѣйшей улыбки выслушивалъ подъ чашъ наивнаго замѣчанія Ягайлло. Но, странное дѣло, у наивнаго дикаря, какимъ былъ еще такъ недавно Владиславъ II, каждая реликвия имѣла, прежде всего, свою практическую цѣль. Это не было просто слѣпое обожаніе предмета, изъ-за святости его происхожденія, но именно по той пользѣ, которую онъ могъ принести его владѣтелю.

Кончивъ перечень своихъ реликвій и поставивъ ихъ на престолъ церкви, Ягайлло осторожно спряталъ на грудь одинъ изъ висѣвшихъ на шеѣ мѣшечковъ. Дѣло въ томъ, что въ одномъ были вовсе не христіанскіе предметы, именно, коготь льва и клювъ ворона, долженствующіе оберегать его одинъ отъ наговора, другой отъ отравы за трапезой!

Какая смѣсь вѣрованій!

По требованію короля, тотчасъ началась обѣдня, вовремя которой онъ все время лежалъ ницъ предъ алтаремъ и шепталъ затверженныя наизусть латинскія молитвы.

Послѣ первой нѣмой обѣдни, Витовтъ всталъ со своего мѣста и хотѣлъ предложить брату руку, чтобы слѣдовать въ замковыя помѣщенія, но Ягайлло не тронулся съ мѣста и капелянъ началъ служить для него вторую обѣдню. Вторая обѣдня, казалось, удовлетворила его вполне; онъ всталъ съ колѣнъ, нѣсколько разъ поклонился земно предъ мѣстными образами и тотчасъ же приказалъ, всюду слѣдовавшему за нимъ, свѣчнику поставить предъ иконами по двѣ большія, золоченыя, восковыя свѣчи.

Этимъ еще не кончилось пребываніе его въ замковой церкви; взявъ подъ руку Витовта, онъ пошелъ по всѣмъ алтарямъ и вкругъ стѣнъ церкви, кладя предъ каждой иконой по земному поклону и ставя по восковой свѣчѣ.

У самага выхода была громадная картина, на которой художникъ изобразилъ страшный судъ. Спаситель міра съ крестомъ въ рукѣ, виднѣлся вверху изображенія, окруженный яркимъ сіяніемъ, и къ нему со всѣхъ сторонъ стремились праведники, воскресше изъ мертвыхъ, а внизу, почти у пола, изображенъ былъ демонъ въ видѣ гиганскаго змѣя, и къ нему въ пасть шли грѣшники. Картина была нарисована очень грубо, но крайне эффектно. Ягайлло остановился пораженный и долго взглядывался въ изображеніе.

— Лѣстницу,—приказалъ онъ.—Поставь двѣ свѣчи тому, что наверху,—приказалъ онъ свѣчнику. Тотъ быстро исполнилъ приказаніе.

— Теперь поставь и сюда огарокъ!—онъ указалъ на демона. Всѣ переглянулись, но онъ повторилъ приказъ и онъ былъ исполненъ *).

— Теперь, братъ мой, другъ и дорогой хозяинъ,—обратился онъ къ Витовту,—воздавши Богово Богови, можемъ поговорить и о земномъ!

Витовтъ только и ждалъ терпѣливо этого мгновенія, и они оба перешли крытымъ переходомъ изъ церкви въ замковыя залы.

Послѣ обоюднаго представленія свиты, монархи прошли въ отдѣльный, небольшой, просто, но удобно убранный покой, гдѣ все было приготовлено для совѣта, и въ углу у окна, за особыми столами сидѣли два королевскихъ нотаріуса, чтобы записывать принятія рѣшенія.

Ягайлло, войдя, по обыкновенію, помолился передъ образомъ, висѣвшимъ въ переднемъ углу, и потомъ уже оглядѣлъ комнату. Замѣтивъ нотаріусовъ, чинно вставшихъ при входѣ государей, онъ замѣтилъ:

*) Фактъ.

— На этотъ разъ, дорогой братецъ, намъ кажется придется отказаться отъ помощи этихъ пановъ,—они можетъ быть днемъ нѣмы какъ рыбы, да во снѣ могутъ говорить, такъ не лучше ли попросить ихъ удалиться!

Витовтъ наклонилъ голову въ знакъ согласія и оба нотариуса безвучно удалились. Ягайлло пошелъ за ними слѣдомъ и собственноручно заперъ дверь на задвижку.

И въ ту же секунду безстрастное, даже можно сказать суровое, лицо его просвѣтлѣло, на глазахъ засверкали слезы, и онъ съ величайшею нѣжностью бросился на грудь Витовта.

— Милый, ненаглядный, безцѣнный братецъ! О, какъ я люблю тебя, какъ цѣню и уважаю глубоко... Какъ рвалось мое сердце къ тебѣ, въ нашу милую, дорогую Литву... О, какъ я счастливъ, ступая по одной землѣ и обнимая тебя, моего дорогого брата!

При этихъ словахъ слезы градомъ лились у него изъ глазъ, и онъ просто душилъ Витовта въ своихъ объятіяхъ

Безпечно добрый и безгранично довѣрчивый къ своему двоюродному брату, Витовтъ, не смотря на многократныя измѣны послѣдняго, не выдержалъ, слезы также хлынули у него изъ глазъ, и они долго стояли обнявшись и рыдали.

Не даромъ же исторія назвала ихъ обоихъ плаксами!

— Давно бы такъ, Витовтъ, давно бы такъ,—говорилъ сквозь слезы Ягайлло:—пора тебѣ отстать отъ треклятыхъ крыжаковъ и соединиться со мною... Уже я не тотъ, чѣмъ былъ когда-то, я теперь самовластный король Польскій и на Краковѣ, я всегда радъ помочь родному противъ треклятыхъ нѣмцевъ!

— Пора, братъ и другъ мой,—воскликнулъ Витовтъ,—сбросить намъ иго дерзкихъ пришельцевъ. Поморія, Новая Мархія, Прусскія земли, искони колыбель литовская!.. Жмудь, моя родная, святая, несчастная Жмудь!.. Что они съ ней сдѣлали? Жилища спалены пожарами, нивы стоптаны, люди перебиты. Дубисса три дня кровью текла... Ужасно! Ужасно! Нѣтъ, пусть я самъ погибну, пусть лишусь престола и жизни, но не будетъ больше крыжакъ хозяйничать въ моей Литвѣ.

Витовтъ говорилъ искренно, онъ не умѣлъ, подобно своему брату, актерствовать, и рыданія душили его.

— А развѣ мои земли лучше ограждены отъ нашествія презрѣнныхъ грабителей? Они золотомъ и подкупомъ смущаютъ глупыхъ Пястовичей, и тѣ продаютъ имъ участки за участкомъ... Они вторгаются въ мое государство съ законными, а то и подложными нотаріальными актами въ одной рукѣ и съ мечемъ въ другой... Глухая, лапотная шляхта великой Польши не хотѣла до сего дня понимать, кто имъ врагъ, кто другъ, и смотрѣла на малополянъ хуже, чѣмъ на крыжаковъ!.. Для нихъ я былъ кто? Не польскій король, а король на Краковѣ!— не больше. Но я сбиль имъ эту спесь, теперь я законный король единой, неразрывной, нераздѣльной Польши... И я предлагаю тебѣ, мой братъ

и другъ, неразрывный союзъ на одного общаго врага—нѣмцевъ-рыцарей!.. Пусть, что хотятъ говорить глупые Пястовичи и мудрые шляхтичи великопольскіе, одинъ у насъ общій врагъ—нѣмецъ. Давай же руку, союзъ на жизнь и смерть!

— На жизнь и смерть!—повторилъ громко Витовтъ и съ восторгомъ протянулъ свою руку Ягайллѣ.

— Вотъ теперь, братъ и другъ, когда мы сговорились въ главномъ, когда надо только записать—когда и куда двигать войска, вотъ теперь нужно бы призвать человѣка грамотнаго и не болтливаго, чтобы онъ все записалъ намъ для памяти. Только вотъ что, дорогой братъ, тебѣ хорошо, ты на всѣхъ языкахъ самъ грамоту знаешь, а вѣдь я этой мудрости не обученъ, такъ писать-то надо по-русски, а то мой чтецъ и ближній совѣтникъ Николай Тромба не разберетъ, пожалуй, и мнѣ переверетъ.

— На что же лучше, пусть онъ самъ и записываетъ, коли ему тебѣ читать придется.

— Вотъ этимъ ты меня превыше всего одолжилъ,—я вѣрю въ этого разумнаго человѣка, онъ ни одного слова не скажетъ не подумавши, и изъ дому не выходитъ, не прослушавъ двухъ обѣденъ!

Послѣдняя аттестація не очень понравилась Витовту, но выбора не было, и онъ согласился пригласить на первый военный совѣтъ Николая Тромбу, коронаго подканцлера, съ которымъ ему приходилось и прежде сталкиваться и на войнѣ, и на совѣтѣ. Мужъ ума пронизательнаго, литвинъ душою, но царедворецъ до мозга костей, Николай Тромба подражалъ во всемъ своему повелителю и успѣлъ заслужить его полное довѣріе! И что всего важнѣе, ни разу не обманулъ его!

— Я согласенъ, панъ Николай мужъ войны и совѣта,—сказалъ Витовтъ.

— И вѣрнѣйшій сынъ святой римской церкви,—добавилъ король.—Онъ все у меня въ Авиньонѣ просится, да я не пускаю, онъ и пишетъ, и читаетъ за меня!

Подойдя къ двери, Ягайлло отодвинулъ засовъ и дважды ударилъ въ ладоши; тотчасъ же на порогѣ явился подканцлеръ и низко поклонился обоимъ монархамъ.

— Панъ Николай,—обратился къ нему Ягайлло, когда дверь была заперта и онъ усѣлся рядомъ съ Витовтомъ за дубовый столъ, покрытый чернымъ сукномъ,—я избралъ тебя, именно тебя одного, чтобы присутствовать въ нашемъ великомъ тайномъ совѣтѣ. Каждое разболтанное слово можетъ стоить намъ королевства, а тебѣ головы! Понялъ?..

— Понялъ, государь,—отозвался подканцлеръ съ поклономъ,—Николай Тромба и по отцу, и по мамери кровный литвинъ, если бы ему вытянули всѣ жили треклятые крыжѣаки, онъ бы не промолвилъ ни слова!

— Вѣрю твоему боярскому слову,—отвѣчалъ Витовтъ,—а довѣріе брата и короля къ тебѣ давно извѣстно. Дѣло, совершае-

мое здѣсь, великой важности. Заключаемъ мы, онъ король на Краковѣ, на Гнѣздно, и на всей малой и великой Польшѣ, и я великій князь Литовскій, Кіевскій и Русскій, великій и нерасторжимый союзъ противъ единого нашего злокозненнаго врага, ордена рыцарей-крестоносцевъ (Крейз-герго'овъ), и клянемся всевышнимъ Богомъ...

— И святымъ Станиславомъ, патрономъ всей Польши,—перебилъ Ягайлло.

— Не положить меча до полного низложенія врага, до сокрушенія ему зубовъ и выриванія когтей!

— Амень!—добавилъ набожно Ягайлло и перекрестился.

— Прикажете записать?—спросилъ покорно Тромба.

— Пиши, что клянемся крестомъ и евангелиемъ не отступать отъ союза, до полного сокрушенія враговъ.

— Не забудь прибавить, что я клянусь святымъ Станиславомъ и великой реликвіей, присланной мнѣ святѣйшимъ отцомъ папой изъ Авиньона *),—добавилъ Ягайлло.

Тромба сѣлъ на край табурета, подвинулъ его къ столу и началъ мелкимъ полууставомъ выводить хартійный столбецъ подъ юсами и титлами.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Витовтъ что-то обдумывалъ. Ягайлло досталъ образокъ изъ-за пазухи, читалъ шопотомъ молитву, крестился и цѣловалъ реликвію.

— Написано,—почтительно доложилъ Тромба.

— Пиши: и даемъ мы на общее дѣло и братскій союзъ каждый,—диктовалъ Витовтъ,—по...—онъ остановился,—по сколько знаменъ?

— По столько, по сколько поможетъ собрать Господь Вседержитель,—опредѣлили Ягайлло,—и дозволить скарбы!

— Нѣтъ, не такъ, братъ и король, по сколько есть въ маестностяхъ у насъ храбрыхъ воиновъ, по сколько есть скарба королевскаго, великокняжескаго и пановъ родовитыхъ, по сколько найдется вѣрныхъ сыновъ родной земли! Всѣ пойдемъ, всѣ ляжемъ костями за родную землю!

Пока говорилъ Витовтъ, лицо его оживилось румянцемъ, глаза сверкали, онъ былъ прекрасенъ.

Тромба остановился, онъ заслушался пламенной рѣчи великаго князя. Одушевленіе охватило и Ягайлло.

— Пиши!—крикнулъ онъ подканцлеру,—что я клянусь святымъ Станиславомъ, вывести въ поле всю мою рать, всю, сколько дастъ мнѣ мое государство, а если не хватить скарба королевскаго, клянусь заложить всѣ мои регалии и всѣ маестности, и владѣнія королевскія!

— Я со своей стороны обещаюсь и клянусь привлечь къ общему святому дѣлу подвластныхъ мнѣ и вольныхъ князей на Литвѣ и Жмуди.

*) Мѣстопробываніе римскаго папы въ это время было въ Авиньонѣ.

— Клянусь вызвать отъ всѣхъ дворовъ королевскихъ всю служилую шляхту, клянусь изъ собственныхъ моихъ земель королевскихъ доставить три тысячи подводъ съ конями и упряжью и отлить на королевскихъ заводахъ въ Медвѣдицахъ пятьдесятъ бомбардъ,—говорилъ, все болѣе и болѣе воодушевляясь, Ягайлло.

— Клянусь привлечь къ общему дѣлу моего зятя, великаго князя московскаго Василія, князей Смоленскихъ, Псковъ и Новгородъ,—заявилъ Витовтъ.

— Я пошлю пословъ къ чехамъ, къ волохамъ, и въ Венгрію, они не смѣютъ отказать въ помощи,—не уступалъ Ягайлло.

— Вотъ мой договоръ съ кипчакскимъ царемъ султаномъ Саладиномъ, сыномъ Тохтамыша: по первому моему слову, онъ обязанъ привести 30000 всадниковъ!—какъ послѣднюю карту выложилъ Витовтъ.

— Клянусь испросить благословеніе святѣйшаго отца папы, если бы даже мнѣ это стоило годового дохода съ копей Велички,—горячился Ягайлло.—Благословеніе святѣйшаго отца папы!—повторилъ онъ набожно и перекрестился,—это вѣрная побѣда надъ врагомъ.

— Аминь!—произнесъ Витовтъ.

— Аминь!—повторилъ король и панъ Тромба.

— Куда собирать войско и когда походъ?—спросилъ Витовтъ.

— Думаю, лучше всего мнѣ итти на Гнѣзно и Варшаву, а литовцамъ на Гродно.

— Я бы предложилъ Плоцкъ... на Вислѣ. Оттуда можно направить ударъ куда угодно!

— Что вѣрно, то вѣрно,—проговорилъ Ягайлло,—наша цѣль нанести ударъ въ самое сердце рыцарства. Въ Мариенбургъ... Но постой, какъ мы перебросимъ войско черезъ Вислу? Ты знаешь, сегодня глубины три локтя, завтра двухъ пядей нѣтъ, а пойдутъ дожди, выше Кракова ни на лодкѣ, ни на паромѣ.

— Прежде чѣмъ рѣшиться на этотъ путь, я совѣтовался съ людьми знающими... Псковскіе плотники, искусники въ дѣлѣ мостовомъ, берутся навести мостъ на Вислѣ!

— Какъ, мостъ чрезъ Вислу?—въ изумленіи воскликнулъ Ягайлло.

Панъ Тромба тоже съ изумленіемъ посмотрѣлъ на великаго князя, словно желая узнать, не шутитъ ли онъ,—такъ невѣроятна, несообразна казалась ему мысль о построеніи моста чрезъ Вислу.

— Обѣщаютъ и заложниковъ даютъ, построить мостъ, если дѣсу, желѣза и народа будетъ вволю,—совершенно покойно отвѣчалъ Витовтъ,—и я имъ исполнѣ доврѣю!

— Твое дѣло, братъ и другъ,—промолвилъ Ягайлло,—ты опынѣ меня въ дѣлахъ воинскихъ,—быть по твоему.

— Дозволь слово молвить,—сказать съ поклономъ подканцлеръ.

- Говори!—разрѣшилъ Витовтъ.
- Я знаю мѣсто близъ Полоцка, лучше и не надо для большаго лагеря.
- Ужь не Червенскъ ли?—спросилъ Витовтъ.
- Такъ государь, и станъ крѣпкій, и Висла подъ рукою, и боръ, и поемные луга—сѣна приволья.
- Я о Червенскѣ и думалъ, такъ и пиши: сойтись подъ Червенскимъ.
- Когда встрѣча?—спросилъ Ягайлло.
- За недѣлю до Петрова дня жди меня, буду!
- Такъ поздно?!—воскликнулъ король,—да до этого времени крыжаки успѣютъ отвоевать у меня полъ-королевства!
- Не надо, чтобы нѣмцы догадывались о нашемъ союзѣ, пусть они думаютъ, что мы сѣхались для охоты, для полеванья на зубровъ и дикихъ оленей,—сказалъ Витовтъ.
- Охъ, мой родной,—вадохнулъ Ягайлло,—хитры эти шельмы нѣмчины, всюду у нихъ пиши да послухи. Что ни примешь въ королевскую службу нѣмца,—навѣрно измѣнникъ, а поди посмотри, какъ въ бой, даже со своими лѣзетъ, словно вепрь дикій, а глядь—самъ изъ-подъ полы въ Мариенбургъ обо всемъ доноситъ... На грошъ заслужить, а на цѣлую копу грошей измѣнить... Всѣ нѣмцы таковы, отъ нынѣ и во вѣки!
- Что же, пусть будетъ такъ, да кто же намъ мѣшаетъ завести тоже и въ орденѣ. Сколько изъ этой нищей братіи имѣется въ Пруссакъ, да около Мариенбурга, ты только шепни епископу Кявскому, онъ дѣло это устроитъ, черезъ него и донесенія получать будешь... Когда я жилъ у рыцарей, онъ мнѣ самъ первый предлагалъ устроить этотъ вѣчный надзоръ.
- Быть не можетъ?! Самъ епископъ?
- Ну да, не ладитъ онъ съ великимъ магистромъ, дважды до Авиньона ихъ споры доходили... Ну, а ужъ съ новымъ магистромъ, словно кошка съ собакой! Если хочешь, я слышуся.
- Черезъ кого же?—спросилъ Ягайлло.
- А очень просто, чрезъ слѣпаго пѣвца-лирника, онъ то по Литвѣ бродитъ, то въ Пруссю идетъ, поетъ про старыхъ Кунигасовъ, будитъ въ сердцахъ литовцевъ чувства любви къ отчизнѣ!
- Прекрасно, пусть въ такомъ случаѣ пересылаетъ всѣ свѣдѣнія пограничному архіепископу Гнѣздинскому, онъ вѣрный слуга короны польской и мой духовникъ. Но все-таки, что же мнѣ дѣлать, если рыцари дознаются и объявятъ мнѣ войну? Вѣдь это будетъ раззореніе края!—сказалъ король.
- Раньше половины собачьяго мѣсяца (Юня) я не могу ни самъ выступить, ни ожидать татаръ. Слѣдовательно до этого времени поручи своимъ панамъ—совѣтникамъ тянуть дѣло съ рыцарями, иди на судъ объ Дрезденикѣ къ сосѣднимъ монархамъ, къ императору, къ королю венгерскому, ко мнѣ, наконецъ...
- Постой! Дѣло Дрезденика, дѣло рѣшено!—воскликнулъ Ягайлло,—я поклялся моими самыми священными реликвіями, что безъ Дрезденика не хочу короны польской!

— Но вѣдь этотъ судъ будетъ только отводъ глазъ, предлогъ протянуть время. Пройдетъ зима—съ весной стануть собираться дружины, и по боку всѣхъ третейскихъ судей!!

— Но какъ же моя клятва?—нерѣшительно спросилъ король.

— Судъ можетъ приговорить, но кто же можетъ заставить исполнить приговоръ!! Наконецъ, на всякій судъ есть протестъ. Время то и пройдетъ,—а тамъ, что рѣшить мечъ и милость Божія.

— По молитвѣ святаго Станислава!—добавилъ король.

— Теперь кажется всѣ пункты опредѣлены?..—спросилъ Витовтъ.

— Опредѣлены, одного только не указано, кто командуетъ всѣмъ великимъ соединеннымъ воинствомъ?—замѣтилъ Ягайлло.

— Развѣ объ этомъ можетъ быть и рѣчь... Тебѣ, королю и старшему Ольгердовичу, принадлежитъ эта честь,—отвѣчалъ, не колебаясь Витовтъ.

Онъ зналъ, что ничѣмъ такъ нельзя подвинуть короля на уступки, какъ польстивъ его гордости.

— Принимаю, какъ великую честь, но кому же какъ не тебѣ, не герою, и не сыну героя Кейстута, вести войска въ смертный бой...

Братья и друзья обнялись.

— Назначь себѣ подъ руку для польскихъ знаменъ краковскаго мечника Зындрама, онъ человѣкъ великаго духа и мощи богатырской,—сказалъ Витовтъ.

— Кого же больше,—это левъ малопольскій, какимъ былъ только великій Сютко!—воскликнулъ Ягайлло.—Ахъ, если бы онъ могъ вернуться, мой храбрый Сютко. Жена его все еще ждетъ, что вотъ-вотъ онъ вернется изъ плѣна! Но кто же у тебя подъ рукою воеводами?

— Жмудъ поведетъ братъ Вингалла... У него треклятые нѣмцы дочь украли, держатъ въ тѣсномъ плѣну, жива ли, не знаю.

— Знаю его, одинъ стоитъ цѣлаго знамени.

— Смоленскіе и стародубскіе полки поведетъ князь Давидъ Смоленскій. Воинъ храбрый—честь и краса всѣхъ Святославицей смоленскихъ, брестскія знамена, литовскихъ татаръ и псковскихъ лучниковъ поведетъ воевода Здиславъ Бѣльскій.

— Тотъ самый, который поклялся повѣсить 12 рыцарей на воротахъ своего замка,—улыбнулся Ягайлло.

— Тотъ самый,—мужъ опытный и въ бою и въ совѣтѣ. Татаръ поведетъ самъ султанъ Саладинъ и его племянникъ молодой мирза Туганъ... Я въ жизнь не видалъ такого удалого чертенка...—Ягайлло сплюнулъ и перекрестился...—Повѣришь, безъ оружія, съ арканомъ выходитъ на панцырника. Я въ Вильнѣ примѣръ дѣлалъ, обѣщаль свободу и опять копъ грошей плѣннымъ „крестовикамъ“, ни одинъ не усидѣлъ въ сѣдлѣ и пяти минутъ... Сотню бы такихъ и конецъ рыцарству!..

— Не ты бы говорилъ,—повѣрить бы не могъ!..—воскликнулъ Ягайлло...—какъ можетъ юноша безъ оружія свалить рыцаря съ коня!..

— Увертливъ какъ кошка, погляди—змѣя какая-то, самъ весь и ста фунтовъ не вѣситъ, вѣтается кругомъ желѣзнаго болвана, одинъ мигъ, арканъ накинულъ—и рыцарь летитъ вонъ изъ сѣдла!..

— А нельзя-ли мнѣ видѣть эту потѣху... Этотъ турниръ.

— Нѣтъ ничего легче, но я боюсь, чтобы объ этомъ не заговорили... противъ аркана есть только одинъ способъ,—проговорилъ нерѣшительно Витовтъ.

— Какой же?—съ любопытствомъ переспросилъ король.

— Короткій и острый ножъ... Мечъ тутъ бесполезенъ! Пока нѣмцы не узнали оружія,—имъ и въ голову не придетъ искать противодѣйствія!..

— Въ такомъ случаѣ разглашать не надо... Неожиданность лучшей помощникъ въ бою. Теперь кажется все... Мнѣ пора къ исповѣди въ церковь...—услыхавъ звонъ къ вечернѣ, заговорилъ быстро Ягайлло.

— Подписать договоръ...—спросилъ Витовтъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, не теперь... Служба Господня не ждетъ, не ждать... Проводи меня, дорогой братецъ, въ каплицу...—и уже не слыша ничего, не обращая вниманія на подканцлера, стоявшаго предъ нимъ съ написаннымъ свиткомъ договора, онъ быстро пошелъ къ двери, шепча латинскую молитву, набожно крестясь и пѣлуя свою реликвию.

Витовтъ поневолѣ долженъ былъ слѣдовать за нимъ и терпѣливо ждать, пока длится вечерня, исповѣдь и причастіе запасными дарами.

Наконецъ, всѣ требы были исполнены. Король снова заперся съ Витовтомъ и подканцлеромъ. На этотъ разъ онъ не колебался и, три раза поцѣловавъ свою реликвию, вывелъ на свиткѣ какую-то продолговатую каракулю, долженствовавшую изображать „Владиславъ II, король польскій“. Витовтъ подписалъ тоже, а подканцлеръ скрѣпилъ документъ своей подписью и приложеніемъ малой королевской печати.

Окончивъ это важное дѣло, Николай Тромба всталъ, отдалъ низкій поклонъ обоимъ государямъ и остановился, не имѣя права заговорить, по этикету, пока его не спросятъ.

— Говори,—сказалъ Ягайлло, зная уже манеры своего подканцлера, который былъ въ тоже время и капеляномъ *).

Великіе государи, дозвольте мнѣ, недостойному рабу, просить одной великой милости!..

— Говори въ чемъ дѣло?—въ одинъ голосъ спросили Витовтъ и король.

— Дозвольте мнѣ на свой счетъ нанять 500 наемныхъ воиновъ и привести свое знамя къ общимъ войскамъ!..

— Наемныя дружины...—въ нерѣшимости замѣтилъ Ягайлло,—что скажутъ мои земскіе паны, какъ они посмотрятъ на наемщиковъ!..

*) Настоятелемъ церкви св. Франциска въ Краковѣ.

— Государь, — осмѣлился возразить подканцлеръ, — не всё епископы и воеводы выставятъ знамена, многіе откупятся деньгами, на деньги можно найти въ Чехіи прекрасныхъ бывалыхъ солдатъ, они только ждуть нанимателей, — не поспѣете нанять вы, ваше величество, наймутъ враги ваши... а наемный солдатъ самый лучшій, онъ побѣдитъ — ему платятъ побѣжденные, онъ будетъ побитъ, ему никто не заплатитъ!..

— Разумна рѣчь твоя, панъ Николай! — воскликнулъ Витовтъ.

— Такъ разумна, — добавилъ король, — что не только дозволяю тебѣ нанять 500 воиновъ, но, если мои паны — совѣта согласятся послать нанимать войска, тебѣ только одному отдамъ я ихъ всѣхъ подъ начальство!

— Въ такомъ случаѣ, государь, мнѣ остается только поблагодарить, ваше величество, за величайшую милость; у меня подъ знаменемъ станетъ не менѣе людей, чѣмъ у любого хорошаго гетмана!.. — въ восторгѣ воскликнулъ панъ Тромба...

— Но согласятся ли паны?.. — все еще сомнѣвался король.

При дозволеніи деньгами откупаться отъ личнаго похода, клянусь, вашему величеству, что большинство голосовъ на совѣтѣ будетъ за наемниковъ... Да и право, наемный воинъ куда лучше идущаго неохотой, изъ-подъ палки!

— Да развѣ будутъ такіе... ты думаешь? — цытливо спросилъ король.

— Увы, прошли тѣ времена, государь, когда ратныя трубы съывали и старыхъ и малыхъ... Плоха теперь лапотная шляхта, а великіе паны того хуже!.. Развѣ вы, ваше величество, своимъ словомъ и примѣромъ воодушевите ихъ!..

— Хорошо, будь по твоему, собирай гроши, нанимай солдатъ, — рѣшилъ Ягайлло, — а съ панами я поговорю самъ, какъ вернусь въ Краковъ... Теперь же выдай моему дорогому брату списокъ съ договора, а подлинникъ, какъ самый драгоценный клейнодъ, храни въ моемъ скарбѣ... Никому ни слова, ни намека, мы пріѣхали сюда по зову нашего брата великаго князя Витовта Кей-стувича на охоту, по зубрамъ, дикимъ оленямъ и медвѣдямъ... Завтра же мы ѣдемъ въ Бѣловѣжскую пуцу, горе турамъ и оленямъ!..

Схвативъ своего друга за обѣ руки, Ягайлло три раза облобызался съ нимъ, потомъ перекрестилъ его крестомъ съ мощами и далъ приложиться къ реликвіи.

— Теперь, — воскликнулъ онъ, — вся обуза дѣлъ политическихъ спала съ плечъ, — вези меня туда, гдѣ у тебя больше оленей и туровъ... Вспомнимъ нашего дѣдушку Гедимина и его время!.. Вели готовить коней, луки, стрѣлы, собакъ и загонщиковъ, да не забудь приказать приготовить бочки, что ни убьемъ — солить и про запасъ!.. На войнѣ много запасу надо! Да только постой, прикажи, чтобы моя дорожная каплица ѣхала вслѣдъ за мною, я, вотъ уже два года, не пропускалъ ни одной службы, ни ранней, ни поздней!..

Витовтъ ничего не отвѣчалъ, онъ зналъ, что противорѣчить Ягайллѣ трудъ напрасный и отдалъ нужныя распоряженія.

Съ ранняго утра цѣлый обозъ, нагруженный охотничьими принадлежностями, стоялъ у воротъ замка, и оба государя, вооруженные съ ногъ до головы, выѣзжали по большой смоленской дорогѣ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Бреста была громадная роща, составлявшая лѣнь самого великаго князя, въ которой запрещено было частнымъ лицамъ охотиться.

Зная страсть Ягайллы къ охотѣ, и самъ страстный охотникъ, Витовтъ еще раньше отдалъ приказаніе, чтобы все было готово къ облавѣ въ громаднѣйшихъ размѣрахъ въ этомъ заповѣдномъ лѣсу. Въ ночь туда поскакали гонцы сзывать и сгонять окрестныхъ крестьянъ въ облаву. Всю ночь ставили тенета и къ утру громадный островъ, мили на двѣ въ длину и около мили въ ширину, былъ оцѣпленъ загонщиками, тенетами и охотниками. Лазъ былъ оставленъ только въ узкомъ перелѣскѣ, соединявшемъ островъ съ главнымъ лѣсомъ, и поэтому неминуемо всѣ звѣри, спугнутые облавой или собаками, должны будутъ стремиться къ этой перемычкѣ.

Старшій ловчій, псковской дворянинъ Иванъ Жирный, распорядившійся охотой, поставилъ короля и великаго князя у самаго лаза, и незамѣтно отъ нихъ за сплошной зарослью молодого дубняка доставилъ по-два силача рогатчика, въ видѣ тѣлохранителей.

Вооруженный тяжелымъ самопаломъ съ испанскимъ лукомъ, заводимымъ цѣлымъ механизмомъ колесъ и рычаговъ, Ягайлло сталъ, какъ опытный охотникъ, за двойной толстой сосной; рядомъ съ нимъ въ землю воткнуто было крѣпкое и острое копье, а у ногъ лежало еще два самопала съ натянутыми тетивами, но безъ наложенныхъ стрѣлъ.

Колчанъ съ запасными стрѣлами лежалъ тутъ же и только десять настоящихъ магдебургскихъ стальныхъ пернатыхъ виднѣлись въ сагайдакѣ, надѣтомъ черезъ плечо.

Витовтъ стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ. Какъ человѣкъ болѣе сильный физически, онъ предпочиталъ простой татарскій лукъ нѣмецкимъ и испанскимъ самопаламъ, зная, насколько трудно вновь натянуть тетиву.

Мертвое молчаніе царило кругомъ. Всѣ притихли и старались не подать признака жизни, только кое гдѣ тонкій, подмерзшій снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами облавщиковъ, разставлявшихъ тенета.

Вотъ гдѣ-то вдали чуть слышно зарокоталъ звукъ рога и смолкнулъ. Нѣсколько секундъ ничего не было слышно, все замерло въ нѣмомъ ожиданіи.

Но вотъ, чу!—чуть слышно пронесся первый осторожный лай собаки, вотъ къ нему присоединился другой голосъ, третій, пятый, десятый, и цѣлая стая слилась въ одномъ дикомъ гамѣ погони.

Голоса слышались все ближе, все ближе, цѣлый адъ гремѣлъ

въ лёсу, сучья трещали и валились съ деревьевъ, и вдругъ на прогалинкѣ, какъ разъ противъ короля, мелькнулъ, закинувъ голову на спину, громадный олень съ огромными многовѣтвистыми рогами.

Быстро забросилъ Ягайлло самопаль къ плечу, стрѣла свиснула, и смертельно пораженный стрѣлой въ шею, олень сдѣлалъ еще одинъ, послѣдній прыжокъ и грянулся мертвымъ на землю.

А гамъ все продолжался, очевидно, олень выбѣжалъ отъ шума, а не отъ погони. Страстный охотникъ, Ягайлло бросился къ поверженному оленю и только окрикну Витовта:

— Берегись, турь!..—заставилъ его остановиться.

Онъ бросился на прежнее мѣсто, схватилъ новый самопаль, наложилъ стрѣлу и оглянулся. Въ пяти шагахъ отъ него, сверкая глазами и яростно роя копытомъ землю, стоялъ громадный туръ (зубръ). Еще мгновение, и онъ бы бросился на неосторожнаго охотника и забодалъ его длинными острыми рогами.

Ягайлло успѣлъ прицѣлиться и спустить стрѣлу, туръ взревѣлъ и отпрянулъ въ сторону; въ эту секунду на его налетѣли первыя подослѣвшія собаки.

Бѣшенымъ ударомъ роговъ забросилъ онъ одну изъ нихъ на воздухъ съ пропоротымъ брюхомъ и, нагнувъ голову, пошелъ на проломъ—впередъ.

Второй выстрѣлъ изъ самопала не нанесъ звѣрю смертельной раны и онъ съ мычаньемъ, весь окровавленный и покрытый пѣной, ринулся на врага.

Витовтъ бросился на помощь. Стрѣла, пущенная его сильной и смѣлой рукой, вонзилась въ пахъ разъяреннаго звѣря—онъ, вѣроятно, понялъ, что врагъ слишкомъ силенъ и кинулся бѣжать.

Мигомъ, выхвативъ копьё, бросился слѣдомъ за нимъ Ягайлло, и не смотря на свои 60 лѣтъ, въ два прыжка очутился около звѣря и поразилъ его копьёмъ подъ лопатку. Дикій туръ закачался и рухнулся на снѣгъ, взрывая его страшнымъ ударомъ роговъ.

Черезъ минуту онъ былъ мертвъ, мѣткій ударъ короля проникъ ему до сердца.

— Вивать!—закричалъ прежде всѣхъ Витовтъ, видѣвшій ближе всѣхъ этотъ мастерской ударъ.

— Вивать! Вивать!—подхватили паны, стоявшіе на ближнихъ номерахъ. Всѣ наперерывъ бросились смотрѣть на пораженнаго звѣря.

— Мастерской ударъ,—подходя къ королю, проговорилъ Витовтъ,—ему бы позавидовалъ самъ дѣдушка Гедиминъ!

— Этакъ бы рыцаря съ сѣдла сломить,—тихо шепнулъ ему король.

— Избави Богъ, чтобы въ бою опасность была такъ близко къ вашему величеству. Оставьте простымъ смертнымъ ломать копьё съ рыцарями... избави Господь...

— О, я ничего не боюсь, у меня есть особливая реликвія противъ рыцарскихъ мечей и копій. Лучше брони и кольчуги,—съ увѣренностью сказала король,—я тебѣ покажу ее!..

Гонъ продолжался, испуганные олени и кабаны бѣжали, и справа и слѣва центральной группы, и падали поражаемые стрѣлами и копьями пановъ охотниковъ. Огромный олень съ вѣтвистыми рогами, думалъ уклониться отъ линіи стрѣлковъ, и бросился въ сторону тенеть. Сдѣлавъ чрезвычайное усиліе, онъ высоко подпрыгнулъ на воздухъ, но все-таки не могъ перепрыгнуть препятствія, запутался въ сѣтяхъ и былъ взятъ живымъ.

Упоенный первымъ успѣхомъ, Ягайлло требовалъ продолженія охоты, и, несмотря на короткій зимній день, облава ставилась трижды. Болѣе 20 оленей, 12 кабановъ и два дикихъ тура пало подъ ударами охотниковъ. Возвращеніе къ охотничьему домику было истиннымъ торжествомъ, кругомъ сверкали факелы и горѣли смоляныя бочки. Толпы народа изо всѣхъ окрестныхъ населеній сбѣжались привѣтствовать могучихъ владыкъ. Ягайлло былъ чрезвычайно доволенъ результатомъ охоты и заявилъ, что онъ раньше недѣли не воротится въ Брестъ, и на это время откладываетъ всѣ государственныя дѣла. Витовтъ не могъ оставить своего гостя одного и сопутствовалъ ему во всѣхъ охотахъ. Звѣрей было набито нѣсколько сотъ штукъ, но—о, страность, еще небывалая при королевскихъ охотахъ,—убитыхъ звѣрей не раздавали участникамъ охоты, не посылали именитымъ князьямъ, епископамъ и боярамъ, но по личному приказанію короля и великаго князя, разрѣзали на части, солили и укладывали въ громадныя дубовыя бочки, которыя немедленно куда-то увозились.

Одни приписывали это скупости великаго князя, другіе желанію имѣть въ Вильнѣ запасъ солонины, третьи и болѣе смѣлively вспомнили, что покойный старикъ Гедиминъ такимъ же путемъ заготовлялъ провіантъ для своихъ дружинъ.

Стоялъ чудный осенній вечеръ. Охота только что кончилась и охотники спѣшили отовсюду на громкіе перекаты призывнаго рога. Около костра, разведеннаго на обширной полянкѣ вѣковѣчнаго сосноваго бора, стояли уже сотни загонщиковъ и лѣсничихъ охотниковъ. Нѣкоторые были со смолистыми факелами въ рукахъ, другіе еще во всемъ охотничьемъ уборѣ. Охота удалась какъ нельзя лучше и оба друга, король и Витовтъ, благодарили какъ общаго распорядителя, такъ и наиболѣе отличившихся изъ пановъ охотниковъ. Убитые туры, олени, лоси и два громадныхъ медвѣдя лежали длиннымъ рядомъ, окруженные охотниками съ феклами. Король и Витовтъ медленно шли вдоль ряда.

— Пять туровъ и двадцать восемь оленей,—весело сказалъ великій князь,—такой удачи еще не бывало.

— А всего по сей день сто пятьдесятъ туровъ и тысяча шестьсотъ оленей!..—закончилъ онъ, посмотрѣвъ на маленькую палочку кипариснаго дерева, на которой во всѣхъ направленіяхъ были черточки и крестики. Это была охотничья „бирка“, на которой онъ, по окончаніи каждой охоты, отмѣчалъ число убитыхъ звѣрей.

Ягайлло тихо улынулся.

— Столько бы крыжаконъ, да гербовыхъ уложить на первомъ полѣ,—тихонько шепнулъ онъ Витовту.

— Аминь!—также тихо произнесъ тотъ.

Въ это время царственные охотники и ихъ свита проходили мимо послѣдняго зубра. Голова его была страшно окровавлена, одинъ изъ роговъ сломанъ, алая кровь орошала весь снѣгъ кругомъ.

— Видно крѣпко защищался?—спросилъ Витовтъ у начальника охоты, показывая на звѣря.

— Пять собакъ да трехъ молодцовъ до смерти, да семерыхъ изувѣчилъ.

— Гдѣ, гдѣ они?—воскликнулъ Ягайлло. Его словно громомъ поразило извѣстiе о человѣческихъ жертвахъ.

— Гдѣ они? Гдѣ они? Я хочу ихъ видѣть?!—настаивалъ онъ и рука его быстро дѣлала на груди крестныя знаменiя.

Витовтъ понималъ, что онъ сдѣлалъ оплошность, хотѣлъ во что бы то ни стало отклонить Ягайлло отъ его намѣренiя, но упорный Ягайлло стоялъ на своемъ, онъ чуть не плакалъ отъ досады, и его пришлось вести ко второму, меньшему костру, около котораго прiютились раненые.

Бодрый видъ потерпѣвшихъ, старавшихся предъ королемъ и великимъ княземъ скрыть свои страданiя, казалось, немного успокоилъ короля. Онъ собственноручно далъ каждому изъ раненыхъ по золотому ефимку и потомъ пошелъ было къ своей ставкѣ, но вдругъ вспомнилъ что-то и остановился.

— Гдѣ убитые?—рѣзко спросилъ онъ.—Ведите меня къ нимъ!

Его повели. Неподалеку, подъ навѣсомъ громадной сосны, на носилкахъ изъ еловыхъ вѣтвей, рядомъ лежало трое покойниковъ, принадлежавшихъ къ числу охотниковъ Витовта.

Они лежали, покрытые бѣлыми литовскими кафтанами, и лица ихъ при зловѣщемъ свѣтѣ факеловъ казались еще ужаснѣе, еще блѣднѣе.

Король остановился. Долго стоялъ онъ и смотрѣлъ на ихъ искаженные лица. Правая рука перебирала четки, губы тихо шептали молитву. Вся свита стояла, обнаживъ головы.

— Миръ праху ихъ!—сказалъ наконецъ король и въ голосъ его слышались слезы.—Олесницкiй!—обратился онъ къ молодому человѣку высокаго роста, всюду безъ отлучно за нимъ слѣдовавшему.—Запиши ихъ имена въ мой синодикъ... Сдѣлать вкладъ въ три храма о вѣчномъ поминовенiи ихъ душъ... Господи, прости мои грѣхи!—закончилъ онъ свою фразу и, снявъ шапку, трижды перекрестился и пошелъ обратно къ королевскому костру.

Витовтъ нагнулся къ уху начальника охотниковъ.

— Распорядись перевести раненыхъ въ замковую больницу въ Брестъ!—шепнулъ онъ, чтобы не слыжалъ Ягайлло.—Семьямъ убитыхъ жалованья вдвое противъ того, что получали мужья!

Начальникъ охоты низко, до земли поклонился щедрому владыкѣ и отправился исполнять приказаніе.

Витовтъ поспѣшилъ вслѣдъ за королемъ. Тотъ шель, глядя мрачно въ землю и не обращая ни на кого вниманія.

— Охота... война... убитые... раненые... умирающіе... кровь... стоны... плачь... ужасно!!—говорилъ онъ самъ съ собой и нервная дрожь пробѣгала по его тѣлу...—Нѣтъ, не могу... Это слишкомъ ужасно!!—Завидѣвъ, подошедшаго Витовта, онъ смолкъ и молчалъ упорно всю дорогу до небольшого охотничьяго хутора, въ которомъ назначенъ былъ ночлегъ.

Шибко бѣжали бойкіе кони, охотники и вершники скакали кругомъ, освѣщая путь факелами, но онъ сидѣлъ мрачный и угрюмый, погруженный въ мучительно-болѣзненную думу.

Уже почти у самаго ночлега, онъ вдругъ обратился къ Витовту, сидѣвшему рядомъ.

— А можетъ быть они образумятся?.. Можетъ быть они уважать наши справедливыя требованія?.. Можетъ быть они поймутъ свои вины, согласятся на миръ, что тогда?

Витовтъ понялъ, въ какомъ душевномъ разладѣ находится его царственный гость. Онъ понялъ, что этотъ вопросъ относится къ дерзкимъ рыцарямъ, война съ которыми была рѣшена безповоротно всего десять дней тому назадъ... Онъ понялъ, что въ Ягайллѣ сорятся теперь два чувства: литвина, желающаго отомстить позоръ своей родины, и христіанскаго короля, боящагося пролитія крови,—и рѣшилъ молчать... Онъ зналъ, что каждое новое возраженіе еще больше усилитъ этотъ внутренней разладъ, у него уже мелькнула другая мысль, созрѣлъ другой планъ, подѣйствовать на пылкое воображеніе своего двоюроднаго брата.. На дорогѣ же сегодня утромъ, отправляясь на охоту, онъ узналъ въ толпѣ народа, окружавшей охотничій домикъ, славнаго лирника, слѣнца Молгаса, пѣвшаго, если помнитъ читатель, предъ гостями въ Эйрагольскомъ замкѣ князя Вингаллы.

XXVI.

Сила пѣсни.

Мраченъ и задумчивъ сидѣлъ Ягайлло въ просторной, но просто убранной комнатѣ охотничьяго дома. Большой огонь горѣлъ въ широкомъ каминѣ, бросая багровые отблески на всѣ предметы. Погруженный въ свои мрачныя думы, король не замѣтилъ, какъ вошелъ Витовтъ и помѣстился возлѣ своего гостя и друга.

— Спать рано, трапеза кончена, чѣмъ бы мнѣ позанять тебя, дорогой братъ... Чѣмъ разогнать грусть-тоску?—началъ Витовтъ.

Ягайлло не отвѣчалъ, онъ чуть вздрогнулъ при первыхъ словахъ своего брата и вновь погрузился въ тяжелыя думы.

— Ты, я помню, въ былые годы юности любилъ слушать вѣщихъ пѣвцовъ, любилъ слушать пѣсни о старинѣ родной Литвы... Ужель Краковъ и Ленкиши измѣнили тебя, ужели звукъ родной литовской пѣсни больше тебѣ не милъ?..

— Зачѣмъ ты говоришь мнѣ это?—чуть-ли не съ досадою проговорилъ король,—я былъ и остался литвиномъ, не Кракову передѣлать тура литовскаго!.. Люблю я пѣсни моей родины, люблю ея вѣщихъ пѣвцовъ, но гдѣ же они, гдѣ?..

— Я замѣтилъ между придворными старика Молгаса, онъ тебя помнитъ еще ребенкомъ, помнишь, какъ бывало, въ Трокскомъ замкѣ мы заслушивались его пѣсень о Миндавѣ, о Маргерѣ Пиленскомъ!.. о славномъ дѣдѣ нашемъ, великомъ Гедиминѣ?..

— Помню, конечно... Ты говоришь онъ здѣсь... Зови его, пусть онъ своею пѣснью разсѣетъ мою тоску-печаль, зови, зови его...

Витовтъ хлопнулъ трижды въ ладоши. Вошелъ начальникъ стражи и, получивъ повелѣніе ввести слѣпаго лирника, тотчасъ же возвратился, ведя подъ руку стараго поэта-пѣвца. Самодѣльная лира была у него въ рукахъ. Открытые глубокіе глаза были безжизненны, онъ держался за рукавъ начальника стражи.

— Поставь ему скамью, пусть садится и утѣшаетъ насъ своею пѣснью,—сказалъ Витовтъ.

Начальникъ стражи поспѣшилъ исполнить приказаніе.

— Узнаю голосъ моего великаго государя,—падая на колѣни и, ударивъ челомъ, съ чувствомъ сказалъ Молгасъ,—да хранить тебя наши великіе боги!!

— А меня ты узнаешь?—спросилъ своимъ рѣзкимъ и грубымъ голосомъ Ягайлло.

— Прости, государь, признать не могу, а, если бы самъ не цѣловалъ руки въ гробу у покойнаго свѣтлѣйшаго князя и господина Ольгерда Гедиминовича, такъ подумалъ бы, что онъ возсталъ изъ гроба.

— Я сынъ Ольгерда Гедиминовича... ты не ошибся, старикъ.

— Какъ, ты этотъ великій король ленкишей, самъ Ягайлло Ольгердовичъ?!. Какое счастье достается на мою долю, дозволи челомъ коснуться края кафтана твоего, государь...—Онъ опять всталъ на колѣна,—не вижу гдѣ ты, сынъ и внукъ великихъ конунговъ литовскихъ... Я отдалъ бы послѣдніе дни жизни моей, чтобы видѣть васъ обоихъ здѣсь, вмѣстѣ на родной литовской землѣ.

— Слышалъ я, великій государь, что прежняя братская дружба соединила тебя, государь, съ нашимъ премудрымъ отцемъ княземъ великимъ, слухъ тотъ радостный, по всей литовской землѣ идетъ, вѣдь вдвоемъ-то, какъ гадюку злую, задавите вы крыжакское царство, что словно змѣй-горыничъ, душитъ землю

литовскую, кровью обливаетъ, мертвыми головами сѣтъ!..—Старикъ поползъ на колѣняхъ въ сторону Ягайлло и дрожащими руками чуть коснулся ноги его. Слезы катились изъ безжизненныхъ глазъ старика.

Ягайлло вдругъ поднялся съ мѣста, онъ милостиво поднялъ старика и посадилъ его на скамью. Старикъ прильнулъ своими блѣдными губами къ его рукѣ и чуть не выронилъ лиру. Струны издали тихій дребезжащій звукъ.

Витовтъ съ изумленіемъ и надеждою смотрѣлъ на эту сцену. Въ сердцѣ Ягайлло опять начиналъ пробуждаться литвинъ. Витовтъ сдѣлалъ знакъ рукою, начальникъ стражи вышелъ, они остались втроемъ.

— Видишь, старче, струны сами заиграли,—уже гораздо веселѣе проговорилъ король,—великое дѣло старина... Спой же ты мнѣ нашихъ старыхъ, родныхъ литовскихъ пѣсень... Болитъ мое сердце по Литвѣ...

— Что пѣть-то повелишь, государь, старыя пѣсни, пожалуй, всё знаешь, а новыя, не радостны очень!?

— Пой, что знаешь... Пой, что хочешь... Только пой мнѣ про мою родину.

Старикъ гусярь положилъ руки на лиру и началъ медленно перебирать струны. Тихіе жалобные звуки послышались въ воздухѣ. Старикъ запѣлъ. Голосъ его дрожалъ отъ старости и отъ волненія, но Ягайлло весь обратился въ слухъ и старался не проронить ни одного слова пѣсни.

Черезъ поле воронъ мчится,

Руку бѣлую несетъ,

На рукѣ той золотъ-перстень,

Драгоценнѣйшій клейнодъ!

— Ты отвѣть мнѣ воронъ птица,

Говорить ему дѣвица,

Гдѣ ты былъ, куда летѣлъ,

Гдѣ ты руку съ перстнемъ взялъ?..

— На войнѣ я былъ кровавой,

Бой тамъ былъ... Сплелись мечи

Словно вѣтки у дубровки...

Кровью пѣнились ручьи...

Стрѣлы рыли тамъ могилы,

Много пало на войнѣ...

И дѣвица затужила

—Горе, горе, горе мнѣ!

Этотъ перстень я дарила!..

— А съ кѣмъ былъ бой?—вдругъ спросилъ Ягайлло.

— Въ пѣснѣ не сказано, государь, а чувствуетъ мое сердце, что съ крыжаками, они одни каждый годъ поливаютъ кровью поля литовскія.

— А про крыжакъ пѣснь есть?— снова спросилъ король.

— Спою твоей милости, государь, коли угодно будетъ!..

— Такъ пой же, пой!— нетерпѣливо крикнулъ Ягайлло.

Старикъ взялъ нѣсколько переборовъ и началъ на другой, же болѣе веселый мотивъ.

Ой, литвинъ, литвинъ,
Не паши новинъ,
Прахомъ все поидеть,
Все крыжакъ возьметъ.

* * *

Сытый волкъ и тотъ
Овцу не дереть,
А хотъ сытъ крыжакъ—
Жретъ какъ на тощакъ.

* * *

Эй, жену и дочь
Нѣмецъ не порочь,
Лучше смерть, чѣмъ стыдъ,
Смерть мой сынъ отмститъ.

* * *

Лучше въ полѣ лечь
Подъ желѣзный мечъ,
Чѣмъ итти въ загонъ
Къ рыжакамъ въ полонъ.

* * *

Ой, литвинъ, литвинъ,
Не паши вовинъ,
Лучше хлопочи
Отточить мечи!!

— Безподобно! Исполать!— закричалъ Ягайлло, едва успѣвъ старикъ кончить пѣсню.— Дарю тебѣ цѣлую копу грошей.

Старикъ всталъ, низко поклонился, и снова опустился на скамью.

— Постой,— воскликнулъ Витовтъ,— ты пословицу литовскую забылъ, старикъ, „что изъ пѣсни слова не выкинешь“,— тутъ еще припѣвъ есть.

— Да я не смѣлъ, государь... Тамъ про ленкишей—леховъ поется,— оправдывался старикъ.

— Что же, ты думаешь, что я, живя въ Краковѣ, лехомъ

сталь?—съ улыбкой проговорилъ Ягайлло.—Пой смѣло, старче, я такой же литвинъ, какъ мой братъ и другъ Витовтъ Кейстутовичъ.

Старикъ повиновался, онъ снова повторилъ всю пѣсню но только съ прибавленіемъ куплета.

Что крыжакъ, что лехъ
Все единый грѣхъ,—
Польскіе князья
Съ нѣмцами шурья.

— Это можетъ было при Пястовичахъ, а не при мнѣ, Олгердовичъ. Не будетъ у ордена лютѣй врага, чѣмъ я!.. Пой, вѣщій старикъ, пой еще, пой все, что знаешь!—воскликнулъ онъ,—ты пробудилъ мое сердце, пой старикъ, и помни, что кромѣ насъ двухъ никого больше нѣтъ здѣсь въ покоѣ, пой все, что тебѣ придетъ на душу, все, чѣмъ полно твое литовское сердце!

Снова зарокотали струны, и снова, одна за другою, полетѣли съ устъ слѣпаго старца вѣщія пѣсни; онъ славилъ древнихъ героев родной старины, пѣлъ о славныхъ походахъ за море, пѣлъ о славномъ Гедиминѣ, объ удаломъ князѣ Кейстутѣ, лѣвъ литовскомъ, и вдругъ затянулъ пѣсню о великомъ князѣ Витовтѣ и о его отравленныхъ дѣтяхъ...

Витовтъ вспыхнулъ. Слезы показались на его глазахъ, онъ хотѣлъ было броситься и удержать старца, но Ягайлло остановилъ его и приказалъ продолжать пѣсню. Когда раздались послѣдніе звуки этой трогательной пѣсни, уже знакомой нашимъ читателямъ, Ягайлло снова взглянулъ на своего брата. Витовтъ тихо плакалъ, закрывъ лицо руками. Ягайлло вскочилъ со своего мѣста и пылко, крѣпко обнялъ друга. Онъ говорить не могъ, рыданіе душило его...

— Понимаю, теперь все понимаю, бѣдные твои птенчики, Ваня и Юра... Кровь ихъ до сей поры не отомщена. Клянусь тебѣ, года не пройдетъ, отольется нѣмцамъ ихъ кровь сторицею!

Витовтъ ничего не отвѣчалъ, онъ стиснулъ въ своихъ могучихъ объятіяхъ Ягайлло и цѣловалъ, цѣловалъ безъ конца.

— Спасибо старику, онъ меня до слезъ довелъ!—воскликнулъ наконецъ король, садясь на свое мѣсто.—Кто научилъ тебя, старикъ, такимъ чуднымъ пѣснямъ, кто вложилъ тебѣ въ уста этотъ чудный даръ!..

— Научило горе безысходное, научила ночь темная, подогрѣла вѣчная злоба нѣмецкая!—отвѣчалъ старикъ.—Всю семью, отца съ матерью, съ малыми дѣтками-братьями; нѣмцы вырѣзали, домъ сожгли, меня какъ щенка ненужнаго съ пинками выгнали... когда еще Пилены брали... Пошелъ скитаться въ чужихъ людяхъ со старыми пѣвцами, имъ на лирѣ подыгрывать, звать всякое литовское сердце бить недруговъ, нѣмцевъ треклятыхъ...

— И далеко ты былъ?..—любопытствовалъ король.

— И въ Москвѣ былъ, и въ дальнемъ Киевѣ, и въ нѣмецкой

земль, въ Мариенбургѣ былъ, и вдоль-поперекъ каждый годъ хожу по Жмуди моей родимой, что теперь въ крыжацкихъ рукахъ изнаываетъ... Охъ, жутко, государь, и говорить, что тамъ теперь дѣлается!..—воскликнулъ онъ.—Жизнь литовская считается хуже пса паршиваго, участь нашихъ дѣвушекъ—полонянокъ хуже; чѣмъ на ордѣ въ плѣну. Знаю я тамъ одинъ замокъ, сидитъ въ немъ красавица княгиня литовская, сродственница твоя, великій государь, Скирмунда Вингалловна... Участь ея хуже послѣдней поломянки...

— Этого быть не можетъ... Какъ, дочь князя Вингаллы, твоего брата, въ плѣну? Что же ты давно не сказалъ про это?

— Я не зналъ, что она жива... Слухъ прошелъ, что она умерла.. Мнѣ самъ братъ говорилъ объ этомъ мѣсяцъ назадъ.

— А я, государь, двѣ двѣ недѣли изъ этого треклятаго нѣмецкаго замка... Жива она, красавица, ласточка наша, да держать-то ее въ высокой башнѣ... въ тѣсномъ плѣну.

— И ты не ошибаешься, старикъ? Тутъ не можетъ быть подлога, комтуръ графъ Брауншвейгъ, которому братъ Вингалла предлагалъ въ обмѣнъ за дочь шесть плѣнныхъ рыцарей, отвѣчалъ, что согласился бы и на меньшей обмѣнъ, но что княжна волею Божьею умерла; больше даже, бояринъ Вруба видѣлъ ее самъ, своими глазами на ордѣ болѣвани!

— Жива она, государь, жива!..—снова падая на колѣни, со слезами проговорилъ старикъ.—Вотъ и доказательство.—Онъ порылся въ небольшомъ мѣшечкѣ, висѣвшемъ на его груди, и добылъ оттуда маленькую деревянную щепочку, завернутую въ чистую тряпочку. На ней, довольно четко, но темно-красными чернилами было написано по-литовски нѣсколько словъ. Витовтъ съ любопытствомъ оглядѣлъ эту оригинальную записку и передалъ ее Ягайллѣ. Тотъ повертѣлъ ее передъ глазами и возвратилъ Витовту.

— Слово кровью писана... Прочти, дорогой братъ,—сказалъ онъ.—Я плохо разбираю...

— Тутъ только три слова,—проговорилъ Витовтъ.

— Но какія же, какія?—настаивалъ король.

— Спасите, погибаю!.. Скирмунда.

— Бѣдная!—воскликнулъ король,—но постой, старикъ, какъ эта записка попала въ твои руки?

— Шелъ я, государь, мимо этого самаго треклятаго замка крыжацкаго, Штейнгаузенемъ прозывается, а слухъ о смерти нашей красавицы по всей Литвѣ идетъ... Ну, думаю, найду я въ замокъ,—крыжаки-то насъ слѣпыхъ пѣвцовъ въ замокъ пускаютъ, наши пѣсни слушаютъ, только ни словечка не понимаютъ, да на лютняхъ своихъ хотятъ подыграть... Вотъ, думаю я, взойду-ка я въ замокъ, хотъ могилкѣ-то княжеской поклонюсь, очень ужъ я любилъ княжну-то, въ терему у нея не одноважды пѣвалъ. Ну, идемъ мы, я съ поводаремъ, а поводарь-то у меня мальченокъ хошь маленькій, а куда шустрый, онъ за меня все

Грюнвальдскій бой.

видить и мнѣ говорить... Вотъ пришли мы въ замокъ, а насъ не пустили—проваливай, говорятъ, старикъ, пока живъ; ну, пошелъ я съ нимъ, съ поводитаремъ-то, назадъ, да и говорю ему, возьми молъ на память о башнѣ той тюремной, хоша камешекъ али черепочекъ. А онъ мнѣ и говорить.

— Дѣдушка, въ оконцѣ сквозь стеколицу что-то бѣлѣтся, словно будто живъ человекъ. Дѣдушка, говоритъ, стеколицо одно поднялось, щепочка на земь летить, не поднять ли. Говорю—бѣги скорѣй... Онъ къ замку, подбѣжалъ къ башнѣ, а самъ камушки выбираетъ, схватилъ щепочку и ко мнѣ... Говоритъ—дѣдушка, мнѣ боязно, на щепочкѣ-то словно кровью что написано! Тутъ-то и понялъ я все! Зашелъ я къ одному вѣрному человекъ, онъ писанье-то мнѣ и прочелъ... Жива она, великіе государи, жива она, наша лебедь бѣлая, наша ласточка ласковая. Спасите ее ради свѣта глазъ вашихъ, не отдайте ее злымъ ворогамъ на поруганіе...

Старикъ валялся на колѣняхъ у ногъ изумленныхъ слушателей. Безхитростный разказъ его поразилъ обоихъ... Первый собрался съ мыслями Витовтъ.

— Слушай меня, вѣщій старикъ, ни слова объ этой запискѣ князю Вингаллѣ, я его знаю, вспыхнетъ, какъ береста, и еще хуже напортитъ дѣло... Ступай ты лучше въ Смоленскъ, разыщи тамъ князя Давида, вотъ того самага, что въ Эйраголтѣ въ заложникахъ жилъ... Шепни ему—княжна, молъ, жива!..

— Государь, великій государь,—воскликнулъ изумленный старикъ,—вѣдь княжна Скирмунда—вайделотка!

— Исполни, что я говорю!—сказалъ сурово Витовтъ,—и никому больше ни слова!

Старикъ молча поклонился. Онъ зналъ, что съ Витовтомъ спорить нельзя и что у него часто порывъ ярости смѣняетъ самое сердечное благодушіе.

— На сегодня довольно, не правда-ли?—спросилъ онъ, обращаясь къ Ягайллѣ, который сидѣлъ накупившись.

— Даже слишкомъ!—проговорилъ онъ своимъ грубымъ голосомъ,—то, чего я сегодня наслышался, не забыть во вѣкъ.

— Спасибо тебѣ, старикъ, большое спасибо, вотъ тебѣ съ руки моей кольцо-клейнодъ, носи его на здоровье, а помрешь—передай другому лирнику, пусть изъ рода въ родъ идетъ сказъ о томъ, что я и на краковскомъ престолѣ остался такимъ же какъ и былъ литвиномъ!

Витовтъ со своей стороны тоже одарилъ старца и самъ вывелъ его за дверь. Братья остались теперь одни.

— Ну, что скажешь теперь, дорогой, мудрый другъ, быть войнѣ съ треклятыми нѣмцами или нѣтъ?—спросилъ Витовтъ, протягивая руки Ягайллѣ.

— Прости меня, что я поколебался при видѣ пролитой крови.. Я вѣрю, что кровью полита вся моя несчастная родина.. А ужъ, если литься литовской крови, такъ ужъ пусть она льется на

боевомъ полѣ... Вотъ тебѣ моя рука, клянусь не положить меча въ ножны, пока не обломаю роговъ крыжакамъ, какъ тому дикому туру!! За твоихъ дѣтей, за всю кровь литовскую!!

Витовтъ крѣпко пожалъ протянутыя руки!

XXVII.

Вѣстникъ войны.

Долго еще говорили о предстоящемъ походѣ наши братья-государи, какъ вдругъ шумъ у крыльца заставилъ Витовта узнать въ чемъ дѣло.

Онъ увидалъ въ сосѣдней комнатѣ, наполненной стражей и придворными, молодого человѣка, въ краковскомъ костюмѣ съ сумкой на груди. Онъ казался очень утомленнымъ, вся одежда его была покрыта снѣжною пылью.

— Кто ты? Откуда?—спросилъ Витовтъ, подходя къ гонцу.

— Гонецъ изъ Кракова, къ его величеству, королю Владиславу.

— Отъ кого?—переспросилъ князь.

— Отъ ея величества королевы и отъ пановъ великой рады.

— Иди за мной!—отозвался Витовтъ и повелъ посланца въ покой, гдѣ онъ только-что разговаривалъ съ королемъ.

Ягайлло тоже заинтересовался шумомъ въ сосѣднемъ покоѣ, но, медлительный и лѣнивый въ движеніяхъ, продолжалъ сидѣть на топчанѣ, хорошо зная, что если случится что-либо важное, ему доложить.

Вошелъ Витовтъ, за нимъ молодой гонецъ. Съ перваго же взгляда онъ узналъ его, это былъ сынъ извѣстнаго краковского мечника и его крестникъ, Владиславъ Выппа, племянникъ епископа Петра Выши, духовника покойной королевы Ядвиги.

— Какъ попалъ ты сюда, Владиславъ? Что случилось?!—воскликнулъ король, поднимаясь съ мѣста.

Ему уже почудилось, не умерла ли нѣжно любимая имъ жена, королева Анна, не случилось ли чего ужаснаго въ королевской семьѣ,—гонецъ, подобный Владиславу, не могъ быть носителемъ ничтожной вѣсти.

— Гонцомъ къ вашему королевскому величеству, — проговорилъ, склоняя колѣна, молодой человѣкъ, — отъ ея величества королевы и отъ пановъ рады. Вотъ письма.

Онъ подаль два свертка, завернутые въ шелковую матерію.

— Что королева? Что дѣти? — не дожидаясь, пока будутъ прочтены посланія, спрашивалъ посланца король.

— Ея величество королева лично подала мнѣ письмо къ вашему королевскому величеству, она находилась, благодареніе Господу Богу, въ добромъ здравіи, — отвѣчала съ поклономъ вѣстникъ.

— Что же случилось? Что же случилось, что королева и пань рады тревожатъ меня здѣсь... Письмо королевы могъ привезти обыкновенный королевскій гонецъ, что случилось, говори толкомъ?

— Краковскій пань *) , его мось, Яско изъ Тенчина, передалъ мнѣ на словахъ, что орденъ объявилъ войну чрезъ герольда, и что рыцари уже перешли польскую границу!..

— Не можетъ быть, ты не дослышалъ?—воскликнулъ Ягайлло.— Позвать сюда Олесницкаго, пусть онъ прочтетъ донесеніе пановъ рады!

Олесницкій не замедлилъ явиться и, снявъ печати съ двухъ свитковъ, медленно, но ясно прочелъ сначала письмо королевы Анны, въ которомъ она заклинала мужа возвратиться скорѣе въ виду войны съ крыжаками, а потомъ витѣватое донесеніе пановъ рады, которое сводилось къ извѣстію, переданному въ двухъ словахъ гонцомъ, что орденъ черезъ герольда объявилъ войну польской коронѣ, и что, по слухамъ, войска орденскія перешли границу и обложили крѣпостцу „Золотырню“. Пань рады умоляли короля возвратиться скорѣе и принять мѣры къ отраженію враговъ.

Во все время, пока Олесницкій читалъ посланіе, король незаметно шевелилъ рукою на груди, очевидно, дѣлая крестныя знаменія, и дважды украдкой поцѣловалъ свой шейный крестъ.

— Какой отвѣтъ прикажешь мнѣ написать, мой августѣйшій король и повелитель? — спросилъ съ низкимъ поклономъ Олесницкій.

— Отвѣтъ?! — переспросилъ Ягайлло и глаза его сверкнули какимъ-то страннымъ огнемъ.—Отвѣтъ мой—теперь ночь, спать пора!

Съ этими словами онъ сдѣлалъ рукой характерный знакъ, что говорившій можетъ удалиться.

Владиславъ Выша присмотрѣлся къ этому жесту еще въ Краковѣ, онъ почтительно ударилъ челомъ и вышелъ.

— Слышалъ?—обратился Ягайлло къ Витовту, когда они остались одни,—проклятые легки на поминѣ!..

— Этого надо было ожидать, вѣмцы ждаты не любятъ.

— А я все думалъ, что дѣло обойдется миромъ, что они поймутъ, что правда на моей сторонѣ.

— Жди ты благородства и правды отъ нѣмцевъ! — Витовтъ усмѣхнулся.—У нихъ гдѣ сила, тамъ и правда!.. Но что же дѣлать теперь въ этихъ обстоятельствахъ?

— Въ этихъ обстоятельствахъ, — самое лучшее—спать,—рѣшительно сказалъ Ягайлло.—Скоро полночь, а утро вечера мудренѣй.

Съ этими словами онъ всталъ и просилъ хозяина показать ему приготовленный для него покой. Витовтъ зналъ, что въ такія

*) Предсѣдатель совѣта королевскаго. Высшій титулъ государства.

минуты отъ медлительнаго Ягайлло не дожидаться ни одного слова, повелъ его въ покой рядомъ, гдѣ, на роскошно убранной шкурами звѣрей кровати, было приготовлено пышное ложе.

Секретарь королевскій, знаменитый подканцлеръ Тромба и нѣмой гайдукъ, вѣчные спутники короля, уже были тамъ.

Король молча выслалъ всѣхъ, исключая нѣмага, попрощался дружески съ Витовтомъ, снялъ съ груди большой золотой крестъ, повѣсилъ его надъ прилавкомъ, сталъ предъ нимъ на колѣни, и долго-долго читалъ молитвы, потомъ легъ, закрылся мѣховымъ одѣяломъ и приказалъ нѣмому позвать капеляна.

Капелянъ, тоже вѣчный дорожный спутникъ короля, очевидно, только ждалъ зова; онъ вошелъ почти тотчасъ же и подошелъ къ засыпающему королю.

— Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа!—проговорилъ онъ тихо по-латыни.

— Аминь!—почти беззвучно отозвался король.

Капелянъ благословилъ его крестомъ, прочелъ молитву на „сонъ грядущій“ и тихо удалился. А король уже спалъ.

На слѣдующее утро онъ всталъ, по обыкновенію, очень рано, и какъ-будто ничего не случилось, отправился на охоту. Витовтъ даже не удивился,—это была не безпечность, не забывчивость, онъ хорошо зналъ характеръ своего родственника,—просто, король не пришелъ еще ни къ какому рѣшенію. Никто изъ придворныхъ не смѣлъ, разумѣется, напоминать королю о гонцѣ изъ Кракова, да и самъ панъ Владиславъ старался спрятаться отъ взоровъ королевскихъ, чтобы избавиться отъ обратнаго перелета въ Краковъ на крыльяхъ гонца.

Такъ прошло два дня. Вдругъ однажды, среди охоты, король приказалъ своему стремянному трубить сборъ. Первымъ подошелъ Витовтъ.

— Я ѣду сейчасъ въ Краковъ, — заявилъ ему Ягайлло. — До Петрова дня еще далеко, треклятые крыжаки много захватить могутъ...

— Что же, добрый путь! Когда встрѣтимся? — спросилъ Витовтъ.

— Или ты забылъ—за десять дней до Петрова дня въ Червенскѣ Плоцкомъ.

— Я буду тамъ раньше тебя, другъ и братъ!

— Увидимъ!—улыбнулся Ягайлло въ отвѣтъ.—А теперь, мой союзникъ и братъ, ѣду нѣмцамъ зубы заговаривать, дойдутъ слухи, что я мирюсь съ нѣмцами—не вѣрь... Безъ тебя, ни въ мирѣ, ни въ войнѣ, ни единого слова. Въ томъ порукою мое королевское слово и св. Станиславъ, покровитель Польши.

— Вѣрю,—просто, искренно отвѣчалъ Витовтъ, и братья горячо обнялись.

Черезъ часъ Ягайлло, почти безъ свиты, скакалъ по варшавской дорогѣ, минуя Брестъ, а Витовтъ больше мили провожалъ его верхомъ.

— Помни уговоръ, время и мѣсто!—крикнулъ Ягайлло на прощаньи.

— Мнѣ ли забыть!—отвѣчалъ Витовтъ. Они разстались,

Съ этого дня кипучая дѣятельность Витовта не знала предѣла. Съ утра до ночи на конѣ, онъ то обучалъ свои дружины пѣшему и конному строю, то смотрѣлъ на состязаніе лучниковъ, давая за лучшіе выстрѣлы награды, то присутствовалъ при литѣ бомбардъ и другихъ новоизобрѣтенныхъ орудій, то дѣлалъ опыты съ ручными гранатами, которыя предлагалъ какой-то заѣзжіи волошскій мастеръ.

Всѣ вечера у него были посвящены перепискѣ; онъ писалъ увѣщательныя и призывныя грамоты къ удѣльнымъ князьямъ, призывая ихъ на войну съ нѣмцами. Каждое утро его довѣренныя гонцы, по большей части дворяне и бояре литовскіе и смоленскіе, выѣзжали въ сопровожденіи болѣе или менѣе нарядныхъ конвоевъ съ его грамотами; наконецъ, цѣлое посольство, изъ двухъ бояръ, при окольничьемъ и двухъ подканцлерахъ, было отправлено въ Москву къ зятю, великому князю Василю Дмитриевичу.

Изъ Золотой орды къ этому времени успѣлъ возвратиться молодой Туганъ-мираа; онъ привезъ уже извѣстный намъ договоръ султана Саладина и сообщилъ, что самъ султанъ Саладинъ на-дняхъ будетъ въ Вильнѣ.

Посланцы, вернувшіеся изъ Смоленска, доносили, что князья и бояре готовы служить ему головою, и что три смоленскихъ знамени, на свой коштъ, придуть въ Вильну къ вешнему Николѣ. Псковъ обѣщалъ еще чetyреста лучниковъ, а Новгородъ съ каждаго конца по десяти панцырниковъ да по пятидесяти бердышей. Стародубскіе, Одоевскіе и многіе другіе удѣльные князья обѣщали помощь деньгами и дружинами; даже Олегъ рязанскій обѣщалъ прислать ста два ратниковъ, да десятокъ дружинныхъ панцырниковъ. Про Жмудь и говорить было нечего, она шла поголовно,—народъ хотѣлъ лучше погибнуть въ кровавомъ, честномъ бою, чѣмъ на висѣлицахъ въ крыжацкихъ замкахъ.

Криве-кривейто разослалъ всюду свою тройную кривулю, знакъ народной священной войны, и изъ недоступныхъ, невидимыхъ дебрей Латы и Жмуди стали стекаться къ Эйрагольскому замку, назначенному мѣстомъ сбора, тысячи, десятки тысячъ такихъ удивительныхъ дикарей, что даже самъ жмудинскій князь Вингалла удивлялся.

Это по большей части были обросшіе волосами гиганты, со включенными и подчасъ сбитыми колтуномъ пуками непокорныхъ, жесткихъ рыжихъ волосъ, съ лицами, на которыхъ трудно было уловить даже искру чего-либо похожаго на общечеловѣчскія чувства. Колоссальнаго роста, исполинской силы, одѣтые въ звѣриныя шкуры, накинутыя прямо на голову, они напоминали собой дикихъ звѣрей. Необузданные въ проявленіяхъ

своей дикой, животной природы, они плохо уживались съ подобными себѣ, и очень часто ножъ и дубина заканчивали начавшуюся размолвку.

Единственно, что производило на нихъ какое-либо впечатлѣніе, это была тонкая палка съ крючкомъ, знакомъ криве, судьи и жреца Перкунаса. Она одна могла безнаказанно гулять по ихъ обнаженнымъ рукамъ или лицамъ. При первомъ прикосновеніи священной трости, эти гиганты смирялись и, падая ницъ, молили прощенія.

Языкъ ихъ былъ такъ грубъ и такъ бѣденъ, что природные литвины, и даже жмудины, мало понимали ихъ гортанное хриплое нарѣчіе. Предводителемъ у нихъ былъ, ничѣмъ отъ нихъ не отличавшійся, кунигасъ, какъ они его величали, Одомаръ; такой жедикій и исключенный, какъ и его подданные. Но, казалось, власть его была только номинальна, никто изъ этихъ дикихъ людей не оказывалъ ему особыхъ знаковъ вниманія, даже не вставалъ при его приближеніи, и только единственное преимущество давало ему его званіе, онъ первый вырѣзалъ себѣ изъ теплой еще оленьи кусокъ, который хотѣлъ, и пожиралъ его такъ, почти безъ соли, едва поджаривъ на угольяхъ.

Остановившись въ милѣ отъ замка князя Вингаллы, эти дикари тотчасъ устроили себѣ жилища изъ сосновыхъ вѣтвей, обложили ихъ землею и дерномъ, и усыпали мягкимъ мохомъ. Они пришли цѣлыми племенами, съ женами, стариками и дѣтьми. Имъ нечего было оставлять на прежнемъ пепелищѣ; это были лѣсные народы, еще не прикрѣпившіеся къ землѣ, а громадные лѣса жмуди давали широкой просторъ ихъ скитальческимъ нравамъ. Вызванные изъ своихъ тущобъ властными приказами своихъ криве, они шли туда, куда имъ указывали жрецы Перкунаса, и также покойно, какъ въ своихъ лѣсныхъ болотахъ, расположились въ пущахъ Эйрагольскаго княжества.

Даже самъ Вингалла и обрадовался, и отчасти испугался, нашествія этихъ дикихъ союзниковъ. Но по зрѣлому обсужденію онъ нашелъ, что въ бою подобные исполины, и по силѣ, и по неустрашимости, будутъ незамѣнимы, но все-таки старался создать изъ нихъ, нѣчто похожее на дружину или, какъ тогда говорили, знамя.

„Знамя“ или „хоругвь“, на литовскомъ и польскомъ языкѣ означало тоже самое, что отдѣльный отрядъ, и дѣйствительно, въ каждомъ знамени прежде всего мы видимъ около 200—250 верховыхъ панцырниковъ, вооруженныхъ длинными рыцарскими копьями, затѣмъ тяжелыми мечами и бердышами, т. е. топорами насаженными на тяжелыхъ рукоятяхъ.

Непосредственно за конными стояли пѣшіе панцырники, которые дѣлились на лучниковъ, мечниковъ и аллербардійцевъ. Затѣмъ шли охотники; это были люди, вооруженные чѣмъ попало, но по большей части у нихъ за поясомъ были обыкновенные топоры, а въ рукахъ свалуги или сулицы, т. е. кованныя желѣ-

зомъ палки или дубины. Подобная дружина или знамя всегда въ литовскомъ войскѣ строилась, по стародавнему обычаю, „клиномъ впередъ“, т. е. лучше вооруженные, а тѣмъ болѣе конные витязи, становились въ головѣ клина, а за ними стояли лучшіе пѣшіе воины, такъ называемые предзнаменники. Знамена у литовскихъ полковъ всѣ были одинаковы; они различались только цвѣтомъ поля, а изображеніе было одно и тоже, гербъ Литвы „погоня“, т. е. всадникъ на конѣ. Въ Польшѣ каждое знамя имѣло свой гербъ, по гербу того ясновельможнаго пана, на чей счетъ собиралось и вооружалось знамя.

Но эти дикіе сыны лѣсовъ совсѣмъ не хотѣли ни понимать, ни допускать у себя какого-либо строя, ни принять какого бы то ни было иного вооруженія, кромѣ своихъ громаднѣхъ сучко-тыхъ дубинъ, громаднаго вѣса и длины, которыми они съ одного удара убивали не только быка, но и зубра. У нѣкоторыхъ изъ нихъ были самодѣльные луки съ тонкими стрѣлами; но хотя луки по упругости были неизмѣримо сильнѣе татарскихъ польскихъ, но острія стрѣлъ, изготовленныя изъ рыбихъ костей и въ самомъ лучшемъ случаѣ изъ какого нибудь случайно попавшагося желѣзнаго гвоздя, были безусловно безвредны человѣку, одѣтому въ какія бы то ни было латы. Они, кажется, сами это сознавали, и за неимѣніемъ металла, дѣлали самодѣльные панцири и щиты изъ веревочныхъ цыновокъ, вродѣ теперешнихъ половиковъ, съ тою разницею, что веревки были льняныя, чрезвычайно крѣпко скручены и затѣмъ сплетены. Подобныя брони одно время употреблялись и въ войскахъ московскихъ и назывались „бактерцы“, но скоро замѣнены были желѣзными и мѣдными нагрудниками и коллотарями.

У ихъ предводителя, кунигаса Одомара, вооруженіе нисколько не было лучше его богатырей; только голову его прикрывала желѣзная шапочка на мѣху, „Ерихонка“, какъ ее тогда называли но и она, по общему обыкновенію, была прикрыта огромной головой рыси, шкура которой ниспадала на плечи и спину богатыря, да огромная дубина его была въ нѣсколько рядовъ окорана полосками шиннаго желѣза.

Когда, увѣдомленный о прибытіи новаго союзника, князь Вингалла полюбопытствовалъ отправиться въ станъ новыхъ пришельцевъ, онъ, несмотря на свою дикость и отчужденность всего, что могло только казаться иноземнымъ новшествомъ, былъ изумленъ и даже испуганъ при одномъ взглядѣ на этихъ дикарей, пришедшихъ изъ невѣдомыхъ дебрей, непроходимыхъ литовскихъ лѣсовъ.

— Кто ты, во имя громовержца Перкунаса?!—воскликнулъ онъ, съ изумленіемъ оглядывая предводителя дикарей,—не самъ ли Альцисъ, *) пришедшій на землю.

— Я кунигасъ Одомаръ, покорный велѣнью боговъ пришелъ

*) Геркулесъ литовской миселогіи.

сюда со всёмъ моимъ народомъ, на помощь кунигасу Вингаллъ Эйрагольскому.

— Я кунигасъ Вингалла!—воскликнулъ князь и протянулъ руку; но дикарь не сразу повѣрилъ, онъ съ недоувѣриемъ осмотрѣлъ, хотя крупную относительно, но тщедушную сравнительно съ нимъ фигуру стараго князя.

— Ты кунигасъ Вингалла?!—переспросилъ онъ,—почему же боги обидѣли тебя ростомъ и дородствомъ? А я думалъ видѣть въ тебѣ другаго Ишминзаса!.. Ну, все равно,—будемъ друзьями и братьями,—и страшный дикарь трижды облобызался съ Вингаллой.

— Пойдемъ ко мнѣ въ замокъ!—уговаривалъ его князь Эйрагольскій.

— Что я тамъ не видалъ... Развѣ твой замокъ просторнѣй этого лѣса, развѣ твои башни выше этихъ сосенъ?—отвѣчалъ Одомаръ.—Отцы и дѣды наши не знали стѣнъ и запоровъ, лѣсъ нашъ кормилецъ, лѣсъ нашъ замокъ... Помнишь, что говорить богиня Медзійома? *)—Литва живетъ въ лѣсахъ! Истребите лѣса —не будетъ Литвы... Истребляйте, истребляйте!..

— Я и такъ поднималъ мечъ, чтобы уберечь лѣса моей родины, боговъ моихъ отцовъ и дѣдовъ, священныхъ криве и сигонть!—отозвался Вингалла.

— Коли такъ, покажи мнѣ, гдѣ живутъ эти дровосѣки, покажи, моя сулица перевѣдается съ ними!—вскричалъ дикарь и грозно взмахнулъ страшной дубиной надъ головой.—Говори, говори, гдѣ эти дровосѣки?

XXVIII.

Рыцарское посольство.

Проводивъ короля польскаго и отправивъ гонцовъ и посольства, Витовтъ возвратился въ Вильну, гдѣ у него были громадныя склады оружія, одежды и всякаго снаряда воинскаго. Сюда стали одинъ за другимъ прибывать отвѣты отъ сосѣднихъ полунезависимыхъ государствъ, отъ удѣльныхъ князей и отъ Пскова и Новгорода. Большая часть удѣльныхъ и данническихъ князей пріѣхали лично, чтобы переговорить о времени и мѣстѣ сбора дружинъ; не было ни одного, кто бы не откликнулся тѣмъ или другимъ сособомъ на призывъ великаго князя Литовскаго.

Страшное пораженіе, понесенное ими десять лѣтъ тому назадъ на берегахъ Ворсклы, въ бою съ татарскими полчищами Эдигая, принесли также и свои хорошіе плоды для единовластія

*) Медзійома,—богиня охоты.

Витовта. Болѣе 70 удѣльныхъ князей пало въ битвѣ, многіе удѣлы остались безъ владыкъ и перешли къ великому князю; многіе бывшіе самостоятельными князьями стали въ отношеніе данническихъ, словомъ, это страшное пораженіе, вмѣсто того, чтобы сокрушить мощь великаго собирателя русско-лисовскихъ земель, еще больше укрѣпило ее! Больше даже—сами татарскіе ханы, перессорившись между собою, стали заискивать у Витовта, являлись на поклоненіе къ нему въ Вильну, и въ Вильнѣ же короновались кипчакскими царями. Имя Витовта и его обыкновенный подарокъ, для путешественниковъ въ татарскихъ земляхъ, шапка, дѣлала владѣльца неприкосновеннымъ. Самъ старшій Эдигай нѣсколько разъ присылалъ посольства и общалъ вѣчный миръ.

Не мудрено, что получивъ грамоту отъ Витовта, одинъ изъ сыновей Тохтамыша, султанъ Саладинъ, царствовавшая надъ одной изъ наиболѣе сильныхъ ордъ, кочевавшихъ между Дономъ и Вильною, тотчасъ собралъ толпу своихъ излюбленныхъ нукеровъ и тѣлохранителей и поскакалъ на призывъ великаго князя въ Вильну.

Извѣщенный о его прибытіи, Витовтъ распорядился, чтобы татарскому владѣтелю былъ устроенъ торжественный приемъ. Почти одновременно онъ получилъ извѣстіе, что особое чрезвычайное посольство отъ гротмейстера ордена тоже переѣхало границу и просить дозволенія прибыть въ Вильну.

Витовтъ удивился. Поддержка, оказываемая имъ возмущенною и возставшею противъ ордена Жмуди, уже не составляла ни для кого тайны. Его собственныя дружины, подъ предводительствомъ воеводы Здислава Бѣльскаго, дрались уже многократно въ Эйрагольскихъ владѣніяхъ.—Онъ ожидалъ гордаго объявленія войны, какъ и король польскій, и вдругъ узналъ, что къ нему ѣдетъ торжественное посольство, съ великимъ комтуромъ Бранденбургскимъ, Марквардомъ Зальцбахомъ во главѣ, съ мирными предложеніями.

Распорядившись, чтобы рыцарское посольство везли малыми дневками къ столицѣ, онъ поспѣшилъ приемомъ Саладина и роскошно угостилъ его въ Вильнѣ и въ Мѣдниковскомъ замкѣ, своей частной резиденціи.

Султанъ Саладинъ былъ одинъ изъ самыхъ выдающихся по удали и мужеству татарскихъ владѣтельныхъ князей; по отцу онъ былъ однимъ изъ чистѣйшихъ представителей бѣлой кости, а по лицу это было самое точное воплощеніе чисто тюркскаго типа.

Быстрый въ движеніяхъ, тонкій въ перехватѣ и широкой въ плечахъ, неутомимый наѣздникъ, удивительный стрѣлокъ изъ лука, онъ считался лучшимъ джигитомъ въ ордѣ, а его блистательные походы на возмущившихся князей сдѣлали его имя очень популярнымъ во всей степи.

Плохой политикъ, онъ шелъ туда, гдѣ онъ думалъ найти

больше добычи и больше сабельной работы. Онъ съ дѣтскихъ лѣтъ привыкъ видѣть въ Витовтѣ могущественнаго героя-короля, давшаго убѣжище его престарѣлому отцу съ семействомъ и, кромѣ чувства благодарности къ Витовту, его влекла подѣ его знамена надежда на невиданно большую добычу,—по рассказамъ, страна рыцарей была переполнена и золота, и серебра, и дорогихъ коней.

Согласно заранѣ написанному соглашенію, онъ обязывался выставить въ поле, по требованію великаго князя Литовскаго, 30,000 всадниковъ; онъ ѣхалъ теперь только условиться въ подробностяхъ.

Послѣ долгаго пира, на которомъ оба, и гость и хозяинъ, почти ничего не ѣли и не пили, Витовтъ по обыкновенію, приобрѣтенному съ дѣтства и воплотившемуся въ привычку, а молодой султанъ Саладинъ по закону Магометову, князь отвелъ своего гостя въ отдѣльный покой и заговорилъ первый.

— Успѣешь-ли ты привести свою рать къ Вильнѣ до „уразы“?—спросилъ онъ опредѣлительно, зная, что во-время уразы, т. е. татарскаго ежегоднаго мѣсячнаго поста, большіе переходы немислимы.

— Какой „уразы“? Полмѣсяца раньше приду! Помни слово султана Саладина,—отвѣчалъ тотъ увѣренно.

— Но вѣдь можетъ быть какая задержка, рѣки, бездорожье...

— Для моихъ степныхъ беркутовъ задержки не ма!.. Нѣтъ такой рѣки, нѣтъ такой дороги, которая удержитъ улемовъ султана Саладина... султанъ Саладинъ будетъ!

— Помни... Саладинъ... Это война будетъ послѣдняя... Въ этой войнѣ мы, или погибнемъ, или заслужимъ всемірную славу.

— Славу?—переспросилъ султанъ.—Какую славу?

— Великую, неумираемую славу!

— Я тебѣ вотъ что скажу, могущественнѣйшій князь, пусть будетъ такъ: слава,—твоя, добыча—наша!.. Бей рука, такъ будетъ.

Витовтъ не могъ удержаться отъ улыбки и протянулъ руку Уже въ бою подѣ Ворсклой, онъ понялъ какого опаснаго соперника имѣетъ рыцарство, тяжело вооруженное, сидящее на тяжелыхъ коняхъ, въ открытомъ бою съ легкой татарской конницей, появляющейся и исчезающей на полѣ битвы, словно ураганъ въ степи! Ему во что бы то ни стало хотѣлось чѣмъ-нибудь, кромѣ даннаго слова, привлечь татаръ въ эту страшную и послѣднюю войну.

— Добыча твоя, все, что возьмешь на арканъ и копье, все твое!

— Иль Алла! Вотъ это такъ... Только смотри, Шоринъ-Шоръ, безъ выкупа и тебѣ плѣнныхъ не отдадимъ... Все съ собой въ орду погонимъ!..—Витовтъ улыбнулся вторично.

Татаринъ не только не сомнѣвался въ побѣдѣ, но уже впередъ распоряжался воинской добычей.

Между свитой султана Саладина, Витовтъ замѣтилъ и моло-

дого сына Желадинъ-султана, Тугана-мирзу, блистательно выполнившего опасную миссию въ орду. Онъ подозвалъ его къ себѣ, очень обласкалъ и спросилъ объ отцѣ. Старый слѣпецъ былъ живъ и черезъ силу тоже прѣхалъ въ Вильну повидаться со своими дальними родственниками и бывшимъ владыкой, сыномъ Тохтамыша. По обыкновенію татаръ—кипчаковъ, онъ не вѣхалъ въ городъ, но сталъ станомъ недалеко отъ городскихъ стѣнъ, въ лѣсу.

* * *

Со времени описаннаго нами празднества въ замкѣ воеводы Бѣльскаго какая-то странная хандра напала на молодого Туганъ-мирзу. Образъ красавицы панны Розаліи преслѣдовалъ его и день и ночь. Но она была недоступна теперь его пламеннымъ желаніямъ! Одна надежда добыть ее заключалась въ войнѣ, а войны все не было, и молодой татаринъ просто потерялъ голову. Милость великаго князя придала ему, казалось, надежды. По случаю прибытія иноземнаго посольства, въ Вильнѣ уже заранѣе были назначены торжества и балы, и онъ надѣялся увидать на нихъ свою возлюбленную. Онъ зналъ, что пани Розалія съ отцомъ гостить теперь въ Вильнѣ у родственниковъ. Но сколько разъ въ день онъ ни проѣзжалъ на своемъ карабахѣ мимо оконъ ея дома, ни малѣйшаго слѣда жизни не замѣчалъ онъ за тяжелыми желѣзными рѣшетками оконъ... Не мудрено, жилые покои выходили во дворъ, а на улицу помѣщались только кладовыя.

Разъ, рѣшившись на войну, Витовтъ уже не льстилъ себя надеждой, подобно королю Ягайллѣ, что дѣло можетъ уладиться полюбовно; онъ во что бы то ни стало хотѣлъ, однако, выиграть время и оттянуть насколько возможно время объявленія войны. Онъ зналъ, что зимою, когда топкія болота Жмуди замерзаютъ, вторженіе въ эту область для нѣмцевъ гораздо легче, чѣмъ весною, когда дороги превращаются въ рѣки, а поля въ топи.

Отдавъ приказаніе торжественно встрѣтить нѣмецкое посольство, онъ самъ наканунѣ уѣхалъ въ Троки, предоставивъ своимъ боярамъ, съ намѣстникомъ Монтвидомъ во главѣ, принять и угостить дорогихъ гостей.

Наконецъ, въ назначенный день, при громѣ пушекъ съ надворотныхъ укрѣпленій, рыцарское посольство верхомъ подъѣхало къ самымъ стѣнамъ Вильны.

Предъ воротами ихъ встрѣтилъ намѣстникъ Монтвидъ въ парадномъ кафтанѣ, поверхъ котораго была накинута дорогая соболья шуба. Его окружали высшіе бояре княжества, пажи, круглецы и сильный отрядъ тѣлохранителей. Толпы народа стояли какъ на крѣпостныхъ стѣнахъ, такъ и вдоль всей улицы, ведущей отъ воротъ къ дому, отведенному подъ посольство.

Бояре съ Монтвидомъ во главѣ стояли пѣшіе предъ растворенными воротами. Посольству тоже пришлось остановиться и

слѣвать съ коней, что уже не понравилось представителю ордена, знаменитому Бранденбургскому комтуру Маркварду Зальцбаху.

Привыкшій повелѣвать, посланный съ важнымъ и нетерпящимъ отлагательства порученіемъ, онъ былъ крайне удивленъ и встревоженъ, когда Монтвидъ въ привѣтственной рѣчи, сказанной предъ воротами, упомянулъ объ отсутствіи великаго князя и о томъ, что онъ опечаленъ, что не можетъ немедленно принять почетное посольство.

— Но гдѣ же его величество король вашъ? *)—воскликнулъ пылкій Марквардъ.—Мы поѣдемъ къ нему... Порученіе, данное намъ, не терпитъ отлагательства.

— Всепресвѣтлѣйшій государь, великій князь, отъѣзжая по дѣлу большой важности, очень печаловался, что не можетъ тотчасъ принять дорогихъ гостей, и повелѣлъ мнѣ, своему покорному рабу, именемъ его принять васъ, великихъ пословъ, съ почестью. А о днѣ его возвращенія и пріемъ вашемъ объявлено будетъ вамъ особо, отъ его великогосударевой мости.

— Но гдѣ же онъ теперь?—съ нетерпѣніемъ допытывался Марквардъ.

— Что поручено мнѣ исполнить, благородный рыцарь, я исполняю, а отвѣчать на твой вопросъ не могу, ибо не имѣю на то порученія отъ моего владыки.

— Зачѣмъ же насъ звали въ такомъ случаѣ въ Вильну?!—горячился Марквардъ.—Мы бы лучше подождали на границѣ или возвратились обратно.

— Не воленъ я осуждать, что дѣлаетъ князь, я повинуюсь; приказъ звать васъ въ Вильну отъ него происходитъ!..

Марквардъ перекинулся нѣсколькими словами съ другими рыцарями посольства; всѣ были такъ же какъ и онъ удивлены отсутствіемъ великаго князя, но дѣлать было нечего, они рѣшились дожидаться его возвращенія.

Въ это время изъ толпы городскихъ чиновниковъ и офицеровъ выступила депутація францисканскихъ монаховъ, они просили нѣмецкихъ рыцарей прежде всего заѣхать въ ихъ монастырь и помолиться въ ихъ церкви «Маріи Дѣвы», что на пескахъ.

Хотя Маркварда Зальцбаха, рыцаря-воина, пріѣхавшаго съ политической, а не церковной миссіей, и не очень радовало странствовать по монастырямъ и церквямъ, но дѣлать было нечего, онъ долженъ былъ согласиться.

Послѣ короткой молитвы въ францисканскомъ монастырѣ, кортежъ посольства, предшествуемый и окруженный офицерами гарнизона и городскими чиновниками, двинулся къ нижнему Виленскому замку, у воротъ котораго встрѣтили ихъ великокняжескіе бояре, дворяне и старшіе чины двора, съ хлѣбомъ и солью, и кубкомъ пива на золотомъ блюдѣ.

*) Рыцари часто давали титуль королей литовскимъ князьямъ.

Отъ замковыхъ воротъ процессія пошла къ кафедральному собору, гдѣ уже ждало духовенство съ крестами, святою водою и кадилами.

Марквардъ становился все веселѣе и веселѣе. Онъ сообразилъ, что такъ не встрѣчаютъ завѣдомыхъ враговъ. Главной цѣлью его миссіи было раздѣлить Литву и Польшу, и пользуясь превосходствомъ силъ, дать время ордену обрушиться на богатую Польшу, и уже тогда, когда первый соперникъ будетъ разбитъ, продиктовать свою волю литовскому великому князю.

Задушевность, торжественность и чрезвычайная религіозность всѣхъ обрядовъ приѣма ему нравились. Онъ уже не однажды бывалъ въ Литвѣ. Лѣтъ 10 тому назадъ, посланный во главѣ отряда крестоносныхъ братій помогать Витовту въ бою съ невѣрными, по тогда и Вильна, и самый приѣмъ казались ему исполненными всевозможной языческой мерзости, которую онъ глубоко ненавидѣлъ.

Посольство на этотъ разъ было, по приказанію великаго князя, помѣщено въ посольскомъ домѣ, деревянномъ зданіи, выстроенномъ на берегу Вилии и огражденномъ, въ видѣ укрѣпленія, высокимъ тыномъ. Эта ограда имѣла двойную цѣль: предохранить посольство отъ возможности внезапнаго нападенія озлобленнаго народа, а съ другой стороны, лишало людей свиты возможности быть послухами, шипами или шпионами, стѣны были высоки, а у воротъ всегда стояла почетная стража.

Первый католическій епископъ Литвы, Андрей Васило, еще больше увѣрилъ ихъ въ миролюбивыхъ намѣреніяхъ великаго князя. Это былъ бодрый, высокаго роста, благообразный старикъ съ пріятными манерами, хорошо говорившій по-нѣмецки и по-латыни. Онъ увѣрялъ пословъ, что новообращенная Литва, и въ особенности самъ великій князь, отличается особымъ усердіемъ къ хрістіанству и вполне покорны велѣніямъ папы.. Что союзъ съ польскимъ королемъ Ягайлой—дѣло чисто временное, домашнее, и что Витовтъ не дерзнетъ разорвать своего союза съ орденомъ!

Говорилъ ли такъ прелать по собственному побужденію или по приказу великаго князя, опредѣлить трудно, но слова его подействовали на представителя рыцарства, и онъ рѣшился покорно дожидаться возвращенія владыки Литвы.

Между тѣмъ Витовтъ не дремалъ; изъ Трокъ, какъ прежде изъ Бреста, ежедневно во всѣ стороны скакали гонцы съ письмами къ союзникамъ, или съ приказами воеводамъ спѣшить собираніемъ войскъ и запасовъ. Переписка съ королемъ шла ежедневная и отъ Ягайлы было получено извѣстіе, что крестоносцы тотчасъ же по объявленіи войны вступили въ предѣлы королевства, и что, не имѣя возможности предупредить вторженіе, король послалъ депутацію, предлагая разрѣшить дѣло о Дрезденикѣ третейскимъ судомъ, но съ требованіемъ девяти мѣсячнаго перемирія.

Рыцари согласились, на томъ условіи, чтобы всѣ земли, захваченныя ими до перемирія, оставались въ ихъ рукахъ. Ягайлло согласился и на это... не было другого исхода, и въ письмѣ, которымъ онъ извѣщенъ объ этомъ, была приписка, понятная только одному Витовту.

«А посему,—писалъ Ягайлло рукою своего секретаря Олесницкаго,—срокъ сему перемирію истекаетъ на ранніе Петрова дня, о чемъ извѣщая, памятую срокъ накрѣпко!»

— За десять дней до Петрова дня!—мелькнуло въ мысляхъ Витовта,—ты помнишь, а я и подавно!.. Буду на Плоцкомъ, если бы даже сама Висла вспять потекла!

Теперь дѣло было сдѣлано, до конца іюня вторженіе въ Польшу было отсрочено, спорное дѣло о Дрезденикѣ поступало на третейскій разборъ нѣмецкаго короля Чехии,—Венцеля, а братъ его, король Венгерскій и императоръ Германскій—Сигизмундъ, взялись быть посредниками между Польшей и орденомъ.

Ко дню заключенія перемирія, нѣмцы успѣли захватить Добржикъ, Липно, Рыпинъ и осадили Бобровники. Потерявъ, хотя временно такія цѣнныя коронныя земли, которыхъ, разумѣется, рыцари не отдадутъ обратно безъ боя, Ягайлло былъ связанъ болѣе чѣмъ когда бы то ни было съ Витовтомъ; потеря земель королевскихъ была гораздо сильнѣйшая цѣпь, чѣмъ писаные договоры и честное слово, которымъ не очень-то довѣрялъ литовскій князь. При всей мягкости и довѣрчивости своего характера въ такихъ дѣлахъ, гдѣ дѣло шло не о собственной личности, но о цѣлости всего государства, страшно было ему основываться на одномъ словѣ Ягайллы, который столько разъ измѣнялъ и словеснымъ, и письменнымъ обѣтамъ. Теперь иное дѣло, рѣшеніе короля Венцеля, задолжавшаго до головы, и только что получившаго еще нѣсколько десятковъ тысячъ отъ орденской братіи, подъ залогъ своихъ фиктивныхъ владѣній въ Добржинской землѣ, не подлежало сомнѣнію... Дрезденикъ и все захваченное нѣмцами, разумѣется, будетъ оставлено рыцарямъ... Отбить ихъ можно только силой,—а эта сила союзъ съ Литвой. Теперь Витовтъ уже не медлилъ больше и послалъ сказать нѣмецкимъ посламъ въ Вильну; что онъ возвращается въ столицу и назначаетъ имъ торжественный пріемъ въ первое же воскресенье, послѣ обѣдни.

Съ утра всѣ подступы и переулки, ведущіе къ великокняжескому дворцу; стоявшему между нижнимъ и верхнимъ замкомъ, были полны народомъ. Великій князь пріѣхалъ уже въ столицу и отдалъ распоряженіе о возможно болѣе торжественномъ пріемѣ посольства.

Отборныя дружины великокняжескія стояли по обѣимъ сторонамъ пути; отъ дома посольства до самаго замка.

Тутъ были и ряды литовскихъ латниковъ, схожіе по вооруженію съ крестоносцами, но только безъ орденскихъ плащей, и русскіе панцырники, одѣтые въ кольчуги, т. е. длинныя рубашки,

спускающіяся до колѣнъ и составленныя изъ сплошныхъ рядовъ стальныхъ колечекъ. Поверхъ этой кольчуги надѣвался панцырь изъ крѣпкихъ желѣзныхъ листовъ, затѣмъ колантыри и поножки изъ того же металла. Вооруженіе ихъ дополняли большіе овальные щиты и тяжелые мечи двуручники, т. е. съ такими длинными рукоятками, что въ бою ихъ можно было брать обѣими руками. Далѣе, т. е. ближе къ замку, видѣлись пѣшіе смоленскіе воины въ кольчугахъ, броняхъ, съ громадными топорами на длинныхъ топорищахъ. Еще далѣе стояли сѣрые ряды псковскихъ лучниковъ, одѣтыхъ въ кольчуги и ерихонки, желѣзныя шапочки, съ длинными тугими луками за плечами и колчанами полными стрѣлъ. У самаго замка стояли отборные литовскіе рыцари и богатыри въ парадныхъ кафтанахъ, безъ брони, но только при мечахъ; и среди нихъ выдѣлялись своими широкими, бронзовыми лицами татарскіе князья и главные начальники кипчакскихъ поселеній въ Литвѣ.

Рыцари, въ полномъ вооруженіи, предшествуемые герольдами и трубачами, на великолѣпно разукрашенныхъ коняхъ, мѣрно, шагомъ, какъ приличествуетъ столь знатнымъ особамъ, тронулись въ путь. Всѣ три представителя ордена, Марквардъ Зальцбахъ Морицъ фонъ Плауель и Гербертъ фонъ Ледисербрунненъ, были рыцари самой чистой пробы, и потому плащи ихъ были ослѣпительно бѣлаго цвѣта съ черными суконными крестами на груди. Павліныя перья въ три ряда возвышались на ихъ шлемахъ, какъ знакъ извѣстнаго дворянскаго происхожденія. Предъ каждымъ оруженосецъ, одѣтый пестро и богато, несъ щиты съ изображенными на нихъ гербами. Гербъ Маркварда—скала съ вѣнчающимъ ее замкомъ и тремя ласточками, знакомъ, что его предки участвовали въ крестовыхъ походахъ, былъ украшенъ болѣе чѣмъ дерзкимъ девизомъ: «Кто посмѣетъ»? Гербы двухъ другихъ рыцарей были нѣсколько скромнѣе, но зато сами рыцари держались такъ гордо и надменно на своихъ, закованныхъ въ латы и покрытыхъ шелковыми попонами, коняхъ, какъ только могутъ быть горды и заносчивы нѣмцы, сознающіе свою мощь.

Народъ, тѣнившійся позади шпалеръ войскъ, съ удивленіемъ и далеко не скрываемымъ озлобленіемъ смотрѣлъ на торжествующую процессію орденскихъ посланцевъ, и если бы не строгій приказъ великаго князя, который не любилъ шутить съ слушниками, да не присутствіе дружины, много бы камней полетѣло въ головы ненавистныхъ нѣмцевъ.

Поровнявшись со смоленскими полками, вооруженными какъ-то странно, топорами, что считалось постыднымъ въ глазахъ европейскаго рыцарства, оба рыцаря, Морицъ и Гербертъ, не могли удержаться отъ улыбки.

Это дровосѣки, а не витязи!—замѣтилъ Гербертъ,—мнѣ совѣстно одной мысли, что придется когда-нибудь драться съ этой сволочью.

— Я же тебѣ раньше говорилъ, братъ Гербертъ, что во всемъ литовскомъ войскѣ больше ложекъ, чѣмъ мечей!

— А эти, взгляни, что это за люди... Клянусь, это настоящие сарацины,— снова тихо проговорил Гербертъ, показывая взглядомъ на кипчакскихъ князей, стоявшихъ у воротъ замка,— я видѣлъ подобныхъ и въ Смирнѣ, и въ Константинополѣ.

— Конечно, да вѣдь весь орденъ считаетъ и всю Литву за сарациновъ. О, этотъ народъ еще во сто разъ хуже, безчестнѣе и мстительнѣе, но зато трусливѣе южныхъ сарациновъ,— отвѣчалъ Морицъ.— О, какъ бы я хотѣлъ поймать хоть одного изъ этихъ косоглазыхъ и привести на веревкѣ въ Мариенбургъ.

Такъ разсуждали рыцари, подъѣзжая къ замку. Одинъ только Марквардъ, ѣхавшій на десять шаговъ впереди, не проронилъ ни слова и очень понятно почему: онъ ѣхалъ одинъ и говорить ему было не съ кѣмъ. Но и онъ такъ же, какъ и его спутники, презрительно оглядывалъ ряды литовско-русскаго войска, быстрые, невыровненные, смѣшанные, съ разнымъ вооруженіемъ, и мысленно сравнивалъ его съ блестящими, превосходно и, главное, однородно вооруженными орденскими войсками.

Въ рядахъ войскъ было крайне тихо. Народъ сзади безмолвствовалъ, не было слышно радостныхъ криковъ, только гулъ многотысячной толпы порою доносился до рыцарей.

За то у самыхъ воротъ, въ толпѣ витязей и главныхъ начальниковъ, слышался сдержанный говоръ. Многие дивились роскоши вооруженія самихъ пословъ, другіе любовались лошадьми, гордо ступавшими подъ тяжелыми всадниками. Исполинскій ростъ Маркварда Зальцбаха и его выразительное, но непріятное по выраженію лицо, были памятны многимъ. Многие, изъ ущѣлѣвшихъ въ бою подъ Ворсклой князей и витязей, помнили, какъ онъ сначала храбро дрался противъ татаръ, а потомъ, охваченный общей паникой, бѣжалъ, сбросивъ латы, шлемъ и даже шить, чтобы облегчить свою лошадь.

Султанъ Саладинъ, стоявшій рядомъ съ Туганомъ-мирзой, выслушивалъ его наивныя замѣчанія, улыбался, и какъ человѣкъ бывалый, просвѣщалъ своего молодого единовѣрца и дальняго родственника.

— Ахъ, какой джигитъ, смотри, и борода какая, а мечъ-то, мечъ, три локтя будетъ... Кто это... не самъ-ли магистръ или маршалъ?

— А ты почему про магистра знаешь?— переспросилъ Саладинъ.

— Или не знаешь, султанъ Саладинъ,— вмѣшался въ разговоръ Яковъ Бѣльскій, хорошо говорившій по-татарски,— вѣдь Туганъ-мирза спитъ и видитъ магистра, или хотя великаго маршала, на арканъ поймать...

— Вотъ какъ?.. А зачѣмъ тебѣ они?— улыбнувшись, спросилъ Саладинъ. По приему, оказанному Витовтомъ его молодому родственнику, онъ понималъ, что тотъ извѣстенъ, какъ удалецъ.

Туганъ-мирза смутился и хотѣлъ от молчаться.

— Все равно, я за него скажу,— продолжалъ Бѣльскій, кото-

раго живо интересовалъ эпилогъ объясненій между его кузиной панной Розаліей и татарскимъ княземъ.

— Вотъ видишь-ли, влюбился нашъ Туганъ-мирза въ одну красавицу и вмѣсто колыма общалъ ей привести на арканѣ или магистра, или великаго маршала, вотъ теперь и хочеть узнать въ лицо, чтобы не ошибиться.

Султанъ Саладинъ расхохотался.

— О, теперь мнѣ все понятно. Великій Аллахъ!.. А то представь себѣ, старый князь Джеладинъ никакъ не можетъ заставить Туганъ-мирзу взять себѣ жену... Не хочу, да и полно, ну, теперь я понимаю, ай, да Туганъ-мирза... Вотъ онъ у васъ какой... Хорошо, надо отцу сказать... надо сказать...

Туганъ-мирза быстро схватилъ Саладина за руку.

— Заклинаю бородою пророка, ни слова моему отцу... Я вполне свою клятву или погибну!..

— Валлахъ, Биляхъ! Да ты въ самомъ дѣлѣ превратился во влюбленнаго сына Айши... А сердце небось стало кускомъ кебаба (жаркаго). Ну, хорошо, пока не скажу ни слова отцу, но ты долженъ показать мнѣ свою гурію.

— Да какъ же я покажу ее тебѣ, когда вотъ уже три мѣсяца глаза мои не видятъ ее.

— Насчетъ этого, пусть успокоится сердце твое, — отвѣчалъ Бѣльскій, — сегодня на торжествѣ у великаго князя будетъ и сестра моя, и панна Розалія!..

— Аллахъ Башихъ! — воскликнулъ Туганъ-мирза, — за одно это извѣстіе я готовъ отдать годъ жизни.

Султанъ Саладинъ только покачалъ головой. Онъ самъ былъ еще очень молодъ, и по опыту зналъ, какъ опасны сердечныя раны. Онъ тоже былъ влюбленъ въ красавицу, кавказскую полонянку, привезенную въ даръ его отцу, и за нее уступилъ брату, которому она досталась на долю, свои права на ханство въ Ордѣ.

Процессія подвигалась далѣе. У входа во дворецъ стояло нѣсколько сотъ слугъ и комнатныхъ дворянъ (круглецовъ). Двери аудіенцъ-залы охраняли восемь огромныхъ стражниковъ съ суровыми, мужественными лицами. Они были одѣты одинаково и даже походили другъ на друга, словно родственники. У всѣхъ подбородки были гладко выбриты и только длинные усы висѣли ниже лица.

Кафтаны на нихъ были суконные, бѣлые, отороченные бѣлымъ мѣхомъ, и обшитые въ три ряда бѣлымъ серебрянымъ галуномъ. Они держали на плечахъ огромные бердыши изъ полированной стали съ серебряными украшеніями; высокія медвѣжьи шапки, обвитыя спирально золотыми цѣпями, концы которыхъ падали на плечи, дополняли ихъ нарядъ.

Впереди посольства шелъ съ жезломъ въ рукахъ оберъ-церемоніймейстеръ и за нимъ четверо герольдовъ. Взойдя въ тронную залу, онъ доложилъ о прибывшихъ и остановился въ ожиданіи приказа ввести посольство.

Витовтъ махнулъ рукой въ знакъ согласія, двери въ зало отворились, и трое рыцарей, сопровождаемые блестящей свитой, вошли въ зало.

Великій князь сидѣлъ на тронѣ, т. е. на высококомъ, украшенномъ богатой рѣзьбой и позолотой, креслѣ. Рядомъ съ нимъ стояли четыре пажы въ бѣлыхъ одеждахъ, по два съ каждой стороны, а далѣе на стульяхъ воссѣдали его старшіе совѣтники и секретари.

Марквардъ Зальцбахъ твердой и рѣшительной поступью вошелъ въ зало и, остановившись шагахъ въ десяти отъ трона, поклонился великому князю и сказалъ внятно и громко по-нѣмецки.

— Державному и могущественному королю Литвы и Руси, отъ имени гросмейстера, великаго маршала и всей орденской братіи, миръ и привѣтъ, здравіе и долгоденствіе.

— Благодарю свѣтлѣйшаго гросмейстера, великаго маршала и всю благородную братію ордена,—сказалъ Витовтъ, поднимаясь съ трона и дѣлая два шага впередъ,—за привѣтъ и пожеланія. И желаю имъ того же...

— Еще повелѣлъ мнѣ могущественнѣйшій, благороднѣйшій братъ во Христѣ, гросмейстеръ Ульрихъ фонъ-Юнингенъ, передать вашему королевскому величеству это собственноручное письмо.

Съ этими словами Марквардъ Зальцбахъ взялъ изъ рукъ, стоявшаго рядомъ съ нимъ, пажы свитокъ въ золотомъ футлярѣ и съ новымъ поклономъ подалъ великому князю.

— Принимаю и поспѣшу отвѣтомъ,—отвѣчала, взявъ свитокъ и передавая его пажу, великій князь,—а теперь, доблестный рыцарь, прошу откушать моего хлѣба-соли и выпить чару вина.

Аудіенція была кончена. Маркварду не удалось сказать болѣе ни слова. Великій князь далъ знакъ рукою и церемоніймейстеръ повелъ посольство и ихъ свиту въ залъ, гдѣ былъ накрытъ парадный обѣдъ.

Конечно, обѣдъ этотъ былъ только одной проформой, такъ какъ бѣсть что-либо въ полномъ рыцарскомъ вооруженіи было очень трудно, но зато заздравница слѣдовала за заздравницей, и гости пили и за короля—великаго князя Литвы и Руси, и за гросмейстера, и за великаго маршала, и за пословъ.

Крѣпокъ литовскій медъ. Велики литовскія чаши и турьи-рога. Въ головѣ пословъ шумѣло, когда они возвращались въ свои покои. Но этимъ еще не были исчерпаны празднества этого дня. Великій князь, послѣ трапезы, самъ лично пригласилъ рыцарей къ себѣ на вечерній пиръ, шута прибавивъ.

— Только прошу безъ латы и безъ оружія... Въ стѣнахъ моего замка я отвѣчаю за вашу безопасность.

— Съ воцареніемъ вашего величества, безопасность царить во всей землѣ литовской...—находчиво отвѣтилъ Марквардъ,—

но, ваше величество, простите, уставъ рыцарскій запрещаетъ намъ являться безъ мечей!

— Что же говорить о мечахъ... Мечъ есть знакъ и клейнодъ для воина, я говорю только о латахъ... Впрочемъ, если уставъ орденскій...

— О, нѣтъ, ваше величество, латы останутся дома, нашимъ щитомъ будетъ только слово вашего величества.

XXIX.

Пиръ.

Весь замокъ великокняжескій сіялъ огнями. Всѣ вельможи бояре, главные начальники войскъ и многіе изъ выдающихся витязей, безъ различія національностей, давно получили отъ великаго князя приглашеніе быть съ женами и дочерьми на празднествѣ, устроенномъ великимъ княземъ по случаю дня именинъ его супруги, великой княгини Анны.

Женщины, для которыхъ подобныя общевеселительныя собранія были чрезвычайной рѣдкостью, съ лихорадочной дѣятельностью принялись за приготовленіе достойныхъ такого важнаго случая костюмовъ.

Русскія боярыни, по обычаю, явились въ длинныхъ сарафанахъ съ прозрачными фатами на лицахъ. Литовскія и польскія дамы, напротивъ, щеголяли не только открытыми лицами, но даже обнаженными плечами. Платья ихъ, шитыя золотомъ и серебромъ, отличались вычурностью покроя и массой безцѣнныхъ кружевъ, перемѣшанныхъ съ жемчугомъ и золотыми сѣтками. Наряды русскихъ боярынь и боярышень, хотя столько же драгоценныя, казались гораздо невзрачнѣе, но скромнѣе, да и сами владѣтельницами не отличались большою подвижностью. Войдя въ обширное зало и, отдавъ поклонъ княгинѣ и великой княжнѣ Ракѣ Витовтовнѣ, онѣ чинно сѣли вдоль стѣнъ.

Великая княгиня Анна, не смотря на преклонный возрастъ, сохранившая на лицѣ остатки чудной красоты, была тоже въ русскомъ платьѣ, но только съ открытымъ лицомъ. Фата ея, изъ прозрачной индійской ткани, была закинута за плечи.

Рядомъ съ ней сидѣла дѣвушка ослѣпительной красоты, тоже въ русскомъ костюмѣ, но тѣже съ отброшенной назадъ фатой. Это и была единственная дочь великаго князя, княжна Рака или, какъ звали ее католики, Урака.

Давно уже витязи и князья сосѣднихъ народовъ добивались чести назвать грознаго владыку литвинъ своимъ тестемъ, но Витовтъ предоставилъ выборъ жениха дочери, и сердце ея еще ни разу не билось при видѣ молодыхъ красавцевъ... Ее, какъ и ея родителя, особенно прельщала слава воинскихъ подвиговъ, и она готовилась отдать свое сердце и руку только герою!

Большое впечатлѣніе произвели двѣ красавицы; Зося Бѣльская и Розалія Барановская, вошедшія подъ охраной стараго воеводы Здислава Бѣльскаго.

Почтительно поклонившись великой княгинѣ и, поцѣловавъ ея руку, обѣ молодыя дѣвушки отдали по низкому поклону княжнѣ и сѣли недалеко отъ нихъ на скамьяхъ, исключительно приготовленныхъ для женскаго персонала.

Подобные балы или, какъ тогда ихъ называли, вечерніе пиры были еще новостью, недавно завезенной изъ Польши, а потому большинство литовскихъ и польскихъ дамъ не знали какъ себя держать и чинно сидѣли по мѣстамъ, поглядывая, что будутъ дѣлать малополянки, бывавшія въ Краковѣ, гдѣ подобныя собранія были очень въ ходу съ первыхъ лѣтъ воцаренія покойной королевы Ядвиги.

Молодежь, которой было относительно немного, такъ какъ великій князь звалъ только высшихъ сановниковъ, да самыхъ родовитыхъ людей государства, столпилась кучкой и, въ ожиданіи прибытія великаго князя украдкой посматривала на красавицъ, изъ которыхъ многихъ довелось имъ видѣть въ первый разъ.

Пани Бѣльская и Барановская привлекали всѣ взоры. На обѣихъ были костюмы, сшитые лучшими краковскими портниками, да и красотой онѣ могли поспорить со всѣми, не исключая даже и прославленной княжны Раки.

Онѣ не въ первый разъ были на балахъ и потому держали себя гораздо увѣреннѣе, чѣмъ большинство ихъ сверстницъ, и хотя по этикету не ходили по залѣ, а сидѣли на занятыхъ разъ мѣстахъ, но смѣло разсматривали общество и не потупляли глаза въ землю, какъ большинство ихъ подругъ и сверстницъ.

Недалеко отъ главнаго входа, стараясь скрыться за массивной колонной, поддерживающей своды, стоялъ молодой Тунганъ-мирза. Костюмъ на немъ былъ ослѣпительнъ. Вся куртка была вышита золотомъ и выложена жемчугомъ и дорогими камнями. Эфесъ сабли и рукоятка кинжала горѣли изумрудами и яхонтами. Онъ стоялъ какъ вкопанный, не сводя глазъ съ одной точки; надо-ли говорить, что этой точкой была красавица Розалія Барановская.

— Здорово, Тунганъ!—проговорилъ, положивъ ему руку на плечо, султанъ Саладинъ, только-что замѣтившій пріятеля.—Ну, показывай розу, въ которую влюбился соловей.

— Неужели ты ее не видишь, она одна и только одна сіяетъ, какъ утренняя звѣзда на небѣ!—съ пафосомъ отвѣчала Тунганъ.

— Ты ошибаешься, я вижу не одну, а три звѣзды! Которая же изъ нихъ?—и Саладинъ головой показалъ по направленію къ великой княжнѣ и двумъ кузинамъ.

— Угадай!—задорно проговорилъ Тунганъ,—клянусь костями дѣдовъ и прадѣдовъ, самъ великій пророкъ Магометъ не сдѣлалъ бы иного выбора.

— Биссимъ Аллахъ! Конечно та, что вонъ рядомъ съ этой толстой московкой въ красномъ сарафанѣ!—сказалъ Саладинъ.

Туганъ вмѣсто отвѣта крѣпко пожалъ ему руку.

— Погубишь ты свою душу, Туганъ!—продолжалъ султанъ,— это не женщина, а „Пери“, смотри, „Дивы“ унесутъ твою душу далеко и закуютъ на вѣки въ цѣпи *) Остерегись! Не для насъ съ тобой она... Вотъ, если бы въ полонъ взять лихимъ налетомъ!

— Нѣтъ, нѣтъ... Ты не поймешь меня!— чуть не крикнулъ Туганъ-мирза,— не насиліемъ, не обманомъ я хочу овладѣть ею... Она сама назначила калымъ за себя.

— Какъ калымъ?.. Какой калымъ? Сколько фунтовъ серебра? Сколько коней?—съ удивленіемъ переспросилъ Саладинъ.

Ни коней, не серебра...

— Такъ что же? Золота, камней самоцвѣтныхъ, жемчуговъ?

— Нѣтъ, султанъ Саладинъ, калымъ не великъ, да добыть его трудно...

— Говори, говори, Валлахъ Билляхъ! Клянусь бородой самаго пророка! Въ такомъ дѣлѣ, вотъ тебѣ моя рука, а съ ней и моя помощь! Говори, что надо и сколько надо? Если мало, не хватить, скажу королю Витовту—онъ не откажетъ помочь!.. Онъ любить меня! Я ему нуженъ!—пылко проговорилъ Саладинъ.— Что же ты молчишь?.. Ужъ не попросила-ли она золотого яблока изъ индійскаго царства или летучаго коня изъ-подъ могучаго Зораба?

— Хуже... она потребовала, чтобы я привелъ ей на арканѣ или самого нѣмецкаго магистра, или великаго маршала!

— Валлахъ Билляхъ!.. Не глупая дѣвчонка, да за такихъ плѣнныхъ самъ король Витовтъ отдалъ бы на выборъ любой изъ своихъ городовъ... И что же ты сказалъ?

— Что добуду одного изъ нихъ, живого или мертваго. Я поклялся—и сдержу свою клятву или погибну.

— На все судьба, на все предопредѣленіе!—задумчиво проговорилъ Саладинъ.—Игра войны!.. Вся судьба человѣка впередъ написана въ толстой книгѣ.

— Только будетъ-ли война?—быстро спросилъ Туганъ.

— Когда собираются тучи,—отвѣчала Саладинъ,—все говорятъ будетъ дождь... Тучи собрались... Вѣрь мнѣ, первый ударъ грома и полетится такой проливень, какого не запомнятъ ни отцы, ни дѣды...

— Ты сказалъ!.. Да благословить Аллаха мудрую рѣчь Шахъ-Зада!.. Да прогремитъ имя твое на всю вселенную!—съ восторгомъ чуть не крикнулъ Туганъ.

Въ это время общее вниманіе привлекли трое рыцарей-кестоносцевъ, явившіеся на вечерній пиръ по особому приглашенію великаго князя.

Ихъ темный, мрачный нарядъ, дѣлавшій ихъ скорѣе похожими на монастырскихъ затворниковъ, ихъ мрачныя, угрюмыя лица, эти плащи съ нашитыми черными крестами, эти громадные

*) Дивы и Пери полудичные духи магометанской десимологій.

мечи на желѣзныхъ цѣпяхъ, перетянутыхъ на поясъ, дѣлали ихъ похожими на страшныя привидѣнія волшебной сказки, и скорѣе поселяли ужасъ и отвращеніе, чѣмъ почтеніе. Словно для контраста, трое молодыхъ оруженосцевъ ихъ свиты, не принадлежащихъ къ капитулу, и носящихъ названіе орденскихъ братьевъ, а тѣмъ болѣе ихъ пажи, были одѣты пестро и богато.

Введенные церемоніею мастеромъ съ жезломъ въ рукахъ и двумя герольдами, рыцари и ихъ свита были, со всѣми правилами утонченнаго этикета, представлены великой княгинѣ и великой княжнѣ, и затѣмъ медленно направились вдоль залы.

Въ числѣ литовскихъ и русскихъ князей и витязей, присутствовавшихъ на вечернемъ пирѣ, было не много такихъ, которые сражались рядомъ съ Марквардомъ Зальцбахомъ въ страшный день боя на Ворсклѣ, но гордый нѣмецъ, облеченный теперь важнымъ полномочіемъ, не узнавалъ своихъ прежнихъ соратниковъ и гордо шелъ, чуть отвѣчая на поклонны.

— Зазнался нѣмецъ!—шепнулъ Здиславъ Бѣльскій, рядомъ стоявшему намѣстнику, Монтвиду.—А небось, когда удиралъ изъ подъ Ворсклы, Христа ради у моего костра грѣться просился.

— Нѣмцы всегда таковы!—со вздохомъ отвѣчалъ Монтвидъ,—ни накормить до сыта нѣмца нельзя, ни помочь до благодарности. Читалъ я притчу одну у Эзопа; про волка тамъ говорится и про аиста, такъ всегда нѣмцы поступаютъ съ тѣми, кто имъ поможетъ!

— Дружба нѣмца хуже злобы разбойника!—пылко воскликнулъ воевода Бѣльскій,—меня страхъ беретъ, чтобы нашъ великій властелинъ не поддавался на ихъ льстивыя рѣчи. Ты видѣлъ, какъ принималъ онъ ихъ нынче!!

Монтвидъ покачалъ головою.

— Мало ты знаешь, панъ Здиславъ, нашего пресвѣтлаго князя,—сказалъ онъ увѣренно,—для него одна цѣль—слава и благоденствіе родины. Для этой цѣли онъ пожертвуетъ всѣмъ. И личной дружбой, и ненавистью, и женой, и дѣтьми, и спасеніемъ души. Я знаю его съ плененокъ, вмѣстѣ мы росли, вмѣстѣ отстаивали Литву, нашу родину. Знаю я его такъ хорошо, какъ родного брата. Помяни мое слово, играетъ онъ игру, игра опасная, говорить нечего, да не такому прозорливцу не знать, когда начинать—подожди, всего будетъ... Ужъ кому же, какъ не ему, ненавидѣть нѣмцевъ. Помни одно, панъ Здиславъ, мы съ тобой только наши вотчины потеряли отъ проклятыхъ супостатовъ, по своей великой милости князь великій ихъ намъ вернулъ вдвое, да мы и то живемъ готовы проглотить треклятыхъ, а ты подумай, двухъ сыновъ его, единственную надежду старости, отравили крыжаки—злодѣи... Кровь младенцевъ вопіетъ о мести. Великому-ли князю забыть объ этомъ... Вѣрь мнѣ, отольется эта кровь нѣмцамъ во сто разъ!!

— Амень!—проговорилъ Бѣльскій,—если онъ ждетъ, значить надо ждать!

Почти передъ окончаніемъ вечера, на нѣсколько минутъ въ

залъ появился и великій князь. Привѣтливо поздоровавшись съ рыцарями, онъ обошелъ зало, сказавъ по нѣсколько привѣтливыхъ словъ своимъ любимцамъ.

Замѣтивъ султана Саладина и Тугана-мирзу, стоящихъ все у той же колонны, онъ подошелъ къ нимъ, и на горячія привѣтствія того и другого, потрепалъ Тугана-мирзу по плечу и сказалъ.

— Что ты безстрашный охотникъ, я знаю, что у тебя сердце нѣжное—слышалъ... Учись только у моего друга султана Саладина быть витяземъ на полѣ брани—объщаюсь тебѣ моимъ княжескимъ словомъ, тебя ждетъ радостная судьба!

Пораженный и изумленный, Туганъ-мирза бросился къ ногамъ великаго князя.

— Повели, великій, могущественный, непобѣдимый,—воскликнулъ онъ,—быть войнѣ. Ужъ годъ я томлюсь ожиданіемъ.

— А я жду ужъ двѣнадцать лѣтъ!—скорѣе подумаль, чѣмъ проговорилъ великій князь и медленно удалился.

— Поздравляю!—воскликнулъ султанъ Саладинъ, пожимая руку Тугану-мирзѣ.—Самъ князь великій за тебя... Почему онъ знаетъ!?

— О, ты еще не знаешь нашего премудраго владыки,—отвѣчала въ какомъ-то увлеченіи Туганъ,—онъ слышитъ, какъ трава растетъ, онъ видитъ на три фарсака въ землю *), онъ безъ словъ знаетъ, что таится въ душѣ человѣческой!

Великій князь межъ тѣмъ, обойдя зало, подаль руку великой княгинѣ и повелъ ее въ другой, не менѣе блестящій залъ, гдѣ былъ накрытъ столъ на двѣсти человѣкъ.

Отдѣльно отъ прочихъ, на возвышеніи, устланномъ краснымъ сукномъ, помѣщался столъ, назначенный для великаго князя и его семейства. Три рѣзныхъ стула съ высокими спинками стояли рядомъ и за каждымъ по два дворцовыхъ дворянина. Князь съ княгиней и княжной заняли свои мѣста, и гости размѣстились въ порядкѣ, указанномъ имъ церемоніймейстеромъ. Рыцари и ихъ свита были помѣщены посрединѣ большаго стола, какъ разъ насупротивъ стола великаго князя.

Ужинъ поражалъ роскошью и изобиліемъ блюдъ. На особыхъ подставкахъ стояли цѣлыя жареные вепри и олени съ золочеными рогами; повара истощали все искусство, чтобы не ударить лицомъ въ грязь передъ иноземными гостями.

Зато на столѣ великаго князя, кромѣ двухъ пшеничныхъ хлѣбовъ и высокаго сосуда съ чистой водой, да вазы съ яблоками и грушами не стояло ничего. Какъ вообще вся семья Гедиминовичей, какъ Ольгердъ и Ягайло, Витовтъ былъ очень скромнѣ въ пищѣ, и не пилъ ничего, кромѣ ключевой воды. Изъ боязни отравы, и онъ, и Ягайло ѣли только то, что было приготовлено руками женъ или самыхъ близкихъ людей.

*) Фарсакъ по татарски верста.

По обѣимъ сторонамъ великокняжескаго стола стояли подчашіе съ золотыми сосудами въ рукахъ. У одного сосудъ былъ полонъ венѣржиной; т. е. самымъ лучшимъ венгерскимъ виномъ, у другаго въ сосудѣ тихо пѣнился ароматный, многолѣтній литовскій медъ.

Нѣсколько разъ во-время пира посылалъ великій князь чару вина или меда то рыцарямъ, то кому-либо изъ приближенныхъ бояръ или вождей, что считалось большою честью; пожалованный вставалъ, билъ челомъ и выпивалъ чару, а музыка играла тушь.

Къ полуночи пиръ окончился. Великій князь не любилъ встрѣчать бѣлый день за трапезой и великокняжеская чета, отдавъ общій поклонъ, удалилась въ свои покои. Гости стали разѣвжаться.

Только во время этой суетни, Тугану-мирзѣ удалось пробраться сквозь толпу и протиснуться къ паннѣ Розаліи. Она, казалось, ждала его и ничуть не обидѣлась, когда молодой татаринъ привѣтствовалъ ее, приложивъ руку къ головѣ и груди.

Нѣкоторые изъ важныхъ и старыхъ бояръ странно усмѣхнулись при этомъ и окинули презрительнымъ взглядомъ молодого татарина.

Панна Розалія замѣтила это. Ей стало досадно и обидно. Вдругъ она рѣшилась.

— О чемъ говорилъ съ тобой великій князь?—пренебрегая этикетомъ, спросила она.—Я видѣла, онъ былъ очень милостивъ.

— О, Роза Гулистана! Если бы ты была вполонину такъ милостива,—тихо, чуть не на ухо шепнулъ ей татаринъ.

— Сдержки свое слово... Я сдержу свое!—съ горделивой улыбкой отвѣчала панна Розалія. Больше имъ говорить не привелось. Капризная волна толпы отнесла далеко Тугана-мирзу. Онъ хотѣлъ было броситься опять къ предмету своей страсти, но церемоніймейстеръ съ жезломъ прокладывалъ дорогу удаляющимся рыцарямъ; сзади него двигались герольды, а позади ихъ, той же тяжелой, гордой, словно автоматической походкой, медленно проходили рыцари и ихъ свита.—О, треклятые нѣмцы!—чуть не воскликнулъ Туганъ; когда же онъ, наконецъ, снова протиснулся къ тому мѣсту, гдѣ нѣсколько минутъ тому назадъ стояла панна Розалія, ея уже не было. Но все равно, Туганъ-мирза былъ на седьмомъ небѣ блаженства. Ему удалось не только видѣть, но и говорить съ той, которую онъ считалъ чѣмъ-то вродѣ недосяжимой звѣзды небесной!... Самъ великій; непобѣдимый князь Витовтъ, имя котораго съ трепетомъ произносили изъ конца въ конецъ Руси и орды, самъ Витовтъ пожалѣлъ его и обѣщаль устроить судьбу...

— О, если бы только война, война, война!—чуть не кричалъ молодой джигитъ.—Я бы показалъ, что стоитъ сынъ Джела-

дина... Я бы показалъ, во что превращаетъ людей одно слово такого героя, какъ великій Витовтъ.

— И такой гуріи рая, какъ панна Розалія!—подсказывалъ ему внутренній голосъ.

XXX.

Война.

Засѣданіе ближней думы великокняжеской приходило къ концу. Обширный покой въ виленскомъ верхнемъ замкѣ былъ убранъ не такъ блестяще, какъ тронный залъ, но гораздо болѣе уютно.

Кресла, стулья и простыя скамейки, стоявшія кругомъ длиннаго, покрытаго червленнымъ сукномъ стола, уже были заняты двумя десятками лицъ, составляющихъ верховный совѣтъ государства.

Самъ великій князь, въ простомъ домашнемъ уборѣ, въ маленькой шапочкѣ темно-краснаго бархата, отороченной чернымъ соболемъ, предсѣдательствовалъ въ совѣтѣ. На немъ присутствовали пять удѣльныхъ князей литовскихъ, не считая Вингаллы, какъ представителя Жмуди, трое русскихъ князей: извѣстный уже читателямъ, несчастный женихъ княжны Скирмунды, Давидъ Глѣбовичъ Смоленскій, князь Романъ Дмитріевичъ Стародубскій и князь Юрій Борисовичъ Новогрудскій. Всѣ трое сидѣли рядомъ и отличались отъ литовскихъ князей покроемъ своихъ одеждъ. Кромѣ удѣльныхъ, полунезависимыхъ и данническихъ князей, на совѣтѣ присутствовали намѣстникъ виленскій Монтвидъ, епископъ Андрей Васило, воевода Здиславъ Бѣльскій, и еще нѣсколько воеводъ и бояръ русскихъ и литовскихъ.

Обсуждалось предложеніе, привезенное рыцарями, нѣчто въ видѣ ультиматума, который посылалъ орденъ литовскому великому князю, чрезъ нарочное посольство.

Пренія были долги и жарки. Предложенія рыцарскаго комтура не казались съ перваго взгляда настолько невыгодными и унижительными, какъ были на самомъ дѣлѣ, но очевидной цѣлью ихъ было поссорить Литву съ Польшей, возстановить Витовта на Ягайлла, изолировать Польшу и, сокрушивъ ея силы, тогда уже диктовать свои законы Литвѣ.

Проницательный умъ Витовта давно постигъ эту вѣчную политику нѣмцевъ, раздѣлить—и властвовать. Въ горячей, длинной рѣчи высказалъ онъ это своимъ совѣтникамъ и просилъ ихъ мнѣнія.

— Война!—воскликнулъ первый по старшинству князь Вингалла,—война безпощадная нашимъ угнетателямъ и злодѣямъ!!

— Война! Война!—поддержалъ его литовскіе удѣльные князья.

— Какъ повелишь государь,—уклончиво отвѣчали князья

Стародубскій и Новогрудскій. Готовы лечь костью за тебя государь, и общее славянское дѣло, а миру быть или брани, какъ повелишь, государь!

— Война, война!—вскричали почти въ одинъ голосъ всѣ военачальники и бояре.—Теперь или никогда. Въ союзъ съ королемъ Ягайломъ мы побѣдимъ!

— Дозволь и мнѣ молвить слово, пресвѣтлѣйшій государь,—сказалъ, поднимая очи горѣ, епископъ Андрей Василю.

— Говори! Только короче,—сверкнувъ глазами, отвѣчалъ Витовтъ.

— Государь,—смирненно началъ прелатъ,—объявить войну не трудно, а удержать слово, сорвавшееся съ устъ, невозможно, не лучше ли, прежде чѣмъ подвергать нашу любезную отчину всѣмъ бѣдствіямъ войны, попытаться еще разъ послушать голоса мира. Можетъ быть орденъ уменьшить свои требованья... Можетъ быть посоль ихъ имѣетъ какія-либо секретныя инструкціи... Можетъ быть онъ прямо пойдетъ на уступки. Заклинаю именемъ Господа Бога, не рѣшайтесь на брань кровопролитную, не испытывайте всѣ способы сохранить миръ!

— Не слушайте его! Война! Война!—воскликнулъ князь Вингалла, вскакивая съ мѣста.

— Довольно, братъ!—рѣзко замѣтилъ Витовтъ,—въ дѣлѣ государственномъ, ты, какъ лично оскорбленный, меньше всѣхъ имѣешь голоса... Онъ правъ,—сказалъ онъ, указывая на епископа,—попытаемъ мира... Введите пословъ!

Черезъ минуту послы были введены въ залу совѣта и, по приказанію Витовта герольдъ поставилъ всѣмъ тремъ по сѣдалищу.

— Благородный рыцарь, Марквардъ Зальцбахъ!—произнесъ тогда Витовтъ торжественно.—Я, съ моимъ верховнымъ совѣтомъ, рассмотрѣвъ условія, предложенныя вами отъ имени ордена, нашелъ, что въ такомъ видѣ они приняты быть не могутъ, но если орденъ вашими устами пойдетъ на уступку, то соглашеніе возможно.—Я сказалъ!

Марквардъ всталъ со своего мѣста.

— Пресвѣтлый король Витовтъ Литвы и Руси, объявляю здѣсь, что капитулъ ордена не далъ мнѣ права вступать въ переговоры объ умаленіи его требованій. Вся Жмудь безъ извѣтій должна быть передана ордену.

— Никогда!—снова воскликнулъ князь Вингалла. Витовтъ сдѣлалъ ему жестъ рукой, онъ замолкъ.

— Великій король Литовскій и Русскій,—продолжалъ тѣмъ же тономъ Марквардъ, не обративъ никакого вниманія на восклицаніе жмудинскаго князя,—долженъ порвать всѣ сношенія съ королемъ польскимъ, тогда орденъ обѣщаетъ ему помощь противъ всѣхъ враговъ, внѣшнихъ и внутреннихъ.

— Ты все сказалъ, Марквардъ?—пытливо спросилъ Витовтъ.

— Все, великій государь. Отъ этихъ условій мнѣ воспрещено отступать, подъ какимъ бы то ни было видомъ.

— А что произойдетъ; если мы не согласимся принять ваши условия?

— Тогда пусть Господь Всемогущій рѣшить нашъ споръ,— взглянувъ на небо, отвѣчалъ рыцарь.

— Значитъ тогда война?—съ чуть замѣтной усмѣшкой переспросилъ великій князь.

— Судь Божій!—уклончиво отвѣчалъ Марквардъ.

— И это твое послѣднее слово, благородный рыцарь?—придавъ своему тону возможно больше торжественности; сказалъ Витовтъ.

— Клянусь моимъ рыцарскимъ мечемъ—послѣднее!—воскликнулъ посоль. —Горе начинающимъ!

— Горе начинающимъ, говоришь ты?—въ свою очередь воскликнулъ великій князь,—ну, такъ знай же, что не мы, литвины, а вы, нѣмцы, вторгнулись въ нашу землю. Что не мы, а вы залили кровью наши поля. Что не мы, а вы первые жгли наши дома, безчестили нашихъ женъ и дочерей, уведили ихъ въ неволю!! Вы... вы, служители креста Господня? Вы ни христовы братья, вы христораспинатели! Горе начинающимъ. Да, горе вамъ!

Марквардъ, рыцарь до мозга костей, воспитанный на традиціонныхъ обычаяхъ эпохи, гдѣ все держалось только обрядной стороной, не потерялся, даже не смутился.

— Король Литвы и Руси, именовемъ капитула ордена крестовыхъ братьевъ, объявляю тебѣ войну. Пусть Господь Вседержитель дожить свой судъ надъ нами!—съ этими словами, прежде чѣмъ вѣли его удержать, онъ бросилъ къ ногамъ великаго князя желѣзную перчатку.

Всѣ вскочили съ мѣстъ.

— Война! Война!—загремѣло по залѣ. У всѣхъ руки опустились инстинктивно на рукоятки мечей. Великій князь единымъ жестомъ водворилъ тишину.

— Поди и объяви пославшимъ тебя, что я объявленіе войны, какъ вызовъ на судъ Божій, принимаю. Что я клянусь не положить меча, пока не сотру голову нѣмецкой гидрѣ, отравляющей воздухъ моей родной земли. Что я разорю самое гнѣздо отравителей и убійцъ, которые смѣютъ именоваться крестовыми братьями!.. Вы не рыцари, вы подлые убійцы, отравители!!

Марквардъ вспыхнулъ... Мертвенная блѣдность разлилась по его вѣчно красному лицу, онъ схватился за ефесъ меча.

— Такъ слушай же и ты, князь Литовскій, трижды мѣнявшій вѣру, пять разъ нарушавшій присягу, слова, которыя ты сейчасъ сказалъ, не могутъ оскорбить нѣмецкое благородное рыцарство, потому что они сказаны сыномъ развратницы!..

Дикій, нечеловѣческій крикъ ярости, негодованія за поруганную честь матери, вырвался изъ груди великаго князя. Онъ обезумѣлъ, выхватилъ изъ-за пояса кинжалъ и бросился на обидчика.

Князь Вингалла, стоявшій ближе всѣхъ къ нему, схватилъ и удержалъ его въ своихъ богатырскихъ объятіяхъ

Казалось и Витовтъ очнулся отъ страшнаго припадка бѣшенства.

— Слушай же, нѣмецкая собака,—воскликнулъ онъ перерывающимся голосомъ,—если бы ты не былъ посломъ, я бы приказалъ повѣсить тебя въ воротахъ замка... Не мы еще встрѣтимся... Эй! Люди! Плетей сюда! Плетей, батоговъ! Плетями гоните вонъ изъ города нѣмецкихъ собакъ!!

Меньше чѣмъ черезъ часъ, все посольство въ полномъ составѣ выѣзжало изъ Вильны, преслѣдуемое насмѣшками, оскорбленіями и свистками толпы.

Радостная вѣсть, что долгожданная, всѣми желаемая война, наконецъ, объявлена, наполняла радостно сердца храбрыхъ литвинъ и русскихъ.

— Война! Война!—гремѣла на всѣ голоса разношерстная толпа, окружавшая и замокъ, и всю замковую гору.

— Война! Война!—стономъ стояло надъ городомъ, несло въ ближніе поселки и звучало нескончаемымъ эхомъ по всей Литвѣ.

Только въ дальнихъ углахъ своихъ темныхъ хатъ украдкою рыдали жены и матери воиновъ, предчувствуя скорую разлуку... Но и онѣ рыдали украдкой, такъ, чтобы мужа и дѣти не замѣтили преступныхъ слезъ.

Да, слезы составляли преступленіе, когда кругомъ звучало, звенѣло, дрожало въ воздухѣ и во всѣхъ сердцахъ одно могучее, всесильное, неотразимое слово: Война! Война! Война!

Конецъ первой части.

